

КАТЕГОРИИ
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ДИАЛЕКТИКИ

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ К. Д. УШИНСКОГО
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

КАТЕГОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Под редакцией
М. М. РОЗЕНТАЛЯ и Г. М. ШТРАКСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1957

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемая книга написана коллективом кафедры философии Ярославского государственного педагогического института им. К. Д. Ушинского при участии отдельных научных работников других научных учреждений. При её написании использована работа кафедры «Категории диалектического материализма», опубликованная в «Учёных записках» института в 1954 г. Книга не претендует на исчерпывающее и полное изложение всех категорий марксистской диалектики. В частности, в неё не включены те категории, при посредстве которых выражаются основные законы диалектики (качество, количество, противоречие, отрицание и т. п.), так как они получили более широкое освещение в философской литературе.

Главы I и X написаны *М. М. Розенталем*, глава II — *М. И. Заозёровым*, глава III — *В. Я. Блюмбергом* и *И. А. Сусловым*, глава IV — *Н. В. Пилипенко*, глава V — *Г. М. Штраксом*, глава VI — *Н. В. Медведевым*, глава VII — *В. А. Сидоркиным*, глава VIII — *А. О. Стерниным*, глава IX — *П. В. Копниным*.

В подготовке книги принимали участие *Н. В. Медведев* и *Н. В. Пилипенко*.

Цель книги — оказать посильную помощь изучающим марксистскую философию. Авторы будут признательны всем товарищам, которые пришлют свои критические замечания.

Г л а в а п е р в а я

О КАТЕГОРИЯХ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Вопрос о категориях материалистической диалектики, марксистской диалектической логики имеет важное значение для понимания сущности метода марксизма-ленинизма. Марксистский диалектический метод — это не только те основные законы развития, которые мы прежде всего принимаем во внимание, когда говорим о диалектике, т. е. законы перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания. Основные законы и категории, посредством которых они выражаются (качество, количество, мера, противоречие, отрицание и т. п.), хотя и имеют первостепенное значение для понимания марксистского метода, но не исчерпывают всего богатства диалектической теории развития и недостаточны для того, чтобы всесторонне её охарактеризовать. Категории материалистической диалектики — явление и сущность, причина и следствие, необходимость и случайность, содержание и форма и др. — дополняют марксистский диалектический метод новыми чертами, новыми сторонами, вне учёта которых невозможно ни понять, ни использовать всей мощи этого могучего инструмента познания и революционной практики.

Что же такое категории диалектики?

Категории — опорные пункты познания и практики

Для того чтобы понять, что такое философские категории, необходимо хотя бы кратко разобраться в вопросе о том, как совершается процесс познания, ибо категории

возникают в ходе познания и практического преобразования природы и используются как орудие познавательной деятельности человека.

Цель познания состоит в том, чтобы вооружить людей знанием природы в интересах практического воздействия на неё и подчинения её сил нуждам и потребностям человеческого существования. Познание есть сложный процесс, оно начинается с непосредственного живого созерцания, наблюдения действительности, причём это созерцание — не пассивное, а активное, совершающееся на основе практической деятельности. Наблюдение над явлениями и процессами природы доставляет нам тот необходимый материал, без которого мы не можем судить о них, ничего не можем знать о них. Чувственное созерцание составляет важную предпосылку подлинно научного познания, но само по себе не есть ещё глубокое знание действительности.

Чувственное познание даёт важные сведения о явлениях и предметах, но всё же эти сведения не идут дальше поверхностных, внешних сторон и связей природы. В чувственном образе предметов неразличимы существенное и несущественное, необходимое и случайное, общее и единичное. Задача же научного познания заключается в том, чтобы понять явления природы и общества в их необходимости и закономерности. Вне этого невозможно с успехом практически воздействовать на силы природы.

Следовательно, чувственное познание, живое созерцание и наблюдение посредством органов чувств есть лишь первая ступень сложного процесса познания. Чтобы правильно разобраться в материале, доставляемом нам органами чувств, и суметь за внешним и случайным найти, обнаружить существенное, необходимое, закономерное, нужно продолжить процесс познания и с помощью новых познавательных средств подняться на более высокую ступень. Такой более высокой ступенью являются абстракция и обобщение, а орудием абстракции и обобщения служит *теоретическое мышление*.

Благодаря абстрагирующей и обобщающей деятельности человеческого мозга открываются законы объективного мира, обнаруживаются внутренние, существенные связи и отношения вещей. В этом смысле абстракция и обобщение являются могущественным орудием человеческого познания. С помощью абстракции мы отвлекаемся

от того, что не имеет важного значения для познания предмета, находим и отделяем необходимое от случайного, существенное от несущественного. Обобщение позволяет нам найти внутреннюю основу, связь, *единство* явлений и предметов, их причину, закон.

Трудно переоценить роль теоретического обобщения в ходе познания. Это необходимо подчеркнуть, ибо современные идеалисты ведут отчаянную борьбу против научных абстракций и обобщений, стремясь обезоружить человеческое познание, воздвигнуть преграды на пути его победоносного шествия. Без обобщений нет научного познания. Познание собственно и состоит в том, что мы единичное возводим в общее.

Необходимость возведения единичного во всеобщее вызывается тем, что исследование единичного, т. е. какого-нибудь отдельного предмета или явления, не даёт и не может дать нам знания сущности, законов объективного мира. В самой действительности предметы существуют не изолированно друг от друга. Отдельный человек, например, не существует вне связи с другими людьми, отдельный атом не существует вне связи с другими атомами. Единичное есть часть общего. Отдельный человек, его биологическая и общественная природа не могут быть поняты вне анализа природы других людей, их связей и отношений. Иначе легко какую-нибудь случайную, чисто индивидуальную особенность данного человека принять за сущность человека вообще. Только абстрагирование от несущественного, случайного в единичном и обобщение того существенного и необходимого, что присуще *массе* единичных явлений, даёт возможность обнаружить их действительную, часто глубоко скрытую основу.

Результаты обобщения фиксируются, находят своё выражение в понятиях, категориях, законах, суждениях и т. д. Например, в понятии «человек» выражаются результаты обобщения того отличительного, что свойственно всем людям. В понятии «буржуазия» обобщено то существенное и специфическое, что характеризует этот класс эксплуататоров в отличие от других классов.

Понятия, категории есть, следовательно, итог абстрагирующей и обобщающей деятельности человека. Они — результат движения мысли от конкретного к абстрактному, т. е. в них как бы переплавлены конкретные свойства отдельных предметов в то общее, существенное, что

присуще последним, что составляет основу, сущность их бытия. Они представляют собой сгустки, «узлы» познания, ибо в них и посредством их выражаются самые важные, существенные черты, стороны явлений и предметов. С их помощью познание вскрывает внутреннюю связь, единство, существенные отношения между явлениями. Уже самое простое обобщение, указывал Ленин, означает познание человеком «все более и более глубокой *объективной* связи мира». «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними уже включают в себе представление, убеждение, *сознание* закономерности объективной связи мира»¹.

В понятиях и категориях, формулируемых наукой, выражается степень, глубина овладения мыслью человека объективным миром, которая достигается на каждой исторической ступени развития общества. Они характеризуют завоевания человеческой мысли, результаты познавательной деятельности, достигнутые людьми в освоении мира.

Первобытный человек не мог ещё выделять себя из сложной сети явлений природы, он был слит с ней, и это объясняется прежде всего низким уровнем практической, производственной основы человеческой деятельности того времени. Понятия и категории не есть плод чистой мысли. Они обобщают явления и отношения между ними на основе и по мере практического преобразования природы человеком. Они являются «сгустками» не только теоретической, но и практической деятельности человечества. Чем шире и богаче человеческая практика, чем выше технический уровень деятельности людей, тем больше возможностей для раскрытия, обнаружения внутренних, существенных связей явлений, тем, следовательно, больше возможностей для образования новых, более глубоких понятий и категорий, для более полного познания уже существующих.

В отличие от первобытных людей, которые делали первые шаги по пути овладения силами природы и познавательным орудием которых были больше восприятия и представления, чем сознание и мышление, люди последующих эпох выделяли себя из природы, т. е. не слепо ей подчинялись, не инстинктивно к ней приспособлялись, а активно осознавали её законы и тем самым подчиняли её

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 153.

себе. Законы же познаются с помощью понятий, категорий. В этом смысле Ленин и говорит, что категории «суть ступеньки выделения т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»¹.

В процессе образования категорий ярко выражен один из важнейших устоев марксистской теории познания — органическая связь и единство познавательной и практической деятельности человека. К образованию категорий и понятий ведёт сложный и длительный путь, в котором познание и практика — прежде всего производственная деятельность людей — слиты воедино, при этом практика составляет исходный пункт и основу образования категорий и понятий. Прежде чем появляется возможность теоретически сформулировать ту или иную категорию, необходим длительный и сложный путь *практического* освоения мира.

Категории и понятия имеют объективное содержание, ибо они отражают реальный мир с его собственными связями, отношениями, законами. Мысль, мышление о предметах и их свойствах, отношениях возникает лишь как отражение и обобщение практических усилий человека, направленных на подчинение сил природы нуждам и потребностям людей. Образно выражаясь, природа сначала проходит через руки человека, вооружённого орудиями труда, прежде чем становится предметом мышления.

Мышление помогает практике добиваться лучших успехов и вместе с тем получает от неё материал. Таким образом, во взаимодействии мышления и практики основной является практика.

Например, категориям причины и следствия неоткуда было бы взяться, если бы в течение многих тысячелетий люди путём наблюдений и главным образом под воздействием практического преобразования природы, многократно повторяемого опыта не убеждались в том, что каждое явление причинно обусловлено, есть результат действия определённых причин, если бы они в своей практике не воспроизводили присущие самим вещам причинно-следственные связи и отношения. Категории причины и следствия явились выводом из этой деятельности людей, итогом познания, основанного на практическом отношении человека к природе. И когда древнегреческий

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 67.

мыслитель Аристотель говорит, что «рассмотрение <причины>, почему есть <данная вещь>, есть главное в знании»¹, то в этих словах был выражен результат, итог многосторонней практической деятельности человечества, которая позволила сделать этот вывод.

И это в равной мере относится ко всем другим понятиям и категориям. Какой относительно высокой степени должна была достигнуть та же практическая деятельность человечества для того, чтобы из многосторонних связей и отношений объективного мира выделить, например, ту связь предметов и процессов, которая зафиксирована в категории формы! И в данном случае прежде всего труд человека, заключающийся в том, что люди переделывают предметы природы и придают им форму, соответствующую своим целям,— именно труд имел первенствующее значение для осознания того, что такое форма, какова её роль и т. д.

Категории и понятия науки, являясь целиком продуктом исторических условий, возникают в ходе исторического развития практической и познавательной деятельности человечества, представляя собой как бы «кристаллы» познания, его основные «вехи». Это относится и к теориям, гипотезам, идеям, законам науки. Образование научных понятий и категорий означает перерыв постепенности, скачок в развитии научных представлений, ибо они знаменуют открытие каких-то новых связей явлений.

Образование в нашу эпоху такого физического понятия, как, например, «атомная энергия», есть величайший триумф человеческой мысли, крупный революционный скачок в развитии познания, так как в этом понятии выражены изумительные успехи науки и практики, проникающих в самые сокровенные тайники материи.

Историчность понятий и категорий не только в том, что те или иные понятия и категории возникают лишь в определённые исторические периоды, когда для этого созрели необходимые предпосылки, но и в том, что они претерпевают развитие, изменение, уточняются в ходе познания и практической деятельности человечества. Достаточно сопоставить содержание понятия атома у древних философов с современным понятием атома.

¹ Аристотель, Аналитики Первая и Вторая, Госполитиздат, 1952, стр. 210.

Развитие категорий и понятий целиком подчинено общему закону познания — закону движения человеческих знаний к абсолютной истине через относительные истины. Каждая новая историческая ступень в развитии познания уточняет, углубляет, конкретизирует наши понятия и категории, прибавляя новые крупницы абсолютной истины.

Будучи результатом, итогом обобщения существенных связей и отношений объективного мира, научные категории и понятия являются опорными пунктами нашего познания. Мы используем их в познании как точки опоры, дающие нам возможность правильно подходить к действительности, правильно познавать её. Гегель удачно характеризовал категории как сокращения бесконечного множества частных внешнего существования. Они являются сжатым выражением массы явлений благодаря тому, что они отражают *общее*. С помощью одного какого-нибудь понятия мы выражаем огромное количество явлений, обнимаем их как бы единым взглядом. Какое множество представлений мы охватываем, например, простым понятием «дерево» или понятием «товар». В каждом из таких понятий в концентрированном, сгущённом виде выражается огромное количество самых разнообразных единичных деревьев, товаров.

Но значение понятий и категорий определяется не только и не столько тем, что они служат сокращениями частных многих единичных предметов. Главное значение, делающее их подлинными опорными пунктами познания, состоит в том, что с их помощью мы познаём связи и отношения между предметами, их сущность, благодаря чему явления выступают перед нами не в виде беспорядочного хаоса, а в своей необходимости, закономерности. Когда мы применяем понятие капиталистических производственных отношений к познанию буржуазного общества, мы выделяем самое главное и решающее в этом обществе — именно существующие в нём отношения собственности и обусловленное этим деление его на класс капиталистов и класс пролетариев. Опираясь на это понятие, как и на другие понятия и категории политической экономии капитализма, мы проникаем в самую суть капиталистического строя.

Вполне понятно, что, являясь могущественным оружием научного познания, понятия и категории оказывают

неоценимую помощь практике, практической деятельности людей. В своей практике люди руководствуются знанием тех связей и отношений, которые раскрываются в понятиях, категориях, законах и через их посредство.

Следует различать понятия и категории отдельных наук и *философские* понятия и категории. Любая наука оперирует понятиями и категориями¹. В каждой науке имеется ряд основных понятий. В физике — это понятия «масса», «вещество», «свет», «энергия», «атом» и т. п., в биологии — «жизнь», «вид», «наследственность», «изменчивость», в политической экономии — «стоимость», «производство», «накопление» и т. д., в эстетике — «прекрасное», «комическое», «трагическое» и др. Эти основные понятия, которые наиболее важны для каждой науки, и называются категориями данной науки.

В отличие от категорий каждой науки, обобщающей какую-то определённую, сравнительно узкую сторону объективного мира или мышления, философские категории, в том числе и категории материалистической диалектики, суть понятия наибольшей, предельной общности. Это категории *всеобщности*. Каждая из них обобщает такие стороны и связи явлений, моменты движения объективного мира, которые присущи *всякому* предмету, *всякому* процессу, к каким бы областям природы и общества они ни относились. Таковы, например, категории материалистической диалектики: содержание, форма, противоречие, качество, количество, мера, возможность, действительность и т. д. Всеобщность этих категорий, применимость их ко всем явлениям и процессам действительности делают их необходимыми для любой области познания.

Категории каждой науки имеют своей целью раскрывать, выражать *конкретные* связи и отношения изучаемого объекта. Например, с помощью законов и категорий физики исследуются строение материи, структура атома, атомное ядро, элементарные частицы материи, их связь и взаимодействие и т. д.

¹ Слова «понятие» и «категория» обычно употребляются как равнозначные выражения. Однако между ними существует некоторое различие. Имеются понятия, которые неправильно называть категориями: таковы простые понятия, например стол, лошадь, человек, машина, инструмент и т. д. Категориями называются основные понятия, отражающие наиболее общие и существенные стороны действительности, связи и отношения предметов.

Философские категории выполняют совершенно другую задачу. Категории содержания, формы, причины, случайности, необходимости, пространства, времени или какие-либо другие категории сами по себе не могут объяснить ни структуры атома, ни качества того или иного химического элемента, ни сущности капиталистических или социалистических производственных отношений и т. п. Но если они не могут претендовать и не претендуют на то, чтобы дать ответ на вопросы: что такое атом, что такое химический элемент, что такое социалистические производственные отношения, то столь же несомненно, что без них трудно понять, *как* подойти к решению этих или подобных им вопросов, каковы *методологические* принципы их исследования и объяснения.

И это легко понять, если учесть, что любой предмет, изучается ли он физикой или космогонией, политической экономией или биологией, эстетикой или историей, — любой такой предмет *причинно* обусловлен, имеет своё *содержание* и *форму*, представляет собой *единство противоположностей*, в нём сочетаются *необходимые* черты с чертами *случайными*, ему присущи *качественная* и *количественная* определённость, он существует в *пространстве* и *времени* и т. д.

В каждом предмете имеют место все те стороны и отношения между ними, которые фиксируются и выражаются в философских категориях и понятиях.

Возьмём для примера лишь одну из этих категорий — причинность. Нельзя научно понять ни одного явления, ни одного процесса, если не учитывать, что они детерминированы, находятся в связи с другими явлениями и процессами и обусловлены ими, что, следовательно, наши усилия должны быть направлены на то, чтобы найти их причину. Сколько нелепых и антинаучных идей высказывается вследствие отрицания причинной обусловленности явлений!

Категории философии суть категории *метода познания, метода исследования* объективного мира — в этом их великое значение для любой науки, для всякого познания и для практики. Они являются категориями диалектической логики, формами логического мышления, ибо мышление отражает действительность и выражает те связи и отношения предметов, которые зафиксированы в категориях. Никакое мышление невозможно без логических категорий. В любом

предложении, в простейшем суждении мы прибегаем к помощи категорий. Говоря «Иван есть человек», мы пользуемся категориями единичного и общего, сущности и явления и т. д. Говоря «град побил растение», мы пользуемся категориями причины и следствия и т. д.

Особенно это необходимо учитывать, когда речь идёт о научном мышлении. Если в обыденном мышлении категории эти применяются большей частью неосознанно, то в науке мышление, сознательно опирающееся на логические категории, является необходимостью.

Историческое развитие взглядов на понятия и категории и борьба вокруг вопроса об их природе

Из сказанного о значении категорий вытекает вывод о том, что они служат и могут служить опорными пунктами познания лишь постольку, поскольку они отражают существенные стороны и отношения самого объективного мира. Иначе говоря, сила и значение категорий мышления в их содержательности, в том, что им свойственно *объективное содержание*, почерпнутое из самого реального мира. Только так понимая природу категорий, можно использовать их как орудие и инструмент познания и практической деятельности.

Однако вопрос о природе, сущности общих понятий и категорий был одним из трудных и запутанных вопросов на протяжении всего исторического развития философии, вокруг которых шла борьба различных взглядов и теорий. Эта борьба продолжается и ныне и является одним из важнейших проявлений вековой борьбы между материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой.

Характерной чертой современной буржуазной философии в целом, несмотря на всю пестроту её многочисленных школ и школок, является враждебное отношение к научным абстракциям, к абстрактному мышлению. Конечно, это не значит, что она выступает против ненаучных абстракций, основанных на всякого рода фантастических вымыслах. В подобных «теориях» и «учениях» нет недостатка. Более того, отрицание научных абстракций и обобщающего мышления закономерно связано с мистическими представлениями о мире.

Многие современные буржуазные философы кичатся своим «реализмом» и «эмпиризмом», выступают в тоге

принципиальных противников всякого знания, которое не может быть эмпирически «проверено» и т. д. И так как философские категории и понятия являются научными абстракциями, категориями *всеобщности*, то они их решительно отвергают как «псевдопроблемы», как «метафизику», с которыми человеческому мышлению нечего делать.

Хорошо, однако, известно, что проблема категорий занимала **важнейшее** место во всей многовековой истории философии. Как же быть с предшествующей философией, со стремлением многих и многих старых философов разработать вопрос о категориях, показать их роль в познании мира, выразить своё мировоззрение в форме определённых категорий и понятий? Многие современные буржуазные философы дают простой ответ на этот вопрос: старая философия, по крайней мере большинство её представителей, заявляют они, занималась ненужным делом. Философ-идеалист Л. Виттгенштейн буквально заявлял, что всё, что сказано до сих пор в философии, «не только ложно», но и «бессмысленно», ибо она пыталась выразить принципы бытия и познания мира посредством общих понятий и категорий.

Хорошо, далее, известно, что и человеческий язык состоит из слов, которые обобщают: дождь, лошадь, растение, книга, бумага, материя, движение, пространство, время — всё это, несомненно, языковое выражение столь ненавистных многим современным идеалистам обобщений и абстракций. Как же быть с языком, который выражает эти обобщения и абстракции? И на этот вопрос даётся простой ответ: если слова обобщают, то это... недостаток нашего языка. Иначе говоря, идеалисты замахиваются не только на философские категории и понятия, без которых невозможно логическое мышление, но и на язык, с помощью которого мы выражаем результаты научного абстрагирования и обобщения, т. е. понятия и категории.

Истоки отношения современного идеализма к философским понятиям и категориям нужно искать в прошлом, в той борьбе против науки и научного познания, которую вели старые реакционные философы. Нынешние идеалисты продолжают в этом вопросе линию прежнего субъективного идеализма с его враждебным отношением к научным обобщениям и абстракциям. Нового у них очень мало, и касается оно преимущественно некоторых способов

аргументации и попыток паразитировать на трудностях развития современной науки. Поэтому чрезвычайно полезно будет хотя бы бегло и в самых общих чертах выяснить, как ставился вопрос о категориях в истории философии, какая борьба шла вокруг этого вопроса, на какие конкретно теории прошлого опираются нынешние идеалисты. Это поможет вместе с тем глубже разобраться в сущности и значении философских категорий.

Проблема категорий возникла и ставилась с первых шагов развития философской мысли. И это естественно, так как без категорий невозможно логическое мышление, невозможно познание объективного мира. Поэтому уже в философских учениях древности разрабатывается вопрос о категориях, делаются попытки установить основные категории, дать систему категорий.

Учение о категориях даётся в ряде философских систем древней Индии и Китая. Так, в философском учении одной из древнеиндийских школ — вайшешики (примерно V в. до н. э.) говорилось о семи категориях: субстанции, качества, действия, всеобщности, особенности, отношения или связи вещей, небытия. Другая школа — ньяйи — (конец I в. н. э.) признавала шестнадцать категорий¹.

В учении древнекитайского философа Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.) разрабатывалась категория закона. Особенно большие заслуги в исследовании категорий принадлежат древнегреческому философу Аристотелю (IV в. до н. э.). Ему принадлежит специальный труд о категориях. Аристотель полагал, что существует ограниченное количество категорий, которых он насчитывал десять: сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание.

Важно, однако, не только то, что уже в древности занимались категориями, признавали и понимали их большое значение для познания. Важно и то, как ставился вопрос о категориях. Уже тогда возник и обсуждался основной вопрос, имеющий решающее значение как для философии в целом, так и для категорий в частности. Это вопрос о том, что представляют собой категории — чисто мыслительную конструкцию, не имеющую никакого отношения к объективному миру, или они суть мыслительное

¹ См. С. Чаттерджи и Д. Датта, Древняя индийская философия, Издательство иностранной литературы, М. 1954, стр. 152—234.

выражение самой действительности, её определённых сторон, существующих независимо от сознания и лишь познаваемых человеческой мыслью.

Понятно, что этот вопрос стал центральным в учениях о категориях и явился предметом ожесточённой борьбы материализма и идеализма. У вышеуказанных древнеиндийских школ категории понимаются как отражение самого объекта. Категория — это объект, обозначаемый словом. Точно так же китайский философ Лао-цзы рассматривал категорию закономерности развития и изменения вещей как категорию, отражающую независимый от сознания людей мир.

Аристотель также материалистически понимал категории. Действительность, по Аристотелю, очень сложна и многообразна. Но существует какое-то, с его точки зрения, ограниченное число общих черт и свойств, под которые можно подвести путём обобщения явлений всё их пёстрое многообразие. Категории и есть не что иное, как основные роды самого бытия, самого объективного мира. Они же в силу этого составляют и основные логические понятия, входящие в состав каждого суждения о предметах. По Аристотелю, не категории, не понятия порождают бытие, а, напротив, бытие находит своё выражение в категориях. «Понятие,— читаем мы в его «Категориях»,— ни в коем случае не является причиной существования, вещи, но вещь представляется некоторым образом причиной истинности <соответственного> понятия...»¹.

Учение Аристотеля о категориях было полной противоположностью учения древнегреческого идеалиста Платона (V—IV вв. до н. э.), считавшего, что реальные вещи являются отражением идей, понятий, которые, таким образом, выступают как причина вещей.

Однако Аристотель не был последователен в своих взглядах. Правильно считая, что общее, фиксируемое в категориях, «не существует отдельно, помимо единичных вещей»², он в то же время противопоставлял общее единичному, соскальзывал на идеалистический путь признания самостоятельного существования общего, независимого от единичного. Выявить действительное диалектическое взаимоотношение между единичным и общим он не

¹ Аристотель, Категории, Соцэкгиз, М. 1939, стр. 45.

² Аристотель, Метафизика, Соцэкгиз, М.—Л. 1934, стр. 137.

сумел, хотя у него можно найти много гениальных диалектических идей, в том числе и по вопросу о соотношении общего и единичного, категорий и той конкретной действительности, которая в них отражается.

Уже с этого времени проблема соотношения общего и единичного становится буквально камнем преткновения для многих философских систем и остаётся роковой и для современных идеалистов. Между тем подход к этой проблеме имел и имеет решающее значение для вопроса о категориях. Как было уже выяснено, категории характеризуются всеобщностью. Но перед каждым философским учением возникали вопросы: откуда черпаются представления об общем? возникают ли они из самого реального мира или мышление создаёт их из самого себя? существует ли общее в самой природе, объективно реально ли оно или общее — лишь мысль, лишь создание субъекта?

В средневековой философии эта борьба приняла форму спора между так называемыми «реалистами» и «номиналистами». И хотя этот спор имел богословский характер и сторонники обеих спорящих сторон были теологами, в нём решался важный вопрос об общем и единичном, о природе категорий. Номиналисты доказывали, что общее понятие есть лишь название, имя единичных предметов. Существует только единичное, общее же, будучи именем отдельных вещей, не отражает никаких присущих им общих свойств. Реалисты, напротив, утверждали, что существует только общее, а единичное есть обман человеческих чувств. Понятия, или, как они говорили, «универсалии», существуют реально, независимо от вещей.

Средневековый реализм с его учением о реальности универсалий был, конечно, чистейшим идеализмом, в то время как в форме номинализма проявлялась материалистическая тенденция. Положение номиналистов о том, что вещи существуют независимо от понятий и до них, является, несомненно, материалистическим. Однако их утверждение о том, что общего не существует, что оно — лишь знак, имя, слово, было глубоко ошибочным. Такое понимание природы понятий выхолащивает из них всякое реальное содержание и обесценивает науку, которая не может существовать без понятий и категорий.

Эта ошибочная тенденция, имевшая место в номинализме, получила своё развитие в ряде последующих философских систем и в наиболее уродливой форме выражена

в современной идеалистической философии логического позитивизма и семантического идеализма.

Новая историческая эпоха, пришедшая на смену феодализму и начавшаяся примерно с XV—XVI вв., ознаменовалась крутым поворотом от идеалистической схоластики к исследованию природы, к возрождению и развитию материалистической философии. Широкое развитие получил метод эмпирического, опытного познания, обобщённый и разработанный в философии Ф. Бэкона и Д. Локка.

Для наших целей особенный интерес представляют взгляды английского философа Джона Локка (1632—1704). Локк — сенсуалист, т. е. философ, признававший единственным источником знаний ощущения. Его взгляды сыграли огромную положительную роль в борьбе против идеалистического принижения чувственного познания, роли ощущений, опыта в постижении объективного мира. Вслед за родоначальником опытных наук новейшего времени, Бэконом (1561—1626), Локк утверждал: «В опыте заключается всё наше знание, от него в конце концов оно происходит»¹. Он успешно вёл борьбу против идеалистической теории врождённых идей, т. е. против представлений о том, что идеи даны человеку независимо от природы.

И тем не менее у Локка мы находим тенденции, от которых тянутся нити к таким субъективным идеалистам, как Беркли и Юм, а через них к современным логическим позитивистам и семантическим философам, объявившим войну против научных абстракций, против философских понятий и категорий. В теории познания Локка мы имеем пример, ярко показывающий, что эмпиризм не предохраняет ещё от идеализма, а является такой крайностью, которая может породить другую противоположную крайность — идеализм. Именно в этом свете станет понятной особая «любовь» нынешних идеалистов к позитивизму и эмпиризму.

То, что мы находим некоторые истоки современного реакционного идеализма даже у таких крупных мыслителей, как Локк, несколько не умаляет их исторических заслуг, как это, разумеется, несколько не оправдывает и не поднимает нынешних воителей против научных абстрак-

¹ Д. Локк, Опыт о человеческом разуме, М. 1898, стр. 79.

ций. Как показал Ленин, из философии Локка вышли не только Юм и Беркли, но и Дидро и другие материалисты. Что же касается современных идеалистов, то они у старых мыслителей берут не то положительное и ценное, что двигало философскую мысль вперёд, а отжившее, всё, что может служить делу защиты идеализма и фидеизма.

Положительным и ценным у Локка, как мы уже сказали, было глубокое понимание того, что без ощущений, восприятий невозможно познание предметов, которые он считал существующими независимо от человека. Восприятие, говорил он, есть вход к познанию. Но, когда он пытался выяснить роль обобщения в познании предметов, перейти от единичного к общему, тогда в полной мере проявлялась неспособность метафизического мышления решить вопрос о соотношении единичного и общего. Под общим он понимал простое сложение чувственных восприятий, «простых идей», считая его не выражающим ничего реально существующего. Как и средневековые номиналисты, он полагал, что общее есть только имя, знак, и отрицал его реальную сущность. Существует только единичное, общее же есть произведение разума. Оно есть имя, слово, которое объединяет чувственно воспринимаемые свойства предметов. «Общее и универсальное,— утверждал Локк,— создание разума»; «...общее и универсальное не принадлежит действительному существованию вещей, но изобретено и создано разумом для собственного употребления и касается только знаков, слов или идей»¹. «Всеобщность не принадлежит самим вещам, которые по своему бытию все единичны...»².

Таким образом, Локк метафизически противопоставляет единичное общему: единичное не может быть общим, общее не может выражаться в единичном. Реально только единичное. Поэтому он хотя и признаёт полезность обобщений, но не понимает действительной их сущности и роли в познании, сводя обобщения к простому объединению наиболее общих признаков предметов под «крышей» какого-нибудь имени и, самое главное, отрицая, что общее есть также отражение предметов, притом наиболее глубокое отражение их реальной сущности, субстанции, зако-

¹ Д. Локк, Опыт о человеческом разуме, стр. 408.

² Там же.

нов. Поэтому роды и виды предметов он считает искусственным созданием разума.

Понятно, что в результате такого подхода к проблеме единичного и общего Локк не питает уважения к категориям. Он посмеивается над «питомцами перипатетической философии», которые подводят всё разнообразие предметов под десять категорий и признают, что последние в точности сообразны природе самих вещей.

Одним из стимулов, толкавших Локка на такую постановку вопроса, было справедливое желание подвергнуть критике мистическое учение средневековых философов о реальности универсалий и их отрицание существования единичного, чувственно осязаемого. Локк был прав, заявляя, что единичное реально, но он глубоко ошибался, когда делал из этой правильной посылки вывод о том, что общее есть лишь имя. Несомненно, общее не имеет и не может иметь такого чувственно-наглядного существования, как единичный предмет. «Человека вообще» никто не видел, и такого человека не существует. Но это несколько не значит, что понятие «человек вообще» — это только слова, за которыми нет ничего объективно реального. Этой объективной реальностью являются те общие свойства, которые присущи всем людям. Если бы этого общего не существовало реально, то неоткуда было бы взяться нашему понятию «человек».

Локк же делает глубоко ошибочное заключение: если общее не имеет такого же чувственно-наглядного существования, как единичное, то его не существует. Лишь очень тонкая грань отделяет это ошибочное заключение от субъективного идеализма. Очень легко сделать ещё один шаг и сказать, что раз реально лишь то, что существует в чувственно-наглядном виде, то... существует только то, что мы воспринимаем. Сам Локк не перешагнул этой границы, за которой начинается субъективный идеализм, но Беркли этот вывод сделал, а предпосылки для такого вывода мы находим у сенсуалиста Локка.

Во взглядах самого Локка имеется сильная тенденция к агностицизму. Он считает, что простые идеи, т. е. идеи, получаемые от ощущений, есть та граница, перейти которую наше мышление не способно. Мы не можем, утверждает он, проникнуть в сущность, в скрытые причины предметов. Он категорически возражает против того, чтобы материю принимать «за имя чего-то реально

существующего». Это только слово, заявляет он, и споров было бы меньше, если бы под такими понятиями, как «материя», ничего иного не подразумевали, кроме знаков наших идей. Не трудно в этом заявлении Локка увидеть ту ошибку, которую современные логические позитивисты, семантики раздули и довели до абсурда, утверждая, что все споры между материализмом и идеализмом исходят из неправильного словоупотребления.

То, что у Локка существовало как неправильная тенденция, как ошибка, было превращено английским философом XVIII в. Беркли (а также Юмом) в целую концепцию субъективного идеализма. Беркли выступил в качестве яркого противника «отвлечённых идей». Главная причина всех злоключений разума состоит, по Беркли, в мнении, «будто ум обладает способностью образовать *отвлечённые идеи* или понятия о вещах»¹. Отвлечённые идеи суть измышления, ничего реально существующего они не выражают. Всё, что существует, говорит Беркли, единично. Поэтому такие понятия, как «движение вообще», «материя» и т. п., являются бессмыслицей, фикцией, ибо мы их не воспринимаем.

В произведении «Три разговора между Гиласом и Филонусом», обращаясь к своему собеседнику, Беркли так излагает свою теорию:

«Спроси садовника — почему он думает, что вон то вишнёвое дерево существует в саду, и он тебе скажет: потому, что он его видит и осязает, — словом, потому, что он его воспринимает своими чувствами. Спроси его, почему он думает, что здесь нет апельсинного дерева, и он тебе скажет: потому, что он не воспринимает его. Что он воспринимает чувством, то он определяет как реальное бытие и говорит, что оно *есть* или *существует*; но то, что невоспринимаемо, о том он говорит, что оно не имеет бытия»².

Единичное воспринимается чувствами, стало быть оно существует, но существование его возможно лишь постольку, поскольку субъект его созерцает. Так Беркли расправляется с научными понятиями, категориями.

¹ Д. Беркли, Трактат о началах человеческого знания, Спб. 1905, стр. 35.

² Д. Беркли, Три разговора между Гиласом и Филонусом, Соц. экзгиз, М. 1937, стр. 90.

Противоположные взгляды на природу понятий развивали материалисты того времени. Заслуга последних состояла в том, что они находились на позициях теории отражения, понимая человеческие ощущения и представления как отражения объективно существующих вещей. Отсюда у них и материалистическое понимание природы понятий как отражения объективного мира. Но и среди материалистов, как и среди идеалистов, были сторонники эмпиризма, сенсуализма и сторонники рационализма. Последние признавали лишь роль разума в познании и отрицали познавательную силу ощущений, восприятий. Кроме того, старые материалисты были метафизиками, и это не позволило им правильно понять действительное взаимоотношение между единичными предметами и общими понятиями, категориями.

Так, например, известный английский материалист XVII в. Гоббс исходил из правильной предпосылки о том, что всё знание о предметах начинается с ощущений. Он также правильно считал, что чувственное познание должно быть дополнено рациональным, образованием и формулированием понятий. Но понять диалектический переход от одного к другому и на этой основе действительную сущность общих понятий он не сумел.

Общие понятия Гоббс считает лишь знаком, именем, которые опять-таки не имеют реального объективного содержания. Наши ощущения, восприятия суть образы единичных вещей, рассуждает Гоббс. Понятия же не отражают реальной общности, ибо таковой не существует. Иначе говоря, Гоббс стоит на позициях номинализма.

«То обстоятельство,—говорит Гоббс,— что одно имя может быть обще многим вещам, привело к тому, что некоторые люди полагают, будто сами вещи универсальны. Эти люди серьёзно уверяют, что сверх Петра и Ивана и всех остальных людей, которые существуют, существовали или будут существовать в мире, есть ещё нечто другое, что мы называем «человек» или «человек вообще». Ошибка этих людей состояла в том, что они универсальные, или общие, имена принимают за вещи, которые этими именами обозначаются... Ясно поэтому, что универсальными являются только имена»¹.

¹ Т. Гоббс, Избранные сочинения, М.—Л. 1926, стр. 233.

Гоббс, конечно, прав, что «человека вообще» не существует. Но у него получается разрыв между единичным и общим, противопоставление их как того, что реально, и того, что не реально. Какой же тогда смысл имеет образование общих понятий и оперирование ими, если они только имена и не отражают объективного общего в вещах? В философии Гоббса большую роль играют такие категории, как движение, пространство, время. Гоббс считает их отражением вполне реальных пространства, времени, движения. Но если применить его учение об общих понятиях лишь как знаках, именах, которым ничто не соответствует в реальной действительности, к пространству, времени, движению, то и их невозможно будет считать объективно существующими. Ясно, что Гоббс вследствие непонимания сущности перехода от единичного к общему не сводит концы с концами. Между чувственным опытом, дающим знание о единичном, и рациональным, абстрактным мышлением, дающим общее, возводится непроходимая стена, о чём пишет сам Гоббс: «Из опыта нельзя вывести никакого заключения, которое имело бы характер всеобщности»¹.

Французские материалисты XVIII в. не разделяли номиналистских представлений о природе общих понятий и категорий. Дидро говорил о понятиях, что они становятся устойчивыми только в связи с внешними предметами. Эта связь создаётся благодаря опыту, а также рассуждениям, опять-таки базирующимся на наблюдении и опыте. Без связи с внешними предметами, без того, чтобы общие понятия были отражением реальных явлений, понятия уподобились бы нитке без груза. Нитка без груза стала бы игрушкой малейших колебаний воздуха.

«Понятия,— говорит Дидро,— не имеющие никакой опоры в природе, можно сравнить с теми лесами севера, где деревья — без корней. Достаточно лёгкого порыва ветра, чтобы перевернуть целый такой лес,— достаточно незначительного факта, чтобы перевернуть целый лес представлений»².

Следует, однако, учесть, что домарксовские материалисты мало интересовались и занимались проблемой понятий и категорий. В этом сказалась одна из существен-

¹ Т. Гоббс, Избранные сочинения, стр. 230.

² Д. Дидро, Собрание сочинений в десяти томах, т. 1; Academia, М.—Л. 1935, стр. 304—305.

ных ограниченностей представителей прежнего материализма, заключающаяся в том, что они плохо понимали активную роль мышления в процессе познания. Они подчёркивали, конечно, роль и значение мышления, многие из них понимали необходимость сочетания чувственного с рациональным познанием. Но всё же процесс образования понятий они представляли себе упрощённо, как комбинацию ощущений, как дальнейшее развитие ощущений. Они не понимали того скачка от старого качества к новому, который происходит при переходе от чувственного созерцания к образованию понятий.

В истории философии дело обстояло так, что активность мышления больше подчёркивали идеалисты, чем метафизические материалисты, хотя идеалисты не понимали действительного характера процесса мышления и извращали отношение между мыслью и предметами. В новое время вопрос о категориях и понятиях получил широкое освещение в идеалистической философии Канта и Гегеля.

Исследование этого вопроса Кантом и Гегелем имело важное значение в истории учения о философских категориях и понятиях.

Кант развивает представления субъективных идеалистов, в частности Юма, о том, что чувственный опыт имеет дело исключительно с единичным. Но, в то время как Юм отвергает правомерность общих понятий, Кант пошёл по другому пути. С одной стороны, он утверждает, что познание начинается с ощущений, получаемых от действия вещей, которые он называл «вещами в себе». Без этих ощущений, без чувственного созерцания невозможно, по Канту, познание. Но чувственное созерцание не даёт и не может дать знания о причинной связи предметов, о их необходимости и т. д. Так как чувственное созерцание имеет дело лишь с единичным, оно не может быть общезначимым, обладать свойством всеобщности и необходимости.

Само по себе это положение ничего неправильного не содержит. Действительно, чувственное созерцание без абстрагирующей деятельности мышления не способно обнаружить внутренние связи предметов, их закономерность и необходимость. Оно даёт лишь материал для этого. Опираясь на данные живого созерцания, мышление с помощью практики открывает эти необходимые всеобщие связи и

формулирует их в виде понятий и категорий. Но совсем иначе рассуждал Кант. Он метафизически разрывал единичное и общее. Единичное, по Канту, не содержит в себе никакого элемента общего. Всеобщие необходимые формы и связи, каковы причинность, закон, необходимость и другие, присущи человеческому уму априорно, т. е. независимо от чувственного опыта. Сам по себе мир вещей лишён всяких причинных связей, необходимости, единства и т. д. Он хаотичен и беспорядочен. Порядок и закономерность вносит в мир вещей человеческий рассудок при помощи априорно присущих ему категорий. Таких категорий Кант насчитывает двенадцать: единство, множество, всеобщность, реальность, отрицание, ограничение, субстанция, причина, взаимодействие, возможность, существование, необходимость.

Таким образом, хотя Кант в отличие от взглядов ряда других философов признавал большое значение категорий, он их целиком перенёс в мышление, в субъект, оторвав полностью от объективного мира вещей. Они у него служат как бы лесами, конструируемыми человеческим умом для организации, упорядочения материала ощущений, впечатлений. Никакое опытное суждение невозможно без этих априорных категорий. Правда, и последние, по Канту, пусты без опытного знания, без чувственности. Но тем не менее в философии Канта содержание и форма мысли находятся в состоянии полного разрыва. Категории есть не отражение сущности самих вещей, их содержания, их связи, а внешняя по отношению к вещам, независимая от них мыслительная форма. Поэтому логика, учение о категориях есть, по Канту, учение не о самом *содержании* объективного мира, а о чисто внешних формах, навязанных мышлением природе. Логика у Канта отвлекается от объекта, от содержания вещей. В ней рассудок имеет дело лишь с самим собой, с собственными мыслями и понятиями. Категории не дают знания, они — лишь субъективное условие опыта и познания.

Категория причины, например, есть только *форма* опыта, но она не отражает свойств самой вещи, не есть знание вещи. «Я очень хорошо понимаю,— говорил Кант,—...понятие причины как необходимо принадлежащее к простой форме опыта, я понимаю его возможность как синтетического соединения восприятий в сознании вообще; возможности же вещи вообще как причины —

я совсем не понимаю, и это потому, что понятие причины есть условие, несколько не принадлежащее вещам, а только опыту»¹.

Логические категории, говорит Кант, «суть только логические функции и, как таковые, не дают ни малейшего понятия об объекте самом по себе...»².

Категории, следовательно, с точки зрения Канта, выступают как чисто мыслительные формы рассудка, а не как форма самого бытия, и их задача состоит в том, чтобы упорядочить хаотический мир чувственности; быть же орудием познания самих вещей они не могут. Последние непознаваемы и недоступны ни чувственности, ни рассудку. За пределами мира, доступного опыту и рассудку, находится другой мир, мир «умственных сущностей», не достижимых ни для какой чувственности, мир, в который можно лишь верить.

Кант в своей философии поставил ряд действительно важных вопросов теории познания, но ни подойти к ним правильно, ни тем более решить их с научных позиций он как идеалист не сумел.

Следует отметить, что его концепция, превратившая логику в учение о чисто внешних по отношению к содержанию познания формах, получила в дальнейшем широкое распространение в идеалистической философии. Этот разрыв формы и содержания, человеческого познания и природы получил в современной идеалистической логике своё наиболее полное выражение.

Гегель подверг Канта суровой критике за субъективно-идеалистическое понимание логических категорий, за то, что он выхолостил из них объективное реальное содержание. Из того, что категории познаются мышлением, не следует, указывал Гегель, «что они суть лишь наши определения, а не суть вместе с тем также определения самих предметов»³. Гегель очень хорошо отметил главную слабость и порок кантовской логики. Кант, говорил он, пожертвовал всем содержанием и содержательностью логических форм мышления. Он критикует его за то, что у него содержание нашего сознания есть наше содержание, т. е. содержание, полагаемое самим человеком.

¹ И. Кант, Прологомены, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 84.

² Там же, стр. 99—100.

³ Гегель, Сочинения, т. 1, М.—Л. 1930, стр. 89.

В действительности же логические категории выражают сущность, существенные отношения самих вещей — эту мысль Гегель повторяет постоянно. «Важно содержание, — подчёркивает Гегель, — важно, *истинно* ли содержание»¹. Мы здесь опускаем другую ценную сторону гегелевской логики — понимание диалектического характера категорий, о чём будет вкратце сказано в другой связи. У Гегеля логические категории выступают как формы самого бытия, и лишь постольку они являются у него и формами познания.

Однако Гегель критиковал идеалиста Канта с позиций объективного идеализма, а не материализма. Его важное и ценное положение о содержательности логических категорий невозможно было просто воспринять, его следовало переработать (что и сделали основоположники марксизма), ибо содержательность категорий Гегель понимал идеалистически. Против формализма категорий Канта он боролся с точки зрения идеалистической теории тождества бытия и мышления. У Гегеля понятия, категории связаны с действительностью, но так, что они образуют основу, источник природы, а последняя выступает как инобытие понятий, абсолютной идеи. Всё есть идея, но она существует в многообразных формах. Поэтому содержательность категорий Гегель понимает как проявление через их посредство движения абсолютной идеи, являющейся сутью и основой всего существующего.

В силу этого Гегель также не мог решить проблему связи единичного, т. е. отдельных вещей, и общего — понятий, категорий, выражающих это общее. Он абсолютизировал общее, умалив роль единичного. Он не общее выводил из единичного, а, напротив, единичное из общего, из понятий и категорий. Правильно критикуя Канта за то, что у него субъект служит как бы плавильной печью, огнём, пожирающим многообразие явлений и сводящим это многообразие к единству, Гегель сам возводил в роль божества понятие, логическую категорию, считая их подобной же плавильной печью. Если Кант субъективизировал категории, объявляя их продуктом нашего рассудка, то Гегель отрывал их от человека, от субъекта, провозглашал их объективно существующими до и независимо от человеческого сознания.

¹ Гегель, Сочинения, т. 1, стр. 90.

Опровергая теорию категорий Канта, он писал: «...не субъективная деятельность самосознания вносит абсолютное единство в многообразие. Наоборот. Это единство есть само абсолютное, само истинное. Абсолютное, как бы по своей доброте, отпускает от себя единичности, чтобы они наслаждались своим бытием, и это же наслаждение само затем гонит их обратно в абсолютное единство»¹. Понятно, что здесь совершенно извращаются истинная природа и роль категорий и подавляется тот ценный элемент, который содержится в концепции Гегеля.

Если во всей предшествующей философии, примерно до 40-х годов XIX столетия, проблема категорий занимала важное место и исследование её двигалось вперёд, хотя это движение было чрезвычайно противоречивым и наряду с ценными элементами выдвигалось много ошибочного, далёкого от науки, то в последующем развитии буржуазной философии основной тенденцией становится отрицание категорий, борьба против научных абстракций, принижение человеческого разума и человеческой мысли. Только марксизм — идеология революционного пролетариата — сумел критически освоить всё то положительное, что было в вопросе о категориях в старой философии, и на базе диалектического материализма создать научную теорию о действительной природе и значении философских категорий и понятий. Что же касается буржуазной философии начиная со второй половины XIX в., то она продолжила, развила и довела в этом вопросе до логического конца антинаучную линию субъективного идеализма. И это, разумеется, имело свои глубокие социальные основания в превращении буржуазии в реакционный класс, не заинтересованный в развитии научной философии.

Отказавшись от всего положительного наследия предшествующей философии, новейшая буржуазная философия начала в подлинном смысле слова работу по разрушению человеческого разума. Возникший примерно в середине XIX века позитивизм объявляет настоящую войну общим понятиям и категориям. Родоначальник позитивизма О. Конт пытался обосновать положение о бессилии человеческого разума проникнуть в сущность вещей с помощью абстрактного мышления. Разум, заявил он, не может притязать «на знание внутренней природы вещей и

¹ Гегель, Сочинения, т. 1, стр. 88—89.

способа возникновения явлений»¹. Философия позитивизма, говорил он, торжественно заявляет, «что ей совершенно неизвестна внутренняя *природа* тел»². Задача состоит лишь в том, чтобы устанавливать связь между частными, единичными явлениями, избегая общих понятий и обобщений, число которых якобы уменьшается с прогрессом науки.

Другой философ-позитивист — Г. Спенсер также указывал, что существуют границы для научного познания, за которыми начинается область «непознаваемого». Задача науки объяснять единичное, частное, конкретное, даваемое в субъективно-идеалистически понимаемом опыте. Но чем более формулирует наука общие понятия, идеи, теории о вселенной, тем ближе она к границе непознаваемого. Естественно, что с подобной точки зрения философские понятия и категории являются настоящим проклятием. О категориях материи, пространства, времени, движения, причины Спенсер писал, что их сущность совершенно непонятна. Он противопоставляет мир опыта, в котором человек познаёт частное, единичное, миру общего, которое якобы не имеет никакого отношения к опыту, к единичному.

Ещё дальше и последовательнее в отрицании разума и его орудий — понятий и категорий — идут представители других буржуазных философских течений периода империализма — интуитивизма, прагматизма и др. Французский философ-идеалист Бергсон противопоставлял интеллекту с его понятиями и категориями инстинкт. Только с помощью инстинкта, интуиции можно познать жизнь. Понятия же, которыми оперирует разум, якобы омертвляют жизнь. В философских теориях немецких философов Ницше и Шпенглера этот разнузданный антиинтеллектуализм, вражда против разума и его понятий, не знает уже никаких границ. Здесь уже даны все предпосылки и идеи фашистской «философии».

По линии отрицания общих понятий и категорий как отражения законов объективного мира шёл и махизм — одно из типичнейших течений идеалистической философии эпохи империализма. Для махизма причинность, необходимость, закон и другие философские категории не имеют

¹ О. Конт, Родоначальники позитивизма, вып. 4, Спб. 1912, стр. 7.

² Там же, стр. 35.

никакого объективного содержания; они являются лишь средством упорядочения, «организации» субъективного опыта, ощущений человека.

Характерным выражением основной тенденции и главенствующего направления новейшей буржуазной философии является прагматизм, возникший и получивший наиболее широкое распространение в США. Факты, факты, факты — таков девиз прагматизма, как и позитивизма. Но это лишь мимикрия, которая скрывает субъективный идеализм.

Один из основоположников прагматизма, Джемс, указывает, что эта философия не стремится решить «загадок мира» с помощью слов «материя», «энергия» и т. д. Категория материи, как и любая другая абстракция, по его мнению, не выражает никакой объективной сущности. «Материю, — пишет он, — мы знаем лишь, как наши ощущения цвета, формы, твёрдости и прочее. Они именно представляют наличную стоимость этого понятия. Разница между бытием и небытием материи выражается для нас лишь в том, имеем ли мы, или нет, подобные ощущения»¹.

Стало быть, и здесь отрицание общих понятий и категорий науки есть средство возвышения человеческих ощущений в ранг единственно существующей реальности. Правда, Джемс заявляет, что прагматизм не отрицает общих понятий, если... они приносят пользу. Таково, например, понятие бога.

Современные идеалисты, так называемые логические позитивисты, семантики и другие, ничего нового не привносят, когда они свой субъективный идеализм и субъективно-идеалистическое отрицание научных абстракций, общих понятий тщательно рядят в форму эмпиризма, позитивизма, признания фактов и того, что можно непосредственно наблюдать, проверить и т. п. Их «реализм» подобен «реализму» Беркли и по своей сущности абсолютно ничего нового не содержит. Новое состоит лишь в том, что философия, логика сводится семантиками всецело к языку, к анализу языка, что означает ликвидацию философии. Впрочем, и основная идея о языке как виновнике всех злоключений философии подсказана современным идеалистам тем же Беркли. Беркли прямо говорил, что *источником* отвлечён-

¹ В. Джемс, Прагматизм, изд. 2, Спб. 1910, стр. 59.

ных общих понятий, как он называет научные абстракции, служит речь, которая запутывает сознание. Он даже указывал, что может возникнуть вопрос, «не служила ли речь более препятствием, чем помощью успехам наук»¹.

Эти слова о языке, который сыграл и играет великую роль в науке и без которого невозможно никакое научное мышление, были написаны два века назад. То же утверждает и семантик Р. Карнап. Выступая против всеобщих понятий и говоря о «зловредной» роли языка, он заявляет: «Каждый язык может быть без убытка в выразительности так преобразован, что не будет нужды в подобных абстракциях»².

Как видим, корни «реформаторства» в современной буржуазной философии уходят в глубь веков и воспроизводят давным-давно разоблачённые теории субъективных идеалистов.

Какие же конкретные аргументы приводят современные субъективные идеалисты, в частности семантики, против общих понятий и категорий. Почему они всё дело сводят к анализу языка?

Из их исходного положения о том, что наука и человеческое мышление имеют дело не с самими вещами, а лишь с чувственным опытом, вытекает вся остальная цепь рассуждений. В чувственном опыте человек-де оперирует единичным, а не общим. Скажем, мы видим и осязаем единичного, конкретного человека — Ивана, Петра, Степана и т. д., а не человечество вообще. Последнее мы никак не можем ни увидеть, ни почувствовать.

Это положение распространяется на все общие понятия, тем более на философские понятия и категории, охватывающие наиболее широкий круг явлений. Ни в каком чувственном опыте не даны такие общие понятия, как материя, пространство, время, причинность, закон, содержание, форма и т. п. Следовательно, никаких реальных сущностей, выражаемых этими понятиями, не существует.

Откуда же в таком случае возникают подобные понятия? Язык, говорят семантики, создаёт такие ошибочные общие понятия, люди под влиянием языка начинают верить в то, что действительно такие сущности, как материя, причина, пространство, время и т. д., существуют реально.

¹ Д. Беркли, Трактат о началах человеческого знания, стр. 55—56.

² R. Carnap, Logische Syntax der Sprache, Wien 1934, S. 220.

Исходя из этого, семантики считают, что вся философия, существовавшая до них и пытавшаяся с помощью категорий и понятий проникнуть в сущность вещей и вооружить науку методом познания, имела дело с ветряными мельницами. Они называют такую философию метафизической, а вопросы о категориях и понятиях — псевдовопросами. Таких вопросов-де не существует, они выдуманы.

«Метафизическая философия,— пишет Р. Карнап,— хочет выйти за рамки эмпирико-научных вопросов и поставить вопросы о сущности предметов. Мы считаем эти вопросы псевдовопросами»¹.

Чем же в таком случае должна заниматься философия? Анализом языка, логикой языка, предложений, с тем чтобы устанавливать их истинность или ложность. Причём анализу должны подвергаться не содержание предложения, а его форма, его языковая структура, синтаксис. Если предложение правильно построено, то оно истинно, и наоборот. Отрыв формы выражения мыслей от их содержания в современной идеалистической философии доведён до логического конца, до полного абсурда. Всё зависит от предложения и его структуры — в этом всё дело, а не в отражении в предложениях, понятиях и т. д. реальной сущности действительности. Язык превращается в орудие произвольной конструкции мира. Виттгенштейн так и говорит: «Предложение конструирует мир с помощью логических лесов...»².

С этой точки зрения из предложений, из их логически правильного построения нужно выводить истинность вещей, а не наоборот. Отсюда сведение философии к логике языка и полное отрицание философии как логики познания самой действительности.

Виттгенштейн доказывает, что правильным методом философии было бы: «Ничего не говорить, кроме того, что поддаётся выражению...»³. Свою книгу он заканчивает словами: «О чём невозможно говорить, о том нужно молчать». Из сказанного выше легко понять, что в разряд невыразимого и всего того, о чём лучше молчать, попадают коренные понятия и категорий научного материалистического мировоззрения, такие, как материя, причин-

¹ R. Carnap, *Logische Syntax der Sprache*, S. 259.

² L. Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus*, 1949, S. 66.

³ Ibid., S. 188.

ность, пространство, время и т. д. Сама проблема существования независимого от сознания людей объективного мира попадает в этот же разряд невыразимого, следовательно, она отбрасывается как «псевдопроблема».

Естественно, что при помощи подобного субъективно-идеалистического метода становится возможным полный произвол в науке и в истолковании социальных проблем. С точки зрения этого «метода» понятия «капитализм», «рабочий класс», «буржуазия», «фашизм», «свобода», «рабство» и т. д. суть пустые знаки, вызванные недостатками языка. Многие буржуазные философы и экономисты пропагандируют нелепую идею, будто, изменяя слова, меняя названия тех или иных фактов и явлений, можно изменить социальные порядки, преодолеть глубочайшие противоречия между классами и т. д.

Однако отрицание сущности и законов объективного мира, а также категорий и понятий, с помощью которых обобщаются явления действительности, не освобождает от необходимости объяснить причины, внутренние основы явлений. Тогда на помощь призывается мистицизм. Такова уж закономерность субъективного эмпиризма: признавая одни единичные «факты», борясь против обобщений и «отвлечённых понятий», он неизменно заканчивает мистицизмом, провозглашением потусторонних сил.

Это мы видим и на примере современных неопозитивистов. Виттгенштейн, например, заявляет, что «проблемы человеческой жизни не решены и не могут быть решены. Они есть нечто невыразимое. Это — мистическое»¹. Тут голос разума уже должен умолкнуть и уступить место религии.

Данный выше краткий анализ того, как ставился и ныне ставится вопрос о сущности и природе категорий, какая борьба развёртывалась вокруг него, показал, какова здесь трудность, с которой не могла справиться философская мысль до возникновения диалектического материализма. Эта трудность заключается в сложном диалектическом взаимоотношении единичного и общего. Именно непонимание этого взаимоотношения приводило к тому, что одни отрицали реальность общего, выражаемого в понятиях и категориях, и сводили его к простому знаку или имени, а другие, напротив, признавали лишь общее, отри-

¹ L. Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus, S. 186.

чая реальность единичного, возводили общее понятие в ранг абсолюта, божества. И в том и в другом случае искажалась действительная природа общих понятий и категорий.

В действительности, как показал диалектический материализм, понятия и категории отражают реально существующее общее в явлениях объективного мира. Но что такое это общее? Означает ли признание реальности общего, что оно имеет такой же чувственно-наглядный вид, как единичный предмет? Конечно, нет. В нашем чувственном познании мы имеем дело с конкретными видами материи, а не с материей вообще. Но было бы, однако, глубочайшей ошибкой сделать из этого заключение, что общего не существует в действительности. Оно существует, но не самостоятельно, а в *единичных вещах*, как то существенное, что свойственно данной группе единичных вещей. Возьмём такой пример. Мы имеем понятие о треугольнике. «Треугольник вообще» не прямоуголен, не тупоуголен, не остроуголен. Идеалистические эмпирики типа Беркли говорили по этому поводу, что идея о «треугольнике вообще» нелепа, ибо-де не может быть треугольника, который был бы ни тем ни другим и вместе с тем всяким. Такой вывод является результатом метафизического противопоставления общего единичному. Когда мы говорим о понятии «треугольник вообще», то мы не имеем в виду, что он существует независимо от единичного — остроугольных, тупоугольных и т. п. треугольников и что он есть нечто абсолютно отличное от единичных треугольников. В действительности он есть абстракция, созданная путём обобщения того существенного и специфического, что свойственно всем треугольникам в отличие от прямоугольников, кубов и других геометрических фигур. Как бы ни отличались между собой различные виды треугольников, все они являются именно треугольниками в силу того, что они суть такая геометрическая фигура, которая ограничена тремя взаимно пересекающимися прямыми, образующими три внутренних угла. Следовательно, это общее их свойство совершенно реально, оно охватывает то, что характерно для всех единичных треугольников. И потому мы можем сказать, что «треугольник вообще» есть не прямоугольный и не остроугольный, не равносторонний и не разносторонний и вместе с тем он есть каждый из них.

Общее есть то, что реально существует в единичном, и потому недопустимо никакое метафизическое противопоставление понятий, выражающих общее, и единичных предметов. Энгельс, иронизируя над философами, отрицавшими объективность понятий и категорий, заявлявших, что они знают, что такое час и метр, но не знают, что такое время и пространство, писал: «Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать их чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями. Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство! Как будто время есть что-то иное, нежели совокупность часов, а пространство что-то иное, нежели совокупность кубических метров!»¹.

Естественно, что категории и понятия, будучи результатом абстракции и обобщения единичных явлений, суть более сложные формы отражения действительности, чем ощущения и восприятия. Восприятие даёт нам непосредственно видимый и осязаемый предмет. В понятиях же, особенно в предельно общих философских понятиях и категориях, единичные предметы и явления выступают уже не в своём чувственно наглядном виде, а в преобразованном соответственно их внутренней природе, их действительной сущности виде. Иначе говоря, в понятиях и категориях они выступают в *обобщённом* виде и потому, естественно, не могут быть чувственно представлены и восприняты. Но от этого общее, выраженное в понятиях и категориях, не утрачивает своей объективной реальности. «Отрицать объективность понятий,— указывает Ленин,— объективность общего в отдельном и в особом, невозможно»².

Более того, хотя общее, фиксируемое в категории, лишено вещества чувственности, не имеет чувственного вида, оно глубже или даже, как говорит Ленин, *истиннее*, чем образ единичного предмета, ибо с помощью категорий и понятий мы схватываем существенные стороны предметов, их причину, закон.

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 187.

² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 153.

Таким образом, диалектический материализм даёт ясный ответ на вопрос о том, какова природа философских категорий. Категории и понятия отражают объективную сущность самих явлений и предметов, они имеют объективное значение, и лишь поэтому они могут быть опорными пунктами нашего познания и практической деятельности. Как и ощущения, восприятия, представления, категории суть образы объективного мира, но образы более сложные и глубокие, отражающие предметы не в их единичности, а в их всеобщности, необходимости, существенности, закономерности.

Категории материалистической диалектики как категории развития и изменения

Диалектический материализм решил не только вопрос о природе категорий как форм выражения определённых связей самой действительности, её объективных внутренних связей. Всем этим не исчерпывается вопрос о сущности категорий. Объективный мир характеризуется не только тем, что он существует независимо от человеческого сознания. Знание этого материалистического положения является исходным пунктом научного мировоззрения. Однако не менее важной чертой объективного мира является то, что он находится в состоянии вечного движения и изменения, что в процессе развития явлений что-то отмирает и что-то нарождается, происходят глубокие, качественные изменения, смена старого новым и т. д. В понимании объективного мира как мира развивающегося и изменяющегося, как известно, состоит глубокое отличие марксистского, *диалектического* материализма от старого, *метафизического* материализма.

Вопрос этот имеет непосредственное отношение к проблеме категорий и понятий. Старые материалисты понимали, что человеческие понятия не произвольны, а отражают объективную природу. Но, будучи метафизиками, полагая, что мир в целом и каждое явление его существуют в более или менее неизменном состоянии, они и понятия и категории человеческого мышления рассматривали как неподвижные, неразвивающиеся, не переходящие друг в друга. Это относится и к подавляющему большинству идеалистических систем, которые также разделяли метафизический взгляд на мир. Исключение здесь состав-

ляет Гегель, который внёс большой вклад в учение о диалектическом характере понятий и категорий.

Между тем совершенно ясно, что если все явления природы и общества подчинены объективным законам развития и изменения, то и наши понятия и категории должны быть столь же развивающимися и подвижными, в противном случае они не смогут отразить развивающейся действительности.

Поэтому в вопросе о категориях, как и во всех других вопросах философии, существуют не только материалистическое и идеалистическое направления, но и направления метафизическое и диалектическое. Представители метафизического направления считают категории неподвижными, диалектический материализм считает их текущими, развивающимися, переходящими одна в другую. Развитие науки, опирающееся на растущую практику преобразования природы и общества, привело к тому, что, как образно выразился Энгельс, затвердевшие категории расплавились.

Огромное внимание этой стороне вопроса о категориях уделял Ленин. Это и понятно, ибо бурное развитие науки с конца XIX века, а также крупнейшие изменения в развитии общества с возникновением империалистической стадии капитализма делали особенно опасным мышление неподвижными понятиями и категориями.

Приведём пример. Отражая исторические условия своего времени, Маркс и Энгельс установили, что социализм не может победить в одной, отдельно взятой, стране, а может победить лишь одновременно во всех странах или в большинстве стран. Если бы научное мышление оперировало раз навсегда данными истинами, неподвижными понятиями и категориями, то это положение должно было бы считаться правильным и в новых исторических условиях, возникших после смерти Маркса и Энгельса, в эпоху империализма. Ленин, опираясь на анализ империализма, создал новую теорию социалистической революции, основанную на глубоком отражении изменившейся исторической обстановки. Ленин доказал, что в новых условиях социализм может первоначально победить в одной, отдельно взятой, стране и не может победить одновременно во всех странах или в большинстве стран. Историческая практика полностью подтвердила это гениальное ленинское предвидение.

Ясно, что лишь понимание категорий и понятий науки как развивающихся, изменяющихся, лишь мышление подвижными, текучими категориями и понятиями позволяет правильно отражать развивающуюся действительность.

Вот почему Ленин так настойчиво подчёркивал диалектический характер категорий и понятий, диалектику развития понятий и категорий. «...Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, „искусство оперировать с ними“ (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов...»¹ Ленин исследует момент *гибкости* понятий. Он говорит, что понятия должны быть «...обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»².

Многие философы-идеалисты нападают на понятия и категории и с этой стороны, пытаясь доказать их бесплодность, бессилие выразить сложность, подвижность явлений. Характерным примером в этом отношении являются философские взгляды А. Бергсона, оказавшие большое влияние на буржуазную философию последних десятилетий. Бергсон считает, что человеческие понятия неспособны выразить движения, переходы от одного состояния к другому, от одного момента времени к другому моменту. Мышление понятиями есть якобы мышление неподвижными, мёртвыми образами. Он уподобляет человеческие понятия кинематографическим кадрам, говорит о кинематографическом характере человеческого мышления. Каждый отдельный кадр фиксирует какой-то момент явления, процесса в застывшем состоянии. Только движение ленты выводит кадры из их оцепенения. Такой характер, утверждает Бергсон, имеют и наше обычное сознание и научное мышление: они мыслят мёртвыми, неподвижными понятиями — кадрами. Современная наука, как и древняя, говорит он, пользуется кинематографическим методом. Иначе действовать она не может, ибо всякая наука подчинена этому закону.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 237.

² Там же, стр. 121—122.

Конечно, Бергсон не может отрицать огромную роль понятий в науке. Но если он и вынужден признавать эту роль, то лишь с оговорками, утверждая, что они-де имеют ограниченное значение для обслуживания практики, но выразить движение, переходы понятий не могут. Они якобы могут отвечать на вопросы или «да», или «нет».

Совершенно очевидно, что рассуждения Бергсона не выдерживают ни малейшей критики. Если бы понятия были мертвы, неподвижны, то они не могли бы иметь значения для практики. Могла бы обслуживать современная наука практику нашего времени, если бы, скажем, она мыслила неподвижным понятием химического элемента, если бы она считала, что элемент уран есть всегда данный элемент и не может превратиться в другой химический элемент — радий?

Бергсон не представляет себе других понятий и категорий кроме метафизических, неподвижных, неспособных превращаться, переходить друг в друга. Но вся его критика понятий, как неподвижных, неспособных якобы уловить и отразить переход от одного состояния к другому, преследует не научные цели, не желание помочь науке, а стремление открыть двери в науку мистицизму. Дискредитируя разум, Бергсон на его место ставит некое таинственное внутреннее созерцание, интуицию, которые, на его взгляд, позволяют философии выйти за пределы человеческого сознания.

В действительности, конечно, не только современное научное мышление, но даже обыденное сознание, часто не сознавая этого, оперирует подвижными, гибкими понятиями. В качестве примера воспользуемся известным рассуждением Ленина о гибкости простого понятия «стакан». Как и любой предмет, стакан включён в сложную сеть отношений и связей. В одной связи стакан выполняет своё прямое назначение — быть инструментом для питья. Но вот связи меняются, обстановка, в которой существует стакан, стала другой, и стакан должен быть использован как помещение для пойманной бабочки. Ясно, что и наше понятие о нём должно соответственно измениться. Если мы будем оперировать неизменными понятиями при изменяющейся обстановке, мы уподобимся известному герою народной сказки, веселившемуся на похоронах и горевавшему на свадьбе.

Тем более нужна подвижность, гибкость понятий и категорий в науке, в научном мышлении. Современное научное мышление и шаг вперед не может сделать, не проявляя необходимой подвижности, гибкости понятий. Например, на вопрос о делимости или неделимости атома современная наука отвечает не по Бергсону с его учением о «мёртвости» и «неподвижности» понятий, которые якобы могут формулироваться лишь по принципу: или да, или нет, а при помощи гибких, подвижных понятий. Современная наука говорит, что атомы одновременно и делимы и неделимы. Они делимы, поскольку являются сложными частицами, претерпевающими распад при радиоактивных процессах. Они неделимы как наименьшие частицы, участвующие в химических реакциях и сохраняющиеся в процессе этих реакций. Следовательно, на вопрос о делимости или неделимости атома нужно отвечать не по формуле: да или нет, а по диалектической формуле: и да и нет, т. е. проявить необходимую гибкость понятий.

Ярчайшим примером гибкости, подвижности категорий науки является экономический анализ капиталистического способа производства в «Капитале» Маркса. Борясь против мелкобуржуазного экономиста Прудона, рассматривавшего категории как первичные по отношению к общественным отношениям и как раз навсегда данные, вечные, Маркс в письме к П. В. Анненкову прекрасно выразил диалектическую природу категорий. Прудон не понял того, писал Маркс, «что люди, производящие общественные отношения соответственно их материальному производству, создают также и *идеи* и *категории*, т. е. отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие»¹.

Маркс, анализируя капиталистический способ производства, формулирует экономические категории в полном соответствии с указанным им же самим принципом: каждая категория выражает определённые исторические отношения, и движение категорий, смена их, переход одних

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 429.

категорий в другие отражает движение, изменение общественных отношений.

Гибкость, подвижность марксовских экономических категорий изумительна. В движении категорий он показывает, как простое товарное производство превращается в капиталистическое, как последнее в силу собственных же законов подготавливает предпосылки для превращения в свою противоположность, т. е. для возникновения социалистического способа производства.

Гибкость понятий не должна быть превращена в софистику, т. е. в субъективную гибкость, используемую не в целях точного отражения движения, изменения объективной действительности, а в целях её произвольного истолкования, приспособления фактов к ошибочным взглядам. Нужна не всякая гибкость и подвижность понятий, а лишь та, которая выражает *реальную* изменчивость действительности, её *реальное* движение и развитие.

Всё, что сказано о понятиях и категориях отдельных наук, о их гибкости, релятивности, всецело относится и к самым общим понятиям и категориям — категориям материалистической диалектики. Познавательное и практическое значение наиболее общих категорий, таких, как содержание и форма, случайность и необходимость, возможность и действительность, причина и следствие, общее и единичное и т. д., состоит в том, что посредством их мы можем с наибольшим приближением к действительности выразить её сложные процессы развития и изменения.

О диалектическом характере наиболее общих, т. е. философских, категорий и понятий Ленин очень хорошо сказал: «...если *все* развивается, то относится-ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»¹.

Категории диалектики, будучи точным мыслительным выражением определённых сторон и связей объективных явлений и процессов, выступают вследствие этого и как категории нашего мышления, как логические категории, позволяющие нам правильно подходить к действительности, мыслить в соответствии с объективной истиной. Те связи, отношения, переходы, противоречия, которые свой-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 239.

ственны самой действительности, должны быть свойственны и этим самым общим категориям нашего мышления. В этой диалектичности категорий марксистской логики заключается их *абсолютная необходимость* для всякого научного мышления.

В чём же конкретно выражена эта диалектическая сущность общих категорий и понятий, делающих их столь же гибкими и подвижными, как сама действительность, и вследствие этого незаменимым орудием научного мышления и практической деятельности? На этот вопрос должен дать ответ весь материал данной книги. Здесь мы ограничимся лишь самыми общими указаниями, необходимыми для понимания этого важного вопроса.

Диалектика понятий, категорий заключается прежде всего в том, что каждая из них и все они вместе отражают, вскрывают, фиксируют связь, взаимозависимость явлений, без учёта которой ничего нельзя понять в действительности. В этом их сущность, это их делает опорными пунктами познания.

Но всё же каждая отдельная категория, например содержание, форма, необходимость, общее, причина, следствие и т. д., фиксирует лишь какую-то отдельную сторону предметов и явлений, является выражением какого-то отдельного момента движения. Ленин очень метко назвал отдельное понятие, категорию учётом отдельных сторон целого, движения. Он образно сравнивал общие понятия с течением реки. Капли в реке — отдельные стороны, части этого целого. Понятие есть как бы учёт отдельных капель реки. Но подобно тому как капли и отдельные струи текущей реки находятся во взаимной связи и их движение может быть понято лишь при учёте этой связи, подобно этому и понятия, категории, выражающие отдельные стороны целого — объективного мира или отдельного предмета — должны быть связаны между собой, должны находиться в определённых отношениях между собой.

Так, категория причины связана с категорией следствия. Эта связь не произвольна, в связи этих категорий отражена реальная связь тех сторон действительности, которые они фиксируют. Следствие непонятно без причины, породившей её. Например, превращение одного химического элемента в другой может быть понято лишь при учёте тех изменений, которые происходят в атомных ядрах. Экономические кризисы могут быть поняты лишь

как следствие анархии капиталистического производства, противоречий между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Эти и подобные им факты и отражаются в связи названных категорий. Отсюда и их «парность», как и «парность» категорий содержания и формы, необходимости и случайности, качества и количества и т. д. Содержание так же не существует вне связи с формой, как и формы нет вне связи с содержанием; единичное находится в связи с общим, общее с единичным и т. д. и т. д.

«Парность» категорий, т. е. то обстоятельство, что мы всегда берём и рассматриваем эти категории вместе, как непосредственно связанные друг с другом, означает не что иное, как один из способов отражения посредством диалектики понятий объективной диалектики мира.

Каждая категория находится в отношениях не только с другой категорией, с которой она непосредственно связана, но и со всеми остальными категориями. Например, категории причины и следствия связаны с категорией взаимодействия, ибо не только причина порождает следствие, но и последнее оказывает серьёзное воздействие на свою причину, т. е. они находятся в состоянии взаимного влияния, действия друг на друга.

Далее, вскрывая существенную причину, закономерно порождающую определённое следствие, мы познаём явление в его *необходимости*. Следовательно, категории причины и следствия тесно связаны с категорией необходимости, а также с категорией закона и т. д. В каждом предмете можно обнаружить *все* категории, ибо не существует предметов, которые не имели бы содержания, формы, качества, количества, меры и других сторон, выражаемых различными понятиями и категориями. И так как все стороны предмета взаимно связаны друг с другом, то только при помощи взаимной связи всех категорий можно отразить предмет как целое.

Диалектическая гибкость категорий находит своё выражение и в том, что в разных связях и отношениях категории претерпевают превращения. Действительность чрезвычайно сложна, и то, что в одних связях выступает, скажем, как причина, в других связях становится следствием, и наоборот. Например, экономика, экономические отношения порождают определённую политику. Здесь экономика выступает как причина, политика — как следствие. Но в

свою очередь политика непосредственно определяет идеологию, политические учения, теории и т. д. В этой новой связи по отношению к идеологии политика выступает уже как причина. Подобная гибкость категорий чрезвычайно важна, ибо только благодаря ей они могут служить орудием точного отражения сложнейших, меняющихся связей действительности.

Диалектика философских понятий, категорий заключается, далее, в том, что они должны быть развивающимися, «текучими», дабы находиться в соответствии с развивающейся действительностью и тем самым служить инструментом истинного познания. Законом же развития является качественное изменение предметов, переход их из старого качества в новое. Понятно поэтому, что и категории диалектики, категории нашего мышления должны обладать способностью отражать развитие предметов и явлений в их переходах, сложных изменениях. Вот почему Ленин наряду с моментом связи и взаимозависимости понятий и категорий подчёркивает момент перехода из одних понятий и категорий в другие, как важнейшую сторону диалектики мышления, познания.

При этом первостепенное значение в диалектике понятий и категорий мышления приобретает в полном соответствии с объективным характером действительности вопрос о противоречиях. Источник развития, а следовательно, и качественных изменений, переходов явлений из одного состояния в другое находится, как известно, во внутренних противоречиях, имеющихся в каждом предмете, явлении, в борьбе этих противоположных тенденций, сил. Борьба противоположностей завершается переходом из одного качественного состояния в другое.

Естественно, что и самые общие категории и понятия, каковыми являются категории материалистической диалектики, должны отражать этот объективный закон развития. Те философы, которые, как, например, Бергсон, считают, что посредством понятий невозможно отразить текучесть, подвижность действительности, полагают как нечто само собой разумеющееся, что различные понятия отделены друг от друга китайской стеной, что различие их абсолютно и они неспособны превращаться друг в друга, переходить из одного в другое. Скажем, они рассматривают такие понятия, как «необходимость» и «случайность», «общее» и «единичное» в их обособленности,

как полярные и неподвижные полюсы; переход, с этой точки зрения, полярных противоположностей друг в друга, просто невыносим.

Между тем в самой объективной действительности такой переход совершается. Случайное становится необходимым, необходимое — случайным. То, что сегодня является единичным, впоследствии становится всеобщим, то, что было лишь возможностью в одних условиях, превращается в действительность в других условиях, и т. д.

Вспомним, как враги советского строя издевались по поводу первых единичных проявлений нового отношения к труду в виде коммунистических субботников, состоявшихся в 1919—1920 гг. Коммунистическая партия была убеждена, что эти первые, единичные побеги нового превратятся со временем во всеобщее явление — в социалистическое отношение к труду широких масс трудящихся. Как известно, такой переход в значительной мере уже совершён и совершается в настоящее время.

Применение закона единства и борьбы противоположностей к мышлению и его формам — логическим категориям, понятиям, суждениям даёт возможность достигнуть максимальной гибкости в подходе к действительности, учитывать все её диалектические переходы и превращения. Огромная познавательная сила категорий материалистической диалектики, помимо прочего, состоит в том, что они отражают внутренние противоречия развития, переход явлений из одного в другое.

Та «парность» и связь категорий, о которой шла речь выше, есть выражение единства *различий, противоположностей*, их относительного единства. Содержание и форма, необходимость и случайность, общее и единичное и т. д. представляют собой противоположные стороны единого. Отождествлять их, разумеется, нельзя. Случайность — это не то же, что необходимость, сущность — не то же, что явление. Оба члена каждой пары категории состоят между собой в отношениях противоречия. Но это противоречия, находящиеся в единстве, ибо одна сторона предполагает другую, не может существовать без другой: содержания не может быть без его противоположности — формы, как и формы без содержания. Это относится и ко всем остальным категориям.

Эти связь и единство, а также противоречивость категорий диалектики в логической форме выражают объек-

тивную диалектику развития явлений, развитие путём противоречий. Именно поэтому категории позволяют правильно подходить к действительности, вскрывать внутренние противоречия явлений, проследивать процесс нарастания этих противоречий, завершающийся переходом из одного состояния в другое.

Так, например, положение диалектики о категориях содержания и формы гласит, что между двумя сторонами любого предмета или процесса — между содержанием и формой имеются отношения единства, притом единства различий, различных сторон и тенденций. По мере развития между этими двумя сторонами и тенденциями нарастает противоречие, которое приводит к тому, что форма устаревает и задерживает дальнейшее развитие ввиду несоответствия формы содержанию. Тогда происходит процесс сбрасывания старой, отжившей формы и возникновения новой формы, которая открывает простор для дальнейшего развития.

Применяя категории содержания и формы, как и другие категории, к конкретным явлениям и процессам объективного мира, например, к развитию видов растений и животных, способов производства и т. д., мы правильно познаём мир, проявляем ту необходимую гибкость наших понятий, без которой невозможно передать, выразить объективное движение.

Это объясняет нам, почему Ленин говорит, что понятия должны быть «...едины в противоположностях, дабы обнять (т. е. понять, освоить.— *Ред.*) мир»¹. Ленин, как и Маркс и Энгельс, высоко ценил Гегеля именно за то, что он «расплавил» старые метафизические, неподвижные категории, показав их движение, развитие, их диалектику. Но Гегель глубоко заблуждался, думая, что диалектика понятий есть движущая сила развития мира. Поэтому он смог лишь смутно угадать в диалектике понятий объективную диалектику самой действительности. Больше он сделать не смог, хотя и то, что он сделал, остаётся его крупнейшей заслугой в истории науки.

Лишь марксизм-ленинизм раскрыл всё объективное значение диалектики понятий и категорий, дав подлинно научную, материалистическую теорию развития.

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 122.

Связь и взаимодействие категорий, их переходы друг в друга требуют от нас, чтобы мы подходили к ним не как к механической сумме понятий, а как к цельной *системе* категорий, имеющей свою определённую внутреннюю структуру, определённый порядок перехода от одной категории к другой.

Вопрос о системе категорий, о месте каждой категории в этой системе — большой и неразработанный ещё в нашей литературе вопрос. На важность исследования этого вопроса указывали Энгельс и Ленин.

Домарксовские философы пытались решить этот вопрос, создавая таблицы категорий. Но эти таблицы отражали метафизическое понимание категорий, как неподвижных, не переходящих друг в друга; категории не выводились, не развивались друг из друга, а становились рядом, без учёта глубокой внутренней связи между ними. Исключением здесь опять-таки был Гегель, который справедливо подверг критике такой подход к категориям и стремился с диалектических позиций определить принципы построения цельной, внутренне обоснованной системы логических категорий. Ценной была его основная мысль о том, что категории нужно выводить друг из друга в процессе движения познания от внешнего к внутреннему, от простого к сложному, от низшего к высшему. Каждую новую категорию, как и другие формы мышления (суждения, умозаключения), он рассматривал как более высокую ступень познания, включающую в себя предыдущие категории. Например, категория меры содержит в себе категории качества и количества как свои моменты.

Показывая различие между формальной логикой и логикой диалектической в этом вопросе, Энгельс подчёркивает, что последняя устанавливает между формами мышления «отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих»¹.

Это указание Энгельса является руководящим для дальнейшего исследования вопроса о системе категорий. Под «координацией» Энгельс имеет в виду такое отношение между категориями, которое не отражает познания как *процесса развития* от явления к сущности, от сущности менее глубокого порядка к сущности более глубокой. Например, Кант классифицировал категории по таким

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 177.

признакам, как количество, качество, отношение, модальность (сюда относятся категории, выражающие степень достоверности познания). К категориям количества он относил понятия единства, множественности, всеобщности, к категориям качества — понятия реальности, отрицания, ограничения, к категориям отношения — понятия субстанции, причины, взаимодействия и т. д. Но этим он и ограничился. Момент движения категорий, субординации, т. е. соподчинения их с точки зрения их места и роли в процессе познания, он не показывал.

Между тем этот момент имеет чрезвычайно важное значение. Категории являются формами отражения в мышлении действительности, и вопрос о том, как совершается процесс отражения, какую роль играют те или иные категории на разных стадиях этого процесса, есть первостепенный вопрос теории познания. Кант начинает свою таблицу категорий с понятий количества. Но это произвольно и не обосновано. История развития науки, как и опыт познания отдельного человека, свидетельствует о том, что количественные отношения, как более сложные, познаются не сразу, представляют собой по сравнению с категорией качества ступеньку углубления познания. Например, не требовалось особых усилий, чтобы установить качественное различие красного, синего, оранжевого и других цветов. Это различие сразу бросается в глаза. Значительно сложнее было познать количественную сторону, объясняющую качественное различие цветов (различные длины волн). Известно, что именно количественный анализ позволил физике создать научную теорию цветов.

Или возьмём, например, такие категории, как тождество и противоречие. Весь опыт, вся практика истории развития познания показывает, что мышление, научно осваивая природу, углублялось от представлений о предметах как тождественных к раскрытию их внутренних противоречий. Атом до конца XIX столетия считали как нечто тождественное, лишённое всяких внутренних различий. Только большие научные открытия, сделанные за последние 50 лет, показали, что на деле атом имеет сложную внутреннюю структуру, что он состоит из положительно и отрицательно заряженных частиц (протонов и электронов), т. е. наука раскрыла внутренне противоречивую природу атома. Это же можно видеть на примере

света, которому также присущи такие противоположные свойства, как корпускулярное и волновое движение.

Ясно, что движение мысли от тождества к различиям и противоречиям не случайно, а закономерно, ибо осознание внутренних противоречий предметов есть более глубокая ступень познания, чем представление о их тождестве.

Эти примеры показывают, что существует определённая закономерность в движении познания, а следовательно, и в движении, развитии категорий, как опорных пунктов познания. Огромное значение для понимания закономерностей развития познания имеет исследование того, как совершался процесс познания в истории человеческого мышления, так как законы истории познания и законы отдельного процесса познания, несомненно, в общем и целом совпадают.

Вопрос о последовательности изложения категорий представляет интерес не только с научной, но и с методической точки зрения. Тот порядок изложения категорий, который избран в данной книге, не может, конечно, рассматриваться как уже достигнутое решение данного вопроса. Однако, избрав предлагаемый порядок изложения категорий, авторы руководствовались определёнными соображениями. Всякое познание начинается с познания явлений. Оно есть углубление в сущность. Исходным при этом является познание причинно-следственных связей, раскрытие которых позволяет обнаружить необходимость процессов природы, неразрывно связанную со случайностью. В необходимости в свою очередь выражен закон. Знание этих связей позволяет всесторонне раскрыть содержание явлений, определяющее и их форму, процесс превращения возможности в действительность, связь единичного со всеобщим, их переходы друг в друга.

Наряду с категориями, отражающими как объективные связи между предметами, так и движение мысли, материалистическая диалектика как теория познания исследует ряд других категорий, выражающих закономерности самого процесса познания: абстрактное и конкретное, логическое и историческое, анализ и синтез, индукцию и дедукцию и др.

В данную книгу включены статьи, посвящённые первым двум парам названных категорий.

Само собой разумеется, что вопрос о субординации категорий здесь специально не рассматривается. Его дальнейшая разработка требует коллективных усилий всех философов-марксистов.

Конкретное применение категорий — условие научного познания и связи теории с практикой

Категории материалистической диалектики являются категориями всеобщности, т. е. они представляют собой мысленные выражения таких сторон и моментов действительности и её развития, которые свойственны всем явлениям объективного мира. Эта всеобщность категорий объясняет нам их важное методологическое значение для всякого научного мышления, а также для практической деятельности. Их природа как формы выражения наиболее общих сторон и существенных связей, наиболее общих моментов развития действительности требует умения правильно оперировать ими. Этот вопрос настолько важен, что его нужно рассмотреть специально. В категориях, как наиболее общих понятиях, действительность выступает в обобщённом виде. Даже в менее общих понятиях, которыми человек оперирует в обыденном мышлении или с которыми имеют дело конкретные науки, схвачены **важные общие** связи и отношения единичных, конкретных явлений. Что же говорить о таких широких и предельно общих понятиях, как «содержание», «форма», «необходимость», «причина», «следствие», «возможность», «действительность» и т. д. Какое огромное многообразие самых различных по своему качеству явлений и процессов выражается в каждой из этих категорий! Связь и взаимодействие, например, содержания и формы имеют место и в явлениях неорганической природы и органической природы, причём каждая из этих областей природы состоит в свою очередь из многих различных, специфических по своему качеству подразделений (например, органическую природу составляют микроорганизмы, различные виды растений, животных, человек). Связь и взаимодействие содержания и формы проявляются и в различных процессах общественной жизни, в разных по своему общественному характеру способах производства и т. д.

Было бы грубейшим упрощением думать, что всё искусство оперировать категориями содержания и формы, как и остальными категориями диалектики, заключается в том, чтобы подводить самые различные конкретные явления под эти общие понятия и ограничиться рассуждениями о том, что вот это — содержание, а это — форма, что содержание определяет форму, а форма воздействует на содержание и т. п.

Такое механическое подведение конкретных явлений и процессов под общие понятия далеко от подлинно диалектического подхода. Категории диалектики лишь тогда выполняют свою роль «опорных пунктов» познания и практики, когда они *конкретизируются* применительно к *данному* явлению, к *данной* ситуации.

Вопрос о конкретном применении категорий диалектики есть вопрос о связи теории с практикой. Знание общих диалектических категорий ещё не даёт гарантии такой связи. Можно великолепно знать эти категории и быть оторванным от живой практики, если категории диалектики употребляются не как орудие исследования и познания *конкретных* процессов, *конкретных* ситуаций.

Выше было показано, что категории образуются в результате восхождения от конкретного к абстрактному, от единичного к общему. Но после того как категории выведены, познание развивается как бы в обратном направлении — от абстрактного и общего к конкретному и особенному. Задача познания заключается не только в том, чтобы вывести законы и категории как выражения всеобщности. Знание общих законов и категорий необходимо для того, чтобы с их помощью лучше познать конкретное, т. е. живое многообразие явлений и процессов, с которыми человек непосредственно имеет дело. Вот почему, определяя значение общего, Ленин указывает, что оно есть *«ступень к познанию конкретного...»*¹.

Теоретическое и практическое значение категорий диалектики состоит именно в этом: они есть ступеньки к познанию конкретного. Тот, кто пытается застрять на общем и не выходить за его пределы, впадает в отвлечённость, означающую не что иное, как отход от жизни и практики. Тот, кто ограничивает себя знанием лишь конкретного, одних фактов без стремления осветить кон-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 261.

кретное светом общего — законов и категорий, тот впадает в плоский эмпиризм, также препятствующий связи теории с практикой. Только сочетание знаний общих законов и категорий с применением их к исследованию конкретного во всём его многообразии и специфичности даёт возможность подлинно научного подхода к действительности. И в этом заключено огромное значение категорий диалектики для науки и практики.

Возьмём, например, такую важную категорию диалектики, как скачок. Она очень важна для научного анализа общественных процессов, как и явлений природы. Мышление не может обойтись без этой категории, ибо она даёт знание о закономерности перехода от старого качества к новому. Всякое коренное, качественное изменение явления означает скачок от старого состояния к новому. В этом смысле категория скачка служит опорным пунктом нашего познания и практики.

Но одного знания этой закономерности развития, выражаемой категорией скачка, недостаточно. В реальной жизни нет абстрактных скачков, «скачков вообще». Есть вполне определённые скачки, конкретные формы которых зависят от многих условий и обстоятельств. Ленин высмеивал тех социалистов, которые, зная, что переход от капитализма к социализму означает «скачок», абстрактно пользовались этой категорией, не делая никаких усилий для того, чтобы конкретизировать это общее понятие.

В современных условиях, когда совершается переход к социализму ряда стран, особенно важно учитывать необходимость конкретно применять те или иные категории диалектики, исходя из конкретных условий каждой отдельной страны.

Великая Октябрьская социалистическая революция, которая привела к построению социализма в нашей стране, переход к строительству социализма в странах народной демократии, китайская революция, открывшая путь к социализму народам Китая,— всё это есть революционные скачки от старого качественного состояния этих стран к новому состоянию. Но насколько своеобразны конкретные формы перехода всех этих стран к социализму при общности коренных основ их пути к одной и той же цели! Значение диалектического подхода к решению единой задачи во всех этих странах проявляется не в том, что повторяется

общая истина о переходе к социализму путём революционного скачка, а в применении этой важнейшей истины к конкретным своеобразным условиям и понимании тех особенностей развития, которые вытекают из конкретных обстоятельств каждой страны и из специфики современного международного развития.

Ярким примером творческого, конкретного применения диалектики и её категорий к анализу принципиальных вопросов современного международного развития служат решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Обобщая практику перехода ряда стран к социализму, эти решения исходят из того, что единое содержание этого перехода проявляется и впредь будет проявляться в многообразных формах, в том числе и в форме мирного перехода путём завоевания трудящимся народом большинства в парламенте и превращения последнего в орудие социалистических преобразований. Такой подход не только опирается на категории диалектики — в данном случае категории скачка, содержания и формы, сущности и форм её проявления и др., но и даёт образец *конкретизации* этих общих категорий применительно к современным историческим условиям.

Именно такого подхода требовал всегда Ленин, когда он боролся против отвлечённого применения общих принципов коммунизма к развитию каждой отдельной страны. Ленин всегда подчёркивал, что задача состоит в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому своеобразию в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране.

Не только в общественных науках и общественной практике важно уметь конкретно применять общие понятия и категории. В естествознании также большое значение имеет умение, искусство правильно оперировать понятиями. Естествознание новейшего времени даёт немало примеров того, как неумение правильно, гибко применять общие философские категории порождало у естествоиспытателей идеалистические шатания, которые всячески поддерживались и раздувались идеалистами. Достаточно напомнить пример с такой основополагающей философской категорией, как материя. В связи с новыми открытиями в конце XIX века по вопросу о строении материи ряд учёных сделал вывод о том, что «материя ис-

чезла». На самом деле материя не исчезла и не могла исчезнуть, так как она есть объективная реальность, существующая независимо от сознания людей и познаваемая нашими ощущениями, представлениями, понятиями. Понятно, что объективная реальность, существующая в многообразных формах, при любых условиях и открытиях науки не может считаться «исчезнувшей».

Между тем этот странный вывод некоторые физики пытались подкрепить новыми данными науки, означавшими великий прогресс в познании природы. Известно, что раньше, до революции в физике, с понятием материи связывали неделимость атома, постоянство массы, неизменность химических элементов и т. д. Но оказалось, что атом делим и изменчив, были открыты электроны, а затем и другие элементарные частицы, масса оказалась также непостоянной, изменяющейся, было установлено, что химические элементы изменяются и превращаются друг в друга. Изменились, следовательно, старые *представления* о материи, понятия науки о материи стали более глубокими, более точными, конкретными. Искусство оперирования общими философскими категориями и заключалось в данном случае в том, чтобы уметь правильно применить категорию материи к этим новым открытиям, понять, что развитие науки неизбежно уточняет старые представления о строении материи, отбрасывает некоторые из них, как неправильные, раздвигает рамки познания и не только не отрицает, но, напротив, подтверждает, укрепляет материалистический подход к науке. Как бы ни изменялись конкретные представления о материи, ничто не может поколебать факт существования материи, её объективную реальность. Ум человеческий, указывал Ленин по поводу революции в физике, открыл много «дикийного» в природе и в дальнейшем откроет ещё больше, однако это никогда не приведёт к выводу, что природа есть создание человеческого ума, духа и т. п. Неумение мыслить диалектически — вот что главным образом было причиной того, что физика «свихнулась в идеализм».

Примером того, к каким опасным последствиям приводит неумение конкретно применять философские категории к развивающейся науке, может служить отношение ряда зарубежных физиков к проблеме причинности в современной атомной физике. Детерминизм, принцип при-

чинной обусловленности явлений всегда был одним из основных устоев физики, как и всего естествознания. Новые открытия науки, проникновение человеческой мысли в недра атома, открытие двойственной — корпускулярной и волновой — природы элементарных частиц значительно усложнили и видоизменили представления о причинности по сравнению с теми понятиями, которые были выработаны в старой классической физике, исследовавшей более крупные материальные тела и их движение. Вместо того чтобы обнаружить специфику проявления закона причинности в мире мельчайших материальных частиц, некоторые физики пришли к ошибочному заключению о том, что движение электронов не детерминировано, что электроны обладают «свободой воли» и т. п.

Трудности роста развития науки используются для того, чтобы укрепить позиции философского идеализма и подорвать растущее влияние на учёных диалектического материализма. В то время как происходит процесс всё более и более глубокого проникновения диалектического материализма в науку о природе, конкретного применения его в самых разнообразных областях естествознания, идеалисты утверждают, будто марксистская философия, законы и категории материалистической диалектики бесплодны для науки. Они хотели бы изгнать из естествознания диалектические законы и понятия.

Один из наиболее ярых современных противников диалектического материализма американский философ Сидней Гук в статье «Диалектический материализм и научный метод», пытаясь всячески умалить значение диалектики для естествознания, требует указать хотя бы «на единственный случай в истории познания, который был бы открыт или объяснён терминами диалектического метода».

Это чуть ли не самый сильный «довод», которым оперируют противники марксизма против материалистической диалектики. Но «довод» этот не выдерживает ни малейшей критики. Законы, категории и понятия диалектики не выдуманы человеческим умом. Они отражают реальные объективные законы, связи и отношения явлений самой природы. Нельзя научно мыслить о природе, о её законах и процессах, не применяя таких логических категорий, как содержание, форма, противоречие, необходимость, случайность, причина, следствие и т. п., ибо в них

выражены реальные свойства и связи природы. Можно не знать этих категорий, не быть сознательными диалектиками, но сила воздействия объективных диалектических законов природы заставляет в этом случае естествоиспытателей мыслить стихийно-диалектически. Энгельс был прав, когда он писал о естествоиспытателях, желающих освободиться от влияния всякой философии, что так как без мышления нельзя двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, то они нередко попадают в плен худшей философии, сбивающей их с толку.

Несомненно, история познания свидетельствует о том, что, если не иметь в виду последние десятилетия, многие, можно даже сказать абсолютное большинство учёных, делавших выдающиеся открытия в науке, не знало диалектического материализма и, следовательно, не объясняло сознательно своих открытий в «терминах диалектического метода». Но это нисколько не колеблет того факта, что многие и многие из них были стихийными материалистами и диалектиками. Более того, диалектический метод, законы и категории диалектики были сформулированы Марксом и Энгельсом на основе великих открытий естествознания.

Дарвин, например, не был сознательным диалектиком, но вся его теория происхождения видов основана на принципе развития, что составляет важнейшую особенность диалектического подхода к действительности. Не случайно, что только тогда, когда биология встала на позиции признания развития, изменения органического мира, она стала подлинной наукой. Дарвинизм был одним из главных источников, из которых основоположники марксизма черпали данные для своего диалектического метода. Не зная диалектического учения о категориях необходимости и случайности, Дарвин тем не менее под воздействием фактов исходил из того, что случайные вначале признаки, приобретаемые растениями и животными в процессе приспособления к условиям их существования, становятся под влиянием естественного отбора необходимыми, т. е. он, не сознавая того, мыслил диалектически.

Менделеев также, подобно Дарвину, не был сознательным диалектиком, но открытый им периодический закон есть не что иное, как проявление действия диалектического закона перехода количественных изменений в каче-

ственные. Не пользуясь осознанно диалектическими категориями качества, количества, скачка, перехода количественных изменений в качественные, он фактически мыслил этими категориями — иначе он не мог бы открыть периодического закона.

Мы привели лишь два примера из бесконечного множества других возможных примеров. Именно история познания доказывает закономерность и необходимость перехода всего естествознания на позиции диалектического материализма. Конечно, этот переход, совершающийся под воздействием законов самой природы, чрезвычайно сложен, будучи связан с необходимостью преодоления тиранического влияния всевозможных ошибочных концепций, но он происходит, и ничто не способно его остановить.

Особенно благоприятные условия для этого процесса созданы развитием науки за последние десятилетия, когда новейшие открытия принуждают естествоиспытателей волей или неволей мыслить гибкими диалектическими категориями и с позиций диалектического материализма осмыслить исторический путь развития науки.

«Следует признать,— писал выдающийся французский учёный П. Ланжевен,— что я хорошо понял историю физики только с того момента, когда познакомился с основными идеями диалектического материализма»¹.

В течение двадцати пяти лет физик Луи де Бройль, внёсший огромный вклад в квантовую механику, разделял ошибочный субъективистский взгляд, согласно которому в мире микрочастиц отсутствует причинность. Теперь он отказался от этого взгляда, поняв, что логическая категория причинности столь же неотъемлема от научного мышления, как, скажем, и категория объективной реальности материи. Физик, говорит он, «инстинктивно остаётся «реалистом», и у него для этого есть некоторые веские основания; субъективистские толкования всегда будут производить на него тягостное впечатление, и я думаю, что в конце концов он будет счастлив избавиться от них»².

¹ П. Ланжевен, Избранные произведения, Издательство иностранной литературы, М. 1949, стр. 420.

² «Вопросы причинности в квантовой механике». Сборник переводов, Издательство иностранной литературы, М. 1955, стр. 31.

Сейчас трудно и просто невозможно отрицать тот факт, что современное развитие атомной теории блестяще подтверждает идею, высказанную Лениным, о неисчерпаемости атома и изменчивости всех форм материи. А эта идея была выдвинута Лениным задолго до появления экспериментального материала, на основании законов диалектического мышления.

Вопреки утверждениям врагов научного прогресса всё больше и больше становится естествоиспытателей, которые осознают не только то, что для научного мышления нужны логические категории, но и то, что только материалистическая диалектика даёт эти категории. Для примера сошлёмся на работы ряда физиков, сознательно исследующих проблемы квантовой физики с позиций диалектического материализма (Ж. Вижье, Д. Бом и др.). Вполне естественно, что особенно много таких естествоиспытателей в тех странах, где победила социалистическая идеология, философской основой которой является диалектический материализм. Ярким представителем этой новой формации учёных был И. В. Мичурин. Только откровенные ретрограды, заинтересованные в том, чтобы во всей истории познания невозможно было обнаружить хотя бы одного случая сознательного использования диалектики в исследовании природы, могут отрицать крупнейшие научные заслуги этого выдающегося естествоиспытателя. Но как раз Мичурин заявлял, что диалектика и её законы и категории были руководящей нитью в его работе. Говоря о диалектическом принципе развития и изменения, он указывал: «Этот принцип является всегда основным принципом в моих работах, проходя красной нитью через все мои многочисленные опыты, которые я ставил в деле улучшения существующих и в деле выведения новых сортов плодово-ягодных растений»¹.

Таким образом, как история познания, так и современное развитие науки свидетельствуют совсем о другой закономерной тенденции, нежели та, о которой говорят идеалисты типа Сиднея Гука. Вопрос о всеобщем признании естествоиспытателями диалектической логики как научной логики мышления есть лишь вопрос времени.

¹ И. В. Мичурин, Сочинения в четырёх томах, т. I, Сельхозгиз, М. 1948, стр. 483—484.

Вместе с тем нужно учесть, что развитие естествознания и общественных наук, рост общественной практики имеют огромное значение для развития, конкретизации самих философских понятий и категорий. Применение их к анализу новых исторических условий развития общества, новых данных науки и практики обогащает их содержание. Развивающаяся наука раскрывает новые и новые стороны и грани категорий и законов диалектики. Поэтому Ленин определял диалектику как живое при вечно увеличивающемся числе сторон познание, «с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...»¹.

Это можно видеть на приведённом выше примере категории материи. Конечно, общее определение материи как философской категории не изменяется с ростом наших знаний о ней. При всех условиях мы определяем материю как объективную реальность, данную нам в ощущениях, и это очень важно, чтобы не сбиться с материалистических позиций. Вместе с тем само понятие, представление о материи как объективной реальности обогащается, конкретизируется. Мы сейчас иначе, несравненно глубже понимаем материю, чем, скажем, французские материалисты XVIII века или Фейербах и другие материалисты XIX века, также считавшие материю объективной реальностью. Значительно изменились представления о материи и по сравнению с тем уровнем знаний, который нашёл своё отражение в работах Энгельса. Мы теперь знаем, например, что существуют две основные формы материи — вещество и поле, которые связаны между собой, способны превращаться друг в друга, как в случае с превращением фотона в позитрон и электрон, и наоборот. Понятно, что такое развитие конкретных знаний о материи далеко не безразлично и для общей философской категории материи, ибо мы должны применять и применяем её к современному уровню знаний.

Или возьмём в качестве примера другую категорию: диалектическое противоречие. Как общая философская категория она обобщает одну из важнейших закономерностей развития — развития путём возникновения и преодоления противоречий. Эта закономерность в самых общих чертах не претерпевает изменений в любых истори-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 330.

ческих условиях развития общества. Но столь же несомненно, что с новыми историческими условиями возникают какие-то новые стороны, оттенки проявления противоречий, что обогащает, углубляет саму категорию противоречия. В условиях социализма, например, на первый план выдвинулась проблема неантагонистических противоречий и специфического характера их развития и разрешения, что раньше, в условиях антагонистических формаций, не имело главенствующего значения. Исследование этой новой проблемы, поставленной самой жизнью, обогащает, расширяет категорию противоречия, раскрывает новые её стороны и моменты.

Так обстоит дело с любой философской категорией.

Таким образом, не только категории важны для научного познания и практики, но и сами категории сохраняют своё значение «опорных пунктов» познания лишь при условии, что они обогащаются новыми достижениями науки и новыми условиями исторического развития общества.

Г л а в а в т о р а я

ЯВЛЕНИЕ, И СУЩНОСТЬ

Явление и сущность выражают сложное единство внутренней и внешней сторон предметов, вещей, процессов объективной действительности. Как категории познания, сущность и явление отражают диалектическое единство чувственного и рационального моментов процесса познания, раскрывающего на основе практики глубокую сущность вещей. Правильное решение проблемы категорий явление и сущность, правильное понимание их диалектической взаимосвязи неразрывно связано с научной разработкой теории познания вообще. Если проследить историю борьбы материалистов и идеалистов, сенсуалистов и рационалистов по вопросам гносеологии, то можно увидеть, что одним из важных предметов спора между ними всегда являлась проблема категорий явления и сущности, проблема соотношения чувственного и рационального моментов познания. При этом до создания марксистской теории познания ни одно из философских направлений не могло удовлетворительно решить эту важную проблему.

Ошибка материалистов-сенсуалистов заключалась в недооценке роли абстрактного мышления в раскрытии сущности явлений, в неспособности понять сложную диалектику процесса познания. В противовес им материалисты-рационалисты недооценивали роль чувственного познания. Те и другие, кроме того, не понимали определяющей роли практики в познании, роли преобразующей человеческой деятельности как основы развития познания.

Не могли, понятно, решить проблему соотношения между явлением и сущностью и идеалисты. Идеалисты-агностики (Кант и др.) вообще отвергали возможность познания сущности и разрывали сущность и явление на две отдельные изолированные части, ограничив объект познания лишь миром явлений. Идеалисты-рационалисты, признавая активную роль мышления в познании, до такой степени раздували этот момент познания, что объявляли его творцом действительности, главнейшей сущностью всех явлений мира.

Идеалисты-сенсуалисты, наоборот, абсолютизировали роль чувственного познания, признавали ощущения первичными элементами мира, объявляя весь мир лишь комбинацией ощущений.

Диалектический материализм, созданный Марксом и Энгельсом, совершенно по-иному решил проблему сущности и явления. Он преодолел односторонность, ограниченность, метафизичность старого материализма и отбросил претензии идеалистов сконструировать мир из логических понятий. С точки зрения диалектического материализма сущность и явление — две неразрывно связанные стороны объективной действительности, одна из которых, а именно внутренняя сторона (сущность), не может проявиться иначе, как через внешнюю сторону (явление). При этом внутренняя сторона и внешняя сторона как форма её проявления никогда непосредственно не совпадают друг с другом. Именно это их несовпадение и служит необходимой причиной самого процесса научного познания. Цель науки в том и состоит, чтобы за внешним, непосредственно видимым вскрывать основу, сущность вещей, их другую, скрытую, внутреннюю сторону.

Эта диалектика сущности и явления служит основой для правильного решения вопроса о взаимосвязи чувственного познания и абстрактного мышления в раскрытии сущности вещей. Теория познания диалектического материализма исходит из того, что человек в процессе практической деятельности вступает во взаимодействие с предметами и явлениями объективного мира, отражает их непосредственно через органы чувств, а затем подвергает данные органов чувств логическому анализу путём абстрактного мышления. Так он идёт от познания явления к познанию его сущности, от непосредственного, внешнего, к опосредованному, внутреннему.

Сущность есть внутренняя, относительно устойчивая сторона объективной действительности, скрытая за поверхностью явлений и выражающаяся в них.

Явление есть внешняя, более подвижная и изменчивая сторона объективной действительности, представляющая собой форму выражения сущности.

Рассмотрим более подробно характерные особенности взаимосвязи категорий сущности и явления.

Единство сущности и явления

Диалектический материализм рассматривает категории сущности и явления в их диалектическом единстве. Как без явлений не может быть никакой сущности, так и без сущности не может быть никаких явлений. Всякая сущность так или иначе проявляется. Любое явление предполагает свою сущность. В. И. Ленин замечает по этому поводу: «Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно»¹.

Сущность как нечто внутреннее обнаруживается на поверхности в форме тех или иных явлений. Например, дом — помещение для жилья человека, как сущность, проявляется в самых разнообразных формах. Понятие «дом» охватывает и многоэтажные огромные здания, и маленькие одноэтажные хижины, оно охватывает кирпичные и деревянные дома, дома с различными типами кровли, с разными формами окон, различной внешней окраской, с различными архитектурными украшениями. В миллионах различных домов проявляется одна и та же сущность — дом вообще, жильё человека.

Нечто подобное мы заметим и на примере листа как органа растения. Сущность листа выражается в его функциях дыхания и преобразования световой энергии в химическую. Но в каком множестве внешних проявлений выражается эта сущность! Например, иглы хвойных деревьев совсем не похожи на листья тополя или берёзы, листья гороха сильно отличаются от листьев дуба или клёна и т. д.

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 237.

Рассмотренные примеры показывают, что сущность и явление органически связаны друг с другом, они не выступают отдельно, самостоятельно, сами по себе. Они всегда находятся в единстве. Как можно, например, отделить звук от его сущности — колеблющейся упругой среды? Всякое колебание упругой среды вызывает определённые звуковые явления. Всякий звук предполагает колебательный процесс.

Взаимосвязь сущности и явления есть единство единого и множества, она выражает многообразное проявление единого. Все приведённые выше примеры подтверждают именно такой характер взаимосвязи между сущностью и явлением. Покажем это ещё на примере со световыми явлениями.

Природа не только многозвучна, но и многокрасочна. Достаточно взглянуть на разноцветный луг, на синее небо, на зелёную рощу, яркое оперение птиц, на солнечный спектр, чтобы убедиться в многообразии цветовых явлений. Однако всё это разнообразие цветов имеет одну и ту же сущность — электромагнитное излучение. Причём разнообразие цветовых явлений не исчерпывается той гаммой цветовых оттенков, которые доступны человеческому зрению. Есть ряд невидимых для человека лучей. Таковы ультрафиолетовые, инфракрасные, рентгеновы и другие лучи.

Изучение явлений электромагнитного излучения привело к созданию ряда отраслей науки и техники. Сюда относятся радиотехника, рентгентехника, спектральный анализ, астрофизика и др.

Знание сущности световых явлений позволяет широко использовать их в производстве, в технике связи, в медицине и в других областях. Применение электромагнитного излучения в радиовещании, радиолокации, в телевидении столь изумительно, что люди, жившие всего несколько десятков лет назад, сочли бы эти достижения науки за чудеса, так как тогда даже самая богатая фантазия не смогла бы придумать что-либо подобное.

Наличие единства между сущностью и её разнообразными проявлениями позволяет находить общее во многих единичных явлениях, открывать законы их развития: скрытое, внутреннее является, обнаруживает себя, познаётся.

Если, например, мы хотим оценить достоинства человека, понять его сущность, мы должны прежде всего

ознакомиться с его поступками, действиями, выяснить его отношение к людям, к работе. Нельзя утверждать, что тот или иной человек обладает прекрасными душевными качествами, если его поступки дурны; нельзя считать, что человек талантлив, если его талант нигде и ни в чём не проявился.

Требование оценки той или иной сущности по её проявлениям относится не только к человеку, но и к определённом обществу. Нельзя, например, судить об общественном строе США на основании саморекламы его ревностных сторонников. Мы должны судить о нём прежде всего по многообразию явлений общественной жизни США. К числу таких явлений надо отнести, во-первых, армию безработных; во-вторых, систематическое повышение цен на товары массового потребления, рост налогов, усиление эксплуатации трудящихся; в-третьих, безудержную гонку вооружений под прикрытием разговоров о мнимой агрессии со стороны СССР и, наконец, усиление полицейских репрессий. У всех этих многообразных, не похожих друг на друга явлений имеется одна общая сущность: погоня монополистических союзов за максимальной капиталистической прибылью. Ради достижения этой цели усиливается эксплуатация трудящихся внутри страны, делаются попытки поработить народы других стран, производится гонка вооружений, урезаются демократические права трудящихся.

Враждебный науке идеализм отрывает тем или иным образом явление от сущности. Это особенно ярко видно на примере агностицизма Канта (а также Юма) и современных агностиков.

Кант оторвал явление от сущности, форму от содержания, чувственное от логического. Сущность («вещь в себе») оказывается у него где-то за пределами нашего познания, а явления становятся доступными нам лишь благодаря ощущениям, приведённым в порядок путём априорных форм мышления. Познание, по Канту, представляет собой нечто вроде барьера, разделяющего природу и человека, сущность и явление. Человеческий рассудок обречён Кантом действовать лишь в сфере так называемого «опыта», представляющего собой соединение чувственных восприятий с априорными формами рассудка. Попытки разума выйти за пределы этой сферы неизбежно

наталкиваются на неразрешимые противоречия (антиномии), в которых разум безнадежно запутывается.

Наличие «антиномий», приписываемых Кантом лишь человеческому разуму, служит, по его мнению, одним из ярких свидетельств в пользу тезиса о непознаваемости «вещей в себе», или сущности явлений. Трудности, с преодолением которых неизбежно связан процесс познания сущности, Кант использовал для того, чтобы ограничить науку ради религии.

Агностицизм Канта, его попытки оторвать сущность от явления были подвергнуты В. И. Лениным острой критике в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин указывает: «...Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм),— все это пустой вздор... выверт, выдумка»¹.

Для современного субъективного идеализма особенно характерно отрицание сущности вещей, наличия закономерных существенных связей между явлениями природы и общества. Например, известный английский философ Рассел утверждает, что в мире нет ничего, кроме «логических конструкций», т. е. продуктов человеческого сознания. Поэтому Рассел предлагает науке лишь описывать различные явления, а не заниматься поисками несуществующих, по его мнению, законов. Сами научные абстракции, по Расселу, являются не отражением существенных сторон действительности, а лишь «свободным» творением мысли.

Один из представителей экзистенциализма, Карл Ясперс, заявил, что весь мир представляет собой «обманчивую видимость», где не может быть никакой закономерной связи.

Усилия реакционных буржуазных философов и экономистов направлены главным образом на то, чтобы вну-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 90—91.

шить людям представление о мире как хаосе разрозненных явлений, не подчинённых никаким закономерностям. Идеологи империализма сознают, что понимание трудящимися действия объективных законов развития мира, понимание ими сущности общественных явлений представляет большую опасность для капитализма. Проникновение в сущность общественных явлений позволяет вскрыть истинную природу капиталистического общества, понять историческую неизбежность гибели капитализма. Вот почему идеологи империализма борются с марксистской философией, научно обосновывающей историческую неизбежность замены капитализма социализмом и обнажающей перед народными массами эксплуататорскую сущность империализма.

Именно поэтому прагматисты, семантики, логические позитивисты и т. п. упорно стремятся доказать, что мир есть не объективная реальность, а лишь функция нашей воли, деятельности нашего сознания. «Мир таков, каким мы его делаем», — заявляют прагматисты. Этим они хотя бы хотят сказать, что всё в мире зависит от субъекта, от его подхода к вещам. «Единственная реальность, с которой мы имеем дело, — это область словесных конструкций, сочетаний слов», — говорят идеалисты-семантики. Это означает, что человек познаёт не вещи, а словесные обозначения вещей, причём сама вещь в понимании семантиков выступает не как объективная реальность, а лишь как «значение слова».

Таким образом, сущность явлений понимается современными субъективными идеалистами как результат произвольного оперирования словесными обозначениями, в которые мы вкладываем тот или иной смысл. В полном соответствии с отрицанием объективной сущности вещей находится и отрицание субъективными идеалистами научной ценности абстрактных понятий.

Попытки растворения сущности в хаосе видимости явлений ничуть не мешают буржуазным философам и экономистам преподносить вместо действительных сущностей и научных абстракций вымышленные сущности и лженаучные абстракции. Например, английский экономист Кейнс считает вполне возможным «плановое» руководство капиталистическим хозяйством, а сущность кризисов и безработицы «объясняет» тем, что будто бы людям свойственно увеличивать потребление в меньшей

степени, чем увеличивать доход. По Кейнсу выходит, что рабочим не следует вести классовую борьбу, а надо по-усерднее заниматься изучением психологии, чтобы научиться увеличивать потребление.

На этом примере хорошо видно, кому служит отрицание или извращение подлинной сущности явлений.

Агностицизм принимает более замаскированную форму в области естествознания, так как здесь прямо выступить против научных истин — значит разоблачить себя как противников науки. Это можно видеть на примере так называемого операционализма — одной из разновидностей современного субъективного идеализма.

Операционалисты прямо не отрицают возможность познания мира. Они лишь утверждают, что, производя научные эксперименты, мы имеем дело не с действительно происходящими процессами и явлениями, а лишь с теми или иными показаниями приборов, которые мы непосредственно воспринимаем. Отсюда делается вывод, что мы не имеем оснований утверждать что бы то ни было о сущности происходящих явлений, а можем судить только о показаниях приборов, применяемых нами в процессе исследования.

Иными словами, данные науки не являются отражением сущности вещей, не являются объективными истинами, а представляют собой лишь условные обозначения показаний приборов, результатов наблюдений, т. е. имеют символический, субъективный характер.

Ясно, однако, что и этот поход против науки терпит полную неудачу. Как бы ни были сложны приборы, при помощи которых наука раскрывает сокровенные тайны природы, они являются лишь всё более совершенствуемым средством познания человеком сущности явлений объективного мира.

Другого рода заблуждение в трактовке категорий сущности и явления свойственно представителям объективного идеализма. Для них характерны абсолютизация абстрактного мышления, сущности, принижение роли чувственного познания.

Например, с точки зрения древнегреческого идеалиста Платона весь мир состоит из вечных и неизменных идей, составляющих истинную сущность всякого бытия. Тенями, отражениями этих духовных сущностей являются видимые нами, т. е. чувственно воспринимаемые, вещи.

Сущность предметов, явлений как совокупность наиболее важных и общих их признаков у Платона приобретает фантастическую форму каких-то идеальных, абстрактных существ, живущих самостоятельной жизнью, а реальные явления выдаются за нечто жалкое и призрачное.

Заблуждения подобного рода свойственны и объективному идеалисту Гегелю, хотя он имеет немало заслуг в разработке категорий диалектики.

В конспекте книги Гегеля «Наука логики» В. И. Ленин, подвергая идеалистические взгляды Гегеля резкой критике, в то же время отмечает ряд положительных моментов в его учении о сущности и явлении. К ним относятся, в частности, критика Гегелем кантианства, отгораживающего сущность от явления, отрицающего возможность познания «вещей в себе», критика метафизического подхода к познанию сущности явлений. Гегель противопоставляет метафизике свою точку зрения на познание, как на вечный процесс проникновения во всё более глубокую сущность явлений.

Тем не менее, несмотря на значительные заслуги в разработке категорий сущности и явления, Гегель не сумел понять их действительного взаимоотношения. По Гегелю, сущность — это некая абстрактная абсолютная идея, повелевающая миром явлений.

Современный объективный идеализм, лишённый всяких следов диалектического понимания сущности и явления, решает этот вопрос в откровенно религиозном духе. Так, например, «критический реалист» Д. Сантаяна сущность вещей принимает за нечто божественное, стоящее над реальными вещами. Исходя из этого, он считает сущность неизменной, постоянной, вечной в отличие от изменяющихся предметов и явлений. У неотомистов единственной реальной сущностью является трансцендентное существо, бог, действия которого отражаются в мире материальных тел, управляемых божественной волей. У персоналистов вся вселенная выступает как совокупность духовных реальностей, персон, во главе которых стоит верховная личность — бог.

Таким образом, и современные субъективные и объективные идеалисты извращают вопрос о соотношении сущности и явления. Их усилия в конечном счёте направлены к тому, чтобы породить неверие в силы человеческого разума, убедить трудящихся в том, что бесполезно тратить

энергию на отыскивание сущности явлений, опорочить учение диалектического материализма об объективных закономерностях развития мира.

Диалектический материализм, опираясь на данные науки и практики, вскрывает полную несостоятельность всех разновидностей идеализма, всяких попыток отрицать сущность или приписать ей сверхъестественные свойства. Вскрывая диалектику явления и сущности, философия марксизма-ленинизма вооружает науку и практику средством познания и революционного преобразования действительности.

Противоречивый характер единства сущности и явления

Единство сущности и явления носит противоречивый характер. Сущность выражает нечто общее, явление — единичное; в сущности представлена внутренняя, глубинная, в явлении — внешняя, поверхностная сторона действительности; сущность более устойчива, спокойна, постоянна, явление отличается подвижностью, изменчивостью; сущность выражается посредством явлений, тогда как явление выступает прямо и непосредственно.

Важной формой противоречия между сущностью и явлением служит противоречие между общим и единичным. Например, звуки, цвета, температуры различны и индивидуальны, но сущность каждого из этих типов явлений представляет нечто общее. Это соответственно колебание упругой среды, электромагнитные волны, движение молекул.

Сущность жизни заключается в постоянном обмене веществ, при котором происходит непрерывное самообновление живого тела. Это — нечто общее. Однако это общее объединяет великое многообразие форм жизни (единичных явлений), начиная от простейших организмов и кончая человеком.

Проблему взаимосвязи сущности и явления как общего и единичного не мог правильно решить ни один из философов домарксовского периода. Одним из характерных примеров в этом отношении может служить знаменитый философ древности Аристотель.

В конспекте книги Аристотеля «Метафизика» В. И. Ленин несколько раз отметил, что Аристотель путается именно в диалектике общего и отдельного, понятия

и ощущения, сущности и явления. Колебания Аристотеля между материализмом и идеализмом отчасти были вызваны именно тем, что он не мог понять диалектики сущности и явления как общего и отдельного, не мог понять, что сущность, т. е. общее,— это совокупность некоторых общих, существенных сторон, признаков индивидуальных предметов, отвлекаемых от них сознанием в процессе абстрактного мышления. Для Аристотеля был неясен переход от ощущения к мышлению, от явления к сущности, и он, как и ряд других философов, совершал своеобразный скачок, делал неожиданный переход с пути истины на путь заблуждения, переходил, по выражению В. И. Ленина, «от общего в природе к *душе*; от объекта к субъекту; от материализма к идеализму»¹.

Очень близко подошёл к решению проблемы сущности и явления как общего и единичного Гегель, но решал он эту проблему на идеалистической основе. Гегель превратил общее, сущность, в объективно существующее понятие, в абсолютную идею, в некую субстанцию мира. Такое идеалистическое превращение общих понятий в какое-то самостоятельное существо В. И. Ленин называл диким, ребяческим, нелепым заблуждением.

Диалектический материализм рассматривает сущность и явление как две взаимосвязанные стороны единой объективной действительности. Задача познающего разума состоит в том, чтобы в явлении, т. е. в единичном, уметь найти, выделить сущность, общее, а в общем видеть существенную сторону, часть, черту единичного.

Другой важной формой различия между сущностью и явлением служит противоречие между ними как между внутренней и внешней сторонами объективной действительности.

Сущность является выражением внутренних, скрытых, глубинных процессов объективного мира. Таково движение молекул, атомов, электронов, такова природа тяготения, магнетизма, электричества. Мы не различаем непосредственных ударов молекул, не воспринимаем непосредственно сущности тяготения, магнетизма и электричества, мы ничего о них непосредственно знать не можем. И если бы все эти сущности не имели своей внешней стороны, то мы о них и вообще ничего сказать не могли бы. Но

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 251.

мы видим, что брошенные в воздух предметы неизбежно падают на землю; прикасаясь к вещи, мы ощущаем ту или иную степень её нагретости; о наличии электрического тока мы судим по нагреванию того или иного включённого в электрическую сеть электроприбора.

Значит, непосредственно мы сталкиваемся прежде всего с проявлениями сущности, с внешней стороной предметов, сущности же как таковой при всём старании непосредственно увидеть не сможем. Чтобы найти, вскрыть сущность, следует провести ряд опытов, специальных наблюдений, отделить существенное и важное от несущественного и случайного, произвести сложную аналитическую обработку полученных опытных данных — одним словом, требуется произвести глубокое научное исследование. Именно противоречие между сущностью и явлением является причиной того обстоятельства, что сущность многих явлений раскрывается наукой лишь в результате длительной работы, иногда в итоге многовековых исследований. Например, в течение тысячелетий люди считали, что Земля находится в центре вселенной и вокруг неё вращается Солнце, а в действительности оказалось, что Земля вращается вокруг своей оси, совершая в течение суток полный оборот, и, кроме того, обращается вокруг Солнца в течение года. Столь длительное время неправильное представление существовало потому, что между внешней стороной, явлением (кажущееся вращение Солнца вокруг Земли) и внутренней стороной, сущностью (вращение Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца) имеется несовпадение, противоречие, которого человек сразу раскрыть не мог.

Долгое время люди считали (идеалисты и сейчас держатся этого неправильного мнения), что ход истории определяется волей, желаниями, направлением политики тех или иных государственных деятелей, царей, героев, выдающихся личностей. Внешняя видимость исторических явлений скрывает подлинную сущность развития истории — деятельность народных масс. За деятельностью выдающихся лиц трудно подчас разглядеть подлинную роль той глубинной, незаметной, на первый взгляд простой и скромной работы производителей материальных благ, которая является главной, определяющей силой развития общества. Это противоречие между внешним, бросающимся в глаза, и внутренним, скрытым, непосредственно не воспринимаемым процессом впервые удалось раскрыть

марксизму, доказавшему, что народ есть творец истории.

Можно привести многочисленные примеры противоречий между внешним выражением и внутренней сущностью из области экономических отношений капиталистического общества. Взять хотя бы заработную плату. Внешне она представляется как цена труда, тогда как в действительности, по своей внутренней природе, это стоимость рабочей силы. Внешнее проявление и здесь не совпадает с внутренним, противоречит ему.

Противоречие между сущностью и явлением выступает также в форме противоречия между устойчивым и неустойчивым, спокойным и беспокойным, более или менее постоянным и быстро меняющимся. Примеры такого рода мы можем наблюдать всюду. Взглянем хотя бы на течение быстрой реки. Мы заметим там водовороты, водопады, пену, в некоторых местах — встречные потоки, а в заливах увидим относительно спокойное зеркало воды. Эти явления отличаются непостоянством, они быстро меняются. Однако в быстрой смене этих явлений мы можем обнаружить нечто более постоянное и устойчивое, нечто общее, то, что составляет их сущность. Это — глубинный поток, неизменно направленный по склону реки, вниз, к её устью.

В. И. Ленин по этому поводу заметил: «...несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так „плотно“ держится, не так „крепко сидит“, как „сущность“. Примерно: движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. *Но и пена* есть выражение сущности!»¹.

Отмечая устойчивость и постоянство сущности, нельзя рассматривать это постоянство как абсолютную неподвижность. Сущность тоже изменяется, хотя характер её изменения отличен от характера изменения явлений: она изменяется значительно медленнее, чем явление. Характерная особенность сущности как раз и заключается в её относительном постоянстве. Именно это относительное постоянство сущности и подмечено Гегелем в его определении, что царство законов (данное определение целиком относится и к сущности) есть спокойное отображение существующего или являющегося мира.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 104.

Относительно этого определения В. И. Ленин заметил: «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое (словом «спокойное») определение. Закон берет спокойное — и поэтому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен»¹. В связи с этим Ленин делает и другое замечание: «Явление *богаче* закона»². Как следует понимать это замечание Ленина? Если сравнивать любой закон с его проявлениями, то можно увидеть, что закон не охватывает всего явления, он выражает лишь его существенную сторону, общую ряду других явлений, служащих выражением того же закона. То же самое относится и к сущности. Явления по сравнению с сущностью более многосторонни и многообразны, в них содержится вся полнота действительности: важное и неважное, основное и второстепенное. Сущность же, как основа явлений, заключает в себе лишь самые главные, необходимые, наиболее характерные признаки и стороны явлений.

Таким образом, положение о том, что явление богаче сущности, следует понимать именно в том смысле, что явление содержит в себе не только сущность, основу, но и ряд других, второстепенных, случайных признаков, зависящих от ряда обстоятельств. Однако этот тезис следует рассматривать диалектически. Если явление богаче сущности в одном отношении, то в другом, наоборот, сущность богаче явления. Она богаче в том отношении, что проявляется в массе самых разнообразных явлений, охватывает всю совокупность этих явлений и выступает в качестве определяющей их основы.

Итак, сущность и явление представляют собой диалектическое, противоречивое единство таких двух сторон действительности, которые непосредственно не совпадают друг с другом, отличаются друг от друга.

При исследовании противоречивого единства сущности и явления весьма важное значение имеет учёт того, что разные по своей природе сущности по-разному проявляются во внешних явлениях. Если мы рассмотрим характер проявления сущности капитализма и сущности социализма, то увидим огромную разницу между ними. Сущность процессов капиталистического общества по сравнению с процессами, совершающимися в социалистическом

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 126.

² Там же, стр. 127.

обществе, проявляется в извращённой, иррациональной форме, т. е. не только скрыта за поверхностью явлений, но, кроме того, имеет на поверхности ещё и искажённый вид.

Ярким примером извращённого выражения сущности в условиях капитализма являются капиталистические производственные отношения, принимающие искажённую форму отношений не между людьми, а между вещами, между товарами.

Извращённый характер проявления сущности при капитализме наблюдается не только в сфере экономических явлений, но и в сфере надстройки. Взять, например, буржуазную демократию. По внешнему своему облику это демократия, дающая народу свободу и равенство. Буржуазные идеологи широко рекламируют свою демократию, называют её истинной демократией, говорят о всеобщем и равном избирательном праве, о свободе инициативы, о всенародном характере буржуазного парламента и т. д.

А что же представляет собой буржуазная демократия в действительности? Какова её классовая сущность?

Сущность буржуазной демократии — диктатура буржуазии. Капитализм и буржуазную демократию В. И. Ленин называл наёмным рабством. Буржуазная демократия, говорил Ленин, является «...узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»¹.

В чём причина того, что сущность в условиях капитализма проявляется в извращённой, искажённой форме? Глубокой причиной этого является сама природа капитализма и прежде всего товарный характер капиталистической экономики, вследствие чего отношения между людьми выступают в виде вещных отношений.

Однако кроме этой основной, объективной причины имеются причины и субъективного порядка. Буржуазия сознательно прибегает к лжи и лицемерию, к сокрытию сущности во всех тех случаях, когда это помогает ей сохранить свои позиции, отразить ту или иную угрозу её господству, обмануть трудящихся.

Проявление сущности общественных отношений в условиях социализма коренным образом отличается от

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 222.

проявления сущности в условиях капитализма. Маркс в своё время предсказывал, что извращённые проявления экономических процессов, а следовательно, и извращённые представления их в человеческом сознании исчезнут лишь в условиях социализма, когда «отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой»¹.

Это предвидение Маркса полностью подтвердилось. Вследствие того, что в социалистическом обществе общественный характер производства гармонически сочетается с общественной собственностью на средства производства и произведённые продукты и товарное производство не имеет такого всеобщего характера, как при капитализме, сущность всех явлений при социализме выражается в их естественном виде, не принимая искажённую, уродливую форму. В отличие от капитализма, где производственные отношения между людьми принимают форму отношений между вещами, социалистические производственные отношения выступают в своей действительной форме — отношений товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников.

Труд работника социалистического общества не принимает формы частного труда, а выступает непосредственно как частица труда всего общества, как непосредственно общественный труд. Заработная плата при социализме не проявляется в искажённом виде, в форме цены труда, она не представляет собой и стоимости рабочей силы, поскольку человеческая рабочая сила в условиях социализма перестаёт быть товаром. Заработная плата при социализме представляет собой часть национального дохода, которая распределяется среди рабочих и служащих соответственно количеству и качеству затраченного ими труда.

Таким образом, сущность экономических явлений социалистического общества не облекается в форму искажённой видимости. То же относится и к явлениям надстроечного порядка.

Из этого не следует делать вывод, что сущность процессов социалистического общества лежит на поверх-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 86.

ности и непосредственно совпадает с явлением. И в условиях социализма сущность общественных отношений скрыта в глубине, представляет собой внутреннюю сторону объективной действительности. Эту сторону, например, нельзя познать посредством одного чувственного созерцания. Для этого требуется применить силу абстрактного мышления, произвести научный анализ.

Однако не только разные сущности, но и одна и та же сущность проявляется по-разному в зависимости от конкретных исторических условий. Возьмём в качестве примера государственный строй стран социалистического лагеря.

В СССР и в европейских странах народной демократии государственный строй по своей классовой сущности представляет диктатуру рабочего класса. Однако форма проявления этой классовой сущности различна. Это было предсказано ещё В. И. Лениным. В нашей стране в силу исторических условий диктатура пролетариата проявилась в форме Советов. Другие государственные формы приняла диктатура пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Там диктатура пролетариата была установлена в форме народной демократии. Причём в формах государств стран народной демократии тоже имеются некоторые оттенки и отличия в соответствии с историческими условиями каждой страны. XX съезд КПСС отметил, что много своеобразие в формы социалистического строительства вносит Китайская Народная Республика.

Анализируя разнообразие форм проявления диктатуры пролетариата, XX съезд сделал важный теоретический вывод о том, что эти формы будут в дальнейшем всё более разнообразны в зависимости от исторической обстановки. В условиях существования мощного лагеря социализма не исключена возможность для пролетариата отдельных стран завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие подлинно народной власти.

Всё это показывает, как важно учитывать влияние исторических условий на формы проявления той или иной сущности.

Понимание взаимосвязи между формой проявления сущности и теми объективными условиями, в которых сущность проявляется, имеет не только теоретическое, но

и огромное практическое значение. Оно позволяет нам более глубоко и всесторонне изучить сущность того или иного явления и тем самым правильно определить наше отношение к нему, найти ключ к решению соответствующих практических задач.

Познание как процесс раскрытия сущности в явлениях

Категории сущности и явления играют важную роль в процессе познания, так как всякое научное исследование связано прежде всего с раскрытием сущности явлений.

С точки зрения диалектического материализма познание есть процесс отражения объективной действительности сознанием человека, в ходе которого человек проникает во внутреннюю, недоступную для непосредственного восприятия сторону действительности, разрешая тем самым противоречие между сущностью и её внешними проявлениями.

В процессе познания человек прежде всего наталкивается на несовпадение внешней стороны, явления, с внутренней стороной — сущностью. Маркс указывал, что если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней.

Задача раскрытия различия, противоречия между сущностью и явлением требует сведения явлений к их сущности, обнаружения за видимым скрытой основы вещей. Эта задача решается при тесном взаимодействии чувственного познания и абстрактного мышления.

Содержанием процесса чувственного познания является преобразование энергии внешнего раздражения в нервный процесс восприятия действительности, превращение её в факт сознания. Органы чувств осведомляют мозг о передвижении предметов, о их величине, цвете, форме, запахе, о их состоянии и поведении, поскольку это проявляется в доступной для чувственных восприятий форме; они более или менее правильно отражают явления мира.

Соответствие чувственных образов объективным предметам и явлениям, снимком с которых они являются, подтверждается повседневной практической деятельностью людей, их жизненным опытом. Если бы чувственные

восприятия были ложными, то люди не могли бы ориентироваться в окружающей обстановке, не были бы способны правильно реагировать на воздействия внешней среды и неизбежно погибли бы в столкновении с силами природы.

Чувственное познание мира имеет свои пределы. Деятельность органов чувств не может простираться за так называемые пороги ощущений. Человек не в состоянии видеть все цвета, слышать все звуки, обонять все запахи, различать очень малые величины и т. д. Правда, человек способен раздвигать границы чувственного познания, расширять поле непосредственного живого созерцания путём вооружения своих естественных органов чувств различными приборами. Одни из них прямо и непосредственно повышают способность восприятия предметов, как, например, микроскоп, телескоп. Другие позволяют это делать косвенно, например, термометр, барометр, камера Вильсона, маятник Фуко и т. д.

Вооружение естественных органов чувств приборами позволяет человеку непосредственным взором проникать в далёкие миры, наблюдать жизнь мельчайших организмов, постепенно овладевать тайнами микромира. Однако и вооружённое приборами чувственное познание не в состоянии проникнуть в сущность вещей, открыть законы развития явлений. Оно — лишь первый этап на пути познания истины, раскрытия сущности вещей.

Проникновение в сущность процессов, явлений совершается только на втором этапе познания посредством теоретического, или абстрактного, мышления. Содержанием процесса абстрактного мышления является обработка чувственных восприятий, в результате которой создаются понятия, научные абстракции, отражающие существенные стороны предметов, явлений, процессов. Чувственный образ в процессе абстрактного мышления преобразуется в умственный образ. Научные абстракции, играющие огромную роль в познании сущности явлений, имеют два характерных признака — отвлечение и обобщение. Анализируя совокупность тех или иных явлений, мышление отбирает из них общие, одинаковые, главные черты, признаки и отвлекается от всех других сторон, признаков, имеющих второстепенное значение.

Прекрасные образцы обобщения с целью выявления сущности даёт Маркс в «Капитале». Сравнивая различ-

ные товары друг с другом, Маркс показывает, что все они по своей потребительной стоимости различны и тем не менее способны обмениваться один на другой в определённой пропорции, например, 20 аршин холста — на один сюртук. Где причина того, что холст в процессе обмена становится «сюртукоподобным», что он узнаёт в сюртуке, застёгнутом на все пуговицы, родственную себе душу? Эту причину Маркс и находит благодаря абстракции, в результате отвлечения и обобщения. Если различные потребительные стоимости в виде холста и сюртука приравниваются друг к другу, то, очевидно, умозаключает Маркс, в них есть что-то общее, одинаковое.

Но если отвлечься от потребительных стоимостей обмениваемых товаров, так как они у них различны, то общим у этих товаров является только то, что они суть продукты труда, что в них воплощён труд. Маркс подвергает далее анализу труд, создавший холст и сюртук, — труд ткача и портного. Конкретный труд того и другого тоже различен. Операции, производимые портным при производстве сюртука, совсем не похожи на действия ткача, изготовляющего холст. Но «если отвлечься от определённого характера производительной деятельности, — указывает Маркс, — и, следовательно, от полезного характера труда, то в нём остаётся лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собою производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд»¹.

Значит, затрата абстрактно-человеческого труда, труда вообще, вне зависимости от его конкретной формы, и создаёт то общее, одинаковое, что свойственно самым различным товарам и что даёт им возможность приравниваться друг к другу. Это общее и одинаковое и определяет их стоимость. Сущность товара, стоимость, не может быть обнаружена путём непосредственного созерцания.

Таким же путём Маркс открыл и тайну прибавочной стоимости, исследование которой Ленин назвал краеугольным камнем экономического учения Маркса. Открытие прибавочной стоимости, этой самой глубокой сущно-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 50.

сти капиталистического способа производства, дало возможность объяснить конкретные формы её проявления в виде промышленной и торговой прибыли, процента и земельной ренты.

Итак, раскрытие противоречия между сущностью и явлением требует прежде всего проникновения в сущность явлений. Однако на этом процесс познания не останавливается. После того как сущность определена, т. е. внешнее сведено к внутреннему, явление — к сущности, задача научного познания заключается в том, чтобы показать, как и почему сущность проявляется именно в такой форме, а не в какой-либо другой, и тем самым глубже понять диалектику сущности и явления, их единство и противоречие.

Этот процесс, как показывает научная практика, связан с дополнительным исследованием ряда факторов, так называемых промежуточных, посредствующих звеньев, наличие которых делает сущность непохожей на её внешнее выражение. По Марксу, промежуточными, посредствующими звеньями являются все те факторы, которые неразрывно связаны с исследуемой нами сущностью и которые воздействуют на форму её проявления. Роль посредствующих звеньев можно проиллюстрировать на известном примере несовпадения между кажущимся и действительным движением планет относительно так называемых «неподвижных» звёзд. С Земли кажется, что планеты среди звёзд описывают очень сложные траектории петлеобразного типа. Это явление заинтересовало учёных уже в глубокой древности. Так, например, древнегреческий учёный Клавдий Птоломей, создавший геоцентрическую систему мира, для объяснения петлеобразного движения планет должен был выдвинуть предположение, что каждая из планет совершает движение по малому кругу, так называемому эпициклу, центр которого в свою очередь движется по второму, значительно большему кругу с центром, совпадающим с центром будто бы неподвижной Земли.

Геоцентрическая система, несмотря на активную поддержку католической церкви, вследствие своей ложности должна была уступить место гелиоцентрической системе, согласно которой планеты движутся не петлеобразно, а по эллипсу с очень малым эксцентриситетом.

Но можно ли ограничиться одним утверждением, что планеты движутся по эллиптическим орбитам? Нет,

нельзя, надо ещё объяснить, как и почему возникла видимость их петлеобразного движения. Объяснение этого обстоятельства как раз и сводится к анализу посредствующих звеньев. Главнейшим посредствующим звеном здесь является вращение Земли вокруг Солнца. В самом деле: если бы мы находились не на движущейся вокруг Солнца Земле, а где-нибудь на Солнце, то перед нами предстала бы истинная картина движения планет, без всяких кажущихся петлеобразных блужданий. Но так как мы находимся на Земле, которая наряду с другими планетами вращается вокруг Солнца в одной плоскости, и так как время обращения вокруг Солнца у всех планет различно, то истинная картина движения здесь никак не может совпадать с кажущимся движением; сущность приходит в противоречие с явлением. Не замечая движения Земли и наблюдая планеты с разных точек земной орбиты, люди воображают, что стоят на одном месте. Поэтому и создаётся иллюзия петлеобразного движения планет.

Чем больше посредствующих звеньев между явлением и сущностью, тем сильнее форма проявления отличается от самой сущности, тем более усложняется связь между сущностью и явлением и тем труднее найти и объяснить эту связь.

Итак, изучение промежуточных, посредствующих звеньев, промежуточных движений, органически вплетённых в исследуемый процесс, является необходимой задачей познания.

Классическим образцом анализа посредствующих звеньев для объяснения многих, на первый взгляд загадочных, явлений капиталистического общества является «Капитал». Маркс, например, показал, почему на поверхности буржуазного общества стоимость рабочей силы представляется в виде заработной платы, или цены труда. Он дал глубокий анализ ряда факторов, обуславливающих извращённое проявление стоимости рабочей силы.

Путём анализа посредствующих звеньев Маркс дал исчерпывающее объяснение и того обстоятельства, почему прибыль промышленного капиталиста представляется как порождение всего авансированного капитала, а не как результат присвоения прибавочной стоимости. Искажение картины происхождения прибавочной стоимости вызывается тем, что в действительности капитал не выступает в виде обособленных частей — постоянного и переменного

капитала, а применяется как единое целое. Этому помогает и то обстоятельство, что капиталист если и учитывает деление капитала, то не на постоянный и переменный, а лишь на основной и оборотный, т. е. на такие две части, одна из которых входит в издержки производства товара частично, а другая целиком. Капиталист ожидает одинакового барыша от всех частей авансированного капитала.

Даже виднейшие теоретики буржуазной политической экономии Смит и Рикардо без достаточной критики отнеслись к делению капитала на основной и оборотный, приняли эти поверхностные категории за категории сущности, смешали сущность с явлением и не могли понять происхождение прибавочной стоимости.

Маркс показал, что именно смешение основного и оборотного капитала с постоянным и переменным вызывает путаницу в головах экономистов и не позволяет им правильно решить вопрос о природе капиталистической прибыли. Сущность прибавочной стоимости от этой путаницы ещё более затемняется.

«...Переменная, затраченная на рабочую силу, часть капитала,— говорит Маркс,— прямо отождествляется здесь с постоянным капиталом (частью капитала, состоящей из материалов производства) под рубрикой оборотного капитала, и таким образом завершается мистификация процесса возрастания стоимости капитала»¹.

Прибавочная стоимость представляется не как результат прироста переменной части капитала, т. е. как результат эксплуатации рабочего, а как порождение всего авансированного капитала. Она предстаёт в превращённой, мистифицированной форме прибыли. Подобно тому, замечает Маркс, как на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращённой форме заработной платы, так на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращённой форме прибыли.

Правильному пониманию сущности прибыли мешает также и классовый интерес буржуазных теоретиков. Им невыгодно, чтобы тайна прибыли, тайна заработной платы и т. д. были раскрыты перед народными массами.

«Классическая политическая экономия,— говорит Маркс,— подходит очень близко к истинному положению

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 38.

вещей, однако не формулирует его сознательно. Этого она и не может сделать, не сбросив своей буржуазной кожи»¹.

Мы видим, таким образом, что объяснение причин непосредственного несовпадения прибавочной стоимости и прибыли потребовало рассмотрения промежуточных звеньев, включённых в процесс производства, в частности таких, как основной и оборотный капитал. Анализ этих звеньев показал правомерность проявления прибавочной стоимости в превращённой форме прибыли и указал источник путаницы в головах буржуазных теоретиков.

Путём анализа таких посредствующих звеньев, как конкурентная борьба, различие органического состава капитала, колебания спроса и предложения, Маркс дал исчерпывающее объяснение того, почему стоимость проявляется в форме цен производства и прибыль принимает форму средней прибыли. Маркс показал вместе с тем полную несостоятельность методологии буржуазных теоретиков, пытавшихся непосредственно подвести внешнее под внутреннее, например отождествить рыночные цены товаров с их стоимостями.

Таким же путём Маркс объяснил и все те метаморфозы, которые происходят с прибавочной стоимостью, когда капитал в форме произведённых товаров поступает в сферу обращения, где действует купеческий капитал (новое посредствующее звено), специально выполняющий функции обращения товаров.

Замечательным образцом анализа посредствующих звеньев является исследование Марксом кредитных и земельных отношений. Именно путём этого анализа Маркс показал, что процент и земельная рента представляют собой формы проявления прибавочной стоимости и что в условиях обособления ссудного капитала и монопольного владения землёй соответствующая часть прибавочной стоимости и не может быть выражена иначе.

Все экономические исследования Маркса, таким образом, приводят к выводу, что сущность, как общее и внутреннее, никогда не может непосредственно совпасть с явлением, т. е. единичным и внешним, так как между ними всегда имеются те или иные посредствующие звенья.

Такой вывод приложим, конечно, и к социалистической экономике, где сущность и форма её проявления также непосредственно не совпадают.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 544.

Итак, раскрытие противоречия между сущностью и явлением в процессе познания представляет сложный процесс. Он складывается из движения мысли от конкретного к абстрактному, к познанию сущности, и обратного движения — восхождения от абстрактного к конкретному, от сущности к явлению, к ещё более глубокому пониманию происходящих явлений и процессов.

Процесс научного познания не завершается раскрытием противоречия между сущностью и явлением. «Мысль человека,— указывает В. И. Ленин,— бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*»¹.

Это ленинское указание направлено против метафизического подхода к познанию сущности явлений, против догматизма в науке. Что же является двигателем, основой познания, почему мысль человека всегда стремится к более глубокому познанию окружающего мира? Ответ на этот вопрос даёт выяснение роли практики в процессе познания. Прежде всего следует отметить, что само возникновение способности абстрактного мышления является результатом воздействия человека на природу посредством орудий производства.

Отмечая активную роль производственной деятельности человека в развитии мышления, Энгельс указывает, что «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»².

Человеческая материальная трудовая деятельность — вот истинный создатель сложнейшего мыслящего аппарата, способного отражать не только непосредственные явления мира, но и скрытые в глубине их сущности, законы развития явлений. В процессе производственной деятельности значительно усложняются, становятся всё более многосторонними связи человека с внешним миром; резко возрастает поток впечатлений, воспринимаемых мозгом; быстрее раскрываются сознанием всё новые и новые свойства вещей.

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 237.

² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Госполитиздат, 1955, стр. 183.

Именно в процессе труда человек научился выделять в вещах наиболее важные для него, существенные свойства и отвлекаться от тех свойств, которые для данных его потребностей имеют второстепенное значение. Человек уже в глубокой древности сумел выделить такие свойства предметов, как прочность дерева, рычажные свойства топорща, упругость, тяжесть и т. д., потому что повседневно сталкивался с этими свойствами в процессе труда.

Являясь непосредственной основой чувственного познания, практика опосредованно (через посредство органов чувств) составляет основу и абстрактного мышления. Любое созданное мышлением понятие тем точнее и правильнее отражает сущность явлений, чем больше мы имели практических взаимоотношений с данными явлениями. Практика не только основа познания, но и объективный критерий его истинности. Только практика может убедить нас в том, что сущность тех или иных явлений именно такова, какой мы её определили теоретически. Из теории, например, известно, что если сеть электрического напряжения замкнуть через ничтожно малое сопротивление, то в месте замыкания образуется огромной силы электрический ток. Многочисленные факты неприятных случаев, всегда происходящих при таком, так называемом коротком, замыкании сети, подтверждают истинность этого теоретического положения. Между теорией и практикой существует тесное взаимодействие: они взаимно помогают друг другу. Однако ведущей стороной этого взаимодействия является практика. Именно практика служит источником, движущей силой развития познания. Именно она выдвигает перед наукой всё новые и новые задачи, требует всё более глубокого проникновения в сущность явлений.

Грандиозные задачи развития народного хозяйства в шестой пятилетке требуют решения ряда научно-технических проблем. Например, задача, поставленная перед химической промышленностью, — полностью прекратить расходование пищевого сырья на технические цели начиная с 1961 г. — требует большой работы научно-исследовательских химических лабораторий и институтов. Потребности дальнейшего мощного развития электрификации также требуют решения ряда научно-технических задач, проведения сложных экспериментов. В частности, надо решить проблему передачи электрической энергии на

дальние расстояния постоянным током, создать единую высоковольтную систему, освоить производство мощных гидравлических и тепловых турбин и т. д.

Целый комплекс теоретических проблем возник в связи с практическим использованием атомной энергии в различных отраслях народного хозяйства. Поставлена задача регулирования термоядерных реакций.

Для строительства атомных реакторов необходимо создать новые виды материалов, которые могли бы успешно выдерживать длительное нейтронное и гамма-облучение. Встаёт практическая задача создания атомных силовых установок для авиационного и автомобильного транспорта, а это выдвигает ряд сложнейших теоретических и технических задач.

Огромные масштабы развития народного хозяйства требуют всё более широкого и полного использования сил природы, а следовательно, более глубокого проникновения в сущность явлений мира. Например, требуется решить задачу непосредственного превращения отходов тепловой энергии в электрическую, прямого превращения в электроэнергию солнечного тепла путём использования термоэлектрических свойств полупроводников.

Развитие механизации процессов производства также потребовало разработки громадного количества новых вопросов, связанных с комплексной механизацией, так как выгоды, получаемые от механизации лишь части производственного процесса, значительно обесцениваются отсутствием механизации остальной его части.

Решение этих серьёзных задач также потребует более глубокого изучения сущности тех или иных производственных процессов, дополнительного исследования ряда новых вопросов.

Всё это показывает, как быстро развивающееся производство постоянно предъявляет всё новые и новые требования к научно-исследовательской работе, ставит задачи познания всё более глубокой сущности явлений.

Учитывая огромное значение практики для науки, Коммунистическая партия обращает особое внимание на улучшение системы подготовки и использования на производстве молодых специалистов. Июльский Пленум ЦК КПСС (1955 г.) в своём постановлении отметил: «...Считать необходимым, как правило, направлять молодых специалистов, оканчивающих учебные заведения, непосредственно

на предприятия и только после приобретения ими достаточного производственного опыта разрешать привлечение их для работы в научно-исследовательские и проектные институты...»¹.

XX съезд КПСС одним из главных недостатков в подготовке специалистов признал слабую связь высшей школы с практикой, с производством, отставание от современного уровня техники.

XX съезд партии подчеркнул необходимость более тесной связи теории с практикой, идеологической работы с жизнью, так как только единство теории и практики обеспечивает достижение наибольших результатов как в теоретической, так и в материальной, производственной деятельности.

* *
*

Самый важный для практики вывод, следующий из понимания категорий сущности и явления, состоит в том, что в процессе познания нельзя останавливаться на поверхности явлений, а всегда необходимо постигать их сущность, проникать в глубину процессов, овладевать законами развития природы и общества, так как только познание сущности, внутренней связи событий позволяет нам ориентироваться в окружающей обстановке, предвидеть вероятный результат своих действий, правильно определить направление хода исторических процессов.

Вот почему Коммунистическая партия воспитывает кадры в духе непримиримости ко всякому верхоглядству, к скольжению по поверхности явлений, учит их глубоко вникать в существо дела, знать внутреннюю сущность, основу вещей.

В. И. Ленин был непримиримым врагом верхоглядства, пустозвонства. «Если коммунист,— говорил он,— вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше...»².

¹ «Постановления июльского Пленума ЦК КПСС 1955 года», Госполитиздат, М. 1955, стр. 22.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 263.

Коммунистическая партия решительно требует от всех руководителей глубоких конкретных знаний в тех сферах деятельности, которыми они руководят. Например, партия требует от руководителей колхозов и совхозов, от работников соответствующих партийных, советских органов, от работников сельскохозяйственных органов овладения знаниями основ агротехники, понимания сущности процессов сельскохозяйственного производства.

Знание сущности, законов явлений позволяет партии не только намечать правильную политическую линию, но и увлекать за собой массы, направлять их энергию на осуществление революционных общественных преобразований.

Одной из причин творческой активности народных масс в коммунистическом строительстве является повышение сознательности трудящихся, всё более глубокое понимание ими смысла, существа происходящих событий, укрепление уверенности в правоте того дела, за которое они борются под руководством Коммунистической партии.

Способность раскрывать сущность явлений имеет большое значение для политической борьбы Коммунистической партии против её идейных врагов, часто скрывающих свою истинную сущность под той или иной маской. Многолетняя история нашей партии даёт немало примеров борьбы с такими врагами. Разгром В. И. Лениным «легальных марксистов» и либеральных народников являл собой прекрасный образец разоблачения врагов, одни из которых прятались под маской марксизма, а другие — под маской «друзей народа».

После Великой Октябрьской социалистической революции партии во главе с В. И. Лениным пришлось вести борьбу с так называемыми «левыми коммунистами», прикрывавшими своё капитулянтское нутро левой «революционной» фразой.

В период перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике против партии выступили многочисленные оппозиционные группы, полуанархистская сущность которых прикрывалась видимостью защиты интересов пролетариата (группа «демократического централизма», «рабочая оппозиция» и др.). Эти группы также были полностью разоблачены и разгромлены партией.

Позднее партия разоблачила так называемый оппозиционный блок, сколоченный в 1926 г. из самых разнородных оппортунистических групп и течений. Видя беспер-

спективность выступления перед народом со своими истинными взглядами, представители оппозиционного блока прикрывали свою оппортунистическую сущность революционными фразами. Слова и дела, видимость и сущность оппозиционного блока явно противоречили друг другу. Раскрытие партией истинной сущности оппозиционного блока обрекло его на полное поражение. Несколько позднее та же участь постигла правых капитулянтов, также в той или иной мере прикрывавших свою оппортунистическую сущность видимостью согласия с линией партии, лицемерными заявлениями о своей готовности проводить её в жизнь.

Всё это показывает, какое громадное значение для политической деятельности партии имеет способность раскрывать за видимостью сущность явлений. Обладать умением распознавать своих врагов, понимать их истинные цели и намерения, вскрывать их подлинную сущность — это значит владеть необходимым средством успешной борьбы с ними, средством их разоблачения и разгрома.

Велико значение знания сущности явлений природы и общества для успешного проведения научно-атеистической пропаганды. Известно, что на всех этапах истории религия выступает против науки, против материалистического миропонимания. Сторонники религии являются противниками познания сущности явлений, закономерностей развития мира. Они хорошо понимают, что вера людей в бога, в потусторонний мир тем сильнее, чем меньше они понимают суть происходящих событий, чем дальше скрыта от них сущность вещей. Вот почему на протяжении многих веков церковь выступала против науки, раскрывающей сущность вещей и явлений.

В Советском Союзе созданы благоприятные условия для расцвета науки, для глубокого познания сущности явлений природы и общества. Однако и в нашей стране в сознании некоторой части трудящихся ещё остались религиозные пережитки, мешающие им осмысливать происходящее, ясно понимать цели и задачи советских людей.

Религиозные верования не только не мобилизуют людей на осуществление практических задач, на революционную преобразующую деятельность, а, наоборот, отвлекают их от насущных дел, порождают пассивность и равнодушие к окружающему, заставляют обращать свои

взоры к сверхъестественным, фантастическим существам. Пессимизм, неверие в свои силы, упование на волю бога, фатальную покорность «судьбе», стихийному ходу событий — вот какие черты характера и поведения воспитывает религия.

Научно-материалистическое мировоззрение, наоборот, рождает оптимизм, вооружает уверенностью в своих силах, вызывает стремление организовать, завоевать победу, бороться с трудностями, упорно двигаться вперёд по пути общественного прогресса.

Поэтому Коммунистическая партия ведёт борьбу с религиозными предрассудками путём научно-атеистической пропаганды.

Содержание же научно-атеистической пропаганды состоит в том, чтобы помочь трудящимся понять сущность различных явлений природы и общественной жизни, понять закономерности развития объективного мира и избавиться от религиозных оков.

Знание законов развития мира, понимание глубокой сущности явлений природы и общества способствуют постепенному освобождению трудящихся от религиозных пережитков, служат средством воспитания советских людей в духе высокой сознательности, средством приобщения их ко всё более активному строительству коммунистического общества.

В настоящее время, когда XX съезд партии поставил перед всем советским народом новые огромные задачи дальнейшего бурного роста народного хозяйства и культуры, рост сознательности трудящихся, понимание ими сущности этих задач, умение решать практические вопросы со знанием дела приобретают всё большее и большее значение. Это требует ещё выше поднимать уровень идеологической работы, усиливать борьбу против различных пережитков капитализма в сознании людей, против буржуазной идеологии.

Глава третья

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

**Категории причины и следствия —
отражение одной из форм взаимной обусловленности
явлений в природе и обществе**

Категории причины и следствия отражают определённую форму взаимной связи явлений в природе и обществе, обладающую специфическими чертами и охватывающую все без исключения явления действительности.

«Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи,— отмечал Ф. Энгельс,— это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собою, их обусловленность друг другом»¹.

Причинно-следственная связь явлений, как специфическая форма обусловленности явлений в природе и обществе, выражается в том, что любое отдельное явление или совокупность взаимодействующих явлений в природе и обществе порождают, производят другое явление и, наоборот, всякое отдельное явление вызвано, порождено другим явлением или группой явлений.

Каждое явление, непосредственно обуславливающее возникновение данного отдельного явления, выступающее как его источник, называется *причиной*. Явление, которое порождается действием определённой причины, называется *следствием*.

Например, электрический ток, проходя через нить лампы, вызывает накаливание нити. Электрический ток является причиной накаливания нити, накаливание нити — следствие прохождения тока.

Возникновение частной собственности на средства производства в период разложения первобытно-общинного

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 182.

стройка вызвало расслоение общества на антагонистические классы. Возникновение частной собственности на средства производства послужило причиной разделения общества на антагонистические классы эксплуататоров и эксплуатируемых; разделение общества на классы явилось следствием возникновения частной собственности на средства производства.

Победа социалистической революции в СССР явилась причиной культурной революции в нашей стране; невиданный ранее подъём культурного уровня народных масс, расцвет способностей и талантов советских людей есть следствие установления социалистических производственных отношений.

Повседневная практическая деятельность людей, а также всё развитие научного познания приводят к выводу, что причинно-следственная обусловленность явлений имеет всеобщий характер.

Всякое явление, как бы незначительно оно ни казалось, имеет свои естественные причины, т. е. порождено другими явлениями. В то же время всякое явление вызывает определённое следствие, служит источником возникновения другого явления.

Категории причины и следствия раскрывают *происхождение* отдельных явлений. Выделение отдельного причинно-следственного отношения в познании отражает происхождение данного конкретного явления из определённого другого явления или группы явлений и изолирует явления, связанные между собой как причина и следствие, от общей всесторонней связи явлений, от универсального взаимодействия в природе и обществе.

Например, говоря, что электрический ток есть причина нагревания проводника, а нагревание проводника есть следствие тока, мы отвлекаемся от причин самого тока и от следствий, к которым приводит нагревание проводника; мы отвлекаемся, далее, от влияния нагревания проводника на силу тока в цепи в результате изменения сопротивления проводника, от закона, выражающего количественную связь тепловых действий тока с силой тока (закон Джоуля — Ленца) и т. п.

Раскрывая особенность причинно-следственной связи как отдельной стороны, момента универсальной мировой связи, всеобщего взаимодействия в природе и обществе, Ф. Энгельс указывал:

«Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие»¹.

В. И. Ленин отмечал, что «человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы... искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса»². В. И. Ленин называл поэтому причинно-следственные отношения частичками всемирной объективно реальной связи явлений³.

Существенная черта причинно-следственного отношения состоит в том, что одно явление или группа взаимодействующих явлений могут вызвать другое определённое явление не всюду и всегда, а лишь при наличии определённых условий.

Условиями явлений в отличие от его причин называется комплекс явлений, которые сами не могут породить непосредственно данное явление-следствие, но, сопутствуя причинам в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определённое их развитие, необходимое для возникновения следствия⁴.

Условия связаны с явлением-следствием более опосредствованно, чем причины. Но неправильно резко противопоставлять условия и причины, поскольку условия сами влияют на причины.

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, стр. 184.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 143.

³ См. В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 136.

⁴ Термин «условия» употребляется также и в других значениях. Под условиями подразумевают иногда неглавные, второстепенные, побочные причины явления, которые не могут породить явления в целом, но обуславливают определённые стороны, черты, индивидуальные особенности единичного явления в массе качественно определённых, однородных в существенных чертах явлений. Термин «условия» применяется в отдельных случаях для обозначения *всей совокупности* причин явлений. Так, общеупотребительный в работах по историческому материализму термин «условия материальной жизни общества» охватывает все материальные причины развития общественной жизни: способ производства материальных благ, необходимых для существования людей, географическую среду и плотность народонаселения.

Так, без наличия воздуха, воды, света, пищи невозможна жизнь человека, а следовательно, и все его действия, в частности его материально-производственная, научно-теоретическая и общественно-политическая деятельность. С другой стороны, каждый из этих факторов, например воздух, пища и т. д., не может порождать, производить те или иные целенаправленные действия человека, например исследование определённой естественно-научной проблемы, участие в деятельности политической партии и т. д.

Причинами химических реакций является так называемое «химическое сродство» реагирующих веществ, т. е. определённые взаимодействия молекул веществ, способных вступить в реакцию между собой. Так, например, горение каменного угля обусловлено тем, что молекулы угля вступают во взаимодействие с молекулами кислорода воздуха. Но каждая химическая реакция осуществляется обычно при изменении температуры и давления в определённых границах. Чтобы началось горение угля, нужно нагреть его до 400 градусов. Если смесь кислорода и водорода ввести в соприкосновение с небольшим количеством мелко раздробленной платины, реакция протекает быстро, но без взрыва. Платина играет роль вещества, ускоряющего реакцию (является так называемым катализатором). Если же смесь водорода и кислорода поджечь, происходит взрыв.

Температура, давление и введение особых веществ (катализаторов) представляют условия, определяющие возможность наступления или ненаступления химической реакции для реакционноспособных веществ, а также скорость её протекания.

В общественной жизни условия также играют важнейшую роль для осуществления определённых причинно-следственных отношений.

Товарное производство приводит к капитализму, является одной из причин капиталистических производственных отношений лишь при условии, что средства производства составляют частную собственность, а массы трудящихся лишаются средств производства и вынуждены продавать свою рабочую силу как товар.

Если же этого условия, превращающего товарное производство в капиталистическое, нет, если средства производства составляют не частную, а общественную социали-

стическую собственность и рабочая сила не является больше товаром, как это, например, имеет место в СССР, товарное производство не приводит к капитализму, к эксплуатации рабочего класса небольшой кучкой собственников средств производства.

Одним из основных признаков причинно-следственной связи процессов является *последовательность* причины и следствия во времени.

Причина непременно предшествует следствию во времени; следствие возникает только после того, как причина возникла, начала действовать.

Причинно-следственная связь представляет собою момент *развития* в природе и обществе. Следствие, как новое явление, может возникнуть лишь на определённой стадии развития его причин. Поэтому явление-следствие возникает всегда *после* своей причины. Момент предшествования причины следствию, хотя бы малый, обязателен в любой причинно-следственной связи.

Однако не всякая последовательность явлений во времени выражает отношение причины и следствия. Нельзя умозаключать о наличии причинно-следственной связи явлений на основе последовательности их во времени.

В природе мы наблюдаем, например, многократное повторение последовательности явлений: молния — гром, день — ночь и т. д. Однако наука и практика доказывают, что в этих случаях нет причинно-следственной обусловленности явлений. Молния не есть причина грома. Ночь не есть причина дня, и день не есть причина ночи. В первом примере оба явления имеют общую причину — мощный искровой разряд в облаках — и фактически осуществляются одновременно; но огромная величина скорости распространения света в сравнении со скоростью распространения звука обуславливает то обстоятельство, что вспышка молнии наблюдается раньше, чем воспринимается звук грома. Последовательная смена дня ночью и ночи днём в каждом пункте земной поверхности обусловлена общей причиной — вращением Земли вокруг её оси, в силу чего лучи Солнца постепенно освещают различные участки земной поверхности.

Между причиной и следствием имеется не простая временная последовательность, а *генетическая* связь: причина порождает, производит следствие. Заключение о причинно-следственной связи двух явлений на основании одной

только их последовательности во времени представляет логическую ошибку, носящую название *post hoc ergo propter hoc* (после этого — значит, по причине этого).

Важнейшей чертой связи причины и следствия является *необходимый характер* этой связи. Необходимый характер причинно-следственной связи означает, что вся совокупность причин и условий явления вызывает совершенно определённое явление — следствие. Иначе говоря, при повторении одних и тех же причин при тождественных условиях наступают одинаковые следствия.

Причины и условия весьма многих явлений природы и общества с течением времени остаются относительно постоянными. Это ведёт, как показывает наука и практика, к повторяемости явлений в существенных чертах, и эта повторяемость и свидетельствует о необходимом, однозначном характере связи причины и следствия при данных условиях. Существование общих устойчивых причин таких повторяющихся массовых явлений имеет огромное значение для практической деятельности людей, для использования человеком этих причинно-следственных отношений в определённых целях.

Необходимо, однако, оговорить, что в природе при повторении однотипных, качественно определённых явлений никогда не реализуется строго та же самая совокупность причин и условий и, следовательно, явление-следствие каждый раз имеет свои индивидуальные, неповторимые особенности. Но всякое отклонение в следствии обязательно имеет основание в изменении причин и условий.

В силу необходимого характера связи причины и следствия всякие изменения причины непременно отражаются на следствии, а именно, с увеличением или уменьшением действия причины соответственно увеличивается или уменьшается и результат её действия — следствие в целом или определённая его сторона, черта (при отсутствии, конечно, противодействующих причин). Отмечая эту сторону причинно-следственного отношения, гениальный русский учёный и философ М. В. Ломоносов писал:

«Вообще все в природе так устроено, что при увеличении причины растёт и ее действие, и наоборот, при ее уменьшении уменьшается и эффект»¹.

¹ М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, Госполитиздат, 1950, стр. 150.

Необходимый характер связи причины и следствия в *любом* причинно-следственном отношении следует отличать от *необходимых* причинно-следственных отношений, от необходимости как особой формы обусловленности явлений, одной из основных черт любого объективного закона. Необходимый характер связи причины и следствия означает, как уже сказано выше, определённое соответствие следствия полному комплексу порождающих его причин и условий, при которых эти причины действуют. Необходимые причинно-следственные связи (в отличие от случайных) — это устойчивые, повторяющиеся в массе явлений, общие или всеобщие причинно-следственные отношения, выражающие существенные тенденции развития определённого круга явлений природы или общественной жизни. «Необходимость,— указывал В. И. Ленин,— *неотделима* от всеобщего»¹.

Наряду с необходимыми причинно-следственными отношениями объективно существуют случайные причинно-следственные связи, которые выражают неустойчивые, внешние, не вытекающие из основного направления развития, иногда вообще неповторимые в своей индивидуальности, отношения явлений.

Объективность причинно-следственной связи

Характеризуя природу причинно-следственной связи, диалектический материализм обосновывает её *объективность*. Понимание причинно-следственной связи как объективной связи явлений вытекает из материалистического решения диалектическим материализмом основного вопроса философии, из признания материального единства мира.

Если мир есть движущаяся материя, которую можно и должно бесконечно изучать в её бесконечно сложных проявлениях, но вне которой ничего быть не может, то движущаяся материя, объективная реальность, является в конечном счёте единой и единственной причиной, источником всех вещей и процессов².

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 319.

² См. В. И. Ленин, *Соч.*, т. 14, стр. 329.

Причинно-следственные связи явлений, раскрываемые наукой и практикой, существуют объективно, т. е. вне и независимо от сознания человека и от познания, от исследования этих связей, от способов и глубины отображения причинно-следственных отношений в научных понятиях, в гипотезах, теориях и т. д. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин приводит положение И. Диггена: «Естествознание ищет причин не вне явлений, не позади них, а в них или посредством их»¹, которое Ленин противопоставляет бредовым вымыслам махистов о причинности как связи, вносимой в природу человеческим разумом.

Раскрывая связь категории причинности с познанием материи, В. И. Ленин писал:

«С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции»².

В. И. Ленин указывает здесь, что всестороннее исследование материи во всех её бесконечно сложных проявлениях с необходимостью ведёт к установлению естественных, материальных причин явлений, так как причинно-следственные отношения — это связи различных видов объективно-существующей движущейся материи. Вместе с этим раскрытие причинно-следственных отношений, т. е. познание естественного происхождения явлений, есть одна из форм обоснования, доказательства материального единства мира.

Причинно-следственная обусловленность всех без исключения явлений природы и общества непосредственно связана с тем обстоятельством, что мир по своей природе материален и многообразные предметы и явления действительности представляют лишь различные, переходящие друг в друга виды движущейся материи, части, моменты единого целого; поэтому каждое явление имеет своё основание в другом явлении и каждое явление переходит в другое явление.

Причинно-следственная обусловленность явлений с характерной для неё всеобщностью и необходимой связью

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 144.

² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 134.

причины и следствия есть важнейший закон объективного мира, один из основных законов развития материи.

Из учения о материальном единстве мира и вытекающего из него положения о всеобщем характере причинно-следственной связи с логической необходимостью следует, что если какое-нибудь явление кажется при данном состоянии науки и практики «беспричинным», то это означает только, что мы до сих пор не вскрыли его причин, которые существуют объективно, и, наоборот, если порой кажется, что некоторые явления не порождают следствий, это означает лишь, что мы до сих пор не раскрыли этих следствий. Идея о том, что причинно-следственная связь охватывает все без исключения явления действительности, представляет важнейший принцип всякого действительно научного исследования — *принцип детерминизма*. Диалектический материализм, опирающийся на передовую науку и практику, доказывая всеобщность и в то же время многообразие причинно-следственных связей, является самой последовательной детерминистической концепцией.

Обосновывая объективность причинно-следственной связи, диалектический материализм доказал полную несостоятельность и реакционный политический смысл всех идеалистических истолкований причинности, включая телеологическое, религиозное понимание причинности.

Идеализм и религия во всех своих формах и проявлениях так или иначе стараются опровергнуть идею об объективном характере причинно-следственных связей.

Извращая данные науки и практики, спекулируя на исторически обусловленной ограниченности научного познания мира в каждую эпоху, идеализм противопоставляет принципу детерминизма материалистической философии прямо противоположное ложное учение — *индетерминизм*, т. е. утверждение об отсутствии причинно-следственной обусловленности в природе.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин показал, что в соответствии с двумя противоположными решениями вопроса об отношении мышления и бытия, сознания и материи, в истории философии и науки определились два противоположных понимания природы связи явлений и соответственно категорий причины и следствия. Материализм, подчёркивал В. И. Ленин, исходит из признания объективной причинности и закономерности природы и приблизительно верного отражения

их в голове человека. Наоборот, «...субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка... природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума... есть философский идеализм...»¹.

Идеалистическое отрицание причинности обосновывает и оправдывает пассивность человека перед лицом стихийных сил природы и общества. Если явления природы и общества не обусловлены объективно, не вытекают с необходимостью одно из другого, если они возникают из ничего, в силу «капризов» или воли высшего творца, то нет места и активной деятельности людей по преобразованию природы и переустройству общества, ибо последняя основывается на использовании, сознательном применении в процессе материально-производственной и общественно-политической деятельности объективных причин явлений.

В XVIII веке с опровержением материалистического учения о причинности, сложившегося в связи с развитием естественных наук — астрономии и физики, выступил английский философ-идеалист Д. Юм (1711—1776).

Между явлениями, утверждал Юм, нет *генетической* связи, при которой одно явление вызывает, порождает другое. «Все явления,— писал он,— совершенно отделены и изолированы друг от друга, одно явление следует за другим, но мы никогда не замечаем между ними связи; они *соединены*, но не *связаны* друг с другом»². Понятие причинности, по Юму, образуется благодаря тому, что в восприятии человека многократно повторяется временная последовательность некоторых явлений. Причинность, в трактовке Юма,— это только устойчивая, повторяющаяся в сознании отдельного человека и многих людей связь восприятий, *психологическая привычка*. «Если мы верим тому, что огонь согревает, а вода освежает, так это оттого, что иное мнение стоило бы нам слишком больших страданий»³,— утверждает Юм. Вопрос о том, чем вызвана устойчивость связи определённых восприятий в сознании людей, Юм считал абсолютно неразрешимым.

Вслед за Юмом против материалистического истолкования причинности выступил немецкий философ-агностик

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 142.

² Д. Юм, Исследование человеческого разума, Спб. 1902, стр. 82.

³ Д. Юм, Трактат о человеческой природе, 1906, стр. 248.

И. Кант (1724—1804). Отрицая познаваемость вещей, Кант считал причинность специфической формой деятельности человеческого мышления, данной до опыта, независимой от объективного мира, которая вносит «порядок» в хаос впечатлений познающего субъекта. Несмотря на некоторые различия в исходных философских установках, и Юм и Кант сходились в основном — в отрицании объективности причинно-следственной связи; различие между юмовской и кантовской теориями причинности, как отмечал В. И. Ленин, было второстепенным различием между агностиками¹.

С приближением капитализма к своему естественному, причинно обусловленному концу буржуазия и её теоретические оруженосцы всё более враждебно и нетерпимо относятся к научно понимаемой идее причинности. И это вполне понятно, так как признать объективную причинную обусловленность явлений — это значит признать и тот приговор, который история выносит капиталистической общественной формации.

«Раз понята связь вещей,— писал Маркс в 1868 г.,— рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы»².

Ярким проявлением борьбы против признания объективного характера причинности служит махизм, или эмпириокритицизм, критику которого дал В. И. Ленин. Махисты конца XIX—начала XX века (Мах, Пирсон, Оствальд, Пуанкаре и др.) правильно оценили категорию причинности как одну из *основ* диалектико-материалистического мировоззрения. Однако в своих нападках на причинность они не смогли применить никакой оригинальной и убедительной аргументации и целиком заимствовали и теоретические положения, и аргументы из арсенала философии Юма и Канта.

Поскольку мир с точки зрения махистов — это комплекс ощущений познающего субъекта, за пределами которых ничего нет, постольку причинность рассматривается

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 151.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 442—443.

махистами вслед за Кантом как форма активной деятельности сознания отдельного человека, вносящая последовательность, порядок в хаос ощущений. Так, Э. Мах прямо заявлял, что «причина и следствие суть создания нашего мышления...»¹. Другой махист, В. Оствальд, утверждал, что «мы сами создаём понятие закона причинности»² и «если явления неорганические рассматриваются в причинной связи между собой, то это — точка зрения чисто человеческая...»³.

Все «модные» направления современной буржуазной философии — прагматизм, неореализм, персонализм, логический позитивизм, интуитивизм и другие многочисленные идеалистические «измы» — проникнуты и объединены враждебностью к научной, материалистической идее объективной причинности и стремятся опровергнуть её.

Распространённое сейчас в США реакционное философское идеалистическое учение — *прагматизм* «заменяет» категорию причинности категорией «активности» субъекта. Мир с точки зрения прагматистов — хаос, бессмысленное и неупорядоченное течение событий. Люди сами организуют его, руководствуясь точкой зрения *пользы*, выгоды. Причинно-следственные отношения, согласно прагматистам, устанавливаются активно действующим субъектом, привносятся им в природу и общество. Так, один из основоположников прагматизма, В. Джемс, утверждал: «...единственное *реальное* основание, которое я могу придумать, почему вообще что-либо появляется на свет, это то, что *кто-то желает, чтобы оно появилось*»⁴. С этой точки зрения одинаково правомерны любые действия, любые поступки, коль скоро они полезны «активно действующим» индивидуумам.

Индетерминизм господствует в экономических, политических и правовых учениях реакционной буржуазии.

Наиболее распространённой формой индетерминизма в современной буржуазной социологии является волюнтаристское понимание общественной жизни, утверждение о том, будто политические идеи и учреждения могут произвольно изменять строй и направление развития общества. Одно из модных волюнтаристских течений буржуазной со-

¹ Э. Мах, *Механика*, Спб. 1909, стр. 406.

² В. Оствальд, *Философия природы*, Спб. 1903, стр. 218.

³ В. Оствальд, *Очерк натур-философии*, Спб. 1909, стр. 33.

⁴ В. Джемс, *Прагматизм*, изд. 2, Спб. 1910, стр. 176.

циологии — «теория насилия», согласно которой политическая власть определяет по своему усмотрению процесс экономической жизни, взаимоотношения классов, наций и государств.

Реакционная волюнтаристская концепция насилия как основной причины общественного развития особенно наглядно проявилась во внутренней и внешней политике гитлеровцев, в осуществлении ими террористической фашистской диктатуры внутри страны и развязывании кровавых захватнических войн за мировое господство. Как известно, политика, основанная на этой субъективно-идеалистической концепции, потерпела полный крах.

Но «теория насилия» жива, поскольку в ряде стран, в том числе крупных стран, сохранился империализм. Эта «философия» сеет иллюзии, будто буржуазное государство может задушить марксизм; она оправдывает и обосновывает гонку вооружений, создание агрессивных блоков, военную истерию, пресловутую политику «с позиции силы»; она извращает характер мирового освободительного движения нашей эпохи, утверждая, будто Октябрьская революция явилась делом рук «заговорщиков», отпадение стран народной демократии от империалистической системы — результатом внешнего насилия и т. д.

С отрицанием идеи объективности и всеобщности причинно-следственных отношений выступает в наши дни в капиталистических странах ряд естествоиспытателей, находящихся в плену реакционной буржуазной идеологии.

Отрицание объективной причинности — важнейшая черта идеалистического и метафизического учения вейсманизма — морганизма в биологии. Вейсманисты отрицают причинную зависимость наследственности организмов от условий жизни, от факторов внешней среды — пищи, световых, температурных условий, влажности и т. д. Изменение видов, согласно взглядам морганистов-вейсманистов, совершается, во-первых, в силу перегруппировки неизменных частиц наследственного вещества — генов, переходящих от родителей к потомкам, во-вторых, в силу беспричинных толчков, «взрывов» в наследственном веществе, *мутаций*, которые никогда не могут быть познаны наукой. Живая природа представляется морганистами как хаос изолированных самопроизвольных явлений.

С «опровержением» идеи причинности выступают и так называемые «физические» идеалисты. Среди них немало

учёных, которые дали ценные специальные исследования в области атомной и ядерной физики, — Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Борн, В. Паули, Э. Шредингер, П. Дирак и др. Обогатив науку конкретными данными, они, однако, в изложении наиболее общих представлений о природе и характере движения мельчайших частиц материи — молекул, атомов, электронов, атомных ядер и т. д. — пропагандируют индетерминизм в атомной физике.

Современная физика раскрывает специфические особенности причинно-следственных отношений явлений, происходящих в атоме, в атомном ядре, а также при движении отдельных «элементарных» частиц¹ — электронов, мезонов, позитронов и т. д., и отличие этих отношений от причинно-следственных связей обычных, больших тел земных и космических масштабов. Кроме того, современная физика открыла множество явлений в молекулах, атомах, атомных ядрах, в движении отдельных электронов, мезонов и т. д., причины которых она пока указать ещё не может. Вот это временное незнание причин ряда явлений, происходящих внутри атома, а также существование в нём многообразных форм причинно-следственной связи, более сложных, чем причинно-следственные связи между земными и космическими телами, и используются «физическими» идеалистами для того, чтобы отрицать наличие объективной причинности в природе.

Так, например, современная физика не знает ещё всех причин, которые обуславливают переход электрона в атоме из состояния с большим значением энергии в состояние с меньшим значением энергии, сопровождающийся рождением световой частицы — фотона, испусканием света; теория в силу этого не может предсказать момент времени, в который произойдёт этот переход. Это дало повод видному датскому физiku Н. Бору ещё в 1930 г. утверждать, что в атомной физике мы далеко отошли от причинного рассмотрения явлений и должны приписывать электрону, находившемуся сначала в некотором определённом устойчивом состоянии, в дальнейшем свободный, ничем не обусловленный выбор между различными путями перехода в другие возможные устойчивые состояния.

¹ Т. е. частиц, не подверженных обычной механической делимости на части.

Современная физика не знает ещё всех причин, обуславливающих распад ядра отдельного атома радиоактивного элемента в определённый момент времени. И здесь неполнота знаний, ограниченность теории используется для протаскивания идеалистической идеи о беспричинности радиоактивного распада.

Современная физика показала также, что движение отдельного электрона (как и любой другой «элементарной» частицы) не может быть представлено как простое перемещение в пространстве неизменного мельчайшего шарика с резкими границами, как движение по определённой линии — траектории. Об этом убедительно говорят опыты по дифракции частиц. Если множество электронов с одинаковой скоростью проходит сначала через маленькое отверстие в экране, затем через слой кристаллического порошка и попадает на фотопластинку, то разные электроны обнаруживаются на разных участках пластинки; на пластинке образуется ряд концентрических тёмных колец (области, куда попадают электроны), чередующихся с кольцевыми областями, куда электроны не попадают. С точки зрения механики, описывающей движение больших тел (механика Ньютона), все частицы материи, прошедшие с одной и той же скоростью через одно и то же маленькое отверстие, должны двигаться по одной кривой и после прохождения кристалла оказаться на одном маленьком участке фотопластинки. Опыт же устанавливает, что при этих условиях электроны могут попадать в разные пространственно удалённые области, разделённые областями, куда электроны не попадают совсем. Это связано с тем, что электрон не есть неизменный, резко ограниченный, «твёрдый» мельчайший шарик и его движение причинно-обусловлено внешней средой *иначе*, чем движение больших тел. Идеалисты же заявляют, что разные электроны в описанном опыте будут попадать в разные участки фотопластинки потому, что каждый электрон сам выбирает «по своей воле» дорогу, по которой он движется.

Видный английский физик-теоретик Дирак, неправильно толкуя экспериментальные факты, подобные вышеописанным, утверждал, что в квантовой теории имеет место «принципиальный индетерминизм». При этом Дирак бездоказательно заявляет: «Не следует думать, что отсутствие детерминизма в квантовой теории есть нечто, заслуживающее сожаления. В рациональной окончательной

теории строения материи детерминизм обязательно должен (?) отсутствовать»¹.

Идеалистическое отрицание причинности в истории философии и науки выступало и выступает также в форме *телеологии*. Согласно телеологическому взгляду на мир каждое явление возникает не в силу объективных естественных причин, не порождено другими явлениями, а вызвано действием некоей таинственной, мистической силы, направляющей развитие природы и общества к заранее предустановленным ею целям. Телеология неразрывно связана с теологией, т. е. с верой в господство над природой сознательного, волевого духовного начала. Теология, т. е. религия, как и индетерминизм,— ярый враг науки. Основная черта всякой религии — это вера в особые силы, стоящие над миром, создавшие его и управляющие им в соответствии с намеченными этими силами целями.

На телеологической точке зрения стоят сторонники одного из модных современных идеалистических течений — персонализма. Его лидер Флюеллинг проповедует, что порядок явлений в природе определяется некоторой более глубокой причиной, действующей в соответствии с целесообразным планом. Такой целеустремлённо действующей причиной объявляется высшее духовное начало, т. е. в сущности бог.

Последовательно отстаивая идею об объективном характере причинной связи, диалектический материализм категорически отвергает телеологию, как антинаучное, реакционное воззрение. Цели присущи лишь деятельности людей. Вне мыслящих существ нет целей. В природе, если отвлечься от преобразующей её деятельности человека, нет и не может быть целеустремлённости.

Развитие науки и практики непрерывно опровергало и опровергает всевозможные формы индетерминизма и телеологии, обосновывает единственно правильное, материалистическое понимание причинности как объективной связи явлений. Материалистическая идея объективной причинности укрепляется в процессе взаимного влияния и обогащения специальных наук о природе и обществе и материалистической философии.

Естествознание на протяжении всей истории своего развития раскрывало и раскрывает объективные причины

¹ П. А. М. Дирак, Основы квантовой механики, изд. 2, 1937, стр. 12.

явлений природы, отвоёвывает у идеализма и телеологии одну область природы за другой. Материалистическая философия обобщает данные всех наук о природе и обществе и всей общественно-исторической практики по вопросу о причинной зависимости явлений и на этой основе выявляет существенные черты причинно-следственной связи, доказывает её объективность, разрабатывает общую теорию причинно-следственной связи.

Так, открытия в механике и астрономии в XVI—XVIII столетиях подготовили разработку домарксовским метафизическим материализмом так называемой теории механической причинности. Среди этих естественно-научных открытий особо важное значение имело исследование гениальным английским физиком И. Ньютоном (1642—1727) причинно-следственных связей при движении достаточно больших тел — тел таких масштабов, с которыми имеют дело повседневная человеческая практика и астрономические наблюдения (в физике их называют макроскопическими телами). Ньютон показал, что всякое тело выходит из состояния покоя или равномерного прямолинейного движения только вследствие воздействия других тел (действия сил). Он установил количественную связь между изменением движения тела (ускорением) и действием других тел (силами), т. е. количественную связь следствия и причины в механических явлениях. Он установил также причинную обусловленность силы взаимного тяготения между телами величиной массы тел и расстояния между ними. Объективный характер причинно-следственных связей, исследуемых механикой Ньютона, блестяще доказывается предсказанием солнечных и лунных затмений на много лет вперёд и сроков прохождения комет вблизи Земли. Триумфом использования этих связей в научном предвидении явилось теоретическое предсказание существования неизвестной ранее планеты Нептун, оказывающей воздействие на движение планеты Уран.

Важное значение физической теории Ньютона заключалось в том, что, доказав объективность причинно-следственной связи в механических процессах, она поставила вопрос об исследовании объективных причин всех явлений природы. Представления механики о причинности были проанализированы в существенных чертах и обобщены передовой философией XVIII века, создавшей теорию механической причинности.

Страстным борцом против всех форм индетерминизма, религии и телеологии в XVIII веке выступил великий русский учёный М. В. Ломоносов (1711—1765). Исходя из понимания мира как несотворимой и неуничтожимой материи, Ломоносов считал, что каждое отдельное явление имеет свою причину в определённом движении материи.

Достижения механического естествознания XVI—XVIII веков по вопросу о причинности были философски обобщены также французскими материалистами XVIII века — Гельвецием, Гольбахом, Дидро и др. Французский материализм возвёл причинно-следственные отношения, раскрытые ньютоновской механикой, в ранг универсальной, т. е. единственно возможной, формы причинно-следственных отношений. На основе законов механики французские материалисты стремились объяснить весь мир — не только всё богатство физических и химических процессов, но и жизнь, сознание, общественные явления. Развитие науки и практики показало несостоятельность сведения всех форм причинно-следственных связей к одному типу связей, рассматриваемому в механике Ньютона, раскрыло многообразие, специфические различия разных типов причинно-следственных отношений.

Большую роль в обосновании объективности причинно-следственной связи в домарксовской философии сыграли труды русских философов-материалистов, революционных демократов XIX века: В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и др. Используя материал естествознания первой половины XIX века, русские революционные демократы разоблачали научную несостоятельность и реакционную сущность опровержения причинности неокантианцами, позитивистами и другими эпигонами идеалистической философии.

Разоблачая измышления идеалистов, Н. Г. Чернышевский писал: «Теперь спросим каждого... может ли что-нибудь на свете, важное или неважное, происходить неестественным образом? Действие не бывает без причины; когда есть причина, действие непременно будет; всё на свете происходит по причинной связи... Связь причины и действия естественна и неизменна; ничего противного ей не может случиться, всё требуемое ею непременно должно

произойти... Неестественного ничего никогда в мире не было и не будет»¹.

Сокрушительные удары по идеалистическому отрицанию объективного характера причинной связи были нанесены развитием естественных наук в XIX веке и в первой половине XX столетия.

Большое значение для обоснования материалистической теории причинности имела теория развития (эволюции) живой природы, разработанная Ч. Дарвином. Теория Дарвина разбила религиозный взгляд на сотворение видов животных и растений богом и религиозное утверждение об изначальном целесообразном строении организма. На огромном фактическом материале Дарвин показал, что животные и растения постоянно изменялись, что развитие органического мира шло от менее сложных органических форм к более сложным формам. Дарвин показал также, что всякая «целесообразность», т. е. приспособленность строения и жизнедеятельности организмов к окружающим условиям, относительна: то, что выгодно в одних условиях, приводит к гибели организмов при изменении этих условий, если сам организм при этом не изменился, не приспособился к новым условиям жизни.

Дальнейшее творческое развитие дарвинизм получил в советской биологической науке, в работах советского учёного И. В. Мичурина и его учеников. Мичуринское учение означает новую, но неразрывно связанную с предшествующими ступень в развитии биологии как науки, превращение биологии в науку о главных, определяющих причинах изменения, формообразования растительных и животных организмов. В конечном счёте изменение природы организма, изменение его наследственности причинно обуславливается изменением строго определённых материальных факторов внешней среды, которые усваиваются организмом.

Сокрушительный удар по идеалистическому отрицанию объективного характера причинности был нанесён учениями великих русских учёных И. М. Сеченова и И. П. Павлова о высшей нервной деятельности животных и человека. Психическая деятельность всегда рассматрива-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. VII, ГИХЛ, М. 1950, стр. 47.

лась идеалистами как деятельность нематериальной, бессмертной, не связанной ни с организмом, ни с внешним миром души — деятельность, ничем не обусловленная, самопроизвольная, «спонтанная».

И. П. Павлов на основе огромного экспериментального материала, доказав, что психическая деятельность, как и всякая другая деятельность организма животных и человека, причинно обусловлена внешними воздействиями, распространил материалистический принцип детерминизма на психические явления. «Строгое естествознание обязано... — писал И. П. Павлов, — установить точную зависимость между данными явлениями природы и ответными деятельностями, реакциями организма на них...»¹.

Принцип детерминизма в теории Павлова выражен в понятии *рефлекса* — основном понятии учения о высшей нервной деятельности. Рефлекс представляет строго определённое соответствие между воздействующим на организм внешним явлением и ответной реакцией организма, причинно-следственную связь в его поведении. Эта причинно-следственная связь осуществляется через цепь взаимно обуславливающих друг друга процессов в нервной системе, тем более длинную и сложную, чем сложнее организация животного в целом и его нервной системы. У высших животных и человека важнейшую роль в осуществлении рефлекторных причинно-следственных связей играет центральная нервная система — спинной и головной мозг, особенно кора больших полушарий головного мозга.

Великой исторической заслугой марксистской философии в обосновании объективности причинно-следственной связи является изгнание индетерминизма из области общественных наук, обоснование *исторического детерминизма*.

Марксизм открыл подлинные причины исторического развития, причины перехода общества от одной общественно-экономической формации к другой. Впервые в истории социальных учений «марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций... вскрывая *корни* без исключения всех идей и

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1951, стр. 66.

всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»¹.

Познание и использование объективных причин и законов общественного развития лежит в основе руководства классовой борьбой пролетариата со стороны марксистских партий, в основе революционного переустройства капиталистического общества, в основе теории и практики строительства социализма и коммунизма.

Важнейшим завоеванием диалектического материализма является обоснование роли практики как основного и высшего критерия объективности причинно-следственной связи.

Домарксовский метафизический материализм не понимал роли практики в обосновании философских категорий. Он рассматривал научно-теоретическое познание как обобщение пассивного созерцания природы, происходящего вне материально-производственной и общественно-политической деятельности людей. Самоё практику домарксовский материализм сводил к удовлетворению биологических потребностей человека в пище, жилье и т. д. и к отдельным лабораторным экспериментам и техническим изобретениям.

В противоположность метафизическому взгляду диалектический материализм понимает под практикой всю материально-производственную, общественно-политическую, революционно преобразующую деятельность человечества. Материально-производственная деятельность людей является мощным фактором изменения, развития мира. По словам Ф. Энгельса, «...животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней»².

Практика неоспоримо доказывает, что любое явление в природе имеет своё необходимое основание, естественную причину в других явлениях. Практическое доказательство объективности причинно-следственных связей заключается в том, что люди в своей практической деятельности могут вызывать определённые, *желательные* для них явления природы или общественной жизни только в том случае,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 40.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 140.

если они правильно определяют причины этих явлений и своей материально-производственной деятельностью обеспечат осуществление *объективных причин* явления.

Преднамеренное действие человека далеко не сразу приводит к осуществлению поставленной цели. Необходимость в связи с этим *повторения* целенаправленных действий в различных видоизменениях повседневно убеждает людей в том, что желаемое явление может быть произведено, вызвано только при реализации строго определённого комплекса явлений, что успех преднамеренных действий, направленных к осуществлению поставленных заранее задач, возможен только в том случае, если эти действия осуществляют или используют объективные причины явлений.

С другой стороны, если мы правильно раскрываем объективные причины явлений, то, как было отмечено ещё Ф. Энгельсом, мы в состоянии вызвать определённый процесс, создав те условия, при которых он происходит в природе; более того, мы можем даже вызвать процессы, которые не встречаются в природе в таком виде, и придать этим процессам определённые заранее направления и размеры. «Деятельность человека,— писал Ф. Энгельс,— *производит проверку* насчет причинности»¹.

Величайшее завоевание науки и техники нашего времени — практическое мирное использование атомной энергии во всё возрастающих масштабах — служит ярким свидетельством того, как практика, материально-производственная деятельность людей доказывает в конечном счёте объективность причинно-следственных отношений в природе.

О существовании внутриядерной энергии человечество знает с конца XIX века, со времени открытия естественной радиоактивности. Однако длительное время оставались неизвестными те причины и условия, которые могут привести к выделению внутриядерной энергии в значительных количествах. В начале 1939 г. было экспериментально обнаружено, что ядро атома урана распадается под действием попавшего в него нейтрона определённой скорости на два ядра (осколка) примерно одинаковой массы.

Теоретическое исследование этого процесса привело к разработке модели тяжёлых ядер и к выводу о тенденции

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 182.

тяжёлых ядер к делению на два примерно одинаковых осколка под действием внутриядерных сил. Теоретически было установлено, что при поглощении нейтрона определённой скорости извне возбуждённое ядро может распасться на два осколка. Распад ядра сопровождается выделением из ядра двух-трёх нейтронов, а осколки за счёт внутриядерной энергии приобретают значительную кинетическую энергию. Нейтроны, выделившиеся при делении одной порции ядер, будут вызывать расщепление новой порции ядер; таким образом, начавшееся деление ядер должно приводить к цепной *ядерной реакции*, охватывающей в значительных массах урана огромное количество ядер и являющейся причиной превращения ядерной энергии в тепловую в больших количествах.

Наиболее глубокой и всесторонней формой проверки этих представлений о причинах превращения ядерной энергии в тепловую в достаточно больших массах урана явилось осуществление управляемых, регулируемых в отношении скорости протекания цепных ядерных реакций в особых аппаратах — атомных котлах, или реакторах.

Возможность на основе выработанных представлений о причинных связях в области ядерных процессов получить желаемую скорость цепного распада, комбинируя строго определённым образом материальные условия процесса, является бесспорным доказательством как объективности причинно-следственных связей в ядерной области, так и правильности отражения этих связей в мышлении человека.

Многообразие и взаимодействие причинно-следственных связей

Диалектический материализм впервые в истории философии и науки не только всесторонне обосновал всеобщность и объективность причинно-следственной связи, но раскрыл также её диалектический характер. Он показал объективное различие, неравноценность разных причинно-следственных связей, взаимодействие различных причинно-следственных отношений, а также взаимодействие причины и следствия в отдельном причинно-следственном отношении, обратное влияние следствия на порождающие его причины. В диалектико-материалистической теории причинности органически слиты материалистиче-

ские представления о природе мира и диалектическое понимание развития природы и общества.

Причинно-следственное отношение явлений не представляет некую раз навсегда данную, абсолютно неизменную связь явлений.

Один из признаков причинно-следственной связи, в котором выражается *изменчивость, относительность* причинной обусловленности явлений, состоит в том, что определённое явление может быть следствием одного из нескольких различных явлений. Так, нагревание тела может произойти либо от освещения тела солнечными лучами, либо от трения его о другое тело, либо от прохождения через него электрического тока (если тело — проводник электричества).

Другое проявление изменчивости, относительности причинно-следственных связей состоит в том, что одно и то же явление может приводить к различным следствиям. Так, электрический ток может явиться причиной химического разложения вещества (при прохождении через раствор электролита), причиной механического движения (в электродвигателе), причиной свечения газа (в разрядной трубке).

Эти особенности причинной обусловленности явлений связаны с тем, что, как было упомянуто выше, следствие, будучи результатом породившей его причины, зависит также и от условий места и времени, при которых эта причина действует.

Чрезвычайно важным проявлением всеобщей диалектической взаимосвязи, переплетения различных связей в природе и обществе является *взаимодействие*, т. е. совместное действие, многих причин в одном процессе.

Например, форма траектории, по которой движется артиллерийский снаряд, как показывает опыт, зависит от совместного действия целого ряда причин: от действия силы тяжести, от сопротивления воздуха, от начальной скорости снаряда, от величины и качества порохового заряда, от состояния ветра, от вращения, сообщённого снаряду винтовой нарезкой канала ствола, от нагревания снаряда вследствие трения его о стенки ствола и о воздух, от намагничивания в магнитном поле Земли и др.

Дальнейший ускоренный рост производительности труда в нашей промышленности причинно обусловли-

вается рядом факторов, среди которых особенно важны следующие: своевременная модернизация оборудования, комплексная механизация тяжёлых и трудоёмких работ и автоматизация производственных процессов, специализация и кооперирование промышленных предприятий, неуклонный прогресс науки и внедрение научных достижений в производство, улучшение подготовки кадров, повышение материальной заинтересованности работников, дальнейшее развитие массового социалистического соревнования и т. д.

Наличие взаимодействия многих причин при возникновении отдельного явления вызывает необходимость исследовать характер действия каждой из этих причин, а также их связь и влияние друг на друга.

Совместное действие многих причин может выражаться как в том, что разные причины действуют на следствие в одном и том же направлении, оказывают сходные влияния на следствие, так и в том, что одни причины ослабляют и даже вовсе уничтожают проявление действия других.

Совместное действие нескольких причин объясняет возможность такого положения, когда некоторая явно действующая причина не производит видимого действия. Это означает, что помимо данной причины, в обратном направлении действует другая причина, действие которой уничтожает действие первой причины. Огонь может не вызвать зажигания горючего материала, если последний намок в воде. Тело, на которое сразу действуют две силы, может оставаться в состоянии покоя, если эти силы равны по величине и противоположны по направлению.

В отдельных случаях причины могут действовать так, что результат их совместного действия совпадает с общим результатом последовательного, изолированного действия каждой из них. Так, в механическом движении обычных (макроскопических) тел в качестве причин выступают действия на данное тело со стороны других тел (сил); при этом действие каждого тела независимо от действия других тел. Однако такой случай совместного действия многих причин в природе и обществе встречается сравнительно редко.

В физических, химических, биологических и особенно общественных явлениях совместное действие многих причин даёт обычно качественно новое явление по сравнению

с теми, которые возникают при изолированном их действии, так как при совместном действии причины не просто складываются, а воздействуют друг на друга.

Ярким примером такого глубокого взаимного влияния причин из общественной области является взаимодействие важнейших причин, обусловивших победу Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране: высокой революционной активности рабочего класса, упорной борьбы крестьянства за ликвидацию помещичьего землевладения и руководящей роли Коммунистической партии в революции. Рабочий класс России, борясь за диктатуру пролетариата, явился единственной силой, которая оказалась способной сокрушить власть помещиков и удовлетворить острую нужду крестьянской бедноты в земле. Политические лозунги пролетариата подняли на активную борьбу с империализмом многомиллионные массы крестьянства. Крестьянство к кануну социалистической революции на собственном опыте убедилось, что только пролетариат готов разделаться с помещиками, и поддержало героические революционные действия пролетариата. Без прочного союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, к которому перед Октябрьским восстанием повернул и середняк, победа социалистической революции в нашей стране была бы невозможна.

Несокрушимая сила великого исторического переворота в октябре 1917 г. неразрывно связана с тем, что борьба народных масс организовывалась и направлялась героической партией коммунистов, вооружённой самой передовой революционной теорией и кровно связанной с массами. Таким образом, причиной победы социалистической революции в октябре 1917 г. явилась совместная борьба рабочих и беднейших крестьян, сплочённых и направляемых Коммунистической партией.

Неразрывная связь причин, активное взаимное воздействие их друг на друга могут приводить к тому, что при действии отдельных причин порознь или при отсутствии какой-либо из необходимых причин данное явление-следствие вообще не возникает.

Примером тому может служить возникновение электрического тока при движении замкнутого проводника в магнитном поле (явление электромагнитной индукции). Здесь две причины: магнитное поле и движение проводника в равной мере необходимы для возникновения индукцион-

ного тока. Устранение хотя бы одной из этих причин делает невозможным осуществление явления-следствия.

В совокупности причин, вызывающих то или иное явление, не все оказывают одинаковое влияние на следствие. Диалектический материализм в противоположность метафизическому материализму различает *главные* (определяющие, решающие) причины явления и *неглавные* (побочные, второстепенные) причины явления.

Главные причины качественно определённых явлений — это те причины, без которых, во-первых, все эти явления не могут возникнуть и которые, во-вторых, обуславливают общие необходимые признаки этих явлений. Неглавные причины явлений — это те причины, которые определяют преходящие, неустойчивые, индивидуальные особенности каждого отдельного явления. Неглавные причины в своём действии на следствие ограничены, подчинены действию главных причин.

Так, в рассмотренном выше примере с движением снаряда действие земного притяжения, сопротивление воздуха и начальная скорость, сообщённая снаряду при выстреле из орудия, являются главными причинами, влияющими на форму траектории: при многократном повторении выстрела с одной и той же начальной скоростью эти факторы делают всякий раз форму траектории снаряда близкой к определённой баллистической кривой. Вращение же снаряда, нагревание его вследствие трения о стенки ствола и воздух, намагничивание в магнитном поле Земли, различия в величине и качестве порохового заряда у изготовленных по одному стандарту снарядов являются неглавными причинами, определяющими при повторении выстрела некоторые индивидуальные для каждого случая отличия траектории от баллистической кривой.

Объективная неравноценность причин проявляется и в развитии общественной жизни.

Как известно, исторический материализм открыл, что главной, определяющей, решающей причиной общественного развития, обуславливающей строение общества, его духовную жизнь и переход от одного общественного строя к другому, является способ производства материальных благ. Этим определяется характер взаимоотношений между классами, характер господствующей идеологии, политических и правовых учреждений, масштабы воздействия общества на природу и др. С изменением способа

производства изменяется весь строй общественной жизни, изменяются политические, правовые, религиозные, художественные, философские идеи.

Что касается географической среды и плотности народонаселения, они являются неглавными причинами общественного развития, обуславливающими определённые особенности развития у отдельных стран и народов.

Смешение главных и неглавных причин, рассмотрение всех причин как равноценных, одинаково необходимых для определения явления — одна из существенных черт метафизического подхода к причинно-следственной связи. Например, многие метафизические материалисты XVIII века считали все явления, как-либо влияющие на данное явление, одинаково существенными причинами. Выдающийся французский материалист XVIII века Гольбах писал: «...если в природе всё связано, если все движения в ней возникают друг из друга... то мы должны быть уверены, что нет столь малой или отдалённой причины, которая не оказывала бы иногда на нас огромнейшего и неожиданнейшего влияния»¹. Но такой взгляд приводил метафизиков к тому, что совокупность причин превращалась у них в совершенно неопределённый конгломерат явлений и важнейшая задача научного познания — познание причинных связей — чрезвычайно затруднялась.

Смешение главных и неглавных причин характерно также для эклектики — одной из разновидностей метафизики в буржуазных философских и социологических учениях эпохи империализма. Типичной эклектической концепцией, распространённой в буржуазной социологии, является так называемая «теория факторов». Согласно этой теории общественное развитие есть результат механического сложения действия множества независимых друг от друга и равнозначных причин: географической среды, расовых особенностей, морали, науки, политики и т. д. При таком подходе затушёвываются подлинные причины исторического развития.

Строгое различие главных и неглавных причин, учёт объективной неравноценности причин являются непременным условием для правильного понимания происхождения явлений, для выделения необходимых причинно-следственных связей, для установления законов развития в природе и обществе.

¹ П. Гольбах, Система природы, Соцэкгиз, М. 1940, стр. 36.

Носителями явлений, находящихся между собой в отношении причины и следствия, выступают определённые предметы природы или области материальной и духовной жизни общества. В связи с этим при изучении конкретных явлений существенно также разграничивать *внутренние* и *внешние* причины явления. Внутренние причины — это причины, действующие в самом предмете, подготовленные и возникшие в ходе его развития в соответствии с его качественной спецификой. Внешние причины — это причины, носителем которых являются другие предметы.

Явления природы и общества обусловлены *взаимодействием* внутренних и внешних причин. Значение тех и других для возникновения явления, характер связи внешних и внутренних причин неодинаковы в различных случаях, в зависимости от специфики рассматриваемого процесса природы или общества.

Например, ядро радия при естественном радиоактивном распаде превращается в ядро радона с выделением ядра гелия, электрона и электромагнитного излучения (γ -лучи) в основном под действием *внутренних* причин: такого взаимодействия частиц, образующих ядро, которое ведёт к нарушению устойчивости ядра. Внешние воздействия на естественный радиоактивный распад — изменение давления, температуры, введение других веществ, — как показывает опыт, не влияют сколько-либо заметно на скорость естественного радиоактивного распада. Деление же ядер урана обычно связано с таким взаимодействием внешних и внутренних причин, при котором *внешние* причины играют существенную роль для возникновения и характера процесса. Ядро урана делится на два осколка примерно одинаковой массы и заряда, если в ядро попадает извне нейтрон определённой скорости. При поглощении нейтрона в ядре происходит такое изменение существовавших до этого связей частиц ядра (нейтронов и протонов), что ядро теряет устойчивость и распадается на два примерно одинаковых по массе осколка.

Огромную роль взаимодействие внутренних и внешних причин играет в развитии живой природы, в процессе приспособления растений и животных к условиям существования, образования новых видов растений и животных. Мичуринское учение доказало, как отмечалось выше, что изменения телесной организации и жизнедеятельности организмов, передающиеся по наследству, возникают под

воздействием изменения условий жизни, усваиваемых (ассимилируемых) организмом в процессе обмена веществ.

Но приспособление организмов к изменениям внешней среды и связанное с этим возникновение новых признаков, органов, процессов жизнедеятельности нельзя рассматривать как пассивную реакцию на изменение внешних условий. Каждое живое тело строит и воспроизводит себя из условий внешней среды на свой лад, согласно сложившемуся в процессе длительного исторического развития типу телесной организации и обмена веществ. Организмы, относящиеся к различным видам, из одной и той же пищи избирают для себя различные вещества и по-разному эти вещества ассимилируют; в одном и том же организме развитие различных клеток, тканей, органов, а также различные стадии развития организма требуют разных условий жизни; в этом выражается самостоятельность живых организмов, активная ассимиляция ими условий внешней среды.

Так, под воздействием недостаточного увлажнения почвы и атмосферы у растений складываются весьма разнообразные приспособления к этим условиям: у одних вырабатывается глубокая корневая система, позволяющая растениям поглощать влагу из более глубоких слоёв почвы, у других — сильная опушённость листьев, у третьих — значительное сокращение поверхности листьев, что уменьшает расход влаги на испарение, у четвёртых — повышенное осмотическое давление в клетках, которое даёт возможность поглощать воду в почве с весьма низким содержанием влаги. Хотя всюду речь идёт о совершенно определённой адекватной реакции растений на недостаток влаги, т. е. о таком изменении в их наследственности, при котором в организме вырабатывается соответствие условиям среды, вызвавшим в нём данное изменение, способ приспособления весьма своеобразен в каждом случае.

Только через сложную цепь изменений во внутренней структуре и внутренних процессах условия внешней среды формируют организм. Внешние причины развития организмов — изменения условий жизни — приводят к определённым изменениям организмов, носящим приспособительный характер, не непосредственно, а косвенно: через воздействие на специфическую для каждого вида животных и растений взаимозависимость органов и функций, на многообразные формы обмена веществ между клетками, тканями, органами. Это определяет строго избирательный характер

реакции организма на действие внешних причин. Но сама внутренняя организация животных и растений, сложная мозаичность частей организма, многообразные формы обмена веществ внутри организма — не что иное, как зафиксированный наследственностью синтез всех прежних воздействий среды, итог, продукт длительной истории данного, определённого вида.

Взаимодействие внешних и внутренних причин осуществляется и в явлениях общественной жизни. В. И. Ленин указывал, что социальные революции «...созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»¹.

Коммунисты считают победу социализма неизбежной во всех странах. В то же время в отличие от различного рода буржуазных концепций марксизм считает, что революции происходят не по внешнему принуждению или повелению. Решающее значение для возникновения и успеха революции имеют внутренние для данной страны причины: обострение социальных противоречий, способность революционного класса на массовые революционные действия, которые в состоянии сокрушить сопротивление реакционных классов. Марксизм давно разоблачил и опроверг пускаемую в ход врагами рабочего класса басню об «экспорте» революции.

Но внешние причины могут способствовать или, наоборот, затруднять осуществление революции в данной стране, ускорять или замедлять её наступление. Например, такие внешние факторы в период Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране, как раскол империалистической буржуазии на два враждующих лагеря (англо-французский и австро-германский) и наличие мощного революционного движения в Европе, облегчили победу социалистической революции в России в октябре 1917 г., обусловленную в основном внутренними причинами.

Понимание причинно-следственных отношений как чисто внешних отношений различных тел, предметов, областей действительности, игнорирование внутренних причин явлений характерно для домарковского метафизического материализма.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 506.

В понимании метафизиков отношение причины и следствия носит всегда механический характер, т. е. характер толчка, удара, сообщённого телу другим, отличным от него, внешним по отношению к нему телом. Переноса причины всякого явления вовне, требуя каждый раз для изменения процесса внешнего толчка, метафизическая концепция необходимо вела к признанию того, что мир пришёл в движение под влиянием какой-то сверхъестественной силы, сыгравшей роль «часовщика природы». На такой точке зрения стояли, например, известные учёные XVII века Р. Декарт и И. Ньютон, которые, несмотря на эту ограниченность, сделали ценный вклад в разработку основ физики в этот период. Игнорируя внутренние источники развития, метафизический материализм был неспособен вскрыть действительный характер развития в природе и общественной жизни.

Одной из наиболее распространённых антинаучных концепций, отрицающих значение внутренних причин для развития, является «теория равновесия». Эта «теория» имела сторонников и в России среди враждебных марксизму идейных течений. Одним из её ревностных проповедников, пытавшихся превратить её в целую философскую «систему», был махист Богданов.

Согласно этой теории любой предмет природы, а также явление общественной жизни изменяются только под воздействием внешних «толчков», окружающей среды. В самих материальных объектах нет собственных, внутренних стимулов для изменения, развития, среда же является всегда активным преобразующим фактором, который производит «подбор» изменений в телах природы и в общественной жизни людей.

Развитие общества, с этой точки зрения, совершается не в силу внутренних причин, внутренних общественных противоречий, а в силу чисто внешнего отношения общества и природы. Если общество получает от природы достаточно жизненных благ, это ведёт якобы к «гармонии» общественной жизни, к расцвету материального благосостояния общества в целом, к затуханию общественных противоречий, к «подбору с положительным знаком». Но ослабление усилий людей в борьбе с природой за жизненные блага, пресыщенность людей, их удовлетворённость достигнутым ведут к нарушению «гармонии» общественной жизни, к возникновению конфликтов между классами

и между различными народами. «Подбор с положительным знаком» сменяется «подбором с отрицательным знаком», т. е. разрушением и перестройкой общественного организма.

Типично буржуазная по своей идейной направленности теория равновесия затушёвывает пропасть, разделяющую противоположные классы и их борьбу, проповедует гармонию классов в целях «общей борьбы с природой». Теорией равновесия как орудием реформистского обмана рабочего класса широко пользовались Каутский и другие ревизионисты. В годы борьбы за социализм в СССР её сделали своим теоретическим оружием правые оппортунисты.

В общественных явлениях необходимо разграничивать *объективные* и *субъективные* причины и выяснять их взаимодействие.

Объективные причины общественных явлений — это причины, возникающие независимо от воли классов и политических партий, в силу развития экономических условий, не зависящих от сознания и воли людей. Субъективные причины — это политическая деятельность, стратегия и тактика классов и партий, а также деятельность отдельных личностей, которые могут ускорить или замедлить наступление определённых общественных явлений, направить общественное развитие по кратчайшему пути или, наоборот, совлечь его на путь более тяжёлый, болезненный.

Марксизм-ленинизм учит, что если люди, классы, партии действуют в соответствии с объективными причинно-следственными отношениями общественных явлений, то в этом случае объективные процессы развития истории ускоряются. Великим примером деятельности, способствующей ускорению прогрессивного развития человечества, является деятельность Коммунистической партии Советского Союза.

Если же люди, классы и партии действуют наперекор объективным причинам явлений, то процессы общественного развития замедляются. Но историческая необходимость оказывается сильнее деятельности реакционных классов и партий. Рано или поздно она опрокидывает эти классы и партии, отбрасывает их прочь со своей дороги.

В объективной действительности причина и следствие постоянно меняются местами. Явление, выступающее как причина данного явления, всегда само оказывается следствием некоторого явления; любое явление оказывается

сразу и причиной и следствием, но, что существенно отметить, *в разных отношениях.*

Характеризуя переход причин и следствий друг в друга в общем процессе развития материи, Ф. Энгельс писал:

«...Причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»¹.

Так, электрический ток, возникший в генераторах электростанции как следствие электромагнитной индукции, становится причиной тепловых явлений в электронагревательном приборе; последние, являясь следствием тока, могут служить причиной интенсивного парообразования жидкости и т. д.

Ярким примером непрерывного перехода причин в следствия и следствий в причины может служить так называемый большой геологический круговорот веществ в природе. Схема этого круговорота, по В. Р. Вильямсу, такова. Вода под действием солнечной теплоты непрерывно испаряется с поверхности океана. Переносимая воздушными потоками, эта влага охлаждается в верхних слоях атмосферы и дождём выпадает на сушу. Выпавшая влага пропитывает почвообразующие породы, растворяет некоторые их элементы и по рекам уносит всё растворённое в океан.

Часть унесённых этим путём элементов почвы усваивается мелкими растительными организмами, обитающими во взвешенном состоянии в водах океана (планктон). Планктон служит пищей рыбам. Часть элементов почвы, унесённых водой, снова возвращается на сушу вместе с вылавливаемой птицами, животными и человеком рыбой. Но преобладающее количество элементов почвы остаётся в океане и вместе с отмершими организмами является причиной образования осадочных горных пород.

Переход следствий в причины и, обратно, причин в следствия непрерывно совершается и в общественной

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

жизни. Изменения в одной области общественной жизни вызывают изменения в других областях, те в свою очередь причинно обуславливают изменения в новых сферах материальной или духовной жизни общества. Например, рост производительных сил в досоциалистических формациях приводит на определённом этапе к конфликту между производительными силами и производственными отношениями. Будучи следствием роста производительных сил, этот конфликт в свою очередь приводит к возникновению новых общественных идей, отражающих несоответствие старых производственных отношений новому уровню производительных сил, является причиной определённых идеологических процессов.

Важнейшим проявлением диалектической природы причинно-следственной связи является обратное воздействие следствия на породившую его причину, взаимодействие причины и следствия в каждом отдельном причинно-следственном отношении.

Причина порождает, производит следствие, предшествуя ему во времени; причинно-следственное отношение характеризуется активностью причины по отношению к следствию, она направляет развитие процесса. Но следствие, возникнув, само влияет на свою причину, изменяет и преобразует её. Движение тела в водной или воздушной среде обуславливает возникновение потоков жидкости или газа. Явившись следствием воздействия движущегося тела на среду, они в свою очередь изменяют движение тела, обуславливают сопротивление этому движению. Например, воздушные потоки, создаваемые крыльями самолёта при его горизонтальном движении, обуславливают подъёмную силу, дающую возможность преодолеть действие силы тяжести.

Организмы изменяются соответственно изменению условий жизни. Но и условия жизни, природная среда изменяются в известной степени под воздействием изменяющегося органического мира. Современной материалистической биологией установлено, что условия жизни в значительной мере являются следствием жизнедеятельности организмов. Советский учёный В. Р. Вильямс раскрыл сущность почвообразовательного процесса. Под влиянием термических и химических факторов происходит разрушение (выветривание) массивной горной породы, выступающей на земную поверхность, образуется материн-

ская порода для возникновения почвы. В этой породе, служащей основанием для возникновения почвы, нет, например, азота, который необходимо присутствует в почвах, а такие биологически важные элементы, как фосфор, калий, находятся в состоянии чрезвычайного рассеяния. Почвообразовательный процесс — это процесс воздействия на материнскую породу растений, животных, микроорганизмов. В. Р. Вильямс детально исследовал, как в природе в процессе изменения почвы одно растительное сообщество сменяется другим, как каждое из них по-своему изменяет почву и как из процесса смены сообществ складывается единый почвообразовательный процесс.

Взаимодействие причины и следствия играет исключительно важную роль для определения процессов общественного развития. На основе учёта диалектического взаимодействия причины и следствия марксизм-ленинизм раскрывает, например, взаимоотношение экономики и политики.

Буржуазная философия и социология рассматривают экономику и политику как два независимых друг от друга фактора.

Марксизм учит, что экономика первична: она порождает определённые политические взгляды и учреждения, определяет содержание политики. Но политика, являясь вторичным, производным по отношению к экономике, имеет самое непосредственное влияние на развитие экономики. Политика, указывал В. И. Ленин, есть концентрированное выражение экономики. В политической надстройке выражено господство определённого класса общества, закреплено господство определённых производственных отношений. Именно поэтому В. И. Ленин говорил о первенстве политики над экономикой. Если первичность экономики по отношению к политике означает, что истоки, причины политики следует искать в экономике, то первенство политики над экономикой означает активную роль политики в решении экономических задач. Передовая политическая власть, опираясь на объективные законы и условия экономического развития, может содействовать развитию прогрессивных экономических явлений, ускорить экономическое развитие общества. Такова именно роль революционной власти рабочего класса, диктатуры пролетариата. Реакционная политическая власть препятствует развитию производительных сил, это хорошо видно при

анализе политики реакционных буржуазных правительств в настоящее время.

Взаимодействие причины и следствия проявляется и во влиянии общественных идей на развитие общества. Источники, причины возникновения общественных идей — экономических, политических, философских, правовых и др. — лежат в условиях материальной жизни общества. Духовная жизнь общества есть отражение его общественного бытия. Но общественные идеи оказывают активное влияние на свою причину, на развитие материальной жизни общества.

Старые общественные идеи, служащие интересам отживающих сил общества, направлены на то, чтобы сохранить, защитить, приукрасить отживший свой век базис, тормозя продвижение общества вперёд. Новые идеи и теории, отражая задачи, выдвинутые развитием материальной жизни общества, способствуют организации и мобилизации сил революционного класса, двигают общество вперёд. «...Теория, — учил Маркс, — становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹. Величайшее организующее и преобразующее значение передовых идей видно на примере марксизма-ленинизма — теоретического оружия трудящихся в борьбе за уничтожение отживших капиталистических производственных отношений и строительство коммунистического общества.

Враги марксизма неоднократно выдвигали и выдвигают нелепое обвинение против диалектического материализма в том, что он якобы игнорирует роль идей в общественном развитии, сводит всё развитие общества к автоматическому действию экономики. Это обвинение является в равной мере плодом как незнания буржуазными философами и социологами марксизма, так и сознательной фальсификации марксистской философии.

Разоблачая подобных «критиков» марксизма, Ф. Энгельс писал: «В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто намеренно забывают о том, что, как только истори-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, изд. 2, Госполитиздат, 1955, стр. 422.

ческое явление вызвано к жизни... экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины»¹.

Марксизм-ленинизм ведёт непримиримую борьбу с ревизионистским извращением диалектического материализма в духе вульгарного материализма, в духе отрицания роли общественного сознания, роли идей в развитии общества. Вскоре после смерти Маркса и Энгельса предатели интересов рабочего класса — бернштейнианцы и каутскианцы — начали извращать марксизм с позиции так называемого экономического материализма. Они пустили в ход лженаучную «теорию» производительных сил, согласно которой производительные силы своим стихийным ростом не только готовят материальные предпосылки, но с фатальной неизбежностью ведут к социализму без революции, без диктатуры пролетариата. Эту теорию защищали в России «экономисты», затем меньшевики, в советское время — правые оппортунисты. Все эти враждебные марксизму-ленинизму политические течения утверждали, что капиталистическая экономика мирно, стихийно вращается в социалистическую, а рабочий класс под влиянием одного лишь экономического развития, без организующей и воспитательной работы партии придёт к социалистическому сознанию; все они отрицали огромное значение научной революционной теории в организации и мобилизации трудящихся масс на штурм капитализма и построение социалистического общества. Великой заслугой Коммунистической партии Советского Союза, её основателя В. И. Ленина является то, что они, мастерски применяя материалистическую диалектику, подвергли идейному разгрому всех этих извратителей марксизма, отстаивали чистоту марксистской теории, показали её огромное преобразующее значение.

Диалектическая природа причинно-следственной связи выражается, таким образом, в её зависимости от условий, в непрерывном переходе причин в следствия и следствий в причины в процессе развития материи, во взаимодействии различных причинно-следственных отношений при воз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 479.

никновении явления, в обратном влиянии следствия на породившую его причину. Отношение причины и следствия представляет конкретную форму диалектического противоречия.

Категории причины и следствия, раскрывающие происхождение конкретных явлений, представляют важнейшее теоретическое оружие в практической и научной деятельности.

Без установления причинных отношений невозможно объяснение и предвидение явлений. Научное познание мира начинается с изучения конкретных фактов и установления причинно-следственных отношений между ними. Установление и затем *сопоставление*, сличение причинно-следственных отношений, выделение массовых, устойчивых, повторяющихся, необходимых причинно-следственных отношений представляет важнейший этап исследования при открытии законов природы и общества.

Характеризуя категории причины и следствия как *первоначальную* ступень познания взаимозависимости явлений, В. И. Ленин писал: «...от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»¹.

Обобщение опыта развития всех наук и всей общественно-исторической практики в философских категориях причины и следствия даёт уверенность в том, что причинно-следственные связи будут раскрыты и там, где пока они неизвестны, неясны. Диалектико-материалистическое учение о причинности, обосновывая всеобщий характер причинной обусловленности явлений, стимулирует развитие науки в направлении познания всё новых и новых причинно-следственных отношений и использования их в интересах человеческого общества.

Диалектико-материалистическая теория причинности даёт возможность правильно оценивать результаты естественно-научного познания мира, раскрывать содержание естественно-научных понятий и теорий, а также осмысливать пути дальнейшего развития естественных наук и преодоления ограниченности существующих теорий.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 193.

Так, например, на основе диалектико-материалистической теории причинности советские учёные К. В. Никольский, Д. И. Блохинцев, Я. П. Терлецкий, М. Э. Омельяновский и другие дали правильное истолкование содержания и основных понятий квантовой механики (физической теории, изучающей движение микрочастиц — атомов, электронов, протонов, нейтронов и т. д., а также строение электронной оболочки атома). Они показали, что квантовая механика не раскрывает всех деталей движения отдельной микрочастицы, поскольку она не учитывает всей совокупности причин, влияющих на её движение. Квантовая механика отражает лишь некоторые существенные черты, присущие движениям множества частиц данного вида и обусловленные действием общих для всех частиц причин, учитываемых аппаратом квантовой механики (например, силового поля определённого типа). Но она отвлекается от ряда изменчивых факторов, обуславливающих отклонение одного индивидуального процесса от другого при одних и тех же общих причинах и условиях.

Руководствуясь принципом причинности, советские учёные и ряд учёных за рубежом — Луи де Бройль, Д. Бом, Ж. Вижье и другие — обсуждают в настоящее время возможности построения теории, которая учитывала бы более широкий круг причин, влияющих на движение микрочастицы, и более детально отображала бы движение отдельной частицы, чем квантовая механика. На основе принципа причинности советскими и некоторыми зарубежными учёными была раскрыта полная несостоятельность извращений квантовой механики «физическими» идеалистами; последние, как указывалось выше, игнорируя неполный учёт причин в квантовой механике, пытаются утверждать, что квантовая механика якобы вскрывает недетерминированность атомных процессов.

Важнейшее значение для целенаправленной практической деятельности людей по преобразованию природы и общественных отношений имеют положения диалектико-материалистической теории причинности о многообразии, неравноценности и взаимодействии различных причин при определении следствия. Эти положения материалистической диалектики раскрывают возможность осуществления в практической деятельности людей такого взаимодействия причинно-следственных отношений, которое необходимо для решения намеченных конкретных задач.

Цели людей в идеальной форме выражают то состояние, которого нет в настоящее время в природе или общественной жизни, которое должно быть достигнуто путём преобразования существующего, его дальнейшего развития. Это преобразование осуществляется в результате воздействия человека на предметы природы орудиями труда или взаимного воздействия людей в общественной жизни в результате материальных производственных процессов и общественной деятельности.

Цели людей порождаются действительностью, и вместе с тем они всегда противопоставляются реальной действительности. Причинность, необходимость природы первичны. Целеустремлённость же вторична; она представляет отражение в сознании такого взаимодействия причинных связей, в котором материальная деятельность человека выступает как существенная причина, вызывающая определённое изменение действительности.

Вся материальная культура людей от предметов домашнего обихода до электронно-счётных машин и атомных электростанций создана в результате комбинирования причинно-следственных отношений природы; она существенно отличается от естественной географической среды и в то же время не оторвана от неё, а возникла на основе природы. Человек в природе находит вещество, которое служит материалом для создания всех предметов материальной культуры, и сочетает объективные, независимые от его воли и сознания причинные связи явлений для получения новых определённых следствий, которые сами по себе в природе не осуществляются. Материально-производственная и общественно-политическая деятельность людей даёт бесчисленное множество примеров такого целенаправленного комбинирования объективных по своей природе причинно-следственных отношений.

Так, выведение новых сортов растений и пород животных основывается на определённой целенаправленной комбинации тех причин, которые должны вызвать желательное изменение наследственности.

Образцы глубокого исследования причинно-следственных связей в общественной жизни и использования их на благо народа представляет вся деятельность Коммунистической партии Советского Союза.

На протяжении своей славной, более чем полувековой истории партия коммунистов глубоко вскрывала и вскрыв-

вает объективные и субъективные причины различных общественных явлений, правильно устанавливала и устанавливает значение этих причин для борьбы трудящихся за социализм и коммунизм.

Но партия не ограничивается лишь регистрацией причин общественных явлений. Она организует политическую и трудовую активность многомиллионных масс народа на то, чтобы в зависимости от потребности систематически усиливать, укреплять, наращивать действие одних явлений, которые способствуют нашему движению вперёд, порождают следствия, необходимые для успешного осуществления коммунистического строительства, и ослаблять те процессы, которые тянут нас назад.

Примером глубокого понимания причинно-следственных отношений в экономическом развитии нашей страны и правильного выделения главных, решающих причинно-следственных отношений является борьба нашей партии за ленинский курс на преимущественное развитие тяжёлой промышленности. В. И. Ленин учил, что без преимущественного роста тяжёлой индустрии на всех этапах коммунистического строительства нельзя обеспечить расширенного социалистического воспроизводства. Без опережающего развития тяжёлой индустрии невозможны поступательное развитие производительных сил, неуклонный рост производительности труда, несокрушимая обороноспособность нашей страны, неуклонный подъём благосостояния народа. Партия дала сокрушительный отпор тем горе-теоретикам, которые пытались доказывать, что на определённом этапе экономического развития социалистического общества можно якобы отказаться от опережающих темпов развития тяжёлой индустрии. Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР предусматривают увеличение производства средств производства примерно на 70% при общем росте промышленной продукции примерно на 65%.

В то же время XX съезд отметил, что достигнутый в настоящее время уровень общественного производства позволяет развивать быстрыми темпами не только производство средств производства, но и производство предметов народного потребления.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1953 г.), отмечая достижения колхозного строя в СССР, в то же время глубоко вскрыл причины ещё недостаточного уровня сельско-

хозяйственного производства в целом и определившегося отставания ряда важнейших его отраслей. Объективной причиной отставания явилось то обстоятельство, что мы не могли одинаково быстро развивать все отрасли народного хозяйства. У нас был период, когда мы были вынуждены основные силы и средства, а также лучшие кадры направлять на всемерное развитие тяжёлой индустрии. В постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС детально вскрываются также субъективные причины этого отставания: нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства, в увеличении его доходности; неудовлетворительное использование предоставляемой социалистическим государством мощной техники; неудовлетворительное руководство работой колхозов, МТС и совхозов со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов; плохая организация труда, плохая дисциплина, нерадивое отношение к колхозному добру в ряде колхозов.

Вскрыв причины отставания сельского хозяйства, партия разработала и осуществляет за последние годы систему мероприятий, направленных на крутой подъём сельскохозяйственного производства.

Важное значение для практической деятельности имеет положение материалистической диалектики о взаимодействии причины и следствия, об обратном воздействии следствия на порождающую его причину. В. И. Ленин в знаменитой статье «О нашей революции» беспощадно разоблачил схоластические рассуждения «социал-демократических мещан», уверявших, что Россия не доросла до социализма. «Для создания социализма,— говорите вы,— требуется цивилизованность,— писал В. И. Ленин.— Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»¹

Таким образом, Ленин на основе диалектической взаимозависимости причины и следствия обосновал важнейшее для деятельности всех марксистских партий положение о том, что культурный рост рабочего класса неизмеримо ускорится после свержения эксплуататорских классов, что победа пролетариата в социалистической револю-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 439.

ции — следствие революционной активности рабочего класса — окажет могучее преобразующее воздействие на революционный пролетариат.

Вся история существования Советской власти в нашей стране, а также общественная практика европейских стран народной демократии, Китайской Народной Республики, Коре́йской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам показывает глубину этого предвидения В. И. Ленина.

Категории причины и следствия являются необходимым инструментом всякого научного исследования и практической деятельности. Разработанная диалектическим материализмом философская теория причинно-следственной связи, раскрывая наиболее общие и существенные черты любого причинно-следственного отношения в природе и обществе, способствует повышению активности и творческой инициативы советских людей на любом участке работы, представляет духовное оружие масс в борьбе за коммунизм.

Глава четвертая

НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ

Определение необходимости и случайности, их объективный характер

Идеалистические направления как в домарксовский период философии, так и в настоящее время отрицали и отрицают объективный, независимый от сознания и воли характер необходимости и случайности. Идеалисты выводят эти категории из «абсолютной идеи», разума, сознания, из божественных предустановлений и т. д. Так, например, субъективный идеалист XVIII века Д. Юм считал необходимость чисто субъективной категорией, результатом привычки, образующейся при многократном наблюдении явлений. Представление о необходимости в противоположность случайности возникает из впечатлений, полученных людьми, когда они наблюдают последовательно одни предметы, вещи за другими, поставленные в прямую причинную зависимость друг к другу.

По Канту, категории необходимости и случайности, как и другие категории, суть основные понятия рассудка, образующие априорную (т. е. данную до опыта) форму явлений. Необходимость и случайность и у него оказываются субъективными категориями.

Подобно Юму и Канту решали вопрос о категориях необходимости и случайности махисты. Мах утверждал, что кроме логической необходимости никакой другой не существует. В таком же плане ставит вопрос о необходимости и случайности глава прагматизма — Дьюи. Он утверждает, что все категории, в том числе необходимость и случайность, по своему содержанию и характеру чисто субъективны.

Не только субъективные, но и объективные идеалисты неправильно решали и решают вопрос о категориях необходимости и случайности. По Гегелю, например, эти категории (как и другие) выступают как проявление «мирового духа», «божественного сознания», взятых в их «домировом», «доприродном» бытии. У Гегеля, как писал Энгельс, логические понятия выступают «как что-то предсуществующее, а диалектика реального мира — как их простой отблеск. В действительности наоборот: диалектика головы — только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории»¹. В то же время Гегель высказывал важные мысли относительно категорий необходимости и случайности. То, что необходимо, утверждал он, не может быть иначе, ибо оно имеет причину в самих вещах, процессах. Случайное в противоположность необходимому не имеет основания, ибо оно случайно, но точно так же имеет некоторое основание. Мысль Гегеля — случайное не имеет основания — означает, что явление, рассматриваемое как случайное, не может быть объяснено из внутреннего своего основания, из развития самой вещи. Его же утверждение, что случайное имеет некоторое основание, означает, что явление, рассматриваемое как случайное, всё же объяснимо из другого основания, из внешнего основания, содержащегося в других явлениях, вещах. Отмечая положительное значение мыслей Гегеля о необходимости и случайности, следует учесть, что он идеалистически истолковывал суть этих и других категорий.

Современные объективные идеалисты типа персоналистов (Флюеллинг, Брайтмен), отрицая необходимость и признавая только случайность, считают последнюю результатом божественной воли.

В отличие от идеалистов домарксовские материалисты видели материальную основу категории необходимости и её объективный характер. Что же касается категории случайности, то, как правило, они её считали субъективной категорией.

Древнегреческий материалист Демокрит, определяя случайность как беспричинное явление, считал её субъективным понятием, прикрывающим человеческое незнание.

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 160.

Механистические материалисты в понимании случайности и необходимости мало чем отличались от Демокрита. Подавляющее большинство из них также утверждало, что всё в природе существует в силу необходимости, а случайное — это то, причина чего неизвестна. Такое понимание случайности наиболее ярко выражено голландским материалистом Спинозой, английским материалистом Гоббсом и французскими материалистами XVIII века.

В своей работе «Этика» Спиноза утверждал, что в вещах нет решительно ничего, почему они могли бы быть названы случайными. И если люди считают некоторые вещи случайными, то только из-за незнания причин их возникновения. Поэтому случайной называется какая-либо вещь только по причине несовершенства наших знаний. Достаточно углубить наши знания настолько, чтобы были раскрыты причины явлений, как мнимая случайность исчезает.

Подобно Спинозе Гоббс, а затем большинство французских материалистов XVIII века утверждали, что в природе ничто не происходит случайно, а совершается только по необходимым причинам. И лишь тогда, когда люди не видят связи явлений с их причинами, они приписывают случаю все эти явления.

«Ничто в природе,— писал Гольбах,— не может произойти случайно; всё следует определённым законам... Атом материи не по случайности встречает другой атом, эта встреча должна произойти благодаря неизменным законам, по которым каждое существо вынуждено действовать так, как оно действует, и не может действовать иначе в данных условиях. Говорить о случайном сцеплении атомов либо приписывать некоторые следствия случайности, значит говорить о неведении законов...»¹

К чему приводило и приводит такое ложное понимание случайности и необходимости? Отрицание объективного характера случайности и признание всех явлений только необходимыми приводит к утверждению, что всё развитие природы и общества идёт по заранее предначертанному плану. «Необходимость, управляющая движениями физического мира,— писал Гольбах,— управляет также движе-

¹ П. Гольбах, Избранные антирелигиозные произведения, т. 1, М. 1934, стр. 35.

ниями мира духовного, в котором, следовательно, всё подчинено фатальности»¹.

При таком понимании необходимости и случайности обесценивается целенаправленная практическая деятельность человека по изменению и переделке материального мира в своих интересах; человек при таком подходе к действительности становится игрушкой рока, судьбы. Идеалисты используют фаталистическое понимание необходимости, которое в конечном счёте ведёт к идеализму, к признанию потусторонних сил. Понятие судьбы нередко связывается с «велениями» бога.

Далее, признание одной необходимости и отрицание случайности приводило и приводит к сведению необходимости до уровня случайности. Гольбах, например, необходимую причину изменений исторических событий находил иногда в излишке едкости в жёлчи фанатика, в разгорячённости крови в сердце завоевателя, в плохом пищеварении короля, в капризе женщины.

Ф. Энгельс вскрыл несостоятельность такого взгляда на случайность и необходимость. «Если тот факт,— писал Энгельс,— что определенный стручок заключает в себе шесть горошин, а не пять или семь, представляет собою явление того же порядка, как закон движения солнечной системы или закон превращения энергии, то на деле не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость снижается до уровня случайности»².

Такое понимание механистическими материалистами необходимости толкало науку на путь изучения второстепенных и поверхностных свойств в явлениях, предметах, телах, уводило её от изучения существенных, внутренних связей в явлениях и между явлениями материального мира, законов их развития, без признания и изучения которых наука не может жить и развиваться.

Среди механистических материалистов были и такие, которые переоценивали случайность и недооценивали необходимость. Так, французский материалист Гельвеций утверждал, что события нашей жизни являются часто плодом ничтожнейших случайностей. Появление великих людей, открытия в искусстве, науке — всё это, писал он, результат действия случая. Все науки одинаково подчинены

¹ П. Гольбах, Система природы, Соцэкгиз, М. 1940, стр. 131.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 173.

власти случая¹. Переоценка роли случайностей в развитии общества присуща и многим идеалистам, в частности народникам в России. Они вообще рассматривали человеческую историю как хаос случайностей.

Подобные взгляды, переоценивающие роль случайности, имеют распространение среди многих современных буржуазных философов, социологов и части естественников, видящих всюду одну лишь случайность, подменяющих необходимость случайностями. Так, по утверждению американского философа-идеалиста Д. Сантаяна общество — это хаос случайностей, в котором царит иррациональное. Согласно воззрениям другого американского философа-персоналиста, Флюеллинга, в мире всё происходит неожиданно и случайно.

«Физические» идеалисты (Иордан, Джинс и др.) пытаются доказать, что микропроцессы по природе своей чисто случайны, что всякая необходимость исключена при движении мельчайших частиц материи — атомов, электронов, протонов и т. д. При этом случайность понимается «физическими» идеалистами как беспричинность, нечто сверхъестественное, как «свобода воли» микрочастиц. Рассмотрение явлений природы как чисто случайных характерно и для морганистов-менделистов в биологии.

Современные буржуазные идеологи подменяют необходимость случайностью для того, чтобы извратить истинные задачи науки, изучающей объективные закономерности, и направить её на путь мистики, превратить её в опору религии, в орудие защиты капиталистических порядков, ибо признать, что необходимость, закономерность являются объективными категориями, это значит признать закономерный характер исторического процесса, признать капитализм исторически преходящим, а победу коммунизма — закономерной и неизбежной. Некоторые буржуазные учёные на основе якобы господства случайностей в микромире, «свободы воли» электрона стремятся обосновать вечность буржуазной демократии.

Научное решение вопроса о необходимости и случайности впервые дал диалектический материализм. Обобщив данные многовекового развития общественно-исторической практики человечества и всех наук о природе и об-

¹ См. К. А. Гельвеций, О человеке, его умственных способностях и его воспитании, Соцэкгиз, М. 1938, стр. 17, 135.

шестве, он обосновал вывод, что в материальном мире основные процессы, события происходят в силу необходимости. Наряду с необходимостью и в неразрывном единстве с ней имеется и случайность. Необходимость и случайность существуют в природе и обществе объективно, т. е. вне и независимо от сознания и воли людей, причём та и другая имеют причинно-обусловленный характер.

Категории необходимости и случайности являются одновременно и категориями бытия и категориями познания. Они являются категориями бытия потому, что выражают определённые стороны и связи самого бытия, реальной действительности. В то же время они являются категориями познания, поскольку познание не оторвано от бытия, от реальной действительности, а отражает её. С помощью этих категорий наука познаёт объективный мир.

Под необходимостью диалектический материализм понимает то, что имеет причину в себе самом, что с неизбежностью, закономерно вытекает из самой сущности, из внутренней связи вещей, процессов, событий и что неизбежно должно произойти в главном так, а не иначе.

Ф. Энгельс считал обмен веществ необходимостью для живых организмов, поскольку он вытекает из сущности самой жизни: нет жизни без обмена веществ.

В. И. Ленин, говоря о революционном подъёме трудящихся масс России в 1910—1912 гг. (увеличение рабочих стачек, демонстраций, митингов, студенческих забастовок), писал, что «в этом подъёме нет ничего случайного, что наступление его совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием России»¹.

Вскрывая историческую необходимость отделения города от деревни, противоположность между ними и эксплуатацию деревни городом в условиях развивающегося капитализма, В. И. Ленин указывает, что «преобладание города над деревней (и в экономическом, и в политическом, и в интеллектуальном, и во всех других отношениях) составляет *общее и неизбежное* явление всех стран с товарным производством и капитализмом...»².

На XX съезде КПСС со всей силой подчёркивалось положение о том, что мирное сосуществование двух об-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 86.

² В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 207. (Курсив наш.—Ред.)

ественных систем — капиталистической и социалистической — является объективной необходимостью, исторической закономерностью. Оно является необходимостью потому, что переход от капитализма к социализму не может произойти во всех странах одновременно. Разновременность вызревания предпосылок для перехода к социализму в отдельных странах, разновременность отпадения отдельных стран от капиталистической системы означает, что неизбежно сравнительно длительное одновременное существование и капиталистических и социалистических государств.

Случайность — это то, что имеет основание и причину, не в самом себе, не в сущности самих явлений, процессов, событий, вещей, а в другом, что вытекает не из внутренних связей и отношений, а из побочных, или внешних связей и в силу этого может быть, а может и не быть, может произойти так, но может произойти и по-другому.

Ф. Энгельс приводит ряд примеров случайностей в развитии природы. Так, для отдельного животного является случайным, где оно родилось, какую среду оно застаёт вокруг себя для жизни, какие враги и сколько именно врагов угрожает ему. В такой же мере для материнского растения случайно, куда ветер разносит его семена, для дочернего растения случайно, где находит себе почву для прорастания то зерно, из которого оно вырастает. «Пестрое скопление различнейших предметов природы, — пишет Ф. Энгельс, — в какой-нибудь определенной местности или даже на всей земле остается, при всей извечной, первичной детерминированности его, все же... случайным»¹.

Данные науки и практики показывают, что случайность часто появляется и в точке пересечения разных причинно-обусловленных необходимых процессов.

Так, выпадение града может положить конец произрастанию растения, погубить его. Здесь встреча растения с градом, вызванным определёнными причинами, является случайностью по отношению к биологическим законам произрастания растения.

Это же можно видеть на примере общественных явлений. Появление выдающейся личности в истории есть необ-

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 174.

ходимость, вызванная потребностью общества в разрешении назревших задач. Однако случайностью по отношению к исторической необходимости является то, кто выполняет роль данной личности, ибо это не зависит от общего хода исторического процесса, а непосредственно зависит от ряда событий, выдвинувших ту или иную личность во главу общественного движения.

Ф. Энгельс пишет по этому вопросу: «То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека устраним, то появляется спрос на его замену, и такой заместитель находится, — более или менее удачный, но с течением времени находится»¹.

Значит, необходимость и случайность — объективные явления, процессы, события, имеющие свои причины. Необходимость вызывается внутренними, основными причинами. Случайность же вызывается внешними, несущественными, неосновными, приводящими причинами.

Диалектика необходимости и случайности

Домарксовская философия не смогла научно решить и вопрос о соотношении необходимости и случайности.

Если говорить о старых материалистах, то наряду с механистическими детерминистами, отрицавшими наличие случайности и по существу низводившими необходимость до уровня случайностей, имелось и другое метафизическое направление, которого придерживались и многие естествоиспытатели. Это направление разрывало случайность и необходимость и рассматривало их как взаимоисключающие друг друга понятия: оно признавало какие-либо вещи (отношения, процессы) либо случайными, либо необходимыми, но не тем и другим одновременно.

Гегель попытался исправить недостатки метафизических материалистов, противопоставлявших необходимость и случайность друг другу. Ему принадлежит бесспорная заслуга обоснования диалектического взаимоотношения необходимости и случайности. Он выступил с положениями

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 485.

о том, что случайность и необходимость взаимосвязаны, могут переходить друг в друга и что необходимость проявляется в случайностях. Однако вопрос о диалектике необходимости и случайности Гегель решал на идеалистической основе.

Попытку решения вопроса о соотношении необходимости и случайности сделали и русские революционные демократы. Некоторые из них, например Герцен, Белинский, Добролюбов, стремились показать связь между этими категориями и роль каждой из них. Важно также, что они придавали решающее значение необходимости в историческом процессе.

В том, утверждал Белинский, что Пётр I построил Петербург на берегу реки Невы, большую роль играла случайность. Он мог построить Петербург и там, где теперь Шлиссельбург, а мог его и совсем не построить, а столицей страны сделать Ревель или Ригу. Но независимо от этого было необходимым, чтобы Россия получила выход к Балтийскому морю и имела средство легко и удобно сноситься с Европою¹. Здесь ясно видно, что Белинский рассматривал данную случайность как выражение исторической необходимости.

Добролюбов отмечал, что история народов зависит в своём ходе от некоторых законов. Только крайнее невежество, утверждал он, может считать реформы Петра случайным следствием прихотливого произвола этого человека. Человек мыслящий не может не видеть в них естественного последствия предыдущей истории России². Чрезвычайно интересные мысли о диалектическом взаимоотношении необходимости и случайности высказывал А. И. Герцен.

То обстоятельство, что подавляющее большинство философов и социологов домарксовской эпохи не в состоянии были поставить, а тем более решить вопрос о соотношении необходимости и случайности, было в значительной мере результатом того, что в объяснении явлений общественной жизни они оставались идеалистами, утверждая, что в обществе всё зависит от особенностей характера историче-

¹ См. В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трёх томах, т. III, ГИХЛ, М. 1948, стр. 648.

² См. Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, т. 3, ГИХЛ, М. 1936, стр. 259—260.

ских деятелей, стоящих во главе государства, во главе движения, от различных побудительных идеальных мотивов, от какой-либо предвзятой и излюбленной идеи и т. д. и т. п. Это видно хотя бы на примере английского историка Карлейля, младогегельянцев в Германии, которые придерживались идеалистической теории «героев и толпы», отрицали роль народных масс в истории как подлинных создателей материальных и духовных ценностей и преувеличивали роль выдающихся, «критически» мыслящих личностей — законодателей, царей, императоров, полководцев, учёных, изобретателей, считая их творцами истории.

Вопреки метафизикам, разрывавшим случайность и необходимость и рассматривавшим их как взаимоисключающие друг друга понятия, диалектический материализм исходит из признания того, что случайность и необходимость находятся в диалектическом взаимодействии. Связь и взаимодействие категорий необходимости и случайности определяются непосредственно диалектической природой тех сторон действительности, которые отражаются в этих категориях. Ведь сама действительность представляет собой единое целое; она вся, как и каждая её сторона, находится в движении, в развитии, переходит от одного состояния к другому. Отсюда понятно, что и категории, отражающие определённые стороны действительности, также должны быть гибкими, подвижными и переходящими друг в друга, связанными между собой. Как и все другие категории, необходимость и случайность представляют собой тождество в различии, единство противоположностей.

Диалектика необходимости и случайности выражается прежде всего в том, что они находятся в единстве, во взаимной связи. Не существует чистой необходимости или чистой случайности: необходимость в той или другой степени связана со случайностью, а последняя с необходимостью.

Во фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин отмечал, что уже в суждении «Иван есть человек» обнаруживается единство необходимости и случайности. В этом суждении необходимость выражена в том, что Ивану как отдельному представителю человеческого рода необходимо присущи существенные свойства всего рода. Но его индивидуальные особенности — его рост, характер, цвет

глаз и т. д.— это уже случайные по отношению к человеческому роду признаки, которые свойственны только ему и отличают его от других людей.

Возьмём другой пример. Известно, что общественная жизнь развивается в силу необходимости, закономерности. Вместе с тем общественное развитие проявляется в деятельности людей, имеющих различные характеры, признаки, черты, которые по отношению к истории общества являются случайными. Из этого вытекает, что необходимость в истории всегда переплетается со случайностью. В этом смысле Маркс говорил, что «история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями»¹.

Взаимосвязь необходимости и случайности выражается далее в том, что случайность есть дополнение и форма проявления необходимости.

Покажем это на примере открытия французским физиком А. Беккерелем явления радиоактивности. Занимаясь изучением свойств урана, Беккерель оставил в ящике письменного стола кусочек урановой смоляной руды на коробке с фотографическими пластинками. Когда он начал проявлять пластинки, то заметил, что та часть их, над которой лежал кусочек урановой руды, оказалась почерневшей. Оказалось, что урановая руда излучала какие-то невидимые лучи, которые проходили через стенки коробки и чёрную бумагу и разрушали хлористое серебро в эмульсии. Этот процесс самоизлучения был назван радиоактивностью.

Следовательно, открытие явления радиоактивности Беккерелем произошло случайно. Беккерель мог не оставить в ящике письменного стола урановой смоляной руды, и тогда бы он не обнаружил излучения на фотографических пластинках. Но если не он, то другой учёный обязательно сделал бы это открытие, так как необходимость открытия явления радиоактивности наукой того времени уже назрела.

Необходимость пробивает себе дорогу всегда сквозь массу случайностей. Например, при данных для газа внеш-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 444.

них условиях (объём, занимаемый газом, давление на газ, температура внешней среды) движение молекул газа чрезвычайно разнообразно, хаотично. В результате соударений молекул газа и столкновений со стенками сосуда движение каждой молекулы непрерывно меняется. Однако при данных условиях, как показывает опыт, наступает приблизительно равномерное распределение молекул по объёму (устанавливается строго определённая плотность) и средняя кинетическая энергия молекул приобретает строго определённое значение. Последнее обстоятельство указывает на то, что в газе устанавливается совершенно определённое распределение молекул по скоростям, т. е. число молекул, имеющих определённую величину скорости, сохраняется приблизительно постоянным, хотя каждая молекула всё время меняет величину и направление скорости.

Здесь устойчивые внешние условия с необходимостью определяют известное распределение молекул по объёму и скоростям; этими же распределениями определяются значения таких величин, как давление, плотность, температура и др., которые в совокупности характеризуют термодинамическое состояние газа. Однако местоположение каждой молекулы и её скорость в данный момент времени несущественны для определения термодинамических величин; для последних важно только число молекул в данном объёме и число молекул, обладающих определённой скоростью.

Все сочетания молекулярных движений, дающие одно и то же распределение частиц по объёму и скоростям, выступают как случайности, через которые осуществляется необходимое термодинамическое состояние. Итак, необходимое при данных внешних условиях термодинамическое состояние газа осуществляется через множество различных комбинаций движений отдельных молекул, которые (комбинации) являются случайными по отношению к внешним условиям.

Положение о том, что необходимость пробивает себе дорогу сквозь массу случайностей, можно проиллюстрировать и на примерах из учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. Образование условного рефлекса с необходимостью вытекает из определённого взаимосочетания безусловного рефлекса (например, рефлекса слюноотделения во время еды) с какими-либо одновремен-

ными воздействиями на кору головного мозга внешних факторов (звуков, световых раздражений, механических воздействий и т. д.). Следовательно, имея в виду наличие в жизни каждого животного такого взаимосочетания акта еды с теми или иными сопутствующими актами, следует считать необходимым, закономерным образование условных слюноотделительных рефлексов в процессе жизни животного. Но эта необходимость образования условных рефлексов проявляется в массе случайностей: у одних животных (одного и того же вида) условные слюноотделительные рефлексы образуются раньше, у других — позднее; у одних они образуются на одни какие-либо условные раздражения, у других — на другие, у третьих — на комплекс тех и других и т. д. Эти индивидуальные различия в образовании условных рефлексов, несомненно, являются случайными, так как не вытекают с неизбежностью из закономерности образования условных рефлексов. И. П. Павлов подчёркивал случайный характер образования условных рефлексов в каждом отдельном случае, называя такие условные рефлексы индивидуальными, «потому что они будут варьировать у отдельных животных и даже у одного и того же в разное время, при разных условиях»¹.

Другой пример. У человека наряду с первой сигнальной системой, которая имеется и у животных (ощущения, впечатления и представления, получаемые от окружающей внешней среды), появилась, развилась и усовершенствовалась в связи с развитием трудовой деятельности и социальной жизни вторая сигнальная система в виде речи, слов, являющихся сигналами первых сигналов. С возникновением второй сигнальной системы возникла способность мыслить понятиями, возникло отвлечённое мышление, чего нет у животных. Возникновение второй сигнальной системы в ходе исторического развития человека является необходимостью. Но, несомненно, случайным является то, что у одних народов эти «сигналы сигналов» нашли выражение в форме одних слов, у других — в форме иных слов и т. д.

Диалектика необходимости и случайности также выражается в том, что они имеют относительный характер,

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. IV, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1951, стр. 39.

т. е. то, что в одной связи является необходимостью, в другой связи выступает как случайность.

В середине XIX века К. Маркс и Ф. Энгельс независимо друг от друга открыли материалистическое понимание истории. Это открытие было назревшей исторической необходимостью. Человеческая мысль упорно работала в этом направлении. Об этом свидетельствуют работы французских историков Тьерри, Минье, Гизо и работа Моргана «Древнее общество», в которых высказывались глубокие материалистические догадки.

То обстоятельство, что именно Маркс и Энгельс открыли материалистическое понимание истории, является случайностью по отношению к исторической необходимости. Однако по отношению к самим Марксу и Энгельсу это открытие было необходимым результатом их обширнейших знаний, гениальных способностей, перехода на позиции рабочего класса.

Диалектика необходимости и случайности, наконец, состоит в том, что они с изменением условий переходят друг в друга. В качестве примера перехода случайности в необходимость и наоборот Ф. Энгельс приводил процесс видообразования.

В процессе развития вида происходят многочисленные, часто незаметные, случайные изменения, которые затем передаются по наследству. «...Животное, как и растение,— пишет Дарвин,— может подвергнуться любому изменению путём накопления многочисленных слабых случайных изменений, лишь бы они были в чём-нибудь полезны...»¹ Эти случайные изменения, накапливаясь, могут привести к таким существенным изменениям организмов, что «строго наземное животное, случайно добывая корм в мелкой воде, затем в реках и озёрах, наконец, могло бы превратиться в настолько водное животное, чтобы жить в открытом океане»².

Сам Дарвин не дошёл до осознанного понимания диалектической связи между необходимостью и случайностью, до понимания того, что случайность является формой проявления необходимости и дополнением к ней. Но из учения Дарвина объективно вытекает, что если полезные случайные изменения в дальнейшем становятся призна-

¹ Ч. Дарвин, Происхождение видов, 1952, стр. 283.

² Там же, стр. 240.

ками новой разновидности или вида, то они из случайных изменений превращаются в необходимые признаки вида. Здесь случайность превращается в необходимость.

И, наоборот, необходимые видовые свойства организмов при изменившихся условиях могут постепенно вырождаться, лишаться необходимости, становиться менее полезными, превращаться в случайные свойства. В таких условиях необходимость превращается в случайность. Примерами превращения необходимых признаков в случайные могут служить рудиментарные органы у животных.

Ф. Энгельс дал высокую оценку учению Дарвина, указав, что Дарвин в своём составившем эпоху произведении показывает, как бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до выхода за пределы видового признака, становятся основой эволюции биологических особей¹.

Надо отметить, что Дарвин ошибался, относя к случайным явлениям такие, причины которых нам ещё неизвестны.

Мичуринское учение, исходя из принципа единства организма с условиями его существования, установило, что разные живые организмы отличаются друг от друга типом ассимиляции, типом обмена веществ, определённой наследственностью, различными требованиями определённых условий для своей жизни.

Эти требования растениями определённых внешних условий для своей жизни выражают необходимость их развития. Если внешние условия соответствуют наследственной основе организма, то организм совершает обычный цикл развития, закономерно проходя все стадии развития своих предков. Но так как внешние условия, в которых реализуется наследственная основа, могут быть различными, то последняя в своём развитии может измениться, дать случайные отклонения. Эти случайные отклонения оказывают влияние на развитие наследственной основы как необходимости, обогащая её новыми признаками, свойствами. Закрепляясь в последующих поколениях, новые признаки превращаются в устойчивые полезные признаки, в необходимость.

Превращение случайного в необходимое и наоборот

¹ См. Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 174.

является характерным не только для развития явлений природы, но и для развития явлений общественной жизни. Так, в первобытном обществе натуральное хозяйство является необходимостью, а акты обмена продуктов сперва являются случайностью, дополняющей эту необходимость. С дальнейшим ростом разделения труда, ростом товарного производства обмен товаров из случайности становится необходимостью.

Таким образом, необходимость и случайность существуют в неразрывном единстве. Случайность выступает как форма проявления необходимости и дополнение к ней. Явление может быть необходимым в одной связи и случайным в другом отношении. С изменением условий случайность может стать необходимостью, а необходимость — случайностью.

Отношение науки к необходимости и случайности

Задача науки — дать верную картину мира, раскрыть объективную необходимость, объективную закономерность в явлениях и процессах, с тем чтобы на основе овладения необходимостью увеличивать власть человека над силами природы и общества. Раскрыть объективную необходимость, закономерность — значит за внешней видимостью явлений, событий, поверхностными и случайными связями найти внутренние, необходимые, существенные связи и отношения, которые отнюдь не совпадают с тем, что люди наблюдают на поверхности явлений.

Сила научного познания действительности именно в том и состоит, что оно, раскрывая глубокие внутренние, необходимые связи явлений, скрытые от непосредственного наблюдения, исследуя законы развития природы и общества, даёт человеку возможность действовать с учётом этих законов, видеть перспективу развития, переделывать мир в интересах прогрессивных сил общества, предвидеть будущие события. Вот почему наука в своём развитии должна ориентироваться не на случайности, а на закономерности, на необходимость развития предметов, явлений материального мира.

Физика, химия и биология стали точными науками только после того, как они освободились от ставки на случайности и стали ориентироваться на изучение объективных закономерностей развития природы.

До открытия в 40-х годах XIX века Р. Майером, Джоулем, Гельмгольцем закона сохранения и превращения энергии, явившегося конкретизацией открытого ещё в 1748 г. М. В. Ломоносовым всеобщего закона сохранения материи и движения, физики объясняли причины движения различных форм материи некими невесомыми веществами (теплород, электрические и магнитные жидкости, световое вещество). При этом все тепловые, электрические, магнитные явления рассматривались совершенно изолированно, как не связанные между собой. Уже Ломоносов смело выступил против концепции «невесомых» веществ. Теории теплорода он противопоставил молекулярно-кинетическую теорию теплоты. Ломоносов развил также прогрессивные взгляды на природу электрических, световых явлений.

Окончательный удар по концепции «невесомых» веществ нанесло открытие закона сохранения и превращения энергии. Благодаря этому открытию, отмечал Ф. Энгельс, «...различные физические силы — эти, так сказать, неизменные «виды» физики — превратились в различно дифференцированные и переходящие по определенным законам друг в друга формы движения материи. Из науки была устранена случайность наличия такого-то и такого-то количества физических сил, ибо были доказаны их взаимная связь и переходы друг в друга»¹.

Открытием и обоснованием периодического закона Д. И. Менделеев создал условия для устранения господства случайностей в неорганической химии. До открытия периодического закона химические элементы (которых в то время насчитывалось 63) и их соединения рассматривались как случайные скопления обособленных веществ, не связанных друг с другом и не имеющих между собой ничего общего. Химические элементы открывались совершенно случайно, и никто не мог утвердительно сказать, есть ли ещё в природе новые элементы и если есть, то какими физическими и химическими свойствами они должны обладать.

Как только Д. И. Менделеев открыл периодический закон, показывающий, что свойства элементов находятся в периодической зависимости от атомного веса (на основании новейших данных свойства элементов зависят от

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 10.

величин зарядов атомных ядер элементов), открытие новых элементов было поставлено на научную почву: из этой области была устранена ставка на случайность. Уже сам Менделеев на основе периодического закона предсказал существование ряда элементов, которые вскоре были открыты. Он точно предсказал атомные веса и важнейшие свойства этих элементов и их соединений. На основе периодического закона были открыты инертные газы: гелий, аргон, неон, криптон и ксенон, открыты также трансурановые элементы; было установлено, что обрыв таблицы на уране — не случайность, а результат неустойчивости новых химических элементов и что малая распространённость редких элементов — также не случайное явление, а результат природных свойств этих элементов и т. д.

Органическая химия освободилась от ставки на случайности благодаря созданной А. М. Бутлеровым теории химического строения органических веществ. До теории Бутлерова новые органические вещества открывались в подавляющем большинстве случайно.

Теория строения органических веществ, созданная Бутлеровым, позволила науке сделать новый шаг вперёд в деле освобождения от власти случайностей и подчинения сил природы. Благодаря этой теории стало возможным не только познание существующих в природе органических соединений, но и предсказание и создание совершенно новых органических соединений вообще и изомерных веществ в частности (т. е. веществ, имеющих одинаковый химический состав, но резко различные свойства).

«В этом отношении,— указывал академик Н. Д. Зелинский,— значение бутлеровской теории строения в химии можно сравнить лишь со значением гениального менделеевского периодического закона: и то и другое позволяет научно предвидеть ещё покрытые мраком неизвестности явления природы; периодический закон Менделеева предугадывал ещё не известные элементы, а теория строения Бутлерова предсказывала ещё не открытые наукой органические соединения».

На основе бутлеровской теории химического строения веществ химики решают сложные вопросы изыскания наиболее простых и доступных путей переработки природного сырья в вещества, потребляемые в народном хозяйстве и

быту. К таким веществам относятся синтетическое моторное топливо, синтетический каучук, небьющееся стекло, пластмассы, искусственные краски и волокно, лечебные вещества — антибиотики, витамины, противотуберкулёзные и антималярийные вещества — и ряд химических соединений, применяемых для удобрения сельскохозяйственных полей и уничтожения вредных насекомых.

Успехи научной биологии также обусловлены тем, что она вопреки антинаучным метафизически-идеалистическим теориям, основывающим свои выводы на признании господства случайностей и божественном произволе, опиралась и опирается на изучение раскрытых закономерностей живой природы.

Ч. Дарвин, распространив идею развития на живую природу, на большом фактическом материале доказал, что весь современный органический мир, растения, животные, не исключая и человека, появился в результате длительного закономерного процесса развития из немногих первоначальных одноклеточных зародышей, в свою очередь образовавшихся из возникшей химическим путём протоплазмы или белка. В. И. Ленин, давая высокую оценку учению Дарвина, указывал, что оно положило конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, богом созданные и неизменяемые, и впервые поставило биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними.

В противовес дарвинизму вейсманисты, морганисты, менделисты всё развитие природы сводили и сводят к случаям. По их мнению, жизнь возникла на земле чисто случайно в виде «генной» или близкой к ней молекулы, давшей начало развитию растительных и животных организмов. Изменение организмов также совершается якобы на основе чистых случайностей: «генные» и хромосомные мутации возникают случайно; расхождение так называемых материнских и отцовских хромосом при редукционном делении подчинено чистой случайности; оплодотворение происходит на основе случайной встречи половых клеток; случайно происходит расщепление признаков в гибридном потомстве и т. д. Данные науки и практики полностью опровергают все эти домыслы.

Советские биохимики, основываясь на указаниях Ф. Энгельса, считавшего жизнь продуктом качественного

преобразования материи из неживой в живую в процессе исторического развития природы, и на данных современной науки, разработали материалистическую теорию происхождения жизни. Эта теория утверждает, что жизнь в виде белкового вещества возникла в процессе постепенного, закономерного усложнения химических соединений углерода, водорода, азота и других элементов.

В противоположность менделизму-морганизму мичуринское учение доказало, что в основе изменения всех форм органической природы лежат объективные закономерности, которые можно познать и которыми можно управлять.

Советские биологи применяют некоторые методы для создания новых живых форм, изменения наследственности растений. Такими методами являются: воздействие на растение в молодом возрасте определёнными условиями жизни, подбор исходного материала для селекции — подбор семян, отдалённая гибридизация (скрещивание растений, далёких друг от друга как по своему родству, так и по географическому происхождению), вегетативная гибридизация (когда на подвой — старое растение — прививается привой — черенок с молодого гибридного растения), метод ментора — воспитателя (когда в крону молодого гибридного сеянца прививается черенок более старого растения с нужными наследственными свойствами) и др.

И. В. Мичурин, основываясь на открытых закономерностях развития растений, создал более 300 сортов плодовых и ягодных растений. Руководствуясь этими законами, учёные и передовики сельского хозяйства СССР создают новые полезные виды растений и породы животных. В числе последних костромская порода крупного рогатого скота, кавказская и казахская тонкорунная и грузинская породы овец, брейтовская порода свиней и др.

Исходя из закономерной связи организма и условий существования, мичуринское учение дало научное объяснение и процессам оплодотворения и доминирования признаков в гибридном потомстве.

В физиологической науке неocenимую роль в устранении ставки на случайность сыграло учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, об условных рефлексах. Наука, по Павлову, не может существовать и развиваться

без признания и изучения объективных закономерностей. «Надо не описывать явления, — говорил Павлов, — а вскрывать законы их развития. Из одних описаний никакой науки не выходит»¹.

Наука об обществе стала точной наукой только после того, как марксизм вскрыл закономерности общественного развития. До Маркса и Энгельса большинство социологов смотрели на историю, как на хаотическое нагромождение случайностей. Тогда в общественных науках господствовало идеалистическое понимание истории, согласно которому общественное сознание определяет общественное бытие людей. Распространив основные положения диалектического материализма на исследование общественных явлений, Маркс и Энгельс вскрыли закономерный характер общественной жизни, разоблачили до конца идеалистические теории. Основоположники марксизма открыли материалистическое понимание истории, согласно которому способ производства материальных благ является решающей силой общественного развития. Открытием материалистического понимания истории, писал Ленин, «...Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства... возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву...»².

Создание исторического материализма оказало огромную помощь пролетариату, вооружив его знаниями законов общественного развития, пониманием смысла исторических событий, умением ими управлять.

Сила марксистско-ленинской науки — в строгом учёте, в правильном понимании необходимости. Слабость противников марксизма, причина неизбежности их поражения — в их отказе считаться с исторической необходимостью или в неправильном её понимании. Особенно ярко это видно на примере деятельности народников и «легальных марксистов». Как известно, народники отрицали историческую необходимость развития капитализма в России и его возникновение считали случайным явлением, якобы вызванным заблуждением отдельных государствен-

¹ «Павловские среды», т. II, изд. Академии наук СССР, М.—Л, 1949, стр. 515.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 124.

ных деятелей. Отсюда народники делали вывод, что и пролетариат в России — случайное явление и что он не будет развиваться, а поэтому надо ориентироваться не на пролетариат, а на крестьянство, как якобы основную силу в социалистическом преобразовании России. Из непонимания народниками исторической необходимости развития капитализма и пролетариата вытекала их тактика террора, направленного против отдельных представителей царского самодержавия. Всё это отвлекало широкие трудящиеся массы от организованной революционной борьбы против эксплуататорских классов, задерживало создание партии пролетариата.

В. И. Ленин, опираясь на открытое Марксом материалистическое понимание истории, опроверг идеалистические и метафизические воззрения народников на необходимость и случайность. Он показал, что капиталистические производственные отношения в России появляются не по случайным прихотям отдельных людей, а как необходимость, в соответствии с уровнем развития производительных сил общества.

Если народники всё развитие общества сводили к действию случайности, то «легальные марксисты» впадали в другую крайность: они фетишизировали необходимость, пытались доказать, что в обществе всё подчинено необходимости, не поддающейся никакому воздействию людей. Из того, что капитализм — необходимая стадия развития общества, «легальные марксисты» в лице Струве делали вывод о неправомерности борьбы, которую ведёт рабочий класс против капитализма.

Критикуя Струве, В. И. Ленин показал, что именно историческая необходимость обуславливает классовую борьбу пролетариата, направленную в конечном счёте на свержение капитализма.

* * *

Начиная с августовской сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (1948 г.), в научной, преподавательской, пропагандистской работе получило широкое распространение положение: наука — враг случайностей. Это положение возникло как реакция на вейсманизм-морганизм в биологической науке, который представляет живую природу как хаос случайностей и объясняет изменение наследственности живых организ-

мов случайными и непознаваемыми перекѡбинациями «генов», совершенно не зависящими от условий внешней среды.

Этот тезис был направлен также против некоторых физиков, отрицающих закономерные, необходимые связи в явлениях микромира и провозглашающих господство случайностей в микропроцессах, а также против социологов, отрицающих объективные законы общественного развития и возводящих случайное возникновение некоторых событий в ранг общего правила, т. е. против тех идеалистических и метафизических учений, которые подменяют случайностью необходимость и закономерность, присущие природе и обществу.

Обычно в литературе положение: наука — враг случайностей трактуется так, что наука становится наукой лишь постольку, поскольку она не останавливается на случайностях, а за случайностями явлений природы и общественной жизни находит скрытую необходимость, закономерность и тем самым помогает людям выходить из-под слепого подчинения случайности и действовать сознательно, свободно, в соответствии с познанной необходимостью. Однако положение: наука — враг случайностей — не может отразить подлинное отношение науки к случайностям.

Марксистская диалектика исходит из неразрывного единства необходимости и случайности, из того, что необходимость пробивает себе дорогу через массу случайностей и что сама случайность есть дополнение и форма проявления необходимости. Из этого следует, что в основе самой случайности лежит так или иначе необходимость, закономерность, управляющая случайностями, видимыми на поверхности явлений. Ф. Энгельс писал: «...где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»¹.

Конечно, наука не ставит себе цель изучать каждое отдельное случайное явление. «...Такая наука,— писал Энгельс,— которая взялась бы проследить случай с... отдельным стручком (гороха.— *Ред.*) в его каузальном сцеплении со все более отдаленными причинами, была бы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 371.

уже не наукой, а простой игрой; ибо этот самый стручок имеет еще бесчисленные другие индивидуальные свойства, являющиеся случайными: оттенок цвета, толщину и твердость оболочки, величину горошин, не говоря уже об индивидуальных особенностях, доступных только микроскопу»¹.

Но это не значит, что наука вообще не должна изучать случайных явлений. В массовых явлениях физического мира или общественной жизни необходимость выступает как усреднённый результат взаимодействия массы единичных случайных явлений. Например, за один день трудно установить закономерность поездок пассажиров в том или ином направлении. Но если взять отрезок времени в пределах, допустим, года, то увидим определённую закономерность, необходимость в движении потоков пассажиров в разных направлениях. Из этого исходят при планировании работы транспорта, пассажирских перевозок и т. д. В таком обобщении массы случайных явлений отражается объективность статистических закономерностей.

Приведём пример из мира физических явлений. Движение каждой «элементарной» частицы определяется сочетанием множества неравноценных причин и условий. При одном и том же комплексе устойчивых условий (в одном и том же силовом поле) разные частицы движутся по-разному, так как на их движение воздействуют изменчивые, нерегулярные факторы, не вполне раскрытые наукой. Однако в движении всех частиц в одном и том же силовом поле имеются общие, необходимые черты. Так, например, при прохождении частиц через кристаллическую решётку частицы за решёткой движутся по строго определённым, «избранным» направлениям, определяемым структурой решётки в целом, в то же время ряд направлений оказывается «запрещённым» для их движения. В существовании строго определённых направлений движения частиц после прохождения частицами кристалла выявляется необходимое, общее, устойчивое в массе случайных процессов.

Эти примеры говорят о том, что наука не может игнорировать случайности, она должна изучать статистические закономерности, управляющие ими, и этим вскрывать

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 173.

необходимость, которая пробивает себе дорогу через массу случайностей.

Важно учесть, что и случайности бывают различные: благоприятные и неблагоприятные, нежелательные. Наука обязана содействовать предотвращению неблагоприятных случайностей там, где это возможно (например, случайности, возникающие от капризов природы), и в максимальной степени помогать практике использовать благоприятные, счастливые случайности.

Выше уже указывалось на примере учения Дарвина и Мичурина, что необходимость и случайность в развитии материального мира могут превращаться друг в друга. Если случайные отклонения в развитии организма полезны, то нужно принимать все меры, чтобы их закрепить, расширить и превратить в необходимые признаки. И в этих условиях наука не враждебна случайностям, не игнорирует, а изучает и использует их.

Наконец, случайность часто выражает единичное, поверхностное, индивидуальное, момент внешней связи в явлениях. В природе, обществе есть наряду с необходимыми и случайные явления, события, процессы. Если наука желает иметь правильную картину мира, она не должна игнорировать случайности, как и ограничивать свою задачу изучением последних.

Таким образом, наука не должна делать ставку на случайности, она обязана вскрывать закономерности развития природы и общества. Задача науки — на основе анализа глубинных процессов выявлять в мире единичного и случайного общее и необходимое, с тем чтобы увеличивать власть человека над природой.

Общественная необходимость и случайность в условиях социализма

Общественная необходимость и случайность по-разному действуют при капитализме и при социализме. В условиях капитализма общественная необходимость выступает как слепая, стихийная сила, проявляясь в бесчисленных случайностях, делающих человека бессильным перед их властью.

Такой характер действия общественной необходимости объясняется тем, что в условиях капитализма, при наличии частной собственности на средства производства, за-

кона конкуренции и анархии производства и других стихийно действующих законов, люди не могут предвидеть общественные результаты своей производственной деятельности, не могут планировать общественное производство, да и все другие стороны социальной жизни.

Если в условиях капитализма люди своими усовершенствованиями процессов производства и содействуют развитию производительных сил, то они не сознают того, к каким изменениям всё это приведёт в производственных отношениях, в способе производства, во всей общественной жизни. Подобная деятельность преследует узкопрактические интересы и не учитывает не только отдалённых общественных последствий, но нередко и более близких результатов.

В самом деле, разве в капиталистическом обществе кто-либо желает наступления кризисов? Конечно, нет. Однако кризисы регулярно через определённое количество лет повторяются, принося неисчислимые страдания в первую очередь трудящимся массам.

В условиях капитализма ввиду господства частнокапиталистической собственности отсутствует единство интересов и стремлений всех членов общества. Вследствие этого при капитализме (как и при других антагонистических общественных формациях) историческая необходимость является результатом столкновений множества стремлений отдельных людей, действующих по различным, иногда прямо противоположным направлениям.

Давая характеристику истории развития антагонистических общественно-экономических формаций, в том числе капиталистической, Ф. Энгельс отмечает, что подобно природе и в исторической области *на поверхности явлений*, несмотря на сознательно желаемые цели всех отдельных людей, господствует в общем и целом, повидимому, случайность.

«Желаемое,— пишет Ф. Энгельс,— совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 371.

Рассмотрим несколько примеров, доказывающих, что при капитализме общественная необходимость — выражение объективных законов — действует как слепая сила, пробивающая себе дорогу через массу случайностей. Возьмём закон стоимости. Известно, что цена каждого товара колеблется: она то выше стоимости, то ниже её, она почти никогда не совпадает непосредственно со стоимостью. Но в массе отдельных цен, в колебаниях этих цен пробивает себе дорогу объективный закон стоимости, т. е. закон, согласно которому стоимость товара определяется количеством общественно необходимого труда, затраченного на его производство. Показывая, что закон стоимости при капитализме пробивает себе дорогу через случайности, через постоянные колебания цен, Маркс отмечает: «...как слепой закон природы выступает здесь закон стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний»¹.

То же самое наблюдается и в действии закона, согласно которому общественный труд, средства производства распределяются по отраслям хозяйства соответственно потребностям общества в производстве продуктов. Хотя распределение труда, средств производства в определённых пропорциях между отраслями хозяйства является в капиталистическом обществе необходимостью, но эта необходимость пробивает себе дорогу через случайности, проявляется через непропорциональность, вызываемую действием стихийного рыночного механизма, конкуренции и т. д. Действительно, капиталисты стремятся направить свои капиталы в те отрасли хозяйства, которые наиболее прибыльны. И как только в эти отрасли вкладывается капитала больше, чем необходимо обществу, на рынке сразу же понижаются цены на производимые товары, и капиталисты направляют свои капиталы в другие отрасли хозяйства, которые могут принести больше прибыли, чем те отрасли, где обнаруживается излишек капиталов.

К. Маркс указывает, что при капиталистическом производстве «пропорциональность отдельных отраслей производства выступает из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь взаимная связь производ-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 894.

ства как целого навязывается лицам, действующим в производстве, как слепой закон...»¹.

Таким образом, в условиях капитализма общественная необходимость действует как стихийная сила, пробивающая себе дорогу сквозь массу случайностей, господствующих над человеком.

Совершенно по-иному действует общественная необходимость при социализме. Здесь она проявляется в форме сознательной деятельности людей.

Такой характер действия общественной необходимости объясняется тем, что в условиях социализма при наличии общественной собственности на средства производства, морально-политического единства общества, совершенно иных по характеру и содержанию экономических законов, чем при капитализме, историческое развитие перестаёт быть результатом столкновения многих противоречащих друг другу волей и стремлений людей; оно является итогом сознательных усилий множества людей, действующих по существу в одном направлении. При социализме как отдельные люди, социальные группы, так и общество в целом имеют в главном, в основном одни и те же цели, их интересы, стремления, желания совпадают.

Энгельс писал, что только при социализме люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и всё возрастающей степени и те следствия, которых они желают².

В социалистическом обществе нашли полное подтверждение слова Энгельса о том, что переход от капитализма к социализму явится скачком из царства необходимости в царство свободы. Эти слова Энгельса нужно понимать не в том смысле, что люди и общество в целом при социализме освобождаются от объективной необходимости, от действия объективных законов природы и общества. Они означают, что при социализме люди становятся подлинно свободными, ибо только здесь они в состоянии познать и поставить под свой контроль общественную необходимость и благодаря этому стать подлинными господами природы и общественных процессов.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 267.

² См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 267.

Советские пятилетние планы, как и планы развития хозяйства и культуры других стран лагеря социализма, являются ярким доказательством сознательного управления познанной общественной необходимостью. Коммунистическая партия, Советское правительство, исходя из главного движущего стимула и конечной цели социалистического производства — максимального удовлетворения непрерывно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, основываясь на знании объективных законов, сознательно намечают практические задачи каждой пятилетки, задачи каждого года и мобилизуют на их решение миллионные массы народа, сознательно распределяют общественный труд и средства производства между отраслями народного хозяйства, сознательно устраняют возникающие диспропорции в развитии отраслей хозяйства.

В настоящее время КПСС исходит из того, что при достигнутом уровне развития общественного производства Советская страна имеет все необходимые условия, чтобы на путях мирного экономического соревнования двух общественных систем — капиталистической и социалистической — решить в исторически кратчайшие сроки основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Важнейшим этапом в решении этой основной экономической задачи явится успешное выполнение шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, главные задачи которого состоят в том, чтобы на базе преимущественного развития тяжёлой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъём сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Советские люди всегда стремятся строить свою деятельность с учётом познанной общественной необходимости, ибо это соответствует их коренным интересам. Так, когда Коммунистическая партия и Советское государство, исходя из насущной необходимости увеличить производство зерна в стране, поставили задачу освоения несколь-

ких десятков миллионов гектаров целинных и залежных земель, то призыв партии нашёл горячее одобрение и поддержку всего советского народа. На освоение целинных и залежных земель в добровольном порядке выехали сотни тысяч советских патриотов. Такой же горячий отклик нашли призывы нашей партии укрепить отстающие колхозы квалифицированными кадрами, досрочно выполнить задания шестого пятилетнего плана по важнейшим видам сельскохозяйственной продукции, всемерно внедрять во всех отраслях хозяйства достижения новейшей техники и т. д.

Коммунистическая партия Советского Союза, руководя строительством коммунизма в СССР, в своих решениях и практической деятельности исходит из общественной необходимости, учитывая при этом особенности её проявления в условиях социализма. Партия ведёт борьбу против всяких попыток игнорировать необходимость, противопоставить ей субъективный произвол. Ярчайшим примером тому служит борьба партии против культа личности, противоречащего марксизму и природе социалистического строя.

Культ личности находится в грубом противоречии с марксистским пониманием закономерностей исторического процесса. Он выдвигает на первый план роль личности, стоящей во главе движения, наделяет её сверхъестественными способностями вершить судьбы истории, принижает роль Коммунистической партии и народных масс.

В действительности же историю творят не отдельные, пусть даже выдающиеся руководители, а народные массы, в деятельности которых выражена общественная необходимость. Они прежде всего являются создателями материальных и духовных ценностей. Что же касается выдающихся личностей, руководителей, то они, несомненно, играют значительную роль в истории. Народ, партия нуждаются в передовых деятелях, которые способны выражать интересы и волю народа, стоять в первых рядах исторической борьбы и руководить народными массами. Это не значит, что ход истории в её существенных чертах зависит от действия таких личностей. Выдающимся общественным деятелем является лишь тот, кто глубоко выражает историческую необходимость и умеет организовать массы на решение общественных задач.

И. В. Сталин был таким деятелем. После смерти В. И. Ленина Сталин вместе с другими руководителями КПСС и Советского государства защитил ленинское наследство от врагов ленинизма — троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, боролся за индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и проведение культурной революции, за победу социализма в нашей стране.

Но, когда в силу ряда объективных условий, при которых происходило строительство социализма в СССР, и отрицательных черт характера И. В. Сталина сложился культ его личности, в деятельности Сталина появился ряд отрицательных моментов. Уверовав в собственную непогрешимость, И. В. Сталин перестал прислушиваться к голосу масс, к мнению товарищей и допустил ряд серьёзных ошибок. К ним относятся: нарушение принципа демократического централизма в партии и государстве, революционной законности, ленинской национальной политики в отдельных республиках, проведение некоторых экономически необоснованных мероприятий в сельском хозяйстве и др. Во внешней политике И. В. Сталин также допустил ряд ошибок в особенности в отношении к некоторым социалистическим странам и братским партиям.

Тяжёлые уроки культа личности Сталина показывают, что, кто не считается с деятельностью народных масс, кто считает, что его собственная личность и решения играют чуть ли не первостепенную роль в истории, тот неизбежно обречён на ошибки и провалы в работе, на отрыв теории от практики. Исходя из решений XX съезда партии, Центральный Комитет КПСС в своём постановлении «О преодолении культа личности и его последствий» призвал все партийные организации последовательно соблюдать во всей работе важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества, о руководящей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

Конечно, и в условиях социалистического общества необходимость проявляется в форме случайностей, имеющих объективный характер. Однако при социализме, где люди строят свою деятельность с учётом познанной необходимости, сознательно, планомерно, случайности потеряли свою безграничную власть над человеком. Случай-

ности, как объективные явления, и в условиях социалистического строя оказывают известное, часто нежелательное, влияние на те или другие стороны общественной жизни. В развитии нашего народного хозяйства возникают иногда несоответствия и диспропорции. Эти несоответствия и диспропорции в развитии отраслей народного хозяйства в значительной мере являются случайностями, вызванными порой неправильным планированием, плохой работой тех или иных руководящих органов.

Так как объективные законы развития социалистического производства не действуют автоматически, то только всестороннее изучение требований этих законов и всесторонний учёт их позволяют предупреждать несоответствия и диспропорции в народном хозяйстве и обеспечить его быстрое развитие.

При этом очень важно, чтобы планирующие органы при разработке перспективных планов как в целом по народному хозяйству страны, так и по отдельным отраслям и предприятиям, с одной стороны, опирались на творческую инициативу масс, выявляющую новые возможности ускорения нашего развития, помогающую улучшать, совершенствовать, видоизменять, конкретизировать планы, а с другой — доводили утверждённые правительством планы до сведения всех трудящихся, как закон, обязательный к выполнению.

В социалистическом обществе необходимостью является правильное географическое размещение новых промышленных предприятий. Однако здесь возможны нежелательные случайности. Так, в выступлениях на XX съезде КПСС отмечалось, что при размещении новых промышленных предприятий выбор района для их строительства в ряде случаев производится министерствами без достаточно технико-экономического обоснования, без учёта перспектив развития данной отрасли в целом и без увязки её развития с размещением смежных отраслей. Это приводит к крупным просчётам и вызывает большие непроизводительные потери. Так, например, при строительстве железной дороги Тайшет — Усть-Кут не учитывалась возможность строительства Братской ГЭС. Теперь же, с началом строительства этой станции, приходится переносить значительный участок этой дороги на новую трассу, что нанесло ущерб государству более чем в 200 миллионов рублей.

Случайности имеют место в подготовке и распределении кадров. Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС говорил, что подготовка специалистов для различных отраслей народного хозяйства до сих пор нередко определяется не перспективами развития этих отраслей, а в значительной мере необоснованными и часто неустойчивыми заявками министерств. Это приводит к тому, что при избытке специалистов в одной отрасли хозяйства и культуры ощущается недостаток специалистов в другой отрасли. Крупным недостатком в подготовке кадров для промышленности и сельского хозяйства является и то, что при их подготовке не учитываются особенности отдельных районов страны, особенности предприятий, где им придётся работать.

Имеются неблагоприятные случайности, которые вызываются и капризами природы. Известно, что в 1954 г. в результате засухи был собран плохой урожай зерновых на Украине, в Поволжье. В 1955 г. в результате засухи в Казахстане, Западной Сибири и ряде других областей также недополучено большое количество хлеба в этих районах.

Однако, несмотря на то, что случайности оказывают известное влияние на различные стороны общественной жизни, всё же их действие при социализме ограничено. Социализм позволяет устранять нежелательные случайности или парализовать их вредное воздействие. Так, Коммунистическая партия, Советское правительство принимают ряд мер по борьбе со случайностями, вызванными стихиями природы. В 1954 г. в результате своевременных принятых мероприятий по освоению целинных и залежных земель в целом по стране собрано хлеба больше, чем в 1953 г., точно так же в результате мероприятий по улучшению агротехники валовой сбор зерна в целом по стране в 1955 г. был выше, чем в 1954 г. Большое внимание уделяется лесоразведению. В директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану поставлена задача заложить не менее 370 тысяч гектаров защитных лесных насаждений по оврагам и на песках, а также создать 560 тысяч гектаров полезащитных лесных полос на землях колхозов и совхозов. В борьбе с неблагоприятными случайностями важную роль играет наличие резервов — продовольственных, сырьевых, финансовых и др. — в руках государства. В директивах XX съезда КПСС по шестому

пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР отмечается, что в условиях планового, социалистического хозяйства большое значение имеет наличие государственных продовольственных и финансовых резервов и что их дальнейшее увеличение является одной из важнейших задач шестой пятилетки.

Партия и Советское государство учат советских людей не покоряться силе слепой случайности, а подчинять её своей власти, воле общества.

Нередко в отстающей области, отстающем районе, колхозе руководящие работники ссылаются на объективные причины, на плохие условия погоды, чтобы объяснить своё отставание. Нельзя отрицать того, что известное влияние последние оказывают, но не они причина отставания.

При ближайшем рассмотрении всегда окажется, что в той же области или в том же районе при таких же условиях погоды соседние колхозы сумели собрать хороший урожай хлебов, сполна рассчитаться по хлебопоставкам с государством и обеспечить полновесный трудовой день. В этих колхозах по-хозяйски были использованы земля, новая техника, рабочая сила, развёрнута творческая инициатива колхозников, имеется порядок, дисциплина, благодаря чему вопреки неблагоприятным случайностям удалось добиться поставленной цели.

Особенности проявления необходимости и ограниченность власти случайностей в условиях социализма выражают его преимущества перед капитализмом, активно используемые советским народом, Коммунистической партией в интересах победы коммунизма.

Г л а в а п я т а я

ЗАКОН

Что такое закон?

Объективный закон — это одна из общих форм связи между явлениями действительности. Законы науки есть отражение объективных законов.

Любое явление или группа явлений всегда включают весьма разветвлённую и сложную сеть различных связей и отношений: необходимых и случайных, существенных и несущественных, внутренних и внешних, устойчивых и мимолётных и т. д. Закон представляет не все эти связи и отношения, а лишь те из них, которые характеризуют сущность, качественную определённость данного явления. Поэтому явление всегда шире закона, а закон представляет только часть явления.

К. Маркс характеризует закон как «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями...»¹. У В. И. Ленина мы находим определение закона как отношения сущностей или между сущностями, как существенного явления².

Закон представляет внутренние, необходимые, существенные связи явлений. Когда семя растения попадает в благоприятные условия, оно с необходимостью даёт росток. В этой необходимости выражен закон наследственности. Те или иные несущественные индивидуальные особенности растения, вызванные постоянными колебаниями в окружающих условиях, не охватываются данным законом. Между пролетариатом и буржуа имеется в условиях капи-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 233.

² См. В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 127, 128.

тализма внутренняя, необходимая, существенная связь, выраженная в законе прибавочной стоимости (как и в других экономических законах капитализма). В отношениях между ними есть и много случайного, несущественного, данным законом не охватываемого.

Несущественные связи вносят тот или иной оттенок в действие закона, не меняя нисколько его существа, но при этом нередко заслоняя последнее. Бывает, что капиталист занимается мнимой «благотворительностью», маскируя этим своё подлинное обличье эксплуататора. Вот почему очень важно при изучении любого явления выявить его необходимые внутренние, существенные связи, выраженные в законе, не дать их заслонить связям малозначащим, несущественным.

Необходимость, присущая закону, есть результат того, что всякий закон действует на базе определённых необходимых условий. Многообразные формы движущейся материи в природе, материальная жизнь общества, различные сферы общественного сознания, определяемого общественным бытием людей,— таковы условия, на базе которых существуют и действуют объективные законы.

Так, наличие различных тел есть условие для закона тяготения. Он представляет их определённую внутреннюю, необходимую связь. Наличие враждебных друг другу классов — эксплуататорского и эксплуатируемого — представляет условие для существования закона классовой борьбы. Он и есть необходимая, существенная связь между ними.

Существенный и необходимый характер связей, представляемых законом, сообщает ему обязательность, принудительность, которая выражается в требованиях закона. Требования закона не есть нечто субъективное. Они означают, что данное явление может существовать, развиваться только в той связи, которая предопределена законом. Так, согласно закону наследственности всякий живой организм нуждается в *определённых* внешних условиях для своего существования.

Закон характеризуется причинно-следственной связью. Однако последняя шире закона, она включает его в себя. Причинная связь может быть и незакономерной, случайной, т. е. не представлять собой какого-либо проявления закона (например, авария машины, вызванная какой-либо случайной причиной). Но действие закона обяза-

тельно содержит известное причинно-следственное отношение, поскольку всякий закон вызывает — прямо или косвенно — определённые следствия. Например, закон анархии производства при капитализме вызывает кризисы как одно из своих следствий. Закон здесь действует как причина.

Закон включает причинно-следственную связь и в более глубоком смысле. В существенной связи двух явлений, которую представляет закон, действие одной стороны становится своего рода причиной действия другой стороны, но также и его следствием. Развитие производительных сил вызывает как своё важнейшее следствие развитие производственных отношений, а действие новых производственных отношений в свою очередь становится важной причиной развития производительных сил, и во всём этом сказывается закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Явление внутренне противоречиво. Оно неповторимо в своей индивидуальности и в то же время каждый раз повторяется, воспроизводится. Оно изменчиво и в то же время содержит нечто устойчивое, прочное, покоящееся. Закон представляет собою то, что постоянно повторяется, воспроизводится в явлении.

В. И. Ленин характеризует закон как прочное (остающееся), адекватное (т. е. тождественное, повторяющееся) в явлении. Эту мысль Ленина можно проиллюстрировать на примере химического закона постоянства состава, который гласит, что, каким бы путём ни получалось данное химическое соединение, его состав будет всегда один и тот же. Здесь выражена та устойчивость, повторяемость, которая присуща связям, представленным законом. Другим ярким примером этого рода является повторяемость химических и физических свойств элементов согласно периодическому закону Менделеева.

Повторяемость наблюдается и в явлениях общественной жизни.

Часть буржуазных философов (неокантианцы) видит отличие общества от природы в том, что в обществе будто бы все явления сугубо индивидуальны, повторяемости явлений нет, и поэтому не может быть никакой закономерности. Не понимая действительного хода общественного развития, не видя решающей роли материальной жизни в развитии общества, буржуазные философы не могли и

не могут заметить повторяемости в общественных явлениях. В. И. Ленин подчёркивал, что только анализ материальных общественных явлений дал Марксу возможность подметить повторяемость и правильность их и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественно-экономической формации. Это было одним из основных условий открытия законов общественной жизни, создания науки о законах развития общества. В любом обществе дело обстоит так, что сперва изменяется общественная материальная жизнь, а затем в зависимости от этого изменяется и сознание людей. Выявив и обобщив эту неизменно повторяющуюся связь и зависимость материальной и духовной жизни общества, Маркс открыл и сформулировал общий закон истории, согласно которому общественное бытие людей определяет их сознание.

Повторяемость неразрывно связана с другой важнейшей особенностью закона — его всеобщностью. «Форма всеобщности в природе — это закон...»¹, — говорит Энгельс. Закон есть нечто всеобщее в том смысле, что он воплощает в себе необходимые, существенные, устойчивые связи *всех* без исключения явлений в данной области и выражается через эти явления.

Как бы ни было индивидуально данное явление, если оно не случайно, в нём всегда обнаружатся некоторые черты общности, которые делают его закономерным. Например, каждый исторический деятель есть неповторимая личность. Но всегда и при всех условиях любой прогрессивный деятель является выразителем известной назревшей общественной необходимости. В этом и состоит закономерность, присущая его творчеству.

Всякий закон есть закон движения. Связи между предметами, явлениями только благодаря движению последних возникают, существуют, изменяются, исчезают. В существенных, необходимых связях выражено существенное, необходимое движение. Именно оно и составляет суть данного закона. Любой закон указывает не только необходимую связь, но и тот род или вид движения, который образует данную связь. Так, закон сохранения энергии говорит не только о связи между различными формами энергии, но

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 186.

и о том, что эта связь выражается в переходе энергии из одной формы в другую в строго определённом соотношении.

То обстоятельство, что всякий закон есть закон движения, выражено в его действиях, которые он производит на базе данных условий. Действиями закона осуществляется определённый процесс в данной области явлений. Многие законы представляют по преимуществу процесс количественных изменений. Это относится, например, ко II закону Ньютона, согласно которому ускорение тела обратно пропорционально массе и прямо пропорционально силе, действующей на тело, или к закону Бойля-Мариотта, по которому объём и давление газа при постоянной температуре обратно пропорциональны друг другу. Имеются законы, выражающие преимущественно качественные изменения, скачки. К ним относятся все законы, характеризующие такие процессы, как плавление и отвердевание, парообразование и конденсация, переход кристаллов из одной кристаллической модификации в другую. Количественные и качественные изменения в любой области явлений взаимосвязаны. Эта взаимосвязь выражена в действии всеобщего закона перехода количественных изменений в качественные.

Случайное явление, не охватываемое данным законом, может быть выражением другого закона или целой совокупности законов. Существует множество явлений, каждое из которых случайно, и только в их совокупном движении сказываются определённые, так называемые статистические закономерности, которые отличаются от закономерностей динамических.

Понятие динамической закономерности характеризует отдельный процесс (траектория пули, падение камня и т. п.), в котором начальное состояние при наличии устойчивых условий предопределяет однозначно весь его дальнейший ход.

Статистическая закономерность характерна для процессов, отличающихся массовым характером. Это закономерность, проявляющаяся в массе однородных явлений, происходящих в одинаковых устойчивых условиях.

Областью статистических закономерностей является квантовая механика, которая изучает массовые явления, представленные в движении «элементарных» частиц. Так, самопроизвольный распад радиоактивных атомов совер-

шается со статистической закономерностью. Различные ядра данного элемента распадаются в различные отрезки времени, но среднее время распада остаётся для этого элемента одним и тем же. Так называемая радиоактивная постоянная показывает, какая часть общего числа атомов радиоактивного элемента распадается в одну секунду.

Поведение каждого отдельного электрона тоже подчинено закономерностям статистического характера. Это начисто опровергает идеалистическую теорию об отсутствии закономерностей в движении электрона, о его «свободе воли». Прав Р. Гароди, когда пишет: «Если бы электрон не подчинялся закономерностям, совокупность его «капризов» не могла бы составлять упорядоченное и доступное предвидению действие»¹.

Статистические закономерности охватывают массовые явления, каждое из которых имеет случайный характер.

Таким образом, *закон есть необходимая, существенная, внутренняя, устойчивая связь предметов, явлений, выраженная в их движении*. Всякий закон существует на базе известных *условий*, в соответствии с присущими ему чертами предъявляет определённые *требования* и осуществляется в *действиях*, характерных для него.

Борьба материализма и идеализма по вопросу о законе. Объективный характер законов

Вопрос о характере законов издавна служит предметом сстрой борьбы между материализмом и идеализмом. Материализм исходит из объективности законов природы и их отражения в голове человека. Идеализм считает законы природы продуктом рассудка или воли человека (субъективный идеализм) или выражением абсолютной идеи, абсолютного духа (объективный идеализм): Материализм ориентирует науку на раскрытие и использование объективных законов в интересах человека. Идеализм враждебен науке, он всегда служил препятствием познанию и применению законов природы и общества.

¹ Р. Гароди, Вопросы марксистско-ленинской теории познания, Издательство иностранной литературы, М. 1955, стр. 220.

Французские материалисты XVIII века, авторы «Энциклопедии наук, искусств и ремёсел», считали раскрытие законов первейшим делом науки. Критикуя идеалистов за отрицание объективности законов, они характеризовали закономерность в природе как постоянную и нерушимую связь причин с их действиями. Глава школы французских энциклопедистов — Дидро доказывал, что жизнь человека, его практическая деятельность невозможны без использования объективных законов.

«...Я думаю,— писал он,— что, если бы в природе всё совершалось не согласно бесконечно общим законам, что если бы, например, укол от известных твёрдых тел был болезненным, а укол от других тел сопровождался удовольствием, то мы умерли бы, не собрав и стомиллионной части опыта, необходимого для сохранения нашего тела и для нашего благополучия»¹.

Однако уже в эпоху восходящего капитализма давала себя сильно знать в науке и буржуазной философии идеалистическая линия в вопросе о характере законов.

Не случайно, что именно немецкая буржуазия XVIII века, неспособная к решительной борьбе с феодализмом и стремившаяся к компромиссу с ним, выдвинула такого философа, как Кант, поставившего перед собой цель — ограничить науку, чтобы очистить место вере. Двойственность есть характерная черта всей его философии.

Кант считал закон априорной (т. е. данной до опыта) формой рассудка, при помощи которой человек упорядочивает хаос явлений. Но, отрицая объективность закона, Кант признавал его обязательность: человек не выдумывает закон по своему произволу, а вносит в природу закон, ему будто бы врождённый. Закон применим, по Канту, исключительно в сфере явлений, но не имеет никакого отношения к миру, каков он на самом деле, к миру вещей в себе. Так Кант препарировал законы науки, чтобы заставить их мирно ужиться с догмами религии.

Гегель высказывал по вопросу о законе глубокие диалектические мысли, высоко оценённые В. И. Лениным. К ним относится определение закона как существенного явления, «спокойного», «покоящегося» в явлениях, и др.

¹ Д. Дидро, Собрание сочинений в десяти томах, т. 1, Academia, М.—Л. 1935, стр. 267.

Однако толкование закона у Гегеля пронизано мистикой. Закон является у него лишь на определённом этапе развития абсолютной идеи, как выражение присущей ей активности. Природа и общество — лишь формы воплощения идеи, и их законы суть только отпечатки абсолютной идеи, за которой у Гегеля скрывается бог.

Защищая науку в борьбе с идеализмом и религией, Л. Фейербах отстаивал идею об объективной закономерности природы. Критикуя кантианство, он утверждал, что рассудок не может диктовать законы природе. Законы действительности суть в то же время законы мышления, ибо человек — сам часть природы. «Признание объективной закономерности природы,— отмечал Ленин,— находится у Фейербаха в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира...»¹

Пришедшая к власти буржуазия нуждалась в законах науки для развития производства с целью получения прибыли, но она пыталась вытравить из них материалистическое содержание. Этот социальный заказ был выполнен в середине XIX века французским идеалистом О. Контом, основавшим философию позитивизма. О. Конт утверждал, что наука должна ограничиваться исключительно наблюдением явлений (под которыми он понимал ощущения человека). Цель науки — установить некий минимум законов явлений, которыми должно руководствоваться познание. В таком идеалистически обработанном виде законы устраивают буржуазию, поскольку они рассматриваются как законы одних ощущений и восприятий человека.

Эта линия позитивизма является ведущей в вопросе о понимании характера законов в буржуазной философии эпохи империализма.

С точки зрения махизма, например, законы науки — это только удобные приёмы для описания множества отдельных актов ощущения. Так, закон тяготения только приводит в связь и описывает множество восприятий падения тел. Махист Пирсон утверждал, что «закон в научном смысле слова есть, по существу, продукт человеческого духа, не имеющий смысла помимо человека. Он обязан своим существованием творческой мощи его интеллекта. Имеет больше смысла утверждать, что человек даёт за-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 142.

коны Природе, чем, обратно, что Природа даёт законы человеку»¹.

Современные субъективные идеалисты, отвергая объективность законов, особенно настойчиво отрицают их обязательность, необходимость. Это можно видеть на примере инструментализма — одной из ведущих философских теорий в США. Лидер этой школы — Д. Дьюи считал, что законы являются «инструментами», что они представляют собой способы «эффективного ведения дел». Люди сами устанавливают законы и отменяют их. Истинны те из них, которые приносят «успех», полезны в делах, позволяют делать бизнес. Доведя до крайности субъективизм, Дьюи и его последователи только ярче обнаруживают порочность его. Встаёт законный вопрос: почему люди исходят из определённых законов? Научный ответ может быть лишь один: потому, что законы природы и общества являются объективными законами. «Мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность»².

Многие представители современной буржуазной науки и философии страдают своеобразным дуализмом в вопросе о законе: признавая наличие законов в одной области, они начисто отрицают их существование в другой. Представители копенгагенской школы физиков (Н. Бор, В. Гейзенберг, П. Иордан) признают существование законов для макромира, но отрицают законы в микромире. По их мнению, микропроцессы «вспыхивают» в момент наблюдения благодаря действиям прибора наблюдателя, и только прибор (т. е. действие человека) вносит закономерности в область микроявления.

Прагматист Д. Г. Мид считает, что только прошлое подчинено законам, на том «основании», что оно уже миновало и в нём невозможны никакие изменения. Будущее же совершенно незакономерно, абсолютно случайно, поскольку представляет возможность свободного творческого действия для живых организмов.

Во всех этих домыслах концы явно не сведены с концами. Ибо как может «не знающий законов» микромир быть частью основанного на законах макромира? Как

¹ К. Пирсон, Грамматика науки, Спб., стр. 111.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 156.

«незакономерное» будущее становится закономерным прошлым?

Отрицая объективный характер законов, буржуазные реакционеры выдумали ряд «законов», которых в действительности не существует. К ним относятся «закон убывающего плодородия почвы», «закон борьбы за существование в обществе» и др. Назойливая пропаганда этих несуществующих «законов» есть форма борьбы против признания наукой объективности законов природы и общества, за увековечение капитализма.

Реакционная буржуазия заинтересована в отрицании объективности законов по ряду причин. Во-первых, потому, что она враждебна научному материалистическому мировоззрению и нуждается в поддержке религии, как одной из своих важнейших идеологических опор. «Изгнание законов из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*»¹. Во-вторых, потому, что отрицание объективной закономерности помогает буржуазии «оправдывать» тот произвол и авантюризм, которые составляют характерные черты её политики в эпоху загнивания капитализма. В-третьих, отрицание объективной закономерности даёт реакционной буржуазии повод отрицать объективный ход развития общества и прежде всего неизбежность и закономерность ликвидации капитализма и замены его социализмом.

Многие учёные в капиталистических странах выступают против идеализма, отстаивая объективный характер законов природы, объективное содержание законов науки. Такими смелыми борцами за науку, против идеализма являются выдающиеся учёные — ныне покойный Ланжевен, Жолио-Кюри, Джон Бернал. Один из крупнейших учёных Франции — Луи де Бройль выступил в защиту объективного характера законов природы, против субъективизма. Он говорит о тягостном впечатлении, которое субъективистские толкования производят на физика, заявляя, что последний будет счастлив избавиться от них².

Марксистская философия, опираясь на данные науки и практики, неопровержимо обосновывает объективный характер законов окружающего мира. Мир по природе

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 182.

² См. «Вопросы причинности в квантовой механике», Сборник переводов, Издательство иностранной литературы, М. 1955, стр. 31.

своей материален. Материя есть объективная реальность, существующая вне и независимо от воли и сознания людей. Условия, в которых существует какой-либо закон, это та или иная сфера бесконечного материального мира или весь этот мир в целом. Но в таком случае бесспорно, что и сам закон, представляющий связь этих условий, также является объективным.

Это подтверждается прежде всего тем, что законы природы, действующие ныне, существовали и тогда, когда человека и человеческого общества не было.

Объективные законы не могут быть кем-либо созданы. Они возникают вместе с появлением определённых объективных условий. Когда с усложнением живых организмов появилась нервная система, вместе с нею возникли и законы нервной деятельности. Когда общество раскололось на враждебные классы, вступил в силу закон классовой борьбы.

С изменением объективных условий независимо от воли и сознания людей изменяются и законы их действия. Например, в капиталистическом хозяйстве закон стоимости играет роль регулятора производства, а в социалистическом хозяйстве он этой функции лишается.

Объективные законы не могут быть кем-либо уничтожены. С исчезновением, ликвидацией объективных условий соответствующие законы теряют силу, перестают существовать. Так, с ликвидацией капитализма в СССР потеряли всякую силу законы капиталистической экономики.

Здесь встаёт вопрос: поскольку законы существуют на базе известных объективных условий, а последние в общественной жизни являются продуктом деятельности людей, то не значит ли это, что и законы общества создаются людьми и поэтому в отличие от законов природы не являются объективными?

При решении этого вопроса следует учесть, что создание, изменение или ликвидация тех или иных объективных условий в обществе (например, производственных отношений) есть процесс объективный, совершающийся независимо от воли и сознания человека и человечества. Люди при этом всегда исходят из условий, созданных до них и развивающихся в соответствии с объективными законами. Так, свергая капитализм, пролетариат исходит из наличных объективных условий (например, из общественного характера производства), без которых переход к социа-

лизму невозможен, и руководствуется объективными законами.

Поскольку создание или изменение условий материальной жизни общества в процессе деятельности людей есть объективный процесс, то и возникновение, изменение или исчезновение соответствующих законов в обществе также происходит совершенно независимо от человеческого сознания.

Требования закона являются одним из выражений его объективного характера. Чтобы достичь намеченной цели, необходимо считаться с требованиями соответствующих законов. Нарушение этих требований обрекает на неудачу деятельность в любой области, пока данное нарушение не ликвидировано.

Иногда высказывается мнение, что вообще невозможно нарушить требования объективных законов природы и общества. Это утверждение противоречит многочисленным фактам. Если бы требования законов невозможно было нарушить, то это значило бы, что всякая деятельность ведётся в соответствии с законами и должна быть поэтому успешной. Между тем это далеко не всегда так. Неудача в каком-либо деле нередко бывает результатом именно нарушения требования законов. Под нарушением требования объективного закона надо понимать не его отмену (это сделать невозможно), а такие действия, которые противоречат этому требованию и тем самым делают невозможным сохранение данного явления или затрудняют его развитие.

Всякая попытка пренебречь требованиями закона обязательно даёт себя знать с отрицательной или прямо разрушительной стороны. Например, дом, построенный без достаточного учёта требований законов механики, деформируется или вообще разваливается. Писатель, нарушая законы искусства (например, о соответствии идейного содержания художественной форме), неизбежно терпит неудачу, создаёт нехудожественное произведение.

Кто нарушает требования объективных законов, тот неизбежно за это расплачивается — в этом одно из проявлений и доказательств объективности законов.

Познание закона есть итог длительного развития науки и практики, и люди обычно до поры до времени подчиняются законам, даже не подозревая об их существовании. Так, с момента своего возникновения человек подчи-

няется закону сохранения энергии. Без этого люди не могли бы существовать. Однако открытие этого закона относится только к 1842 г. Закон прибавочной стоимости вступил в силу, когда первые капиталисты, владельцы средств производства, стали эксплуатировать наёмных рабочих, лишённых всяких средств производства. В Англии это произошло ещё в XIV веке. Однако существование этого закона было открыто Марксом только в середине XIX века.

Объективность законов доказывается также и тем фактом, что в значительном количестве случаев они действуют вопреки желаниям людей, тех или иных классов. Вопреки воле империалистов, при бешеном сопротивлении с их стороны совершенно закономерно ныне разваливается колониальная система империализма и неудержимо идёт процесс освобождения угнетённых народов. В противовес желаниям реакционных сил действуют объективные законы социализма во всех странах, порвавших с капиталистическим лагерем.

Вся общественная практика человечества, вся история науки и техники подтверждает объективный характер законов.

Различия между законами природы и законами общества

Имеется ряд существенных отличий между законами природы и законами общественного развития. Одно из них связано с той ролью, которую играет деятельность людей в проявлении тех и других законов.

Деятельность людей не принадлежит к обязательным условиям проявления законов природы. Законы природы действовали, когда человека ещё не было, и сейчас действуют в огромном числе случаев безотносительно к тому, что делают люди. Что касается законов общества, то они существуют лишь на базе тех условий, которые создаются деятельностью людей. Энгельс писал, что законы общества суть законы собственных общественных отношений людей.

Действие общественных законов осуществляется в форме деятельности людей. В зависимости от существующих объективных условий люди вступают в необходимые, от их воли и сознания не зависящие отношения, в которых

выражены объективные общественные законы, соответствующие данным объективным условиям.

Например, при наличии общественного разделения труда и частной собственности на средства производства люди неизбежно выступают как товаропроизводители, производят предметы потребления для других в обмен на предметы потребления, созданные другими. В этой их деятельности, во взаимоотношениях товаропроизводителей и товаровладельцев осуществляется закон стоимости. Он выражается в том, что товаровладельцы обменивают свои товары соответственно количеству затраченного на их производство общественно необходимого труда (т. е. соответственно их стоимости).

В условиях, когда одни люди владеют средствами производства, а другие полностью лишены их, но при этом они юридически свободны, — те и другие неизбежно вступают в отношения друг с другом как капиталисты и наёмные рабочие, и в этих отношениях осуществляется закон прибавочной стоимости. Он выражается в том, что из всей стоимости, созданной трудом наёмного рабочего, капиталист выплачивает последнему лишь стоимость рабочей силы (заработную плату), а остальную часть присваивает.

Другое отличие между законами природы и законами общественной жизни связано с различным отношением законов более развитых к законам менее развитых форм в той и другой области объективной действительности.

Законы более сложных форм материи в природе не отменяют законов менее сложных форм, а существуют «рядом» с ними и предполагают их. Например, когда на земле возникла жизнь с её законами, не потеряли силы законы химии, физики и механики. Более того, законы жизни не могут действовать и не действуют без тех предпосылок, которые создаются законами низших форм движения материи.

Иначе относятся законы более развитых форм к законам менее развитых в истории общества. Специфические законы отжившей формации не дополняются, а сменяются законами новой общественной формации. Действие новых законов суживает и в конце концов сводит полностью на нет сферу действия старых законов, лишая их всякой силы. Так было, когда специфические законы рабовладельческого строя сменились законами феодализма, а последние — законами капитализма.

Когда в СССР победил социализм, здесь стали безраздельно господствовать законы социализма и перестали действовать законы капитализма. Аналогичный процесс совершается сейчас в странах народной демократии.

К отличиям между законами природы и законами общества принадлежит и то, что те и другие занимают различное место в отношениях между классами, в классовой борьбе.

Законы природы и соответственно отражающие их законы естествознания сами по себе не затрагивают классовых интересов. Однако классы стремятся использовать законы естествознания в своих интересах. Так, буржуазия стимулировала и использовала развитие естественных и технических наук для осуществления промышленного переворота, приведшего к утверждению капиталистического способа производства. Законы ядерной физики, как и другие законы естественных и технических наук, используются странами как капиталистической, так и социалистической системы.

Открытие неизвестных законов природы всегда подкрепляет материализм и наносит новый удар по идеалистическому мировоззрению. Вот почему реакционные силы общества враждебно встречают или стараются в корне извратить научные открытия, подрывающие их идеологию. Так, средневековая католическая реакция встретила в штыки открытие Коперником законов строения солнечной системы, открытие Галилеем вращения земли, теорию Бруно о бесконечности миров и т. д. Эти открытия ниспровергали основные догматы церкви, и поэтому последняя беспощадно преследовала Коперника, заточила в тюрьму Галилея, а Бруно сожгла на костре.

Одно из величайших достижений современной науки — открытие законов ядерных превращений — извращается современными идеалистами в целях поддержки религии, «доказательства» конечных размеров вселенной, сотворения мира богом и т. д.

Однако новые законы естествознания, как бы они ни были важны, не направлены непосредственно против коренных интересов отживающих классов. Применение этих законов само по себе не может привести к свержению данных классов. Этим и объясняется то, что открытие и применение таких законов проходят без тех потрясений и

переворотов, с которыми неизбежно связано открытие и применение новых общественных законов.

В классовом обществе общественные законы затрагивают коренные интересы классов. Всеобщий закон капиталистического накопления, который «обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала»¹, вполне отвечает интересам буржуазии, но вовсе не отвечает интересам пролетариата. Применение экономических законов социализма вполне отвечает интересам рабочего класса и всех трудящихся масс, но противоречит классовым интересам буржуазии. Чтобы в обществе стали действовать объективные законы социализма, необходимо превратить капиталистическую собственность в социалистическую, а это требует ликвидации буржуазии как класса.

Отживающие классы враждебно относятся к открытию и использованию новых законов общественного развития, действие которых несёт им гибель.

Передовой класс кровно заинтересован в открытии и применении новых объективных законов общества — это сулит ему избавление от гнёта и руководящую роль в обществе. Такой класс или такие классы и составляют силу, которая ломает сопротивление отживающих сил общества. Всё это значит, что применение общественных законов совершается в классовом обществе в процессе острой классовой борьбы.

Общие и специфические законы

Общность, как было показано выше, есть одна из отличительных черт всякого закона. Степень общности закона характеризуется объёмом той сферы явлений, в которой он действует.

Существуют самые общие или наиболее общие законы развития мира. Имеются общие законы природы, всех её явлений, общие законы общества, действующие на всём протяжении его истории. Есть частные, или специфические, законы каждой формы материи, каждой общественно-экономической формации (или нескольких таких формаций).

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 651.

К наиболее общим законам принадлежат всеобщие законы развития мира, законы материалистической диалектики. Это наиболее общие законы, поскольку: 1) условия, при которых они существуют (бесконечная в пространстве и времени и вечно развивающаяся материя) никогда не исчезают, а лишь постоянно изменяются; 2) они действуют в любом явлении природы, общества, мышления в каждый момент его существования. Наличие всеобщих объективных законов развития мира выражает присущее ему материальное единство.

В природе, как и в обществе, имеются условия, которые постоянно сохраняются во всех изменениях. На базе таких условий действуют общие законы природы, общие законы общественного развития.

Закон сохранения материи и движения, открытый в 1748 г. М. В. Ломоносовым, является всеобщим законом природы. Он охватывает все виды сохранения материи и её свойств: сохранение массы, энергии, количества движения, момента количества движения. Он действует во всех без исключения областях природы, во всех её явлениях: в возникновении тепла из механического движения, в ядерных превращениях, в фотосинтезе растений и т. д. Общие законы природы выражают то обстоятельство, что при всём своём бесконечном многообразии природа есть нераздельное целое.

И в обществе имеются условия, которые сохраняются при любой его форме: производство, надстройка, общественное сознание и некоторые другие. На базе этих условий действуют общие законы развития общества: закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, законы, согласно которым базис определяет надстройку, общественное бытие людей определяет их сознание и др. Наличие общеисторических (социологических) закономерностей свидетельствует о том, что история общества есть единый непрерывный процесс.

Кроме общих законов имеются и частные, специфические законы. Каждая форма движения материи характеризуется своей системой частных законов. К ним относятся законы механики, законы молекулярного движения, электромагнитных процессов, движения микрочастиц (квантовой механики), законы химические, биологические, законы каждой общественно-экономической формации, законы мышления. Специфические законы выражают качествен-

ные отличия данной формы движения материи или общественной формации.

Общие законы отличаются от специфических прежде всего более широкой сферой или большей длительностью действия, или тем и другим, вместе взятым. Например, закон мирового тяготения имеет своей сферой весь материальный мир и действует всегда, а законы Кеплера характеризуют лишь движение планет в пределах солнечной системы со времени возникновения этой системы.

Не следует, однако, преувеличивать различие между общими и специфическими законами. Это различие не абсолютно, а относительно. Общность и специфичность есть черты, присущие всем без исключения объективным законам.

Так, общие законы природы или общества являются частными, специфическими в отношении к наиболее общим законам развития. Например, переход от одной формы энергии к другой (от механической к тепловой, к электрической и т. д.) в соответствии с законом сохранения энергии есть специфическое для природы проявление всеобщего закона перехода количественных изменений в качественные. С другой стороны, частный закон есть закон, общий для данной сферы явлений, и может иметь значение общего закона для других, более частных законов. Например, закон обмена веществ, специфический для живой природы, является общим в отношении других законов живой природы (наследственности, изменчивости и др.), поскольку нормальные процессы в организме всегда есть выражение обмена веществ. Законы искусства являются, конечно, специфическими для данной именно формы общественного сознания. Но имеются общие законы всякого рода искусства (например, единство формы и содержания, соответствие художественных образов правде жизни, типизация) и частные законы каждого отдельного вида искусства (поэзии, живописи, драматургии, кино и т. д.).

Специфичность выражается по-разному в общих законах и в законах частных. Специфичность, присущая наиболее общим законам развития мира, а также общим законам природы или общества, заключается в том, что они действуют по-разному в различных областях явлений. Так, в простом механическом движении закон единства и

борьбы противоположностей проявляется в виде единства прерывности и непрерывности, а в живой природе — в виде единства ассимиляции и диссимиляции.

Специфичность данных законов выражается, далее, в том, что им всем присущ исторический характер: они по-разному действуют в различных конкретно-исторических условиях. Например, закон единства и борьбы противоположностей действует при капитализме совсем не так, как в социалистическом обществе. В капиталистическом обществе социальные противоречия неминуемо проявляются в форме антагонизмов, разрешаемых в конечном счёте только социалистической революцией. В социалистическом обществе противоречия имеют неантагонистический характер и преодолеваются они не в порядке переворотов, а путём перестройки и совершенствования отстающих звеньев экономики и надстройки.

Общие законы природы, будучи законами вечными, вместе с тем являются и историческими законами в том смысле, что они всегда действуют в зависимости от определённых условий. Так, в действиях закона сохранения энергии появились новые стороны с возникновением жизни на земле. Он стал проявляться также в способности растительных организмов непосредственно усваивать солнечную энергию (явление фотосинтеза). Исторический характер также присущ всем общим законам общественного развития. Общим законом для всех исторических эпох является уменьшение затраты человеческой силы на единицу продукции вследствие роста производительности общественного труда. При капитализме этот закон выражается таким образом, что с ростом производительности труда неизбежно увеличивается армия безработных, существование которой есть постоянное условие капиталистического производства, возрастает обнищание рабочего класса. В социалистическом обществе уменьшение затрат рабочей силы с ростом производительности труда не порождает безработицы, увеличивает общественное богатство и благосостояние каждого трудящегося.

Имеются также специфические особенности в действии частных законов. Они вытекают из того, что частные законы действуют в рамках качественно определённой области явлений природы или общества. Соответственно этому каждый такой закон отличается характером той особой связи, той качественно своеобразной формы дви-

жения, которую он выражает, того конкретного противоречия, воплощением которого он является, а также различным проявлением в разных конкретно-исторических условиях. Так, квантово-механические законы выражают связь в движении микрочастиц (электронов, протонов, нейтронов и т. д.). Одна из особенностей этого рода движения состоит в том, что энергия системы микрочастиц изменяется квантами, т. е. прерывными порциями, которые представляют собой целые, кратные наименьшей порции энергии. Механические законы представляют взаимосвязи макроскопических тел и выражаются в пространственном перемещении этих тел. Например, первый закон Ньютона гласит, что всякое тело сохраняет состояние покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока воздействие со стороны других тел не заставит его изменить это состояние. Биологические законы выражают взаимосвязь живых организмов с условиями их существования, они характеризуют биологическую форму движения материи.

Всякий закон выражает определённое единство противоположностей. Нередко это бывает отражено в самой формулировке или названии закона. Таков третий закон Ньютона, согласно которому взаимные воздействия друг на друга механических тел равны и противоположно направлены. Таков закон ассимиляции-диссимиляции в живой природе, закон классовой борьбы в общественной жизни и т. д.

Одним из проявлений метафизики в подходе к закону является непризнание присущего ему противоречия, что неизбежно ведёт в конечном счёте к идеализму. Это можно видеть на следующем примере. Микрочастицы, изучаемые квантовой механикой, отличаются противоречивой природой; им присуще единство волновых и корпускулярных свойств. Вследствие этой противоречивой природы движение микрочастицы не может быть уподоблено движению обычных тел, при котором в каждый момент времени тело имеет строго определённое положение и определённую по величине и направлению скорость.

Современный «физический» идеализм спекулирует на этой трудности. Вместо того чтобы признать реальное противоречие, заключённое в закономерностях движения микрочастиц, физические идеалисты объявляют, что противоречивые свойства микрочастиц лишь дополняют друг

друга, но не существуют никогда в одно и то же время, так что в одно время, в одном эксперименте проявляются волновые, а в другое время, в другом эксперименте — дискретные свойства частиц. При этом противоположные свойства микрочастиц объявляются лишь несовместимыми друг с другом описаниями, получаемыми от различных экспериментальных установок. Одни из этих установок будто бы фиксируют только «положение частицы», другие только длину волны. Сами микрочастицы рассматриваются как чисто логические категории, которые при помощи экспериментальных установок связываются с ощущениями.

В действительности, как показал С. И. Вавилов, в световом потоке волны находятся в неразрывном единстве с частицами-фотонами, а фотоны при всей кажущейся хаотичности их движения подчиняются волновым законам ¹.

Трудность, перед которой в данном вопросе стоит современное естествознание, заключается в том, что, привыкнув к понятиям классической физики, оно ещё не выработало понятий, отражающих достаточно точно противоречия закономерностей квантовой механики. Не может быть сомнения в том, что вопреки идеализму и метафизике наука преодолет и это противоречие; как она преодолела в прошлом множество других противоречий подобного рода.

Не только общие, но и частные законы имеют исторический характер, действуют по-разному в различных конкретно-исторических условиях. Так, закон прибавочной стоимости на стадии капиталистической мануфактуры выступает в форме борьбы капиталистов за создание и увеличение абсолютной прибавочной стоимости, а на стадии промышленного капитализма — в форме борьбы за производство и увеличение относительной прибавочной стоимости.

Таким образом, специфическим для каждого объективного закона (как общего, так и частного) является, во-первых, то, что отличает его от других законов, действующих в данной области явлений, во-вторых, то, что отличает его от законов, действующих в других областях

¹ См. «Успехи физических наук», т. XVI, вып. 7, 1936, стр. 892—894.

явлений, в-третьих, то, чем отличаются действия данного закона в различных конкретно-исторических условиях.

Законы воздействуют друг на друга, их совокупное действие есть их взаимодействие. Данное обстоятельство вытекает уже из того факта, что все объективные законы суть законы одного и того же материального мира, единого во всём многообразии.

Какой бы мы ни взяли процесс, он представляет собой совокупность взаимодействующих законов. Не существует закона, который действовал бы в «чистом виде», отдельно от других законов. Только в процессе анализа можно рассматривать действие отдельного закона. В реальной действительности всегда дана система взаимодействующих законов, поскольку одни и те же условия оказываются в различных связях с другими условиями. Это и составляет базу для взаимосвязи различных законов. Последняя существует в рамках каждой качественно однородной области явлений, что учитывается наукой и техникой. При любом техническом расчёте исходят из взаимосвязи законов. Так, при расчёте прочности какого-либо перекрытия учитывают его собственный вес (т. е. закон тяготения), давление, производимое давящим грузом (т. е. закон равенства действия противодействию), законы, присущие деформациям и разрыву материала и др.

Одним из примеров взаимодействия законов является взаимосвязь основного закона и других законов данной области явлений. Все законы представляют существенные связи, но не все эти связи равно существенны для данной области явлений. Наиболее глубокой и существенной является та связь, которая выражена основным законом данной области явлений. Эта связь есть важнейшее условие и для остальных законов.

Вследствие этого действие основного закона неизбежно переплетается с действием остальных законов, оказывая при этом на них определяющее влияние. Таково влияние основного экономического закона на другие законы данной формации. Например, закон прибавочной стоимости — основной экономический закон капитализма — определяет собой и действие закона конкуренции. Именно в погоне за прибылью капиталисты вступают в конкурентную борьбу друг с другом.

С другой стороны, законы данной общественной формации являются своеобразными рычагами, через которые

действует основной экономический закон. Например, требования основного экономического закона социализма не могут осуществиться иначе, как через закон непрерывного роста производительности труда, закон распределения по труду и другие экономические законы социализма.

Существует также взаимодействие между законами качественно различных форм движения материи. В любом сложном явлении наряду с наиболее развитой, определяющей формой заключены также и другие формы движения материи. Законы последних здесь представляют предпосылки для действия законов наиболее развитой формы движения материи.

Человек, как общественное существо, подчиняется общественным законам. Но, например, законы человеческого мышления, законы логики, будучи законами общественными, не могут действовать иначе, как на основе тех предпосылок, которые создаются физиологией высшей нервной деятельности человека со всеми присущими ей специфическими законами.

В общественной жизни законы общества всегда взаимодействуют с законами природы. Вся промышленность и всё сельское хозяйство основаны на использовании множества законов природы (механических, химических, биологических). Действие этих законов представляет, таким образом, предпосылки для законов развития производства. Ясно, однако, что законы природы не могут быть определяющими для общества, которое развивается по своим внутренним законам. Законы природы влияют на общество, преломляясь через действие его собственных законов.

Особый интерес для науки и практики представляет взаимодействие общих и специфических законов. По этому вопросу встречаются двоякого рода ошибки. Первая из них состоит в том, что отрицается реальное существование общих законов и признаются лишь законы специфические. Вторая ошибка сводится к отрицанию самостоятельности специфических законов и утверждению, будто бы специфические законы всегда есть лишь проявление общих законов. В действительности же взаимоотношение общих и специфических законов сложнее и не сводится к проявлению первых во вторых.

Общий закон может действовать через один или через несколько специфических законов. Например, общий закон сохранения материи и движения действует в ряде менее общих законов сохранения, которые в отношении его являются специфическими: законе сохранения энергии, законе сохранения количества движения, законе сохранения момента движения, законе сохранения веса вещества и др.

Общеисторический закон, согласно которому средства производства и труд распределяются в определённых отношениях в различных отраслях народного хозяйства, выступает в условиях капитализма в виде закона стоимости, осуществляющего распределение средств производства и труда по разным отраслям производства соответственно целям капиталистического накопления. При социализме тот же общий закон выступает в виде закона планомерного развития, согласно которому средства производства и труд распределяются по отраслям народного хозяйства соответственно цели наилучшего обеспечения потребностей общества.

Однако общие законы истории вовсе необязательно должны выступать в форме соответствующего специфического закона. Например, общесоциологический закон соответствия производственных отношений производительным силам не выступает в форме какого-либо специфического закона данной формации. Связь общего и специфического здесь осуществляется иным образом. Специфические законы данной формации могут способствовать действию этого социологического закона, но могут быть в отношении его и тормозами. Это можно видеть на примере капиталистического строя.

В эпоху восходящего капитализма его специфические законы способствовали действию социологического закона соответствия, ускоряя развитие производительных сил.

В эпоху империализма действие его специфических законов в огромной степени обостряет противоречия капитализма, ослабляет капиталистическую систему и тем приближает её гибель. Всё это определённым образом отвечает и требованиям закона соответствия, направленного в этих условиях на уничтожение устаревших, буржуазных производственных отношений и замену их новыми, социалистическими.

С другой стороны, при современном капитализме специфические законы тормозят действие закона соответствия, задерживая развитие производительных сил. Так, например, анархия производства, свойственная капитализму, находится в противоречии с общественным по своему характеру производством, требующим планомерного развития хозяйства.

В то же время не каждый специфический закон есть форма проявления соответствующего общего закона. Например, не существует общеисторического закона населения: «...всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы населения»¹. В таком специфическом законе проявляется действие ряда других, как общих, так и специфических, законов.

Например, в условиях капиталистического способа производства закон населения выражается в том, что «рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»². Иначе говоря, капиталистическое производство с необходимостью рождает избыточное рабочее население, постоянную армию безработных. Этот свойственный только капитализму закон населения не есть проявление общеисторического закона населения (которого, как отмечено выше, не существует). Он порождён всей совокупностью условий капиталистической экономики.

Взаимосвязь законов может усиливать действие каждого из них. Чем лучше действует закон распределения по труду в социалистическом обществе, тем большие результаты даёт закон непрерывного роста производительности труда, и наоборот. Все специфические экономические законы социализма, действуя в направлении укрепления социалистических производственных отношений, тем самым усиливают действие закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

В то же время действие одного закона (или некоторых законов) может препятствовать другому, сужать сферу его действия. Например, действие специфических законов социализма сузило сферу действия закона стоимости.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 637.

² Там же.

Положение о взаимосвязи и взаимодействии законов исключительно важно для практической деятельности. Оно означает, что нельзя ориентироваться на одни объективные законы и игнорировать другие.

Нельзя, например, осуществлять непрерывное и планомерное развитие социалистического производства, не обеспечивая преимущественного роста производства средств производства. Нарушение требований одного из законов неминуемо наносит ущерб действию других законов, с которыми первый неразрывно связан. Например, игнорирование принципа материальной заинтересованности, т. е. закона распределения по труду, задерживает рост производительности труда. В практической деятельности необходимо учитывать взаимосвязь объективных законов.

Диалектический материализм ведёт борьбу против попыток метафизики и идеализма представить сферу действия тех или иных законов шире или, наоборот, уже, чем она есть на самом деле.

Механические материалисты абсолютизировали законы механики, считая их всеобщими законами мироздания. В XVIII веке признание механических законов универсальными законами было обусловлено тем, что в ту пору только механические явления были сколько-нибудь основательно изучены, тогда как физика, химия, биология находились ещё в начальной стадии. В XIX и особенно в XX веке развились многочисленные науки, вскрывающие качественное своеобразие различных форм материи и законов её движения: физика, химия, геология, биология, эмбриология, зоология, ботаника и т. д. Маркс и Энгельс открыли законы развития общества. Всё это обнаружило, что законы механики имеют вполне определённую, ограниченную сферу действия. Тем не менее механицизм не сошёл со сцены, став одним из идеологических орудий буржуазной реакции. Он проявляется не только в чрезмерном раздувании законов механики, но и вообще в сведении законов более сложных к законам менее сложных явлений. Современный механицизм сводит качественно различные закономерности к закономерностям квантовой механики. Так, сторонники идеалистической

«теории резонанса» в современной органической химии стараются представить органическую химию как область законов квантовой механики на том «основании», что атомы состоят из электронов, подчиняющихся законам квантовой механики. Физик Э. Шредингер сводит жизнь к квантово-механическим закономерностям, «мотивируя» тем, что в основе жизни-де лежит неизменное наследственное вещество (апериодический кристалл, по выражению Шредингера), представляющее будто бы органическую молекулу, которая в свою очередь является квантово-механическим образованием. «Мое тело,— заявляет Шредингер,— функционирует как чистый механизм», и добавляет, что жизнь есть «прекраснейший шедевр, когда-либо достигнутый по линии господней квантовой механики».

Особенно много стараний прилагают идеалисты к тому, чтобы представить дело так, будто общественная жизнь определяется законами природы.

Со второй половины XIX века, после появления теории Дарвина, в капиталистических странах получил распространение социал-дарвинизм — теория, утверждающая, что движущей силой общества является якобы закон борьбы за существование. Маркс заклеил одного из проповедников этой теории, Г. Ланге, как прислужника буржуазии, старающегося представить классовый гнёт как вечное явление, как результат «борьбы за существование». Ф. Энгельс показал, что закон борьбы за существование имеет и в природе ограниченное действие, что нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю «борьбу». «Но совершенное ребячество,— писал он,— стремиться подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: «Борьба за существование»»¹.

Недопустимо также переносить законы данной общественной формации на другую формацию. Это положение имеет огромное значение для борьбы против буржуазной политической экономии и философии, которые издавна представляют законы капитализма как «вечные» и «естественные» законы, действующие якобы во всех обществах. Это один из вариантов буржуазных теорий о вечности капитализма, опровергаемых всем ходом истории.

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 249.

Не менее вредный и реакционный характер имеют всякого рода старания преуменьшить степень общности тех или иных объективных законов, представить сферу действия этих законов уже, нежели она есть на самом деле.

Известны многочисленные попытки со стороны физиков-идеалистов представить дело так, будто закон сохранения материи и движения не является общим законом природы.

Когда в конце XIX века было открыто явление радиоактивности, физики-идеалисты пытались извращённо толковать его в том смысле, что при этом «исчезает» часть материи, превращаясь в радиоактивное излучение, якобы «нематериальное». Когда в 30-х годах XX столетия было открыто превращение частиц вещества — электрона и позитрона — в частицу света, физики-идеалисты поспешили истолковать это явление как «анигиляцию», т. е. исчезновение материи, дематериализацию, утверждая тем самым, будто в этом процессе не действует закон сохранения материи и движения. Между тем и в первом и во втором случае имело место лишь превращение материи из одного состояния в другое с полным соблюдением требований закона сохранения материи и движения. Идеалисты стремятся подорвать признание наукой всеобщего характера данного закона, чтобы прийти к выводу о «разрушимости» материи, а значит, и о её «сотворимости» и тем самым «подтвердить» религиозный миф о сотворении мира богом.

Ярким примером, показывающим вредность попыток преуменьшить степень общности объективного закона, служит отношение некоторых лидеров право-социалистических партий к закону классовой борьбы. Они утверждают, что закон классовой борьбы действовал в прошлом, в эпоху Маркса, но что сейчас этот закон в капиталистическом обществе будто бы уже потерял силу, уступив место общности классовых интересов капиталистов и рабочих. В действительности закон классовой борьбы не может перестать и не перестанет действовать в обществе до того времени, пока существуют эксплуататорские и эксплуатируемые классы. Не гармония, а ожесточённая борьба классов — такова картина современного буржуазного общества.

Таким образом, как в научной, так и в практической деятельности необходимо строго учитывать степень общ-

ности объективных законов. Недопустимо приписывать действие качественно особых законов данной области явлениям какой-либо другой области или преуменьшать сферу действия каких-либо законов.

Познание объективных законов и их использование в практической деятельности

История науки и техники есть история познания и использования законов природы. Началом раскрытия любого закона является чувственное познание. Уже при помощи простого наблюдения нередко выявляется, что в определённых явлениях некоторые их черты повторяются. Однако при помощи одних органов чувств, отражающих по преимуществу отдельное и внешнее, невозможно открыть то общее и внутреннее, что лежит в основе повторяемости и что составляет закон явления. Абстрактное мышление обобщает чувственные данные в виде научного предположения, гипотезы. Практика должна проверить, соответствует ли сделанное предположение фактам. Д. И. Менделеев считал открытый им периодический закон гипотезой, пока практикой научного эксперимента не были открыты новые химические элементы, предсказанные Д. И. Менделеевым на основе сделанного им открытия. Открытое Марксом и Энгельсом материалистическое понимание истории было, как отмечал В. И. Ленин, научной гипотезой, пока Маркс на огромном фактическом материале не проверил сделанные им выводы применительно к капиталистической формации и тем подтвердил истинность исторического материализма как науки об общих законах развития общества. Проверенная и подтверждённая практикой научная гипотеза входит в науку как теория, основой которой являются новые открытые законы.

Содержание (соответственно формулировка) законов науки изменяется. Это вызвано, с одной стороны, более глубоким познанием соответствующих объективных законов, с другой стороны, изменением самой объективной действительности, следовательно, и её законов.

Д. И. Менделеев считал, что свойства химических элементов определяются их атомным весом. Последующие данные привели к выводу, что свойства химических эле-

ментов определяются зарядом ядра. Это означало уточнение, более глубокое познание закона Менделеева.

Известное уточнение закона науки имеет место и тогда, когда с развитием науки и практики выявляется, что сфера действия закона уже или, наоборот, шире, нежели это считалось ранее.

Например, возникновение квантовой механики показало, что законы классической механики, которые до того считались классической физикой универсальными законами, действительны только для тел с относительно большими массами и незначительными сравнительно со скоростью света скоростями движения. С другой стороны, обнаружилось, что законы распространения света действительны также и для частиц вещества (электронов и др.), которые подобно свету обладают не только дискретной (прерывной), но и непрерывной (волновой) природой.

С изменением объективных законов действительности должны изменяться и законы науки, отражающие их. Это хорошо видно на примере марксизма-ленинизма. В. И. Ленин развил марксистскую науку, выявив и отразив те изменения, которые произошли в объективных общественных законах в эпоху империализма и пролетарских революций. Так, Ленин открыл новые черты, характеризующие в эпоху империализма закон неравномерности развития капитализма, закон социальной революции и другие.

Развитие познания, раскрытие законов науки идёт от частных к общим и самым общим законам, а также от общих законов к частным. Познание ряда частных законов химии (закона кратных отношений, закона постоянства состава и других) подготовило открытие периодического закона Менделеева, который имеет значение общего закона для химических процессов. Создание материалистической диалектики как науки о наиболее общих законах развития мира было подготовлено, как указывал Ф. Энгельс, тремя великими открытиями естествознания XIX века (клеточной теорией, законом сохранения и превращения энергии, теорией Дарвина).

Вместе с тем знание общих законов становится отправным пунктом для раскрытия новых частных законов. Так, на основе закона сохранения энергии Гельмгольц открыл закон электромагнитной индукции, выражающий связь

электродвижущей силы индукции с изменением магнитного силового потока.

Открытие законов не является самоцелью науки. Её наивысшая задача состоит в том, чтобы обслуживать практику, помочь осуществлять практическую деятельность на всё более высоком уровне. Степень господства человека над природой и общественными процессами определяется степенью знания объективных законов и возможности использования их в интересах практики. «Законы внешнего мира... суть основы *целесообразной* деятельности человека»¹, — писал В. И. Ленин.

В ходе практической деятельности человека исторически сложились определённые способы использования, применения объективных законов. Изменяя объективные условия, можно направлять, изменять или предотвращать действие законов. В соответствии с интересами практики можно ускорить или, наоборот, замедлить действие какого-либо закона или целой совокупности законов.

В химии применяются различные катализаторы, чтобы добиться нужной скорости химической реакции. Некоторые катализаторы ускоряют реакцию — нередко в 1000 и более раз, другие, наоборот, замедляют скорость реакции.

Другим примером регулирования действия закона является использование атомной энергии. При атомном взрыве цепная реакция распада ядер идёт с огромной и притом неуправляемой скоростью. В ядерном котле (реакторе) при помощи разных веществ поглощается часть нейтронов, вызывающих цепную реакцию распада ядер, и тем достигается регулируемая скорость реакции.

Биологи-мичуринцы создают новые живые формы, ускоряя действия законов живой природы.

Устранением или созданием соответствующих условий можно предотвратить действие закона. Вся антикоррозийная техника преследует цель предотвратить окисление металлов. Подсчитано, что из-за коррозии железных конструкций, железнодорожных рельсов и т. п. ежегодно разрушается количество железа, равное примерно $\frac{1}{4}$ мировой его добычи за год. Применением антикоррозийных средств (например, покрытием железа слоем олова, цинка, никеля, хрома, меди, масляной краской, лаком, эмалью и т. д.)

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 161.

поверхность железа защищается от воздействия определённых химических законов, приводящих к окислению железа.

Империалистические войны есть результат действия объективных законов империализма. Эта основа войн сохраняется и в настоящее время, поскольку существуют ещё империалистические страны. Однако, как указывается в резолюции XX съезда КПСС, фатальной неизбежности войн теперь нет. Возглавляемые лагерем социализма силы, стоящие за мир, в настоящее время настолько мощны, что они в состоянии не допустить войны, обеспечить прочный и длительный мир. Это и значит «обуздать» закон, не допустить его действия.

С развитием науки и техники расширяется сфера использования законов природы. В этом состоит одно из проявлений возрастания власти человека над природой: её силы находят всё большее использование в общественно-производственной практике человечества. Законы движения электронов стали раскрываться наукой более полувека тому назад. С тех пор непрерывно расширялась сфера их применения. На использовании этих законов основаны, например, автоматика, телемеханика, действие современных вычислительных машин.

Другим примером значительного расширения сферы применения законов науки является использование атомной энергии в мирных целях в СССР, где построена первая в мире атомная электростанция на 5 тысяч кВт, разработаны и внедрены методы использования ядерной энергии в различных отраслях народного хозяйства и в медицине. В директивах XX съезда партии по шестой пятилетке предусмотрен дальнейший быстрый прогресс в этой области: создание атомных электростанций мощностью в 2—2,5 млн. кВт, развёртывание работы по созданию атомных силовых установок для транспортных целей, постройка ледокола с атомным двигателем, всемерное развитие работы по дальнейшему использованию радиоактивных излучений в промышленности, сельском хозяйстве и медицине.

Следует при этом отметить, что одного знания законов недостаточно для их использования в интересах общества. Для этого нужны ещё определённые общественные предпосылки. Открытие и использование законов ядерных процессов составляют новую эпоху в науке и

технике. Между тем империалисты стремятся применить ядерную энергию для массового истребления людей. Социалистическое общество, будучи вынуждено использовать ядерную энергию для обороны страны, кровно заинтересовано применять её в мирных целях, для ускорения победы коммунизма.

Знание объективных законов и умение их использовать — сильнейшее оружие в научно-атеистической пропаганде, в борьбе против религиозных суеверий, наносящих большой ущерб строительству коммунизма. Кто понял, что во всех областях природы и общества действуют объективные законы, что мир развивается по своим собственным внутренним законам, для того ясно, что в мире не существует сверхъестественных сил, что люди вполне могут познать объективные законы и поставить их себе на службу.

Своеобразие объективных законов социализма и их использование Коммунистической партией

В условиях социализма имеются общественные законы различных видов: социологические (например, закон соответствия производственных отношений производительным силам, закон об определяющей роли базиса в отношении надстройки), специфические, действующие в течение нескольких формаций (закон стоимости), специфические только для первой фазы коммунизма (закон распределения по труду), законы, отличающие обе фазы коммунистической формации (основной экономический закон, закон планомерного развития народного хозяйства). Эти законы в совокупности выражают связь социализма с предшествующими формациями, его коренное отличие от них, а также процесс развития коммунистической формации от её низшей фазы к высшей.

Первой особенностью, отличающей объективные законы социализма, является то, что их действие в целом лишено стихийного характера.

Экономические законы капитализма, основанные на частнокапиталистической собственности на средства производства, по природе своей действуют стихийно и не поддаются планомерному, сознательному использованию. Каждый капиталист заботится только о своём частном интересе, и в результате складываются и воспроизводятся

отношения, управляемые законами, которые действуют за спинами людей. Энгельс сравнивал их влияние с ударами молнии, не поддающейся управлению со стороны человека. Формой проявления законов при капитализме является случайность, и закон выступает лишь как некая господствующая тенденция с бесчисленными нарушениями, отклонениями в ту и другую сторону. Таков закон стоимости или закон тенденции нормы прибыли к понижению и т. д. Действие закона здесь сказывается в том, что его нарушения имеют место в определённых пределах. Цены товаров колеблются вокруг величины, определяемой законом стоимости. Капиталистическая прибыль в условиях домонополистического капитализма колеблется близ уровня, определяемого законом нормы прибыли.

«Вообще при капиталистическом производстве,— писал Маркс,— всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твёрдо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»¹.

Всё это не значит, что в капиталистическом обществе вообще невозможно использование экономических законов в интересах общества. В период восходящего капитализма буржуазия, будучи прогрессивным классом, использовала для борьбы против феодализма закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Она низвергла феодальные производственные отношения и утвердила новые, буржуазные производственные отношения, отвечающие характеру производительных сил, выросших в недрах феодального общества. Однако здесь не было сознательного использования данного закона, который был открыт лишь впоследствии основоположниками марксизма. Буржуазия использовала закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, руководствуясь своими классовыми интересами, под влиянием ближайших практических задач. Идеологи буржуазии, отстаивавшие необходимость замены феодальных производственных отношений капиталистическими, исходили из отдельных проявлений данного закона подобно тому, как люди исходили из отдельных проявлений закона всемирного тяготения, не зная ещё о его существовании.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 168.

Таким образом, законы капитализма осуществляются через стихийную деятельность людей. В период, когда капитализм становится препятствием для дальнейшего развития общества, действие его законов, гигантски усиливающее тяжёлый гнёт капиталистической эксплуатации, всё больше побуждает пролетариат к сознательной революционной борьбе, направленной к уничтожению капитализма.

В условиях социализма экономические законы действуют на базе общественной социалистической собственности на средства производства. Общественные отношения людей здесь складываются и воспроизводятся не стихийным путём, а в результате сознательной деятельности общества, руководимого Коммунистической партией. Это значит, что экономические законы здесь больше не действуют как слепая сила. Полностью сохраняя свой объективный характер, они становятся силой, сознательно используемой и применяемой руководящими органами общества. Энгельс сравнивает экономические законы социализма с электричеством, послушным воле человека.

Социализм отличается новой формой, в которой выступают законы. Этой формой является сознательная, планомерная деятельность социалистического общества, государства, руководимого Коммунистической партией.

Всё это, однако, не значит, что экономика социализма исключает целиком всякие элементы стихийности. Однако, чем сознательнее действуют люди социалистического общества, т. е. чем больше они считаются с требованиями объективных законов, тем меньше влияние стихийности, идущей вразрез с требованиями объективных законов, тем успешнее осуществляется развитие общества.

Возможность сознательного применения объективных законов социализма превращается в действительность потому, что действия объективных законов социализма полностью соответствуют интересам трудящихся масс.

Стихийный и слепой характер действия законов капитализма не означает, что пролетариат пассивно подчиняется им, не борется против их действий, отрицательно сказывающихся на его положении. Пролетариат, поскольку капитализм существует, борется за то, чтобы, насколько это возможно, уменьшить капиталистическую эксплуатацию, увеличить заработную плату и т. д.

При социализме впервые в мировой истории достигается совпадение действия объективных экономических

законов с субъективными стремлениями масс. Коммунистическая партия вооружает трудящихся знанием объективных законов общественного развития и руководит практической работой масс, направленной на возможно более эффективное использование объективных законов социализма в интересах полной победы коммунизма. Массовое социалистическое соревнование, борьба рабочих, колхозников, деятелей науки и техники за повышение производительности труда, за экономию различных видов сырья, за снижение себестоимости, за внедрение новой техники — всё это различные стороны использования объективных законов социализма народными массами под руководством Коммунистической партии.

Из того, что объективные законы социализма осуществляются через деятельность народных масс, следует, что, чем благоприятнее условия для творческой деятельности масс, тем полнее и эффективнее действие экономических законов социализма. Поэтому Коммунистическая партия постоянно заботится о том, чтобы ничто не сковывало творческой активности советского народа.

Новый порядок планирования, введённый ЦК партии и Советским правительством в 1955 г., ещё больше развязал инициативу колхозов, обеспечил широкое участие колхозников в планировании производства в каждом колхозе. При подготовке директив по шестому пятилетнему плану были учтены предложения коллективов предприятий по всей стране. Партия приняла меры к расширению прав республиканских органов в хозяйственном и культурном строительстве, что будет способствовать ещё большему развёртыванию творческой инициативы на местах.

Все эти мероприятия Коммунистической партии означают создание всё более благоприятных условий для действия объективных законов социализма, для использования их массами в строительстве коммунизма.

Действия законов капитализма неминуемо приводят к упадку этого строя. Закон прибавочной стоимости (как и другие законы капиталистической экономики) в период восходящего капитализма способствовал развитию производительных сил, а в конце концов стал тормозом развития производства. Погоня монополистов за максимальной прибылью неизбежно приводит к мировым кризисам перепроизводства, к омертвлению значительной части про-

изводственных фондов и другим разрушительным в отношении производительных сил последствиям.

Действие объективных законов социализма приводит к непрерывному росту и расцвету этого строя. Об этом свидетельствует развитие его производительных сил. В 1955 г. промышленность СССР выпускала продукции в 27 раз больше, чем до революции, и в 3 с лишним раза больше, чем в довоенном 1940 г. В Китайской Народной Республике выпуск промышленной продукции в 1955 г. вырос по сравнению с 1949 г. более чем в 4 раза.

Отметим ещё одну особенность объективных законов социализма по сравнению с законами капитализма.

При переходе от капитализма к социализму в ходе пролетарской революции, в процессе строительства социализма ликвидируется капиталистический базис и происходит переворот в области надстройки. Тем самым теряют силу специфические законы капитализма и вступают в действие специфические законы социализма.

Переход от социализма к коммунизму не требует общественного переворота, социальной революции. Переход от низшей к высшей фазе коммунизма совершается путём всестороннего укрепления основ социализма, его материально-технической базы, экономики и надстройки. Тем самым усиливается действие законов социализма. В этом процессе постепенно подготавливаются условия, благодаря которым в конечном итоге потеряют силу некоторые специфические законы первой фазы коммунизма и вступят в действие специфические законы высшей фазы коммунизма. Так, по мере дальнейшего роста производительных сил, развития социалистической экономики постепенно теряет силу закон распределения по труду и вступает в силу закон распределения по потребностям.

По вопросу о характере законов и их использовании в практической деятельности партия борется на два фронта — против субъективизма, утверждающего, будто классы, партии не связаны никакими объективными законами и могут действовать по собственному произволу, и против фатализма — проповеди бессилия людей перед объективными процессами.

Субъективизм на протяжении ряда лет проявлялся в утверждениях некоторых советских экономистов, философов, историков, правовиков, будто Советское государство уничтожает старые и творит новые экономические за-

коны, будто законы, издаваемые Советским государством (следовательно, юридические по своему характеру), представляют собой законы экономические.

В действительности юридические законы, издаваемые государством, есть выражение воли господствующего класса, отражающей экономические отношения в данном обществе. Законы реакционных буржуазных государств задерживают развитие общества. Они направлены против экономических законов, пробивающих себе дорогу в обществе. В этом корень слабости реакционных буржуазных государств и их законодательства. В результате социальной революции эти законы уничтожаются вместе с создавшими их государствами. Такая судьба постигла законы царской России, Временного правительства, старых реакционных правительств гоминдановского Китая, панской Польши и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где ныне существует народно-демократический строй.

Законы Советского социалистического государства выражают волю рабочего класса и всего советского народа. Они в целом правильно отражают требования объективных законов развития общества, в первую очередь экономических законов. Именно поэтому законы Советского государства являются великой прогрессивной силой, ускоряющей развитие общества. Известна, например, огромная организующая роль пятилетних планов развития народного хозяйства СССР.

Субъективизм особенно опасен в условиях социализма, где экономика развивается не стихийным путём, а строится сознательно. Эта сознательная деятельность может быть успешной лишь в том случае, если она опирается на знание и учёт объективных экономических законов. Своеобразным проявлением субъективизма являются нарушения требований тех или иных экономических законов в практике работы некоторых партийных, советских или хозяйственных организаций. Нарушение требований закона распределения по труду, принципа материальной заинтересованности вызвало запущенность хозяйства во многих колхозах и сельскохозяйственных районах. Неравномерный выпуск продукции многими предприятиями, штурмовщина есть нарушение требований закона планомерного развития народного хозяйства и наносит серьёзный ущерб обществу.

Большой вред приносит и фаталистическое отношение к объективным законам социализма. Это видно на примере тех хозяйственников, которые, полагаясь на объективные преимущества социалистической системы, перестали заботиться о техническом прогрессе, принеся этим огромный вред Советскому государству.

Мы уже видели, что в отличие от капитализма объективные экономические законы социализма осуществляются сознательной деятельностью людей. И поэтому ни одна сторона жизни социалистического общества не может успешно развиваться в порядке самотёка, стихийного продвижения. Для Коммунистической партии и Советского государства, для советского народа характерно не созерцание, а активное воздействие на объективные процессы, применение объективных законов в интересах развития общества, победы коммунизма.

В отчётном докладе ЦК КПСС XX съезду партии отмечено, что ныне, в условиях борьбы нашего общества за неуклонный рост производительности труда, за решение основной экономической задачи СССР, на первый план выдвигаются экономическая сторона теории марксизма, вопросы конкретной экономики. Это означает, что первостепенное значение приобрело изучение объективных экономических законов социализма и умение применять их в практической работе. Ясно, что без глубокого знания конкретной экономики применение экономических законов социализма остаётся пустой фразой. Вот почему изучение политической экономии социализма и в особенности конкретной экономики находится сейчас в центре внимания партийных, советских, хозяйственных кадров.

Использование экономических законов социализма совершается в постоянной борьбе с трудностями, в процессе преодоления противоречий. К ним относятся, например, необходимость преодоления диспропорций, оставленных в народном хозяйстве капитализмом, диспропорций, возникающих в процессе развития социалистического производства, нарушение требований объективных законов и др. Решение одних экономических задач выдвигает новые, нередко более сложные задачи, и это постоянно требует творческого подхода к использованию объективных законов социализма.

Формы и способы использования и применения объективных законов социалистическим обществом меняются в

зависимости от условий, от разрешаемых задач. Поэтому постоянной заботой партии и Советского правительства, как и руководящих органов других стран социалистического лагеря, является выявление новых форм использования объективных законов. В процессе строительства социализма и коммунизма в нашей стране совершенствовались формы использования закона стоимости (хозрасчёт, развитие кредита, политика цен и др.). Однако недостатков и нерешённых задач в этой области у нас ещё много. Например, работа МТС оценивается пока в значительной степени без учёта её результатов. Чтобы устранить этот недостаток, XX съезд партии решил постепенно перевести МТС на хозяйственный расчёт. До сих пор не существует разработанной и проверенной практикой методики определения себестоимости продукции в колхозах. Неумение применить закон стоимости в этом важном деле задерживает рост производительности труда и благосостояния колхозников.

Имеются у нас недостатки и в использовании закона распределения по труду (пестрота в оплате труда работников одинаковых профессий, наличие фактов уравниловки в заработной плате и др.). В отчётном докладе ЦК КПСС XX съезду партии говорится о необходимости настойчиво улучшать и совершенствовать формы заработной платы во всех отраслях хозяйства, в том числе ввести такой порядок, при котором часть зарплаты инженерно-технических работников и хозяйственных руководителей находилась бы в зависимости от основных показателей работы цеха, предприятия, отрасли промышленности, колхоза, МТС и совхоза.

Существовавшая в колхозах практика, при которой основная часть доходов, предназначенная к распределению по трудодням, выдавалась только в конце хозяйственного года, недостаточно способствовала росту производства, не отвечала требованиям дальнейшего повышения материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства. Учитывая опыт передовых колхозов, ЦК КПСС и Совет Министров Союза ССР приняли решение о ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах. Это решение является ярким примером того, как совершенствуется использование социалистического принципа распределения по труду.

Современная эпоха характеризуется значительным расширением сферы действия объективных законов социализма. Возникла мировая система социализма во главе с СССР и Китайской Народной Республикой, и законы социализма ныне действуют на пространствах, охватывающих свыше четверти всей территории земного шара, на которой проживает более 35 процентов населения Земли. Это делает более эффективным использование объективных законов в каждой из социалистических стран, поскольку имеется больше рычагов, больше возможности для осуществления требований этих законов. Доказательство тому можно видеть на примере использования закона преимущественного развития тяжёлой промышленности. Сейчас нет необходимости в том, чтобы каждая из европейских стран народной демократии развивала у себя все отрасли тяжёлой промышленности, поскольку эта задача гораздо успешнее решается соединёнными усилиями всех стран социалистического лагеря.

Но тем самым усложняется использование объективных законов странами социалистического лагеря. Так, осуществляя планирование, каждая из них должна учитывать потребности и других братских стран. В настоящее время возникла необходимость более тесной координации народнохозяйственных планов стран социалистического лагеря, кооперирования и специализации производства Советского Союза и стран народной демократии.

Великие достижения лагеря социализма, непрерывный рост его могущества свидетельствуют об огромном преимуществе социализма и его объективных законов перед отживающим капитализмом и его законами эксплуатации человека человеком, они доказывают, что коммунистические и рабочие партии в соответствии с учением марксизма-ленинизма правильно используют и применяют законы общества в интересах социализма, коммунизма.

Глава шестая

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА

Определение категорий содержания и формы

Содержание и форма являются категориями материалистической диалектики, в которых, как и в других её категориях, отражены существенные стороны развития объективного мира.

Марксистское решение вопроса о сути и соотношениях этих категорий было дано на основе учёта общественно-исторической практики, данных науки и критического использования некоторых положений, накопленных предшествующим развитием философской мысли.

Домарксовская философия разработала ряд положений, относящихся к проблеме содержания и формы, но в целом решить её не смогла.

В античной философии более других философов исследованием упомянутых категорий занимался Аристотель, который пытался обосновать взаимосвязь между материей и формой. Он утверждал, что все вещи возникают из материи. Бесформенная материя, по его мнению, есть лишь бытие в возможности и является началом для возникновения вещей. Другим началом, по Аристотелю, является форма. Он считал материю пассивным, инертным материалом, который превращается в бытие в действительности, в содержание определённых предметов под действием формы. Источник движения древний философ усматривал в форме. Движение возникает из соединения материи с формой. В конечном итоге, признавая приоритет формы, Аристотель впал в идеализм. Он пришёл к утверждению, что форма, как духовное, неизменное начало, существовала ранее материи, что высшей формой является бог.

Всё это закрыло ему пути для более глубокой разработки проблемы формы и содержания.

В период разложения рабовладельческого строя неоплатоники — философы-идеалисты усугубили идеалистические ошибки Аристотеля и пришли к полному отрыву формы от содержания. Механистический и метафизический материализм XVII—XVIII веков стремился преодолеть разрыв между формой и содержанием и дать материалистическое решение проблемы. Например, Д. Бруно отмечал *единство* материи и формы, которые он рассматривал как проявления *единой* природы. Один из основоположников метафизического материализма — Ф. Бэкон — полагал, что форма необходимо присуща материи. По существу он высказывал взгляд, что форма присуща содержанию, определяется последним. Он подразумевал под формой движение как состояние материи. Будучи в основном правильным, материалистическим, такое понимание формы и содержания ещё не вскрывало всей сложности проблемы взаимоотношения этих категорий. Поскольку старые материалисты были метафизиками и механистами, не видели и даже, как правило, отрицали внутренние противоречия, присущие предметам и явлениям, не могли дойти до понимания источника самодвижения материи, то они, естественно, оказались не в состоянии уяснить противоречивые взаимоотношения между содержанием и формой, в частности показать активную роль формы.

Известный вклад в решение этого вопроса внесли немецкие идеалисты — Кант и Гегель, уделявшие главное внимание выяснению активности формы. Однако исходная идеалистическая позиция привела их к тому, что соотношение содержания и формы было ими мистифицировано.

Как известно, Кант признавал существование вещей вне человека, но отвергал всякую возможность их познания. Хаос чувственных данных, по Канту, упорядочивается при помощи форм созерцания (пространство и время) и категорий рассудка (причинность, закономерность и др.), которые врождены людям, даны им независимо от всякого опыта. Метафизически неизменные логические формы рассматривались Кантом в отрыве от их материального содержания. Кант пришёл, таким образом, к идеалистическому выводу, что и форма и содержание присущи только человеку, познающему лишь свои чувственные данные, а не объективный мир.

Борясь против метафизики, не видевшей активности формы, критикуя кантовский отрыв формы от содержания, Гегель подчёркивал единство и противоречивость формы и материи, указывая, что деятельность формы есть в той же мере движение самой материи. Форма и материя, по Гегелю, взаимно предполагают одна другую. Поэтому материя должна быть оформлена, а форма должна материализоваться. Но, рассматривая материю лишь как инобытие идеи, как нечто низшее по сравнению с идеей, Гегель утверждал, что материя «есть *пассивное*, в противоположность форме как *деятельному*»¹. Это — неизбежный результат идеалистического, извращённого взгляда на мир.

Таким образом, Аристотель, поставив в общем виде вопрос о категориях, в том числе о форме и содержании, заложил некоторую основу для дальнейшей их разработки. Ценным у представителей метафизического материализма было их стремление истолковать содержание и форму, исходя из материалистической основы, но они были далеки от понимания диалектики их взаимоотношений. Гегель указал на диалектическую связь между категориями формы и содержания, в чём и заключается положительный момент в его взглядах. Однако, исходя из ложной, идеалистической основы, он не мог дать правильного решения проблемы.

Распространившийся в XIX и XX веках субъективный идеализм, влияние которого усиливалось с ростом реакционности буржуазии, пережёвывал субъективистские положения Беркли и Канта и ничего не внёс ценного в решение вопроса о форме и содержании, хотя и уделял ему немало внимания.

Неокантианцы, логические позитивисты (Кассирер, Виттгенштейн и др.) «очистили» философию Канта от признания существования «вещей в себе», заявив, что за пределами сознания, ощущений («чистого опыта») и переживаний нет ничего. Результатом этого явился полный отрыв форм мышления от его содержания, от реальных предметов и процессов внешнего мира.

По этой же линии идёт семантическая философия. Семантики отрицают связь языковой формы и содержания понятий, объявляют предметом философии схоластиче-

¹ Гегель, Сочинения, т. V, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 535.

ское оперирование языковыми, синтаксическими формами, лишёнными реального содержания.

По Карнапу, логическое суждение касается языка, языковых форм, а не объективных вещей. Логика языка объявляется содержанием философии. Превознося мир абстрактно-схоластических форм, которыми занимается семантическая философия, идеалист Айер заявляет, что всё существующее есть лишь логическое построение, лишённое материальной природы.

Идеалисты хотят уверить массы в том, что все вопросы жизни получают полное разрешение в сфере чистого мышления без каких-либо изменений в материальном бытии, где господствует буржуазия.

Как видим, ни домарксовская философия, в которой имелись ценные положения, ни, тем более, современная реакционная буржуазная философия оказались не в состоянии справиться с проблемой содержания и формы.

Только диалектический материализм смог дать подлинно научное решение этого вопроса. Он исходит из положения о том, что объективно существующий мир представляет собою бесконечно многообразную и непрестанно движущуюся и развивающуюся материю. Источником движения единого материального мира являются присущие ему противоречия. Содержание и форма присущи всем вещам и процессам действительности. *В объективном мире содержание есть внутренняя сторона предметов, представляющая собой совокупность элементов и процессов, образующих основу существования и развития вещей. Форма есть организация, структура содержания. В явлениях, относящихся к сфере сознания, форма является выражением содержания.* Поясним то и другое конкретными примерами.

В природе каждый атом имеет своим содержанием некоторое количество элементарных частиц (электронов, протонов, нейтронов), взаимодействующих друг с другом. Эти частицы расположены в определённом порядке: протоны и нейтроны образуют ядро атома, а электроны движутся вокруг ядра; в результате получается структура — форма атома, специфически характерная для каждого химического элемента.

Содержанием различных кристаллов является совокупность известных атомов, находящихся в тесной взаимосвязи, а форма представляет собою строение кристалли-

ческой решётки, в которой данные атомы расположены строго определённо относительно друг друга.

Каждое химическое вещество также обладает своей структурой, представляющей его форму.

Содержание и форма присущи и всем живым органическим телам.

«Вся органическая природа,— писал Ф. Энгельс,— является одним сплошным доказательством тождества или неразрывности формы и содержания. Морфологические и физиологические явления, форма и функция обуславливают взаимно друг друга»¹. Любой организм имеет своим содержанием присущую ему совокупность материальных элементов, клеток, органов, осуществляющих разнообразную деятельность, определённым образом функционирующих. Точно так же каждый организм имеет и определённую структуру, организацию составляющих его материальных элементов, т. е. форму. Без единства содержания и формы организм невозможен.

В общественном способе производства две его стороны — производительные силы и производственные отношения — выступают как содержание и форма, взаимосвязанные друг с другом.

Содержание каждого предприятия, учреждения заключается в конкретной деятельности составляющих его людей, а форма представлена организацией, расстановкой, соподчинением занятых в нём кадров.

Несколько иначе обстоит дело в духовной жизни. Мысль, идея есть отражение определённого содержания в голове человека, выраженное словами.

В литературном и художественном произведении отражённые в нём общественные отношения, труд, классовая борьба являются содержанием, а композиция, сюжет, язык и т. д. — формой, выражающей это содержание.

Форма не есть нечто только поверхностное в содержании предмета, нечто внешне наложенное на содержание. Конечно, у предметов имеется и внешняя форма, например пространственно-геометрическая, и она прежде всего бросается в глаза, но проявление формы этим не ограничивается. Форма внутренне присуща содержанию. Любой живой организм сформирован не только с внешней

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 247.

своей стороны. Составляющие его содержание органы, изучаемые анатомией, тоже имеют каждый свою форму. Органические клетки, из которых состоит каждый орган, тоже в свою очередь формируются, что представляет особый интерес для гистологии. В качественно различных клетках разных органов протекают специфически им присущие процессы, которые биохимически сформированы, имеют определённую структуру, взаимосвязь. Внешняя форма связана с активной деятельностью внутренне сформированного содержания, являясь его результатом.

Поясним это положение другими примерами.

Осматривая какой-либо архитектурный памятник, мы, естественно, отвлекаемся от того обстоятельства, что он сложен из составляющих его сформированных элементов — кирпичей, балок и т. д., и обращаем внимание на его непосредственно видимую архитектурную форму. Эта внешняя форма является результатом определённого сочетания многих внутренне сформированных частей. Строительный сформированный материал сам по себе, конечно, не тождествен архитектурной форме. Внешняя форма есть результат целостного содержания, состоящего из огромного количества сформированных частных элементов.

Поэтому внешняя форма вообще не тождественна внутренней форме, присущей содержанию. Например, куриное яйцо, конечно, имеет свою внутреннюю структуру (форму), как и всякое живое тело. Наряду с этим оно обладает и известной внешней формой, которая непосредственно не выражает внутреннего строения яйца. Аналогично внешняя форма любого растения, дерева не представляет собой прямого обнаружения и проявления внутренних форм, характерных для разных растительных тканей, совокупность которых составляет организм.

Связь внешней и внутренней формы с содержанием предмета имеет различный характер в различных предметах и процессах.

Следовательно, форма не есть нечто только поверхностное, но и внутренне проникающее, пронизывающее содержание, которое сформировано во всех своих элементах. Содержание и форма взаимно проникают друг друга; содержание оформлено, форма содержательна.

Вместе с этим содержание и форма не представляют собой метафизически неизменных и застывших противо-

положностей. Каждая из этих противоположных сторон, находясь во взаимосвязи с другими явлениями, может выступать то в роли формы, то в роли содержания. Например, производственные отношения являются формой для производительных сил. Если же мы возьмём производственные отношения в другой взаимосвязи, а именно как базис в его соотношении с надстройкой, то базис сам выступает в качестве содержания, объекта отражения в общественном сознании, а надстройка — в роли формы. Взятая в ином отношении форма выступает как содержание. Пирамиды, призмы, конусы и т. д. являются определёнными формами материальных тел. Но эти формы как предметы изучения становятся частью содержания науки геометрии. Точно так же форма литературного произведения может выступать в качестве содержания в литературоведческом исследовании.

Таким образом, не существует форм, не наполненных содержанием, не организующих движение и деятельность содержания, равно как не бывает содержания, не выражающегося структурно в некоторой форме. Не бывает содержания, развитие которого не вызывало бы изменений его формы, как не бывает формы, которая в свою очередь не влияла бы на развитие содержания.

Ведущая роль содержания в отношении формы

Из указанной ранее связи между содержанием и формой следует, что они взаимодействуют друг с другом, так как без этого они вообще не могут существовать. Содержанию и форме как сторонам действительности присуща активность, которая и проявляется в их взаимодействии. Но одно признание взаимодействия ещё недостаточно раскрывает суть отношений между содержанием и формой. Необходимо прежде всего выяснить, какая сторона в упомянутом взаимодействии играет главную роль, является основой.

В противоположность мнению идеалистов, диалектический материализм утверждает, что главная и определяющая роль во взаимоотношении содержания с формой принадлежит содержанию. Сперва изменяется содержание, а затем в зависимости от него изменяется и перестраивается форма. В качестве ведущего начала содержание

выступает потому, что оно представляет собою основу вещей. Движущаяся материя в её конкретном состоянии есть содержание предметов, явлений, выступающее в многообразных формах. «Материя,— писал Маркс,— является субъектом всех изменений»¹. Содержанием сознания является материальный мир, который отражается мозгом в форме восприятий, понятий и т. д. Эти идеальные формы, мысли, выражаются звучащими и написанными словами, т. е. материально. Следовательно, идеальные формы своим содержанием и внешним выражением обязаны материальному миру.

Форма не может существовать обособленно от содержания. Она не имеет особого, отдельного от содержания, субстрата. Её основанием является содержание. Поэтому естественно, что форма находится в зависимости от содержания как определяющей стороны.

Содержание предметов, явлений непрерывно развивается. Что же касается формы, то она тоже развивается, но медленнее, чем содержание. Она обладает большей устойчивостью, нежели содержание. Содержание играет определяющую роль в изменении формы. Правильность этого весьма важного положения доказывается фактами, относящимися к развитию природы, и практикой общественной жизни.

Мичуринское учение незыблемо обосновало положение о том, что развитие организмов происходит в процессе их взаимодействия с внешними условиями существования, с природной средой. Материальные элементы, составляющие организм, непрерывно реагируют на действие природных факторов, биологически важных для жизни растения или животного. Но окружающие условия могут значительно изменяться. Иной может стать пища, за счёт энергии которой поддерживается жизнедеятельность организма, и т. д. С изменением среды перестраивается и реагирование живого тела. Под влиянием изменений во внешней среде в организме могут возникнуть новые белковые вещества, может измениться характер обмена веществ, характер функционирования тела или иначе — содержание.

Вслед за изменением содержания подвергается види-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 88.

тому изменению и морфологическая структура, или форма, организма.

Морфологические изменения, т. е. изменения в структуре, строении различных органов и тканей (формы) организмов, происходят как необходимое следствие длительного, в ряде поколений изменявшегося функционирования живых материальных элементов, или содержания. Ф. Энгельс, выясняя роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, указывал, что «только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря все новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям,— только благодаря всему этому человеческая рука достигла... высокой ступени совершенства...»¹.

Таким образом, усложнявшееся функционирование руки, выполнение трудовых операций, предшествовало и явилось причиной изменения и развития её морфологического строения (формы).

Относительно развития органов речи Ф. Энгельс также отмечает ведущую роль их функционирования. «Неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась *путем модуляции* для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»².

Иначе говоря, функционирование (произнесение звуковых сигналов гортанью и органами рта) обусловило развитие структуры этих органов. То же относится и к развитию человеческого мозга.

В организмах животных воздействие меняющейся среды оказывается наиболее сильным именно на те органы, которые наиболее энергично действуют и потому подвергаются большему влиянию внешних условий. Закрепление наследственностью изменённых форм организма есть следствие развития его содержания под влиянием внешней среды.

Значение функции в изменении органических форм подтверждается и данными о строении анализаторов го-

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 133.

² Там же, стр. 134. (Курсив наш.—Ред.)

ловного мозга. И. П. Павлов отмечал, что наиболее сложную структуру в центральной нервной системе имеет тот её отдел, который непосредственно связывает организм с внешним миром. Таким отделом являются большие полушария головного мозга. Поэтому в соответствии со сложнейшей функцией, выполняемой ими, полушария имеют чрезвычайно многообразную и сложную структуру нервных элементов и их сочетаний. И. П. Павлов подчёркивал, что здесь наибольшую структурную сложность имеют нервные клетки, *воспринимающие* разнообразные раздражения извне, «тут лежит основание прогресса центральной нервной системы, который осуществляется головным мозгом...»¹. Что же касается той части анализатора, через которую возбуждение от центральной воспринимающей части идёт к исполнительному органу, то она структурно более проста, соответственно менее сложной функции.

Несостоятельность мнения, отрицающего ведущую роль содержания в отношении изменений формы, обнаруживается на примере тех биологов, которые держатся вейсманистско-морганистской теории. Основным в теории вейсманизма-морганизма является утверждение о том, что внешние материальные условия жизни не определяют изменение наследственности, которая будто бы полностью зависит от заложенных в половых клетках генов, неизменных и не участвующих в общем обмене веществ в живом теле.

Наука и практика доказали, что наследственные свойства изменяются в процессе взаимодействия между организмом и внешней средой, в котором среда играет определяющую роль. Если исключить эту роль среды, то изменения организмов приходится объяснять действиями сверхприродной, мистической силы. Вейсманизм-морганизм выступает прикрыто или открыто проводником идеализма в области биологии.

Сторонники одной из разновидностей вейсманизма — «теории» преадаптации (Дж. Гексли и др.) утверждают, что новые органические формы (виды), появляющиеся будто бы независимо от условий жизни, обладают специальной приспособленностью к определённой обстановке. Задача нового вида — найти эти условия. Так, пре-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 1, изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1951, стр. 156.

адаптисты полагают, что сперва появился, например, крот как особая органическая форма, а затем он ушёл под землю. Форма организма выступает здесь в качестве причинно необъяснимой и от материальных условий независимой мистической внутренней цели развития жизни. Отрыв формы от содержания в современной вейсманистско-морганистской биологии неотвратимо приводит к идеалистическим, теоретически реакционным и практически вредным выводам — о невозможности целенаправленного изменения живых форм, что полностью опровергается практикой сельского хозяйства.

Ведущая роль содержания по отношению к форме доказывается и данными, относящимися к развитию общественной жизни. Открытый К. Марксом закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил общества показывает особенности диалектического взаимодействия содержания и формы в общественной жизни.

Общественное производство всегда находится в движении и развитии. Это развитие начинается всегда с изменений в состоянии производительных сил, прежде всего орудий производства. Развитие производительных сил общества составляет основу, фундамент истории человечества.

Что же касается производственных отношений, т. е. формы, в которой происходит развитие производительных сил, то она изменяется в зависимости от содержания. История человечества представляет собою последовательную смену социальных форм, обусловленных развитием содержания — производительных сил. Определяющая роль последних столь велика, что К. Маркс писал о средствах труда как показателях тех общественных отношений, при которых совершается труд: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»¹.

Руководствуясь законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил, соответствия формы содержанию, Коммунистическая партия Советского Союза последовательно проводила и проводит твёрдый курс на всемерное развитие производительных сил страны, на основе чего совершаются изменения в про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2, Госполитиздат, 1955, стр. 133.

изводственных отношениях. Опираясь на созданную в ходе строительства социализма материальную индустриальную базу, партия возглавила переворот в производственных отношениях в нашей деревне путём замены частнособственнического мелкого хозяйства крупным общественным сельским хозяйством. Переход от социализма к коммунизму, к высшей ступени коммунистической формации, КПСС также prepares путём всестороннего развития производительных сил нашей страны.

Таким образом, любая область действительности подтверждает ведущую роль содержания в отношении формы.

Отставание формы от содержания

Форма обладает некоторой самостоятельностью по отношению к содержанию. Это обнаруживается уже в самом факте их взаимодействия. Если взаимосвязанные стороны активно действуют друг на друга, то естественно, что в рамках их связи имеется некоторая самостоятельность каждой из них, свои возможности влияния на другую сторону. Это общая предпосылка всякого взаимодействия и активности, она проявляется и во взаимоотношениях формы и содержания. Относительная самостоятельность формы обнаруживается в её большей устойчивости по сравнению с содержанием, которое быстрее изменяется¹. Одним из проявлений относительной самостоятельности формы является её отставание в развитии от содержания, что доказывается многими фактами из жизни природы и общества.

Изменение обмена веществ, т. е. содержания, не ведёт к немедленному, автоматическому изменению формы. Изменённое содержание некоторое время ещё облекается в

¹ Заметим, что несоответствие между формой и содержанием, проявляющееся в конкретных материальных телах и явлениях, не следует распространять на тот случай, когда категория формы употребляется для характеристики движения, пространства и времени как форм бытия материи, так как они не могут быть относительно самостоятельными в отношении материи. Движение, пространство и время не могут быть в каком-либо несоответствии с материей или хотя бы в относительной обособленности от неё. Обратное допущение открывает лазейку для идеализма, пытающегося мыслить движение, пространство и время без материи, сводя их всецело к явлениям чистого сознания.

прежнюю форму. Теория и практика выведения новых сортов растений указывают на важность создания так называемой расшатанной наследственности у растений, после чего подстановка нужных условий ведёт к формированию нового сорта. Касаясь воспитания растительных гибридов в условиях, непривычных по сравнению с теми, которые были обычными для родительских организмов, И. В. Мичурин говорил: «...организм молодого сеянца растения выталкивается, так сказать, из свойственной виду или разновидности его материнского растения колеи жизненных отправлений, лишается устойчивости формы строения и, подпадая под влияние новых условий существования, постепенно приспосабливается к ним, вырабатывает в себе новые свойства и таким образом является уже новым сортом плодового растения»¹. В основе наследственности и её изменчивости лежит обмен веществ. Расшатанная наследственность, с точки зрения биохимии, может быть объяснена именно как нарушение в слаженности прежнего типа обмена веществ. Организм с расшатанной наследственностью, сохраняющий некоторое время прежнее морфологическое строение, являет собой пример отставания формы от уже совершившихся изменений содержания.

Отставание формы от содержания обнаруживается и в общественной жизни. Современный капитализм представляет собой пример резкого отставания социальной формы от развития содержания. Производство в странах капитала уже давно приобрело общественный характер, а присвоение результатов общественного труда остаётся частным, потому что сохраняется частная капиталистическая собственность на средства производства. Трудящиеся массы подвергаются ограблению ничтожной кучкой магнатов капитала, в руках которых находятся средства производства и государственная власть. Производство при его буржуазной форме систематически наталкивается на узость и ограниченность платёжеспособного спроса со стороны живущих в нужде масс, следствием чего являются экономические кризисы. Попытки предотвращения кризисов путём гонки вооружений в конечном счёте не улучшают состояния буржуазной социальной системы,

¹ И. В. Мичурин, Сочинения в четырёх томах, т. 1, Сельхозгиз, М. 1948, стр. 345.

а ещё более обостряют её противоречия. При такой обстановке многие изобретения не получают практического осуществления либо реализуются уродливо. Всё это показывает, что буржуазные производственные отношения из форм развития производительных сил превратились в их оковы.

В условиях социализма указанная общая закономерность тоже существует в том смысле, что те или иные общественные формы отстают от развития своего содержания. Но здесь это отставание не доходит до той степени и не приводит к тем результатам, которые присущи капитализму. Это объясняется тем, что в советском обществе при отсутствии антагонистических классов нет организованной реакционной социальной силы, непосредственно заинтересованной в сохранении устаревших форм общественной жизни. Косные или активно противодействующие новому элементы, не понимающие необходимости изменения устаревших форм, оказываются не в состоянии надолго задержать изменение устаревших форм в соответствии с развившимся содержанием. Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство располагают достаточными средствами для того, чтобы своевременно изменять устаревшие формы, не допуская их резкого отставания.

Приведём примеры. Производительные силы, являясь наиболее подвижным и революционным элементом производства, и в условиях социализма идут впереди производственных отношений. Это отставание производственных отношений от уровня развития производительных сил получает различные конкретные проявления. Например, существующая сейчас промысловая кооперация во многих отраслях своей кооперативной формой собственности уже отстала от развившегося в ней содержания. Июльский Пленум ЦК КПСС (1955 г.) в своём постановлении отметил, что «в настоящее время многие отрасли промысловой кооперации перестали носить характер кустарно-кооперативного производства и по существу не отличаются от предприятий государственной промышленности союзных республик, получая от государства необходимое оборудование и сырьё для производства»¹. На основе

¹ «Постановления июльского Пленума ЦК КПСС 1955 года», Госполитиздат, М. 1955, стр. 19.

этого июльский Пленум ЦК КПСС признал целесообразным провести реорганизацию промышленной кооперации, предусмотрев передачу в государственную промышленность артелей, переставших носить характер кооперативного производства.

По мере роста и развития промышленности, сельского хозяйства и культурного обслуживания народа объём работы по планированию народного хозяйства и культуры всё более расширялся. В послевоенный период встала необходимость сочетать план развития нашей страны с экономическими запросами стран народной демократии и возросшим устойчивым товарообменом внутри социалистического лагеря. Одновременно с огромным размахом хозяйства и культуры СССР всё более неотложными становились задачи определения перспектив планового развития экономики как отдельных союзных республик, так и всего Советского государства в целом на относительно длительные сроки. Естественно, что в связи со столь огромным усложнением содержания плановой работы и потребностями дальнейшего её развития имевшаяся у нас форма её организации, структура плановых органов оказалась отставшей от содержания, что могло отрицательно сказаться на государственной деятельности и росте хозяйства и культурного строительства СССР. Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР решили реорганизовать структуру плановых органов, поручив текущее планирование Государственной экономкомиссии, а перспективное — Госплану СССР.

Соотношение содержания со старыми и новыми формами

Относительная самостоятельность формы проявляется весьма многообразно. Она сказывается, в частности, в том, что одна и та же форма может быть использована различным и даже противоположным содержанием.

Колхозы являются социалистической формой сельскохозяйственного производства. В первые годы коллективизации в ряде районов ещё не разоблачённые антисоветские элементы пытались использовать эту форму для борьбы против социализма. Они шли в колхозы с целью создать внутри колхозов контрреволюционные гнёзда,

стремились подорвать колхозы изнутри. «Колхозы без коммунистов» — вот лозунг, который выдвигался тогда антисоветскими элементами. Поэтому действительное укрепление и развитие колхозной формы могло происходить лишь при условии, когда колхозы служат не интересам кулаков, а интересам укрепления социалистического производства, т. е. при сочетании колхозной формы с новым, социалистическим содержанием.

Использование одной и той же формы разным содержанием вовсе не означает одинакового соотношения между формой и содержанием в каждом из различных случаев. Если новая форма используется старым содержанием, то результатом является сразу же возникающий острый конфликт между содержанием и формой, ведущий к разрушению последней, так как обнаруживается резкое несоответствие между формой и содержанием. Если новая форма служит новому содержанию, то имеющееся между ними соотношение является одним из условий их прогрессивного развития.

Широкое распространение в жизни имеет использование разных форм сходным, однотипным содержанием.

Многообразие форм, используемых сходным содержанием, часто встречается в политической жизни общества. Политические функции государства, его деятельность, направленные на сохранение и упрочение экономического строя, соответствующего интересам господствующего в обществе класса, являются его содержанием как части надстройки. Характер экономического строя и господствующего класса определяет тип государства. Но в пределах одного и того же типа государства истории известны разнообразные формы правления, формы организации государства. В. И. Ленин подчёркивал, что формы государств были разнообразными в рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществах (республики, олигархии, монархии).

Однако и здесь нет безразличия конкретного содержания по отношению к форме. Для периода феодализма, например, наиболее характерной и распространённой была неограниченная монархия, а республиканская форма нашла в то время весьма ограниченное применение. В эпоху домонополистического капитализма широкое распространение получили буржуазные республики и конституционные монархии, что соответствовало экономике, где господ-

ствовала свободная конкуренция собственников-буржуа. В период империализма, когда установилось господство магнатов капитала и одновременно обнаруживается неустойчивость и распад капиталистической системы, буржуазией взят курс на урезывание и отмену демократии, курс на фашизацию капиталистических государств. Однако реакционные тенденции буржуазии к фашистским порядкам встречают сопротивление со стороны широких трудящихся масс, стремящихся использовать демократические порядки для организации своих сил и победы над капиталом. Поэтому формы государства во многом зависят и от соотношения классовых сил в обществе.

Многообразие государственных форм относится и к периоду диктатуры рабочего класса. В. И. Ленин писал: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»¹.

Образование народной демократии в ряде стран наряду с советской государственной формой в СССР подтвердило на практике ленинское теоретическое предвидение.

Некоторые различия в формах диктатуры рабочего класса в странах народной демократии в Европе и в Азии, а также их отличия от советской формы обусловлены особенностями социально-исторического развития, спецификой, обстановкой деятельности государственной власти в каждой из этих стран.

Остальные страны неизбежно совершат переход от капитализма к социализму. Но в силу своеобразия внутренних и внешних условий формы этого перехода, естественно, будут различными. Бесспорным является то, что коренное, качественное превращение общества — переход от капитализма к социализму — не может быть осуществлено иначе, как только путём социалистической революции. Это резко отличает марксистско-ленинскую точку зрения от оппортунизма, который отрицает необходимость революции.

Содержание социалистической революции заключается в установлении новой власти — диктатуры пролетариата взамен диктатуры буржуазии, в ликвидации капиталисти-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 385.

ческих и установлении социалистических производственных отношений. Однако конкретные формы данного революционного процесса могут быть различными. В решениях XX съезда партии отмечено: «Вполне закономерно, что формы перехода стран к социализму в дальнейшем будут все более разнообразными. При этом не обязательно, что осуществление форм перехода к социализму при всех условиях будет связано с гражданской войной. Ленинизм учит, что господствующие классы добровольно власти не уступают. Однако большая или меньшая степень остроты классовой борьбы за переход к социализму, применение или неприменение насилия при этом переходе зависит не столько от пролетариата, сколько от степени сопротивления эксплуататоров воле подавляющего большинства трудящихся, от применения насилия самим классом эксплуататоров»¹.

Таким образом, социалистическая революция осуществляется либо в форме вооружённой борьбы, либо мирным путём, без вооружённого восстания и гражданской войны. XX съезд партии указал на возможность использования в некоторых странах парламентского пути для завоевания власти пролетариатом.

Объясняется эта возможность современными, новыми условиями на международной арене и внутри буржуазных стран. Теперь существует и всё более укрепляется могучий лагерь социализма, охватывающий более одной трети всего человечества, и его влияние на международную жизнь и на настроение масс во всём мире неуклонно растёт. В капиталистических странах везде существуют марксистско-ленинские партии, авторитет которых в среде широких народных масс непрерывно возрастает, а сами партии закаляются в борьбе. Укрепляется единство рабочего класса. Капиталистическая система ослабляется, становится всё менее устойчивой. Распадается колониальная система империализма.

Монополистический капитал несёт рабочему классу невиданный рост обнищания, налогового бремени, вызванного в значительной мере гонкой вооружений, массовой безработицей и ростом эксплуатации; крестьянство неуклонно разоряется вследствие политики цен на сель-

¹ «Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1956, стр. 10—11.

скохозяйственную продукцию, проводимой монополиями, вследствие налогов и конкуренции крупного производства; всё это создаёт и расширяет массовую базу для социалистических преобразований в капиталистических странах.

Массы выступают против реакционной буржуазии потому, что она ведёт антидемократическую политику, урезывая права народа, потому что она предаёт и продаёт национальную независимость за поддержку монополистами США её собственных антинародных устремлений, наконец, потому, что империалисты выступают в роли поджигателей новой войны, которую народы с негодованием отвергают.

В таких условиях коммунистические партии имеют реальную возможность сплотить вокруг себя широчайшие народные массы и, борясь против монополистического капитала, получить прочное большинство в парламенте. Завоевав прочное большинство в парламенте, коммунистические партии смогут установить новую, пролетарскую власть и осуществить обобществление, национализацию средств производства, приступить к строительству социализма. Конкретный ход событий зависит от условий в каждой стране и от степени сопротивления буржуазии.

Таким образом, серьёзные изменения в расстановке классовых сил, т. е. в содержании политической жизни на нынешнем историческом этапе, обуславливают возможность для некоторых капиталистических стран мирного, в том числе и парламентского, пути к социализму.

Строительство социализма и коммунизма, созидание нового по своему содержанию общественного строя породило и многообразие новых общественных форм.

Наряду с новыми формами при социализме довольно широко используются новым содержанием и старые формы в разных областях хозяйственной и общественно-политической деятельности.

В. И. Ленин писал: «У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание работы (за Советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно проявить себя в любой форме, и новой и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы, не только новые, но и старые,— не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать

орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»¹.

Возможность и даже необходимость использования старых форм новым содержанием при социализме обусловлены тем, что довольно длительное время после победы социалистической революции сохраняются некоторые экономические явления, унаследованные от прошлого. Социалистическая революция не может, например, сразу уничтожить товарное хозяйство, так как ещё не созданы для этого необходимые объективные экономические условия. Поэтому общество, уничтожив эксплуатацию человека человеком, построив социализм, сохраняет такие экономические формы, как товарный обмен и неразрывно связанные с ним деньги, банки и т. д., используя их для укрепления социалистического хозяйства. Но эти формы наполнились новым содержанием в смысле классового характера и цели деятельности, которая в них совершается.

Надо, однако, иметь в виду, что в условиях социализма нет и быть не может использования без разбора всех старых общественных форм. Этот вопрос решается в каждом случае конкретно, с учётом реальной обстановки и потребностей коммунистического строительства.

Использование старых экономических и других форм в процессе строительства коммунизма имеет временный характер. Когда новое, коммунистическое производство достигнет достаточно высокого уровня, в связи с чем установится единая общенародная собственность на все средства производства, тогда и старые экономические формы — товарный обмен, деньги, кредит, банки — отпадут и заменятся иными формами, соответствующими условиям высшей фазы коммунизма.

Временное использование старых форм новым содержанием имеет место и в природе, о чём свидетельствуют уже приводившиеся ранее факты в разделе об отставании формы от содержания.

Процесс обобщённого отражения внешнего мира, выражаемый в словесной форме, также характеризуется тем, что изменяющееся содержание понятий может облекаться в старую словесную форму. Мы употребляем слова «прибыль», «заработная плата», «рабочий класс», «кре-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 83.

стьянство» и т. д., которые существовали в языке и до победы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма в СССР, но содержание понятий, выражаемое этими словами, изменилось коренным образом. Следовательно, временное использование некоторых старых форм в развитии содержания есть общая закономерность.

В некоторой связи с рассмотренными положениями находится вопрос о переходных формах, которые при определённых условиях порождаются жизнью. Они характеризуются сочетанием элементов качественно различных форм в едином целом, что соответствует специфике содержания в каждом конкретном случае.

Переходные формы имеются в природе. Организм с расщеплённой наследственностью и проявившимися частичными новообразованиями можно отнести к переходной форме; в зависимости от конкретных внешних условий существования он может стать новым видом, или сортом, а при иных условиях упрочит прежнюю наследственность.

Переходной формой в своё время была сельская община, в которой одновременно переплетались и общественная и частная собственность на средства производства. Но в противоположность полусоциалистическим кооперативам в странах народной демократии сельская община в совершенно иных исторических условиях была «переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»¹.

Примером современной переходной формы в общественной жизни являются сельскохозяйственные кооперативы полусоциалистического типа, имеющие место в ряде стран народной демократии. В них переплетается коллективное, общественное использование средств производства с сохранением частной собственности на некоторые средства производства и прежде всего на землю. В связи с этим и распределительные отношения строятся так, что часть дохода член кооператива получает за личное участие в общественном производстве в соответствии с социалистическим принципом оплаты по труду, а другую часть дохода он получает за свой земельный пай, т. е. уже как частный собственник земли.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, 1935, стр. 695.

Такая переходная полусоциалистическая форма кооперации развивается в направлении социалистической формы производственных кооперативов высшего типа.

Как видим, тенденция развития переходных общественных форм определяется социально-историческими условиями, среди которых важнейшую роль играет господствующая и ведущая в данном обществе непереходная форма собственности.

Следует подчеркнуть, что переходные формы не только сложны, но и сами по себе весьма противоречивы, что отражает противоречия и в содержании. Поэтому переходные формы характеризуются меньшей исторической устойчивостью, чем непереходные. Это отражено и в самом названии.

Развитие через переходные формы — не общее правило. При определённых условиях переход к иной, резко отличающейся форме может происходить без переходных форм. Так, например, частная собственность империалистов и компрадорской буржуазии была превращена в Китайской Народной Республике в социалистическую собственность непосредственно, а собственность национальной буржуазии превращается в социалистическую собственность при использовании такой переходной формы, как государственно-частные предприятия.

Таким образом, диалектика взаимоотношений содержания и формы проявляется и усложняется тем, что одна и та же форма в течение какого-то времени может воплощать в себе разное содержание, и тем, что сходное содержание может использовать разные формы в процессе своего развития.

Противоречивость взаимоотношений между содержанием и формой

Уже из рассмотренных ранее положений о том, что в развитии содержанию принадлежит ведущая роль, что движение формы несколько отстаёт от изменений содержания, что в силу ряда конкретных условий развивающееся содержание вынуждено использовать временно одну и ту же форму, либо сходное содержание вынуждено облечься в разные формы, можно сделать вывод, что

между содержанием и формой в процессе развития возникает несоответствие.

Заметим, что противоречие между формой и содержанием не может быть вскрыто, если предметы, явления и присущие им стороны рассматриваются вне их движения, как бы в застывшем состоянии. Энгельс указывал, что противоречия обнаруживаются лишь тогда, когда к предметам и явлениям подходят диалектически, т. е. берут их в движении и развитии¹. Это указание Энгельса имеет прямое отношение и к исследованию содержания и формы. Только при этом условии получается правильное понимание развивающихся противоречий между указанными категориями.

В процессе развития форма и содержание выступают как диалектические противоположности, взаимно обуславливающие друг друга.

В. И. Ленин характеризовал соотношение между формой и содержанием как одно из существенных проявлений всеобщего закона единства и борьбы противоположностей. Излагая в «Философских тетрадах» известные 16 элементов диалектики, Ленин в пункте 9 писал: «...не только единство противоположностей, но *переходы* каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое [в свою противоположность?]", а в пункте 15: «...борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания»². А затем В. И. Ленин отмечал, что пункт 15 есть пример 9-го, т. е. упомянутого основного закона материалистической диалектики.

Объективное диалектическое развитие всех явлений в природе и в общественной жизни имеет своим следствием то, что всякое равновесие, соответствие между отдельными предметами, между сторонами внутри каждого предмета, а также и между формой и содержанием лишь весьма относительно и временно. Метафизически застывшего и абсолютного соответствия «не может быть в развитии природы, как и в развитии общества...»³.

Известно, что соответствие между производительными силами и производственными отношениями при социа-

¹ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 113.

² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 193.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 312.

лизме нельзя понимать в абсолютном смысле слова, так как неравномерное развитие двух сторон способа производства и в условиях социализма порождает возникновение некоторых несоответствий между ними. Зарождение и развитие противоречий и «борьба» между содержанием и формой как в общественной жизни, так и в развитии природы, суть проявления всеобщего закона развития путём борьбы противоположностей. Однако характер противоречия между содержанием и формой, степень его развитости, способы его разрешения в каждом отдельном случае своеобразны; всё зависит от конкретных внутренних и внешних условий.

«Борьба» содержания с формой является одной из движущих сил развития вещей и явлений и перехода их в новые качественные состояния. Однако, чтобы избежать излишне узкого и одностороннего понимания источников развития вещей, надо иметь в виду то, что «борьба» между содержанием и формой всегда развёртывается в определённых условиях. Изменение содержания неизбежно связано с более или менее резкими колебаниями этих условий, чего нельзя упускать без риска грубого и одностороннего упрощения сложного процесса развития бытия.

Для выяснения некоторых общих и частных моментов в многообразных проявлениях противоречий между содержанием и формой обратимся к рассмотрению конкретных примеров.

Ранее мы уже приводили современные капиталистические производственные отношения в качестве примера резкого отставания экономической формы от развития производительных сил и отмечали, что эта устаревшая форма сильно тормозит развитие содержания. Но так было не всегда. На первых этапах развития капиталистического способа производства имелось соответствие между его содержанием и формой, и капитализм довольно быстро прогрессировал. Но означает ли это, что в то время не было противоречия между экономической формой и производительными силами? Конечно, не означает. Противоречие было, но недостаточно развитое. Со временем оно всё более обострялось и теперь достигло особо высокой степени. Это противоречие по своему характеру является антагонистическим. Рабочий класс, будучи главной производительной силой, вступил в борьбу с классом

буржуазии, являющимся организатором и защитником капиталистических производственных отношений, без уничтожения которых невозможно освобождение рабочих от эксплуатации и гнёта.

В условиях современного капитализма борьба между развивающимся содержанием и устаревшей формой проявляется во всех сферах общественной жизни. Она не ограничивается экономическими отношениями, но захватывает и область государственной политики и идеологии. Это объясняется тем, что буржуазная надстройка всеми средствами стремится продлить существование устаревших производственных отношений.

При резком отставании формы от содержания её действие оказывается направленным противоположно развитию содержания; форма превращается в тормоз. Однако упомянутое превращение старой формы в тормоз развития содержания не следует излишне абсолютизировать. Так, в современных капиталистических странах вследствие конкурентной борьбы монополий и соперничества держав в вооружениях в отдельных отраслях производства имеется и некоторый, нередко значительный технический прогресс. Но тенденция торможения развития производительных сил, на которую указывал В. И. Ленин, сказывается всё более сильно.

На современной стадии антагонистическое противоречие между содержанием и формой способа производства выступает в виде острого конфликта между ними. Чтобы разрешить этот конфликт, необходима пролетарская революция, которая осуществляет коренной общественный переворот, создаёт новую социальную форму, способствующую дальнейшему развитию содержания. Содержание после этого тоже качественно изменяется.

Следовательно, развитие антагонистических противоречий между содержанием и формой приводит со временем к тому, что противоположные стороны оказываются в резком несоответствии друг с другом во всех отношениях и их «борьба» доходит до острого конфликта, результатом чего в конце концов является сбрасывание, уничтожение старой формы; содержание облекается в новую форму, само подвергаясь затем переделке.

Антагонистический характер противоречия, превращение его в острый конфликт и революционное уничтожение

старой формы присущи обществу с враждебными классами и, в частности, капитализму. Но такое направление развития и разрешение противоречий между формой и содержанием не характерны для социалистического общества.

В условиях социализма имеются неантагонистические противоречия между формой и содержанием, которые могут находиться на разных уровнях своего развития. Однако между ними не устанавливается резкого несоответствия во *всех* коренных отношениях, как это имеется в условиях капитализма. Это объясняется тем, что в социалистическом обществе, при отсутствии антагонистических классов, общественные формы и, как правило, отдельные их стороны постепенно изменяются, приспосабливаются к потребностям строительства коммунизма.

Возьмём в качестве примера формы распределения при социализме, характеризующиеся принципом оплаты по труду. Распределительные отношения — существенный элемент в совокупности производственных отношений, они являются частью, стороной экономической формы.

Принцип оплаты по количеству и качеству труда соответствует общественному характеру социалистического производства и весьма способствует его развитию. Однако те или иные конкретные формы реализации этого принципа нередко оказываются в несоответствии с потребностями дальнейшего развития производства, с ростом производительных сил советского общества. И это объясняется прежде всего непрерывным изменением содержания, изменением соотношений взаимосвязанных экономических факторов, ростом техники, производительности труда, изменением себестоимости отдельных частей общественного продукта и другими моментами.

Коммунистическая партия и Советское правительство не раз изменяли нормы выработки и заработную плату ряда категорий рабочих и служащих, изменяли заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, снижали цены на товары народного потребления и т. д., заботясь о повышении общественного производства и материального благосостояния трудящихся. Это осуществлялось тогда, когда замечались несоответствия между потребностями развития производства и конкретными проявлениями распределительных отношений.

Например, в настоящее время есть несоответствие между организацией оплаты труда некоторых категорий хозяйственных работников и потребностями ускорения роста производительности труда и общественного производства в некоторых отраслях социалистического хозяйства. Существующая организация оплаты труда в ряде случаев недостаточно заинтересовывает хозяйственных работников во всемерном улучшении производства, в быстрейшем использовании передового опыта и техники и т. д. Твёрдые ставки оплаты некоторых работников, не сочетающиеся с ощутительными премиальными надбавками в соответствии с перевыполнением экономических показателей, явно сдерживают развитие производственной инициативы. Нередко премиальная система оплаты труда применяется односторонне и узко. Например, конструктор внедрил предложение, значительно улучшающее качество продукции, в результате чего получается большой экономический эффект в общественном хозяйстве, что равнозначно повышению производительности общественного труда.

Если же производство этой высококачественной продукции на данном заводе будет требовать тех же затрат, которые были до реализации предложения, то конструктор, как правило, материального поощрения не получает. Иначе говоря, улучшение качества продукции без удешевления себестоимости производства не получает поощрения. Такой подход к материальному поощрению конструкторов находится в противоречии с потребностями повышения качества продукции, в котором заинтересован весь советский народ. Это лишь отдельный пример, показывающий необходимость совершенствования и приведения конкретных сторон экономической формы в соответствие с развитием содержания.

В решениях XX съезда КПСС этот вопрос поставлен как одна из очередных задач партии: «...В целях быстрейшего устранения недостатков в организации труда и заработной платы и усиления личной материальной заинтересованности работников в результатах своего труда:

обеспечить широкое внедрение в производство технически обоснованных норм выработки, соответствующих современному уровню техники и организации производства...

упорядочить заработную плату отдельных категорий инженерно-технических работников и служащих; ликвидировать множественность систем и разноречивость в условиях оплаты труда инженерно-технических работников и служащих;

повысить роль премирования в деле стимулирования внедрения новой техники, роста производительности труда и снижения себестоимости продукции»¹.

Противоречия, связанные с распределительными отношениями, относятся лишь к одной стороне социальной формы. Они разрешались и будут разрешаться планово, путём соответствующих мер КПСС и правительства.

В послевоенные годы у нас сложилось противоречие между возросшей техникой сельского хозяйства и ограниченными возможностями её использования мелкими колхозами. Здесь было противоречие не между общественной собственностью в целом и производительными силами вообще и даже не между колхозной собственностью как особой формой социалистической собственности и производительными силами, а противоречие между последними и конкретным проявлением, уровнем развития колхозной собственности.

Партия своевременно заметила назревшее противоречие и разрешила его путём усовершенствования, дальнейшего развития формы, укрупнив колхозы. Произошло изменение формы организации кооперативно-колхозной собственности. В настоящее время эта форма способствует развитию производительных сил социалистического сельского хозяйства. Задача заключается в том, чтобы всемерно укреплять, организационно и хозяйственно, наши колхозы, на что и указали постановления Пленумов ЦК КПСС, прошедших в 1953—1955 гг., и о чём сказано в «Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР».

В дальнейшем, при переходе от социализма к коммунизму, как отмечал И. В. Сталин, назреет необходимость установить единую общенародную коммунистическую собственность на все средства производства. Кооперативно-колхозная форма собственности будет под-

¹ «Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы», Госполитиздат, 1956, стр. 51.

нята до уровня общенародной собственности и сольётся с последней.

В условиях социализма правилом является постепенное отмирание или коренное изменение отдельных сторон формы, в результате чего со временем происходит её многостороннее существенное преобразование. И все эти изменения формы проводятся без социальной революции, постепенно при организующем и направляющем руководстве КПСС.

Исходя из диалектики формы и содержания, партия систематически изменяет и улучшает формы собственной организации. При этом партия и здесь подмечает обнаружившиеся противоречия между значительно разросшимся или изменившимся содержанием, деятельностью партии и условиями этой деятельности, с одной стороны, и прежними её формами — с другой.

В резолюции X съезда партии было записано:

«1. Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов её работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают.

2. С этой точки зрения понятно, что всякая организационная форма и соответствующие методы работы могут с изменением объективных условий развития революции превратиться из форм развития партийной организации в оковы этого развития; и обратно, сделавшаяся негодной организационная форма может снова стать необходимой и единственно целесообразной при возрождении соответствующих объективных условий»¹.

В мрачную пору царизма партия большевиков вынуждена была применять строжайшую конспирацию и временно воздерживаться от широкой выборности руководящих лиц в местных партийных организациях.

После свержения царизма партия последовательно проводит принцип демократического централизма, сфор-

¹ «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, Госполитиздат, 1954, стр. 516.

мулированный в Уставе, принятом VI съездом партии в 1917 г. Но методы строгой конспирации и ограничения принципов демократизма, естественно, пришлось вновь применять в годы Великой Отечественной войны тем парторганизациям, которые работали на территории, временно оккупированной фашистскими войсками.

История КПСС богата крутыми изменениями общественно-политических условий деятельности партии, в связи с чем вносились соответствующие изменения в Устав. Перелом, крутой поворот в развитии, указывал В. И. Ленин, «...неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием»¹. Это относится и к историческому ходу развития партии. Разумеется, развитие противоречий между формой и содержанием здесь никогда не доходило до конфликта.

Улучшение форм в партийной жизни явится и впредь предметом внимания нашей партии. В резолюции XX съезда КПСС сказано: «Съезд поручает Центральному Комитету продолжать работу по совершенствованию организационной структуры и форм деятельности партийных и советских органов в соответствии с изменяющейся обстановкой»².

Таким образом, подытоживая сказанное о противоречивых взаимоотношениях содержания и формы в разных условиях, можно отметить следующее: в общественной жизни противоречие между формой и содержанием достигает уровня острого конфликта лишь при антагонистическом характере самого противоречия и при резком отставании формы от развития содержания. Следовательно, если развивающееся противоречие между формой и содержанием является постоянным фактом в развитии, то конфликт между ними существует не всегда, а лишь при определённых исторических условиях.

В обществе без враждебных классов противоречия между содержанием и формой в общественных явлениях имеют неантагонистический характер, они не вырастают до социальных конфликтов и разрешаются планомерными действиями масс под руководством марксистско-ленинской партии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 392.

² «Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза», стр. 22.

Форма — активная движущая сила развития содержания

Из всего предшествовавшего изложения следует, что наличие соответствия или, наоборот, несоответствия формы содержанию весьма важно для развития последнего. Только при условии соответствия формы содержанию развитие предмета, общественного строя может осуществляться наиболее успешно и быстро. Когда между указанными сторонами имеется соответствие, то это значит, что форма удовлетворяет потребностям развития содержания, способствует движению вперед и выступает в качестве важной движущей силы прогресса.

Успехи, достигнутые нашей страной за годы Советской власти, свидетельствуют об огромном значении социалистических производственных отношений в коммунистическом строительстве. За последние 26 лет (1929—1955) СССР, несмотря на огромный урон, причинённый войной, увеличил производство более чем в 20 раз, в то время как США при весьма благоприятных условиях подняли производство немногим более чем в два раза, а Англия, Франция, Италия не достигли и удвоения объёма производства.

Такие успехи нашей промышленности в значительной мере обуславливаются активным действием социалистических производственных отношений как особой социальной формы.

Социалистический строй придал труду непосредственно общественное значение, как труду не только на себя, в узком смысле слова, но как труду на общество, членом которого, как коллективного хозяина производства, является каждый советский человек. Советские люди знают, что от производительности их труда зависит общественное и личное благополучие всех трудящихся нашей страны. Благодаря этому у нас труд стал делом высоко почётным.

В связи с тем, что трудящиеся сами заинтересованы в повышении технического уровня производства, в условиях социализма открыты широчайшие возможности роста производительных сил, каких не могло быть во всех досоциалистических формациях в истории человечества.

Принцип оплаты по труду неразрывно связан с личной материальной заинтересованностью работников в ре-

зультатах своего труда. Исключительную важность личного материального интереса для успехов производства особо подчёркивал В. И. Ленин. В соответствии с ленинскими указаниями ЦК КПСС и правительство практически решают очередные вопросы, касающиеся оплаты труда рабочих и колхозников.

Мы уже приводили в качестве примера решение XX съезда КПСС по вопросам заработной платы рабочих и служащих. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров Союза ССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» (1956 г.) устраняет недочёты в осуществлении принципа оплаты по труду и личной материальной заинтересованности колхозников, имевшиеся ранее, и устанавливает важный стимул повышения производительности труда в колхозах.

Для того чтобы влияние производственных отношений социализма, как социальной формы, на развитие содержания — производительных сил — было действенным, требуется внимательное изучение процессов, совершающихся в советском обществе, и устранение частичных несоответствий, которые могут образовываться.

И здесь сказывается огромная роль такой надстроечной формы, как наше Советское государство, являющееся главным орудием построения коммунизма.

Советское государство всемерно укрепляет социалистический экономический базис, охраняет социалистическую общественную собственность от расхитителей. Оно упрочивает отношения сотрудничества и взаимопомощи между трудящимися Советской страны, проводя политику, направленную на укрепление трудового и политического сотрудничества между рабочим классом и крестьянством, а также и между трудящимися различных социалистических наций в СССР. Советское государство непрерывно совершенствует конкретные соотношения и нормы при осуществлении принципа оплаты по труду.

Одновременно с этим оно проводит огромную работу по планированию общественного производства в целях непрерывного роста производства и повышения материального и культурного уровня советского народа.

Социалистическое государство направляет развитие нашей науки и создаёт для неё необходимые благоприят-

ные условия, что исключительно важно для прогресса в производстве и для ускорения всего процесса строительства коммунизма.

Располагая широчайшей сетью культурно-воспитательных учреждений, начиная от детских яслей до высших учебных заведений, организуя издание книг, направляя работу театров, кино, радиовещания и телевидения, социалистическое государство осуществляет воспитание строителей коммунизма.

Существенное значение соответствия формы содержанию мы можем видеть и на таком примере. Не раз уже отмечалось, что, несмотря на большой размах строительства жилищ, культурно-бытовых учреждений и предприятий в нашей стране, работа эта далеко не удовлетворяет растущих потребностей населения. Одной из причин, тормозящих строительство, является раздробленность его по мелким и слабосильным строительным организациям, которые не могут в должной мере использовать предоставленную им технику, материалы и т. д.

Когда в некоторых городах по указаниям партии была изменена организационная структура, форма в области строительства, это сразу дало положительный производственный эффект. «Опыт концентрации и укрупнения строительных организаций сначала в Москве, а затем в Ленинграде и Киеве,— говорил Н. С. Хрущев,— дал очень хорошие результаты. Надо смело и решительно распространять этот опыт и в других республиках и городах, в различных отраслях хозяйства»¹. Это и нашло отражение в решениях XX съезда КПСС.

Всё это показывает, насколько практически важно установление соответствия между формой и содержанием.

Необходимость соответствия между содержанием и формой объективно диктуется потребностями развития содержания. Любая конкретная форма существует лишь до тех пор, пока она полностью или в какой-то мере находится в соответствии с содержанием, даёт простор его развитию и помогает ему или в крайнем случае допускает хотя бы ограниченную возможность развития содержа-

¹ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 91.

ния. Чем менее форма соответствует содержанию, тем более она приближается к своей гибели. В случае образовавшегося резкого несоответствия между формой и содержанием старая форма в конце концов сбрасывается и заменяется новой, которая соответствует развившемуся содержанию и обеспечивает его дальнейший прогресс и существование.

Развитие любого содержания имеет тенденцию к порождению соответствующей ему формы. Эта тенденция к установлению соответствия между содержанием и формой есть общий закон, которому подчиняется развитие природы и общества.

Борьба КПСС против антимарксистских извращений в понимании соотношения содержания и формы

Из всего предшествующего изложения видно, что категории содержания и формы и их взаимоотношения представляют не только теоретический интерес, но и теснейшим образом связаны с актуальными вопросами политики Коммунистической партии. Поэтому вполне естественно, что понимание этих категорий и практические выводы из него, делаемые разными политическими течениями, стали предметом весьма острой теоретической и политической борьбы, в которой Коммунистическая партия последовательно отстаивала позиции диалектического и исторического материализма, громя различных идеалистов и механистов, прикрывавшихся флагом марксизма. В этой борьбе марксизму-ленинизму противостояли не только противники внутри нашей страны, но и оппортунисты за рубежом, которые и сейчас выступают в защиту своих антимарксистских положений.

Для оппортунистов характерны два вида извращений в понимании соотношений формы и содержания. Первый заключается в недооценке активной роли формы, в результате чего форма оценивается как нечто пассивное, автоматически следующее за движением содержания. На основе этого делался вывод об отсутствии противоречий между формой и содержанием. Извращением другого рода является отрыв формы от содержания и представление о том, что развитие формы не обусловлено изменениями в содержании. На практике имелось и сочетание обоих извращений.

Из этих ложных теоретических положений оппортунисты делали свои практические выводы, которые мы рассмотрим на конкретном материале.

Ещё на II съезде РСДРП меньшевики стремились умалить значение организационной формы партии, закрепляемой в Уставе. Они утверждали, что форма не имеет существенного значения для партии, что форма автоматически вырастает параллельно развитию содержания — деятельности партии. Такая точка зрения выдвигалась как теоретическое обоснование попыток превратить партию в нечто рыхлое и организационно неформальное, что облегчило бы отступление к прежней кружковщине и кустарничеству.

В работе «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин показал, что к содержанию деятельности партии относится широкий размах теоретической работы, разносторонняя пропаганда и агитация в массах рабочих и других трудящихся, руководство народными движениями, демонстрациями и стачками, сплочение вокруг пролетариата непролетарских слоёв и т. д. В. И. Ленин указал, что развитию этого содержания мешала неразвитость и непрочность формы, т. е. организации партии, благодаря чему происходил застой в партийной работе. Он вскрыл меньшевистский оппортунизм в организационных вопросах, отметил поддержку меньшевиков со стороны оппортунистов II Интернационала и развил стройное марксистское учение об организационных основах партии революционного рабочего класса.

Позднее Коммунистическая партия вела борьбу против оппортунистов II Интернационала, которые для оправдания своей политики также прибегали к механистическому принижению роли формы в общественной жизни. Они заявляли, что если производственные отношения (форма) в своём движении автоматически следуют за развитием производительных сил (содержания), то значит, формирование социалистического экономического базиса осуществится тоже автоматически, когда производительные силы вырастут до некоторого высокого уровня. А поскольку рост производительных сил при капитализме происходит стихийно, то пролетариату надо терпеливо ждать того времени, когда капитализм стихийно и плавно перерастёт в социализм.

Как видим, из механистического понимания соотношений формы и содержания следуют выводы, обрекающие пролетариат на пассивность и покорность буржуазии.

Коммунистическая партия нанесла сокрушительный удар по всем подобным «теориям» и доказала необходимость революционного уничтожения буржуазной социальной формы и ликвидации эксплуататорских классов на путях пролетарской революции и диктатуры рабочего класса.

Ставка бухаринцев на самотёк в строительстве социализма в нашей стране также означала отрицание активной роли таких общественных форм, как Советское государство, Коммунистическая партия, что было направлено на поддержку капиталистических классов, на реставрацию капитализма.

Партия отбросила все эти враждебные ленинизму взгляды, показав, что победу социализма надо завоевать активной деятельностью государства, партии, как силы, возглавляющей созидательное творчество народных масс.

Бытовавшее у нас в недавнем прошлом утверждение об абсолютном соответствии производственных отношений производительным силам и об отсутствии всяких противоречий между ними в условиях социализма теоретически коренилось в непреодоленном до конца механистическом понимании взаимоотношений между формой и содержанием.

Исходя из правильного, марксистского понимания диалектики формы и содержания, КПСС вела борьбу и против меньшевистствующих идеалистов типа Рубина, Карева и других, которые поставляли философские «основы» для вылазок троцкизма против марксизма-ленинизма и политики большевистской партии.

Вслед за философами-идеалистами они толковали о главенстве и самостоятельности формы по отношению к содержанию. В соответствии с этим они писали, что социалистические производственные отношения могут развиваться независимо от производительных сил, что, следовательно, производственные отношения могут быть произвольно изменяемы.

Исходя из этого, троцкисты предлагали приступить к ликвидации кулачества, а тем самым к коренному изменению производственных отношений в деревне в 1926 г.,

когда для такого переворота ещё не было необходимых объективных условий. Враждебные предложения троцкистов были в своё время разоблачены и отброшены нашей партией.

Левацкие, волюнтаристические прыжки через ступень сельскохозяйственной артели к коммуне, принёсшие, как известно, значительный вред делу коллективизации, также были связаны с неверным пониманием взаимоотношения формы и содержания, с отрывом развития формы от движения и состояния содержания.

Переоценка роли Советского государства некоторыми философами и экономистами, полагавшими, что оно может произвольно вводить или отменять экономические законы, представляла собою неправильное понимание роли формы и принижение значения содержания. Эти по сути своей субъективно-идеалистические, волюнтаристские ошибки получили резкое осуждение в нашей партийной печати.

Подчёркивая ведущую роль содержания, КПСС одновременно с этим указывает на необходимость изменения и сочетания форм борьбы в зависимости от того, как складывается конкретная обстановка.

Большевики умело сочетали различные формы легальной и нелегальной борьбы в условиях царизма. Этот исторический опыт нашей партии является поучительным и вдохновляющим примером для всех компартий капиталистических стран, завоёвывающих массы на свою сторону.

В. И. Ленин и его сторонники беспощадно разоблачали предательские происки меньшевиков, желавших ограничиться по примеру оппортунистических лидеров II Интернационала только одними легальными формами борьбы и во имя легализации предлагавших даже ликвидировать самое революционную партию.

Следовательно, не только вопрос о взаимоотношении содержания и формы, но и вопрос о формах борьбы пролетарской партии являлся предметом острой борьбы между революционным марксизмом-ленинизмом и оппортунизмом. Этот вопрос и сегодня приковывает к себе внимание мирового рабочего и демократического движения.

Марксизм-ленинизм настаивает на гибком использовании разных организационных форм и особенно в переломные моменты в развитии общественной жизни.

Коммунистическая партия всегда боролась и борется против идеалистического отрыва формы от содержания в литературе, искусстве, в архитектуре и др. Партия учит наших писателей, художников добиваться единства содержания и формы в художественных произведениях. ЦК КПСС в постановлении «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» (1948 г.) резко осудил отрыв формы от содержания и формалистические извращения, имевшиеся тогда в работе ряда композиторов нашей страны. В постановлении по вопросам строительства (1955 г.) ЦК КПСС указал на недопустимость механического использования старых архитектурных форм в зодчестве без учёта нового содержания, что было не чем иным, как особым проявлением разрыва между содержанием и формой в деятельности некоторых наших архитекторов.

Но наряду с этим КПСС выступает против шаблонного однообразия в формах произведений искусств и призывает его деятелей к творческому развитию разнообразных новых форм, соответствующих богатому и самому передовому содержанию советской культуры.

Огромный исторический опыт подтверждает правильность диалектико-материалистического понимания взаимоотношений содержания и формы и практического применения этого понимания к жизни.

Из всего изложенного следует, что содержание и форма являются неотъемлемыми сторонами всех вещей и явлений объективного мира. Они развиваются, взаимодействуя друг с другом. Содержание играет определяющую и ведущую роль в отношении формы, но подвергается обратному воздействию с её стороны. Развитие формы отстаёт от развития содержания, вследствие чего соответствие между ними не является абсолютным. На этой основе имеется возможность временного использования одинаковой формы разным содержанием и сходным содержанием — разных форм. Взаимодействие содержания и формы характеризуется противоречивостью. Эти противоречия развиваются и разрешаются по-разному, в зависимости от конкретных внутренних и внешних условий. В условиях антагонистических обществ эти противоречия доходят до степени острого конфликта и могут быть разрешены лишь путём революции. При социализме такие конфликты при условии правильной политики Коммунистической партии и государства исключаются, поскольку

все социальные группы связаны отношениями дружбы, товарищеского сотрудничества. Используемые старые формы сохраняют при социализме преимущественно внешнюю сторону, так как они связаны с новым содержанием и коренным образом изменили свой социальный характер.

КПСС успешно применяет диалектико-материалистическое учение о соотношении и взаимодействии содержания и формы в борьбе со всеми антимарксистскими извращениями и в процессе строительства коммунизма, о чём свидетельствует вся история нашей партии и Советского государства.

Глава седьмая

ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Определение возможности и действительности

Действительность в широком смысле этого слова есть вообще окружающий нас объективный мир, бесконечно существующий во времени и пространстве. Однако существует он в конечных, конкретных своих проявлениях — телах, явлениях, предметах, ни одно из которых не может быть вечным. Все они находятся в процессе своего изменения, возникновения и исчезновения. Энгельс в «Диалектике природы» говорил о мире в целом как о процессе, «...в котором каждая конечная форма существования материи — безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение — одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения»¹.

В этом вечном процессе движения, возникновения и исчезновения явлений мира непрерывно совершается превращение известных возможностей в действительность. Здесь понятие действительности употребляется уже не в том широком смысле, о котором речь шла выше. В противоположность бесконечному во времени и пространстве миру в целом каждое конкретное его проявление не всегда, не вечно существует в действительности. В ходе движения, развития одни действительно существующие явления сменяются другими, причём новые явления не падают, так сказать, с неба, они возникают не без предпосылок.

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат 1955, стр. 18.

Прежде чем стать действительностью, они сначала должны существовать и существуют в виде возможности своего возникновения, создаваемой определёнными предыдущими явлениями как условиями, в которых эта возможность содержится.

Таким образом, поскольку всякое движение, изменение и развитие есть появление чего-либо нового, возникновение каких-то новых явлений, постольку оно представляет собой процесс превращения возможностей этих новых явлений в действительность, которая в свою очередь содержит в себе возможности дальнейших изменений, дальнейшего развития¹.

Следовательно, возможность и действительность — это две определённые взаимосвязанные стороны движения и развития явлений окружающего нас объективного мира, а стало быть, и процесса его познания.

Возможности создаются условиями, существующими в объективном мире, т. е. явлениями этого мира. Для раскрытия сущности рассматриваемых категорий необходимо ответить на вопрос: почему явление содержит в себе те или иные возможности?

Жизненная практика со всей очевидностью показывает нам, что определённые условия порождают строго определённые возможности. Никто не ждёт дождя с ясного, безоблачного неба; из семени берёзы не может вырасти ель и т. д. Об этом ещё античный философ-поэт Лукреций Кар писал: «...вещи, лишь от известных семян и от матери также известной все возникая, растут...».

¹ Этим вновь возникающим может быть не только качественно новый предмет, явление. Здесь следует отметить ошибочность утверждений о том, что превращение возможности в действительность всегда есть скачок, возникновение нового качества.

Превращение возможности в действительность есть «скачок», в том смысле, что вещь из возможной становится действительной, т. е. «скачок» в смысле перехода от возможности к действительности, что далеко не всегда означает переход от количественных изменений к качественным. Количественные изменения также возникают путём превращения из возможных в действительные. Данный размер упругого тела, поскольку не достигнут предел его упругости, имеет возможности своего дальнейшего увеличения. Но при реализации этой возможности качественное состояние этого тела остаётся тем же, произошли лишь количественные изменения. Таким образом, процесс превращения возможности в действительность, вообще говоря, обнимает собой как качественные, скачкообразные, так и количественные изменения в объективном мире.

Объясняя причину этого обстоятельства, Лукреций Кар отмечал: «Ясно, что это должно по известным законам свершаться»¹. Зависимость возможностей от определённых условий уже при первом взгляде наводит на мысль о том, что она есть результат наличия в мире объективных закономерностей, законов. Следовательно, чтобы раскрыть сущность возможности, необходимо выяснить её связь с законом, с закономерностью.

Как же решается вопрос об этой связи естественными науками?

Биология рассматривает наследственное основание, генетический тип организма как выражение приспособленности организма к определённым условиям внешней среды и результат его способности соответствующим образом строить из них своё тело. Эта приспособленность осуществляется различными свойствами и признаками структуры организма. Причём генотип, наследственная основа организма, несёт с собой в возможности весь арсенал приспособлений к внешней среде, выработанных филогенетической историей его предков, в особенности ближайших. Поэтому возможности развития организма, возможности появления его конкретных признаков и свойств чрезвычайно многообразны².

В то же время при всём многообразии эти возможности строго определённы, ибо из данного наследственного основания не может развиваться любая органическая форма с любой природой и признаками. Одним из важных положений биологии является то, что всякое живое тело строит себя, свои органы из условий внешней среды согласно своей наследственности. Таким образом, именно благодаря биологическому закону наследования наследственная основа представляет собой совокупность возможностей формирования определённых свойств и признаков организма, т. е. выражает собой совокупность определённых возможностей.

Но наследственное основание представляет собой только возможность образования тех или иных форм и признаков организма. Для их реализации нужны ещё

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, изд. Академии наук СССР, 1946, стр. 113.

² В данном случае мы не касаемся явлений изменения и создания новой наследственности, которые необычайно расширяют возможности прогрессивного развития организма.

подходящие внешние условия. Особенно ярко это видно в явлении доминирования. Наследственная основа, получившаяся, например, в результате слияния двух в той или иной степени разных родовых начал — материнского и отцовского, содержит в себе возможность появления свойств и признаков организма, которыми обладали его предки как по материнской, так и по отцовской линии. И если иметь в виду взаимоисключающие признаки, то, какие именно из них появятся в ходе развития организма, не обусловлено с неизбежностью самой наследственной основой, генотипом, это зависит от условий внешней среды, в которой организм будет развиваться. Разовьются, будут доминировать признаки, которые найдут для себя соответствующие условия существования, окажутся лучше приспособленными к условиям внешней среды.

Итак, сформировавшаяся наследственная основа в силу известных биологических закономерностей даёт возможность появления тех или иных признаков, свойств организма. Но она даёт лишь возможность этих признаков, которые необходимо появляются только тогда, когда имеются нужные для этого внешние, и потому более или менее случайные, условия среды.

Аналогичны выводы и других наук. Например, созданная великим русским учёным А. М. Бутлеровым и получившая глубокое развитие в современной передовой химической науке теория химического строения вещества говорит о том, что химические свойства, способность вещества к реакции обуславливаются его химическим строением. А. М. Бутлеров писал о законах зависимости химических свойств тел от их химического строения, и это положение является одним из краеугольных в его теории химического строения. Благодаря закономерной зависимости химических свойств вещества от его химического строения определённое строение того или другого вещества создаёт определённые возможности для химических реакций. Что же касается того, какие именно из этих возможностей реализуются, это уже обуславливается химической средой, с которой вступает во взаимодействие данное вещество.

Математическая теория вероятностей говорит о вероятности, иначе сказать, о степени возможности наступления того или иного события. Имея в виду опре-

делённое числовое значение вероятности этого события, можно судить о том, насколько возможно, вероятно его появление при данном комплексе условий. Числовые значения вероятностей, зависящие от определённого комплекса необходимых условий, совсем не случайны, иначе их нельзя было бы предсказать заранее. Вероятность, её числовые значения обусловлены объективными свойствами и закономерностями соответствующих явлений. Но эти закономерности допускают многообразие различных отдельных явлений, и то, произойдёт или не произойдёт на самом деле в данном отдельном случае то или иное событие (например, продажа товара на рынке по такой-то цене), зависит подчас от очень большого числа причин, иногда совершенно не зависящих друг от друга, часто незначительных по своему характеру, но оказывающих влияние на возникновение данного события, являющегося по всем этим причинам случайным.

Рассмотренные факты подтверждают то положение, что зависимость возможностей от своих условий, создание теми или иными условиями определённых возможностей имеет место благодаря объективным закономерностям, существующим в мире. Зависимость возможности от своих условий выражает собой закономерную связь условий с теми явлениями, возможность которых они создают. В самом деле, о чём говорит, например, тот факт, что возможность округлой формы плодов яблони и присущего им вкуса заложена в наследственной основе яблони? Это говорит о закономерной связи наследственной основы с появлением у растения при его развитии данных признаков.

Определённые объективные возможности изменения, развития явлений в мире существуют потому, что мир представляет собой закономерное движение материи. Если бы мир представлял собой царство хаоса и случайностей, лишённое объективных закономерностей, всё было бы в равной степени возможным и невозможным. Признание объективной закономерности есть одно из решающих условий признания объективной возможности. И, наоборот, отрицание объективной закономерности неизбежно приводит к отрицанию объективной возможности. Так, Авенариус, воюя против объективной необходимости, утверждал, что необходимость остаётся как степень вероятности ожидания последствий. В этом утверждении

прямо выступает связь отрицания необходимости, закономерности и отрицания объективной возможности. Вполне очевидно, что для последней здесь не остаётся места: Возможность, с точки зрения Авенариуса, есть субъективистски понятая вероятность, это лишь ожидаемая вероятность, но не возможность, закономерно вытекающая из объективного положения вещей, объективных условий.

То же мы видим на примере идеалистического извращения теории вероятностей. Отрицание объективной закономерности в теории вероятностей ведёт к тому, что вероятность (как известная степень возможности) теряет свой объективный характер, трактуется субъективистски. Немецкий учёный Р. Мизес, стоящий на позициях махизма, пишет в предисловии к работе «Вероятность и статистика»: «Никогда не могу поставить себе иной задачи, кроме единственной: искать возможно более простого систематического описания чувственно воспринимаемых фактических обстоятельств»¹. Он рассматривает закономерность лишь как удобную форму регистрации экспериментальных данных, отрицая её объективный характер. Поэтому он не видит закономерной обусловленности вероятности свойствами самих явлений, трактует вероятность лишь как описание нашего чувственного опыта. Передовая наука, напротив, говорит о том, что вероятность, частота появления определённого события коренятся в закономерностях и свойствах этого события и потому имеют объективный характер.

Вследствие связи возможности и закономерности не может быть познания возможностей без знания соответствующих закономерностей. Для того чтобы познать определённую возможность, необходимо знать соответствующую закономерность. Это доказывается всей историей науки и практики. Наука, раскрывая закономерности объективного мира, законы, управляющие явлениями этого мира, тем самым вооружает человека знанием возможностей, таящихся в силах природы, возможностей общественного развития, которые используются в практической деятельности людей.

Итак, возможность создаётся наличием объективной необходимости, закономерности в природе, благодаря

¹ Р. Мизес, *Вероятность и статистика*, Госиздат, 1930, стр. X.

чему определённые условия заключают в себе определённые возможности.

Однако возможность связана не только с закономерностью, необходимостью, но также и со случайностью.

Возможность случайна, поскольку она есть нечто такое, что может быть, а может и не быть. Бесчисленные возможности отдельных явлений в природе порождаются действием случайных факторов. Например, возможность выпадения такого-то числа осадков в данном районе в данный день определяется множеством случайных факторов, и поэтому сама эта возможность может быть весьма различной.

Следует отличать возможность этого рода от возможностей, в которых выражена историческая необходимость. Такого рода возможность тоже несёт на себе отпечаток случайности. Но не в том смысле, что она может быть, а может и не быть, а в смысле наличия у неё случайных, индивидуальных, неповторимых особенностей.

Условия, создающие возможность, не есть нечто раз навсегда данное. Они, а вместе с ними и соответствующие возможности проходят процесс своего становления и развития. Рассматривая характерные черты этого процесса, следует остановиться на различии между абстрактной, формальной возможностью, с одной стороны, и реальной возможностью, с другой стороны.

Говоря об абстрактной, формальной возможности, в первую очередь нужно отметить, что абстрактная возможность отличается от невозможности вообще. Правда, абстрактная возможность не может непосредственно превратиться в действительность. Для этого ей прежде надо стать реальной возможностью, имеющей соответствующие конкретные условия для превращения в действительность. Но это не есть невозможность вообще, которая означает, что нечто ни при каких условиях не может осуществиться, ибо его возникновение вообще противоречит законам объективного мира. Так, например, построение вечного двигателя представляет собой не абстрактную возможность, а просто невозможность, ибо ни при каких условиях его построить нельзя. Его построение означало бы нарушение закона сохранения и превращения энергии, что так же невозможно, как и уничтожение материи.

Абстрактная возможность выражена в наиболее общих условиях возникновения определённого явления, в наи-

более общих условиях для действия той закономерности, на которой она основывается. Однако, чтобы действие этой закономерности в её данной конкретной форме было реально, а не абстрактно возможным, для этого кроме общих условий требуются ещё и необходимые конкретные условия. Поэтому в противоположность абстрактной — реальная возможность есть возможность возникновения какого-либо явления в данное время, в данной конкретной обстановке.

Коммунистическая партия учит, что плодотворной может быть лишь такая практическая деятельность, которая опирается не на абстрактные, а на реальные возможности и направлена на их использование.

Одним из средств врагов марксизма, с помощью которых они пытаются извратить законы общественного развития, распространять утопические иллюзии среди народных масс с целью их одурманивания, является подмена реальных возможностей абстрактными. Так, идеологи империализма лживо уверяют о возможности якобы планового ведения капиталистического хозяйства, а тем самым предотвращения безработицы, экономических кризисов и других общественных бедствий, порождаемых капитализмом. Связь различных отраслей современного производства, его общественный характер, конечно, заключают в себе возможность экономического планирования. Но связь различных отраслей производства, общественный характер производства сами по себе заключают лишь абстрактную возможность планирования, ибо реальная возможность его имеется не при всяком экономическом строе. Лишь в условиях социализма, общественной собственности на средства производства, возможность планирования экономики является реальной.

Проводя различие между абстрактной и реальной возможностями, следует иметь в виду относительность этого различия, которая, во-первых, выражается в том, что и та и другая возможность основывается на реальных, хотя и разного порядка, условиях, и, во-вторых, в том, что абстрактная возможность может развиваться, перерастать в реальную по мере накопления соответствующих конкретных условий. В свою очередь в известном смысле продолжением этого последнего процесса при определённых обстоятельствах является дальнейшее развитие реальной возможности до тех пор, пока все основные предпосылки

не созреют и действия внутренних закономерностей не приведут к превращению её в действительность.

Яркий пример такого превращения раскрыт Марксом при исследовании вопроса о неизбежности кризисов в условиях капитализма. При переходе от натурального хозяйства к денежному, при использовании денег как средства обращения уже создаётся, как указывает Маркс, известная возможность кризисов, которая содержится в метаморфозе товара (товар — деньги — товар) и разделении единого процесса обмена на два самостоятельных акта: купля, продажа. Например: какой-либо товаровладелец продал свой товар другому, но в свою очередь не покупает у него или у других; следовательно, в данном случае отсутствует реализация товаров этих товаровладельцев. Использование денег как средства обращения создаёт, таким образом, первую, как писал Маркс, форму кризиса.

Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений приводит к тому, что деньги выступают не только как средство обращения, но и как средство платежа. Здесь имеется возможность фактически присваивать товар раньше, чем уплачены за него деньги, т. е. «...отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены»¹. Создаётся кредитное обязательство. В целях погашения этого обязательства должнику необходимо реализовать свой товар в определённый срок, чтобы выручить нужную для уплаты сумму денег, в противном случае он оказывается банкротом, а кредитор, не получивший в срок долга, не может погасить своих собственных обязательств, в которых он является должником, и т. д. Цепь такого рода долговых обязательств в условиях перепроизводства, затруднений со сбытом товаров может в свою очередь вызвать цепь банкротств.

Таким образом, деньги как средство платежа создают вторую форму кризиса как дальнейшее развитие первой. Причём здесь, очевидно, имеется уже гораздо более реальная основа для осуществления возможности кризисов. Но вместе с тем и в первом и во втором случае имеется лишь *абстрактная*, формальная возможность кризисов. «Бытие кризиса» выступает в противоречиях купли

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 142.

и продажи, денег как средства обращения и как средства платежа «как в своих простейших формах и постольку в своем простейшем содержании, поскольку сама эта форма есть его простейшее содержание. Но это еще не *обоснованное* содержание»¹. Закономерности простого товарного обращения, действующие в условиях использования денег как средства обращения и как средства платежа, сами по себе создают лишь форму кризисов.

Реальная возможность кризиса создаётся в условиях капиталистических экономических противоречий. Возникновение капитализма означает превращение формальной возможности кризисов в реальную, которая вместе с развитием капитализма, ростом и обострением его противоречий всё более упрочивается и развивается. Первоначально, когда капитализм основывался на ремесленном и мануфактурном труде, реальная возможность кризисов только возникала, ибо в этих условиях не получают достаточной остроты и силы противоречия капитализма (в том числе и противоречия между производством и потреблением как одна из основ экономических кризисов). Но вместе с тем возможность кризисов уже на этом этапе получает реальный характер, так как противоречия капитализма налицо, в том числе и противоречие между производством и потреблением.

Дальнейшее развитие капитализма вместе с ростом и обострением его противоречий и прежде всего основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения — приводит к усилению, развитию реальной возможности кризисов. С одной стороны, продукты производства необходимы для удовлетворения общественной потребности, с другой стороны, они находятся в частных руках. С одной стороны, производство достигло гигантских размеров, с другой — гигантских же размеров достигла нищета трудящихся масс, безработица, удерживающая потребление на низком уровне, затрудняющая реализацию товаров на рынке; с одной стороны, огромные масштабы разделения труда, связь различных отраслей и предприятий капиталистического производства между собой, с другой — конкуренция и анархия производства, стихия рынка и т. д. Выросшие и обострившиеся противоречия

¹ К. Маркс, Теория накопления, Госполитиздат, 1948, стр. 57.

капитализма несут в себе вполне созревшую реальную возможность экономических кризисов, которые при соответствующих условиях становятся неизбежными, превращаются в действительность, периодически потрясая капиталистическую экономику.

Конкретно-исторический подход к реальным возможностям — одно из важных условий успешной практической деятельности, каждый шаг которой должен быть направлен на использование достаточно назревших объективных предпосылок.

Так, например, одним из завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции было установление 8-часового рабочего дня в первые же дни Советской власти. Вместе с тем Коммунистическая партия на VIII съезде провозгласила необходимость постепенного перехода к более сокращённому рабочему дню по мере роста общественного производства и увеличения производительности труда. Ещё в довоенные годы были сделаны первые шаги в этом направлении. Однако их пришлось приостановить в связи со второй мировой войной. В настоящее время, когда имеются крупные успехи в дальнейшем развитии нашей экономики, создалась реальная возможность проведения дальнейших мероприятий по сокращению рабочего дня. Уже с марта 1956 г. установлен рабочий день продолжительностью в шесть часов в предвыходные и предпраздничные дни. Директивы по шестому пятилетнему плану предусматривают на основе дальнейшего развития общественного производства и роста производительности труда сокращение рабочего дня рабочих и служащих до семи часов.

Конкретно-исторический характер реальной возможности свидетельствует о том, что она есть результат развития, накопления соответствующих необходимых условий, в ходе которого на определённом этапе создаются необходимые предпосылки для возникновения соответствующих явлений действительности.

Встаёт вопрос — почему возможность до поры до времени остаётся возможностью, не превращаясь в действительность. Один из этапов развития состоит в том, что постепенно созревают существующие и возникают недостающие условия для реализации возможности. Пока этот процесс совершается, возможность остаётся возможностью. Лишь поскольку он достигает определённой степени

завершения, зависящей в каждом отдельном случае от конкретной природы протекающего процесса, возможность становится действительностью. В противном случае она так и остаётся возможностью. Например, зерно заключает в себе зрелый колос лишь в возможности до тех пор, пока растение не ассимилирует из внешних условий всего, что необходимо для его полного созревания. Студент является специалистом лишь в возможности до тех пор, пока он не освоит того минимума знаний и опыта, которые необходимы для овладения данной специальностью на данном этапе развития науки и практики.

Действительность представляет собой осуществлённую возможность. Например, социализм в нашей стране есть действительность, реализованная в процессе строительства социализма.

Категория действительности неразрывно связана с категорией необходимости, закономерности. Следует подчеркнуть важность этого положения ввиду пропаганды индетерминизма, субъективизма, отрицания объективных закономерностей со стороны реакционной буржуазной философии. Действительность рассматривается этими философами как нечто абсолютно случайное, не обусловленное действием объективных законов. Среди буржуазных социологов распространены субъективно-идеалистические взгляды, согласно которым исторические события представляют собой результат деятельности выдающихся личностей, чья воля и стремление якобы определяют ход истории. Подход к действительности как к случайному следствию столь же случайных обстоятельств характерен и для многих представителей современного буржуазного естествознания, также проповедующего индетерминистские взгляды. Достаточно напомнить об утверждениях учёных-идеалистов насчёт «свободы воли» электрона, индетерминированных изменениях наследственности и т. п.

В противоположность такого рода взглядам марксистская философия утверждает, что та или иная действительность порождается действием определённых объективных законов, существующих на базе известных объективных условий.

Конечно, случайность всегда накладывает отпечаток на действительность в той мере, в какой элемент случайности содержится в условиях её осуществления. Однако даже в

том случае, когда условия превращения возможности в действительность сами по себе случайны, они действуют на основе той закономерности, из которой вытекает данная возможность. Так, внешние условия окружающей среды, в результате которых образуется соответствующий условный рефлекс у животного, более или менее случайны. Но они приводят к образованию условного рефлекса лишь на основе определённых закономерностей, присущих нервной системе животного, управляющих явлениями нервной деятельности (раздражением, торможением, иррадированием, концентрированием раздражений и т. д.).

Выходит, что случайность есть лишь момент, одна сторона превращения возможности в действительность, а стало быть, и самой действительности. Другой, более глубокой, внутренней стороной являются закономерные связи и отношения, на базе которых случайность оказывает своё действие и которые обуславливают сущность действительности. Поэтому познание действительности не может быть просто познанием её внешнего существования. Оно должно идти глубже, к сущности вещей, ибо действительность есть существующее явление со свойственной ему закономерностью, внутренней сущностью. Великий русский учёный И. П. Павлов, обращаясь к советской молодёжи, посвятившей себя науке, учил тому, как следует подходить к изучению действительности. «...Изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов... Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие»¹.

Таким образом, действительность есть то или иное явление, которое, как осуществлённая возможность, представляет собой необходимый при наличии условий реализации этой возможности результат действия соответствующих объективных закономерностей, обуславливающих реальное существование данного явления и определяющих его внутреннюю сущность. Однако для более подробного раскрытия этого определения необходимо специально остановиться на условиях реализации возможности и характере их действия.

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, т. I, изд. Академии наук СССР, М., — Л. 1951, стр. 22, 23.

Условия реализации возможности

Мы уже видели, что существование как возможности, так и действительности связано с закономерностями объективного мира. Та или иная возможность основывается на определённой объективной закономерности, и если эта закономерность действует, то возможность превращается в действительность, возникает определённая действительность.

Данные положения являются исходными для понимания характера условий превращения возможности в действительность. Что же представляют собой эти условия?

Явление, заключающее в себе те или иные возможности, находится в связи, в отношениях со многими другими вещами и явлениями. Но не все из них представляют собой условия осуществления известных возможностей, заключающихся в первом явлении.

На растение в процессе прохождения им стадий и образования соответствующих его органов и признаков можно воздействовать различными факторами — не только химическим составом почвы, водой, температурой, но также электричеством, ионизацией и т. д. Но не все из этих факторов, взятых вместе, представляют собой условия существования растения, условия его развития, требуемые наследственной основой. «Условия существования» цикла развития растения — это те существенные условия, без которых нет развития стадий, их органов и признаков в поступательном ходе растения к репродукции¹. Причём каждая стадия требует определённых условий для своего прохождения. В то же время эти условия — температура, влажность и т. п. — могут колебаться в известных пределах, вызывая различное течение стадий развития растений, а тем самым и различия в длине растений, в окраске и форме листьев, зёрен, их количестве и других конкретных признаках. Так, лён проходит световую стадию, если имеются другие необходимые условия, при среднесуточной температуре от 8—10° до 27° в мае и в первой половине июня. Но темпы её прохождения при разной температуре не одинаковы, что при прочих равных условиях отражается на росте растения в высоту.

Следовательно, для определённой возможности условия

¹ Т. Д. Лысенко, Агробиология, Сельхозгиз, М. 1952, стр. 59.

её реализации также должны быть вполне определённые. Только при их наличии возможность превращается в действительность.

Существуют объективные и субъективные условия превращения возможности в действительность. К объективным условиям относятся те, которые существуют вне и независимо от сознания людей.

В природе, поскольку в неё не вмешивается человек, возможности превращаются в действительность под влиянием одних объективных условий — стихийно действующих сил природы.

В ходе своего воздействия на природу, опираясь на её объективные законы, используя возможности природы, человек сознательно и направленно создаёт условия их осуществления. Он стремится при этом избежать случайности и не дожидается, когда условия сложатся сами собой под влиянием стихийных, естественных сил. Кроме того, он создаёт и искусственные, не встречающиеся сами по себе в природе условия реализации возможностей, в результате чего вызывает к жизни, превращает в действительность такие возможности, которые без вмешательства человека в природе не осуществляются. Об этом ярко свидетельствует, в частности, сельскохозяйственная практика человека, выведение растений и животных с такими свойствами, которые отвечают потребностям человека.

Что касается общественной жизни, то здесь деятельность людей является важнейшим условием превращения возможностей в действительность. Объективные законы общественного развития проявляются не иначе, как через деятельность людей — стихийную или сознательную. Объективные законы общества создают возможность разрешения тех или иных задач общественного развития, возможность тех или иных общественных преобразований. Для того чтобы эту возможность превратить в действительность, нужна активная деятельность людей. В реализации возможностей, создаваемых законами общественной жизни, кроме объективных условий огромное значение приобретают субъективные условия, элемент сознательности, целеустремлённости в использовании людьми тех объективных условий, которые необходимы для превращения возможности в действительность. В развитии общественной жизни особенно важно, насколько люди осознали

ту или иную объективную возможность, с тем чтобы её использовать, имеют ли они желание её использовать, достаточно ли энергично они это делают.

В ряде стран Европы после окончания первой мировой войны существовала революционная ситуация, которая давала объективную возможность для совершения социалистической революции. В Италии, например, в 1919—1920 гг. рабочее и крестьянское движение достигло исключительной силы и боеспособности. Позиции старых правящих партий были ослаблены. Итальянская буржуазия была в растерянности. Таким образом, «итальянское общество... объективно созрело для революции...»¹. Но ввиду отсутствия марксистско-ленинской партии в Италии (как и в других странах Западной Европы в тот период, когда коммунистические партии там только ещё начали создаваться) трудящиеся массы страны были лишены организующей и направляющей силы, способной руководить ими в совершении социалистической революции. «Даже самые передовые деятели не имели ясного представления о том, как, не откладывая и не теряя времени, разрешить... проблему создания революционной партии рабочего класса и проблему развёртывания революционного движения масс и руководства им вплоть до победы»². В результате революционная ситуация в Италии, как и в ряде других стран Западной Европы, не вылилась в революцию. Причём даже в тех странах, где рабочий класс захватил власть, например в Венгрии и Баварии, он, лишённый марксистско-ленинского руководства, не смог её удержать.

Марксизм всегда выступал против отрицания роли субъективного фактора в реализации возможностей общественного развития. В своё время партия наголову разбила «экономистов», которые формально признавали возможность осуществления социализма силами рабочего класса, но в своём преклонении перед стихийностью отрицали необходимость сознательного использования этой возможности. В период построения социализма в нашей стране партия разгромила правых уклонистов, на словах формально признававших возможность построения социа-

¹ «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», Сборник статей и документов, Издательство иностранной литературы, М. 1953, стр. 58.

² Там же, стр. 59.

лизма в нашей стране, но предлагавших пустить это дело на самотёк. Такого рода «признание» возможности построения социализма было равносильно его отрицанию.

Современная эпоха отличается невиданным возрастанием роли народных масс в исторических событиях. Указывая на возможность предотвращения войн в современную эпоху, XX съезд КПСС подчеркнул роль субъективного фактора в деле предотвращения войны, огромное значение воли народов к миру, их бдительности и стремления сорвать планы агрессоров. И в настоящее время, поскольку существует капитализм, сохраняется экономическая основа для возникновения войн. Пока на земном шаре остаётся капитализм, реакционные силы, представляющие интересы капиталистических монополий, будут и впредь стремиться к военным авантюрам и агрессии, могут попытаться развязать войну. Но фатальной неизбежности войн в современных условиях нет. Соотношение сил на мировой арене изменилось коренным образом в пользу сторонников мира. Возник могучий социалистический лагерь, в лице которого миролюбивые силы имеют не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии. Кроме того, существует большая группа других государств, активно выступающих против войны. Есть мощное всенародное движение сторонников мира. Огромной силой стало рабочее движение в капиталистических странах. Таким образом, в современных условиях создались реальные возможности для того, чтобы не дать империалистическим агрессорам бросить народы в новую мировую войну. Это, конечно, не означает, что военная агрессия тем самым автоматически предотвращается. Для предотвращения войны нужно, чтобы все силы, выступающие против неё, были бдительными и мобилизованными, чтобы они действовали единым фронтом и не ослабляли своей борьбы за сохранение и упрочение мира. Чем активнее народы будут защищать мир, тем больше гарантий, что новой войне не бывать.

Выступая против фатализма, марксизм-ленинизм в то же время ведёт неустанную борьбу против субъективистов, отрицающих объективные условия и закономерности как основу объективных возможностей и их превращения в действительность. Всякого рода левацкие заскоки в хозяйственной или политической деятельности есть пример чрезмерного раздувания роли субъективных условий при пол-

ном игнорировании объективных условий превращения возможности в действительность. Это относится, например, к попыткам миновать ступень сельскохозяйственной артели, перейдя сразу к коммуне, или свернуть торговлю, перейдя сразу к продуктообмену. Подобные прожекты, оторванные от жизни, заранее обречены на неудачу. Марксизм-ленинизм учит, что плодотворна лишь деятельность, опирающаяся на объективные возможности, объективные закономерности.

Субъективные условия всегда действуют через объективные, выражаясь в их сознательном и целенаправленном использовании. Так, для построения социализма мало только знать закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил и другие общественные законы: нужно, опираясь на них, создать и должным образом использовать политические и экономические рычаги для ликвидации капиталистического уклада и победы социалистического уклада. Вопрос о значении субъективного фактора для реализации той или иной возможности в общественном развитии является вопросом о том, насколько сознательно, целеустремлённо люди в ходе своей деятельности обеспечивают простор действию в определённом направлении той объективной закономерности, на которой основывается эта возможность.

Борьба за осуществление одной из противоположных возможностей в процессе развития

Возможность и действительность — неразрывно связанные между собой моменты развития, движения явлений. Возможность при наличии необходимых условий превращается в действительность. Но, с другой стороны, та или иная действительность в силу свойственных ей объективных закономерностей содержит в себе определённые возможности своего изменения, развития.

Социализм победил в нашей стране. Социалистический строй благодаря присущим ему объективным закономерностям создал вместе с тем огромные возможности для нового, ещё более высокого развития нашей экономики, расцвета культуры, для дальнейшего повышения благосостояния народа. Победа социализма в СССР создала возможность постепенного перехода к коммунизму, на

осуществление которого партия указывает как на главную задачу дальнейшего развития советского общества.

Отмеченный характер связи возможности и действительности представляет собой существенное выражение непрерывности движения и развития явлений объективного мира и в то же время подчёркивает взаимопереходы, текучесть категорий, отражающих это движение.

В силу различия сторон, процессов, свойств, присущих той или иной действительности, она заключает в себе различные, в том числе противоположные, возможности. Например, современная международная обстановка, характеризующаяся наличием, с одной стороны, лагеря мира, демократии и социализма, а с другой — империалистического лагеря, заключает в себе две противоположные возможности: возможность сохранения мира, обуздания агрессии силами миролюбивых народов, возглавляемых Советским Союзом, и возможность развязывания новой войны со стороны империалистических агрессивных сил. Причём ввиду противоположных возможностей, заключающихся в действительности, превращение одной из этих возможностей в соответствующую ей действительность также есть противоречивый процесс, содержанием которого является реализация данной возможности и тем самым ликвидация противоположной возможности. Такого рода характер процесса превращения возможности в действительность представляет собой проявление одного из основных законов материалистической диалектики, гласящего, что борьба противоположностей является источником и содержанием всякого процесса движения, изменения и развития.

В применении к развитию, представляющему собой движение от низшего к высшему, от старого к новому, понятие противоположных возможностей конкретизируется как понятия прогрессивной и консервативной возможностей. Развивающаяся действительность именно потому, что она является развивающейся, и именно в силу развития не есть что-то однородное. Она заключает в себе старое и новое, отмирающее и нарождающееся, консервативное и революционное. Следствием такого рода противоречивости действительности является наличие в ней, с одной стороны, возможности дальнейшего существования, сохранения старого, его временной победы над новым и, с другой стороны, возможности зарождения, укрепления и победы

нового, прогрессивного, способного поднять развитие на более высокую ступень. Это — объективно существующие возможности, поскольку за ними стоят вполне реальные борющиеся между собой силы.

В этой борьбе может иметь место временная победа консервативной возможности, её временное превращение в действительность. Такое осуществление консервативной возможности при определённых условиях объясняется тем, что старое первоначально остаётся ещё сильнее нового, до поры до времени занимая господствующее положение. «Когда новое только что родилось,— писал В. И. Ленин,— старое всегда остаётся, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни»¹.

Развитие революции в нашей стране даёт такие примеры осуществления консервативной возможности, т. е. временной победы реакционных сил. Одним из них является поражение революции 1905—1907 гг. Революция потерпела поражение потому, что старый самодержавно-помещичий строй оказался в то время сильнее по сравнению с молодыми революционными силами.

Но временная победа консервативной возможности, её временное превращение в действительность имеет частный характер, она не изменяет общего характера развития как поступательного движения вперёд.

Как уже говорилось, победа одной возможности, её реализация означает уничтожение противоположной возможности. Но по отношению к победе консервативной возможности это имеет смысл лишь для данного, отдельно взятого этапа развития. Например, поражение революции 1905—1907 гг. в России означало ликвидацию, снятие возможности её победы на данном этапе развития революционного движения в России, т. е. как данной, конкретной возможности. Но не больше. Ибо прогрессивная возможность вытекает из самих новых условий развития, основывается на тех объективных закономерностях, которые существуют на базе новых условий. Прогрессивная возможность выражает собой историческую необходимость дальнейшего движения вперёд. Победа консервативной возможности, её реализация, может означать лишь временную отсрочку в разрешении этой задачи, но она не

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 392.

может снять её с повестки дня, так же как не может ликвидировать историческую необходимость. Как писали Маркс и Энгельс, «...всякая попытка ее (общественной потребности.— *Ред.*) насильственного подавления лишь заставляет ее выступать с возрастающей силой до тех пор, пока, наконец, она не разобьет своих оков»¹. Победа консервативной возможности не может уничтожить те силы, которые стоят за этой исторической необходимостью, общественной потребностью. В. И. Ленин писал спустя несколько лет после поражения первой русской революции: «...никакие, даже самые полные победы реакции, *никакое* торжество контрреволюции *не может* уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета... Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя»².

Благодаря этим обстоятельствам и в случае превращения консервативной возможности в действительность прогрессивная возможность остаётся. После поражения революции 1905—1907 гг. в силу того, что общественные противоречия были лишь загнаны внутрь, но не разрешены, ввиду того что не был уничтожен самодержавно-помещичий строй, в России оставалась общая революционная ситуация, оставлявшая для революционных сил возможность совершения революции в определённый момент. «С 1908 г., примерно, по 1915 г.— большевизм считал, что непосредственно-революционной ситуации в России уже нет, *но общая революционная ситуация, неизбежно зреющая второй революцией, налицо...* И большевики строили всю свою тактику на предвидении второй революции»³.

Ввиду неизбежного дальнейшего обострения противоречий между разваливающимся и гниющим самодержавно-монархическим строем и коренными потребностями общественного развития страны, растущими революционными настроениями прогрессивных сил, ввиду того, что первая мировая война с огромной силой обнажила эти противоречия, в России возникла новая, непосредственно-революционная ситуация, которая создала объективную возмож-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии, Госполитиздат, 1940, стр. 8.

² В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 326.

³ «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, Госполитиздат, 1954, стр. 164.

ность для совершения победоносной революции народными массами нашей страны, руководимыми Коммунистической партией. «С 1916 г. вновь стала складываться непосредственно-революционная ситуация, которая в 1917 г. вылилась в революцию»¹.

Выше уже говорилось, что возможность не есть нечто раз и навсегда данное. Возможность может испытывать процесс укрепления, усиления и, наоборот, ослабеть, исчезнуть совсем. Прогрессивная возможность в ходе борьбы нового со старым закономерно нарастает и укрепляется. Этот процесс есть выражение неодолимости нового в развитии. Новое неодолимо потому, что оно является носителем исторической необходимости, выражает собой потребность развития. Эта необходимость, возникая в недрах старого, укрепляется, усиливается, вместе с чем усиливаются и противоречия между новым и старым. Так, вместе с развитием капитализма, обострением его противоречий всё более усиливается необходимость разрешения этих противоречий путём революционного установления нового, социалистического строя.

В свою очередь новое потому может быть носителем исторической необходимости, выражать собой потребность подъёма развития на более высокую ступень, что оно по своей природе может обеспечить этот подъём, ибо новое является более передовым по сравнению со старым, превосходит старое по своим возможностям дальнейшего роста и совершенствования. В основе неизбежности победы социализма над капитализмом лежит то, что социализм открывает новые, невиданные в истории возможности для развития производительных сил. Социализм потому обязательно и неизбежно побеждает капитализм, что он может дать и даёт более высокие образцы труда, может сделать общество более богатым, чем капиталистическая система хозяйства.

Следовательно, обострение противоречий между новым и старым, неуклонное укрепление и развитие нового как носителя назревшей потребности закономерно обуславливают нарастание и укрепление прогрессивных возможностей победы нового в борьбе со старым.

Рост одних возможностей означает ослабление других,

¹ «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, стр. 164.

им противостоящих. В противоположность новому старое, консервативное, не соответствующее новым, изменившимся условиям, разлагается и отмирает, оно обречено на гибель. Поэтому закономерное нарастание и укрепление возможностей победы нового означает и закономерное ослабление и уменьшение возможностей сохранения старого.

Сознание неодолимости нового в общественном развитии вдохновляет передовые, революционные силы верой в будущее, в неизбежность своей победы, побуждает их на активную борьбу за свою победу с тем, чтобы в полной мере использовать объективные условия и возможности для этой победы.

Полная победа прогрессивной возможности означает уничтожение консервативной возможности, так как создаёт условия, при которых последняя теряет свою реальность. Но при известных условиях остаётся ещё возможность реставрации старого. Отсюда вытекает необходимость борьбы за дальнейшее утверждение нового и за ликвидацию тех условий, которые создают возможность этой реставрации.

В нашей стране победил социалистический строй. Капиталистический уклад, мелкотоварное производство ликвидированы. Тем самым уничтожены внутри нашей страны условия, делающие возможным восстановление, реставрацию капитализма. Но существует империалистический лагерь, вынашивающий преступные планы агрессии, направленные против Советского Союза и стран народной демократии. Поэтому Коммунистическая партия воспитывает советский народ в духе бдительности, в духе постоянной готовности дать отпор любым агрессорам.

Выявление возможностей и превращение их в действительность в развитии советского социалистического общества

Социализм как строй более высокий, прогрессивный по сравнению с капитализмом открывает новые, невиданные ранее в истории возможности общественного развития. Вместе с тем в условиях социалистического строя меняется и характер реализации возможностей развития общества.

Капитализм развивается в результате стихийного дей-

ствия общественных законов. Там же, где становится возможным для прогрессивных сил разрешение задач общественных преобразований, осуществление их встречает яростное сопротивление реакционных эксплуататорских классов.

В советском социалистическом обществе, где отсутствуют враждебные классы, весь народ, руководимый Коммунистической партией, направляет свои силы на построение коммунизма, опираясь в своей деятельности на научно обоснованное знание реальных возможностей, путей и средств коммунистического строительства. В этом состоит одна из характерных особенностей развития советского социалистического общества, отличающая его от развития капиталистического строя. В этом же состоит одна из причин небывалых в истории темпов превращения возможностей, заложенных в советском строе, в действительный расцвет всех сторон его жизни.

Коммунистическая партия, направляя и организуя деятельность советского народа, борясь против самотёка в социалистическом строительстве, всегда придавала и придаёт огромное значение сознательному выявлению возможностей, имеющихся в советском строе, целеустремлённому и активному их использованию.

Марксистско-ленинское учение является руководящей научной основой познания возможностей развития советского общества, условий их превращения в действительность и практической деятельности в этом направлении. Руководствуясь марксистско-ленинским учением, партия в своё время до конца разгромила троцкистов и иных капитулянтов, отрицавших наличие реальных возможностей для построения социализма в нашей стране. Партия научно доказала, что у нас имелись внутренние и внешние факторы, обуславливающие полную возможность построения социализма. Борясь против правых реставраторов капитализма, партия исходила из того, что возможность построения социализма не превратится в действительность стихийно, самотёком, что она может осуществиться лишь в ходе твёрдого проведения политики, направленной на ликвидацию капиталистических элементов города и деревни, на укрепление диктатуры рабочего класса, союза рабочего класса с крестьянством, на массовое кооперирование крестьянства, на подведение под народное хозяйство новой технической базы. Неуклон-

ное и последовательное претворение в жизнь этой политики героическими усилиями советского народа во главе с партией явилось важнейшим и решающим условием превращения возможностей построения социализма в нашей стране в действительность.

Мощная и всесторонне развитая социалистическая индустрия, социалистическое сельское хозяйство, советский общественный и государственный строй, правильная политика Коммунистической партии, находящейся в нерушимом единстве с народом, неисчерпаемые природные богатства дают нам полную возможность победы коммунизма. Но эта возможность ещё не есть действительность. Партия всегда предупреждала и предупреждает против смещения того и другого. Смещение возможности и действительности наносит вред практической работе, порождает благодушие и самоуспокоенность, различные прожектёрские представления и утопические иллюзии. ЦК КПСС резко осудил те горячие головы, которые решили, что строительство социализма у нас уже полностью завершено, и начали составлять детальное расписание перехода к коммунизму, предлагать замену советской торговли прямым продуктообменом и т. п. Для завершения строительства социализма и непосредственного перехода к коммунизму нужно прежде всего перегнать наиболее развитые капиталистические страны в экономическом отношении, максимально развить материально-производственную базу социализма так, чтобы материальные блага для удовлетворения потребностей трудящихся полились полным потоком.

А чтобы осуществить всё это, мало одних возможностей. Необходим активный и творческий труд миллионов масс советского народа, руководимого Коммунистической партией, настойчивая работа всех государственных и общественных организаций.

Коммунизм, как и социализм, не может быть достигнут в порядке самотёка. Необходимо со знанием дела раскрывать и в полной мере использовать преимущества и возможности, заложенные в социалистическом строе. Сами собой, стихийно эти преимущества и возможности реализоваться не могут. Например, наша страна располагает огромными возможностями для непрерывного повышения производительности труда. Социалистические производственные отношения соответствуют характеру

развития производительных сил. У нас имеется мощная техническая база во всех отраслях народного хозяйства, имеются квалифицированные кадры. Однако, несмотря на наличие этих возможностей, достигнутая производительность труда в СССР ещё ниже, чем в самых передовых капиталистических странах. Чтобы эти реальные возможности превратить в действительность, следует всемерно совершенствовать и развивать имеющуюся технику, шире механизировать трудоёмкие работы, смелее осуществлять комплексную механизацию и автоматизацию производственных процессов, более решительно внедрять в производство достижения науки, техники и передовой опыт. Необходимо строго соблюдать производственную и трудовую дисциплину, улучшать организацию труда, в полную меру использовать социалистический принцип материальной заинтересованности, систематически повышать культурно-технический уровень и политическую сознательность кадров, развивать социалистическое соревнование.

Имевшее место и преодолеваемое в настоящее время отставание сельскохозяйственного производства объясняется в значительной мере тем, что у нас далеко не полностью использовались возможности и преимущества социалистической системы и, в частности, социалистический принцип материальной заинтересованности. Одной из причин низкого уровня животноводства, например, было то, что заготовительные и закупочные цены на продукты животноводства недостаточно стимулировали материальную заинтересованность колхозов и колхозников в развитии животноводства, не давали им должных доходов, что нарушался погектарный принцип обязательных поставок продуктов животноводства.

Сентябрьский и последующие Пленумы ЦК КПСС, XX съезд партии показали пример ленинского, смелого вскрытия недостатков, мешающих использованию преимуществ социалистического строя. Партия дала образец выявления возможностей социалистической системы, указала пути и средства их реализации и тем самым вооружила советский народ научно обоснованной программой дальнейшего развития экономики и культуры нашей страны. Партия учит, что, чем полнее мы будем вскрывать и использовать преимущества и возможности социализма, тем быстрее будет наше движение вперёд.

Деятельность партий является ярким примером того, как возможность следует превращать в действительность, как надо создавать условия для этого превращения.

Как в масштабе всей страны, так и в каждом колхозе, промышленном предприятии и т. д. возможность превращается в действительность кропотливой организаторской работой по созданию условий для этого превращения, для активной трудовой деятельности масс.

Чтобы были, скажем, реализованы возможности выполнения плана каждым рабочим на предприятии, надо обеспечить ему соответствующие условия для этого — предварительно наладить станки, подготовить инструмент, организовать бесперебойное снабжение сырьём и т. д. Если не создать этих условий, то возможности даже у самого активного, опытного передовика производства не будут использованы.

Учитывая, что претворение возможностей в действительность в развитии нашего общества осуществляется не в порядке стихийности, а в порядке сознательной и напряжённой работы масс и всех звеньев руководящих органов, Коммунистическая партия обращала и обращает огромное внимание на кадры, способные организовать массы в их трудовой деятельности, руководить экономикой предприятий и колхозов со знанием дела. Так, в частности, осуществление задач нового подъёма сельского хозяйства партия поставила в прямую связь с вопросом о кадрах. «Теперь,— говорится в отчётном докладе ЦК КПСС XX съезду партии,— когда у нас созданы материальные и организационные предпосылки для крутого подъёма сельского хозяйства, все зависит от правильного руководства, от умения партийных, советских и сельскохозяйственных органов своей настойчивой организаторской деятельностью обеспечить выполнение принятых партий решений»¹. Для обеспечения правильного руководства сельскохозяйственным производством партией за последнее время был принят ряд мер по укреплению кадров машинно-тракторных станций и колхозов. Десятки тысяч специалистов сельского хозяйства были посланы в колхозы, тысячи коммунистов были направлены в деревню, избраны председателями колхозов и успешно работают.

¹ Н. С. Хрущёв, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 80.

Могучим оружием выявления и использования возможностей, заложенных в социалистическом строе, является критика и самокритика.

Пятилетние планы развития народного хозяйства составляются с учётом наилучшего использования имеющихся возможностей. Но при осуществлении планов на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах открываются дополнительные возможности, резервы производства, экономии средств, рационализации орудий и методов труда. Трудящиеся нашей страны в ходе своей повседневной работы благодаря широкому развёртыванию критики и самокритики вскрывают эти возможности и ставят их на службу дальнейшего всемерного развития народного хозяйства.

Замечательный пример выявления новых возможностей дали труженики сельского хозяйства Воронежской области, выступившие инициаторами социалистического соревнования по увеличению производства молока и мяса и взявшие на себя обязательство в 1956 г. по колхозам и совхозам удвоить производство мяса, т. е. выполнить установленные по шестому пятилетнему плану задания вместо пяти лет в один год, а производство молока удвоить в полтора года. Патриотический почин воронежцев был поддержан колхозниками и рабочими совхозов Украины, Белоруссии, Казахстана, Башкирской автономной республики, Краснодарского края, Московской, Рязанской и ряда других областей. «Если труженики сельского хозяйства и других республик, краёв и областей,— говорится в Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 апреля 1956 г.,—последуют примеру передовиков, то можно с уверенностью сказать, что задания, установленные шестым пятилетним планом по производству молока и мяса, в целом по стране будут выполнены в два, максимум в три года». ЦК КПСС и Совет Министров СССР обратились ко всем работникам сельского хозяйства с призывом успешно выполнить эту задачу, резко увеличить производство сельскохозяйственных продуктов уже в первом году шестой пятилетки.

Использование возможностей нашего развития протекает в борьбе со старым, в борьбе с бюрократизмом, косностью, пренебрежительным отношением к нуждам трудящихся.

Партия, советский народ не только используют имею-

щиеся налицо возможности, но в ходе их осуществления, сознательно опираясь на объективные законы, создают новые возможности дальнейшего развития, дальнейшего движения общества вперёд.

Советский народ под руководством Коммунистической партии создал всесторонне развитую промышленность — основу основ нашей социалистической экономики. Это дало возможность в шестой пятилетке поставить перед промышленностью не только более крупные, но и качественно новые задачи технического прогресса, с тем чтобы на его основе в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны. Создание могучей тяжёлой индустрии и её преимущественное развитие, так же как и создание и укрепление колхозного строя, даёт в настоящее время возможность организовать крутой подъём социалистического сельского хозяйства, лёгкой и пищевой промышленности и тем самым значительно расширить производство предметов народного потребления в целях максимального удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Таково в основных чертах значение сознательного выявления и практического использования возможностей в развитии советского социалистического общества. Всё это подчёркивает огромную роль Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы нашего общества, её политики, основанной на марксистском мировоззрении, роль сознательной активной творческой деятельности миллионов масс советского народа как решающей силы коммунистического строительства в реализации тех безграничных возможностей, которые содержит социалистический строй.

Глава восьмая

ЕДИНИЧНОЕ, ОСОБЕННОЕ И ВСЕОБЩЕЕ

Что означают категории единичного, особенного и всеобщего?

Единичное, особенное и всеобщее, как и другие категории материалистической диалектики, отражают объективный мир, вместе с тем они характеризуют некоторые существенные стороны познания, являясь ступеньками познания действительности.

Единичное — это отдельный предмет, отдельное явление, процесс, событие, имеющее место в природе и обществе. Единичное в философской литературе часто носит название отдельного. Единичным, или отдельным, называется также понятие о реальном единичном факте, событии, мысль об этом факте. Единичным в природе, например, является известная планета или данное растение, животное. Единичным в истории общества является какое-либо отдельное событие, например данное сражение или революция в определённой стране. Единичным будет данный человек: Иван, Фёдор, Василий.

Под отдельным, единичным понимается иногда и группа предметов, входящая в более широкую, более общую группу. Об этом подробнее будет сказано ниже.

Под *всеобщим* понимается объективно существующая общность черт, свойств, признаков единичных предметов и явлений объективной действительности, сходство отношений, связей между ними. Всеобщность есть то, что повторяется во многом, разнообразном, единичном. Всеобщим, или общим, называют также группу, класс предметов, характеризующих общими для них признаками. Всеобщее отражается в познании в виде общих понятий, общих суждений, законов науки.

Особенным называют такую группу предметов, явлений, событий, которая, являясь общим, в то же время входит в другую, более общую группу и в этой группе является уже отдельным, единичным, частью более широкого целого. Особенное — такой круг предметов, который в одном отношении является общим, в другом — единичным, отдельным. Особенным будет, например, круг таких растений, как деревья. Деревья — это общее, ибо объединяет огромное число отдельных, единичных деревьев — лиственных, хвойных. Но это общее входит само как отдельное, единичное в круг растений, куда кроме деревьев входят ещё травы, кустарники, грибы и т. д. Значит, деревья в одном отношении — общее, в другом — отдельное, одновременное наличие этих двух свойств делает их «особенным».

Особенное в реальном мире является как бы звеном между отдельным и всеобщим; в познании особенное отражается в виде понятий и суждений «особенности», являющихся ступеньками развития знания от единичного к всеобщему.

Различие между единичным, особенным и всеобщим относительно. В реальной жизни, как и в познании, почти каждое общее является отдельным по отношению к более широкому кругу явлений, поэтому только во взаимосвязи можно определить, чем является данный процесс: отдельным, особенным или всеобщим. Группа, класс предметов, круг явлений обычно является и тем и другим: и отдельным, и особенным, и всеобщим. Лишь отдельный, индивидуальный предмет или процесс не может быть особенным и всеобщим (данное дерево, данное событие), хотя, как увидим дальше, в любом отдельном есть всегда черты общего. Далее. Есть такие явления, которые не могут быть особенными. Не бывает особенным материя вообще, движение, бытие — это предельно широкие общности. Эти предельно широкие общности отражены в предельно широких понятиях, дальше которых не идёт теория познания, гносеология.

При этом надо указать, что материя, бытие, движение и другие предельно широкие общности, не будучи никогда особенным, всегда реально существуют только в особенном и единичном.

Категории единичного, особенного и всеобщего тесно связаны с другими категориями.

Категорія всеобщего тесно зв'язана з категорією закону як устойчивой, существенной, внутренней, повторяющейся зв'язью явлень. То, что не всеобще, не повторяется всегда и определенным образом в известных условиях, не есть закон. Следовательно, закон есть одно из проявлень всеобщности.

Всеобщее тесно зв'язано з необхідністю, з тем, що являється внутрішнім, обов'язальним в явленнях і зв'язях об'єктивного мира. Для капіталізму необхідним, наприклад, являється експлуатація трудящихся, конкуренція, погоня за прибутком. То, що необхідно для цієї формації, несомненно, являється присущим їй завжди і всюди, в будь-якій країні і на будь-якому етапі її розвитку. Необхідне, следовательно, являється всеобщим.

Також тесно зв'язано всеобщее з категорією сутності. Сутність є внутрішня сторона дійсності, виражаюча глибоку зв'язь явлень, то, що зберігається при всіх безкінечних змінах цього явлення, при всіх зіткненнях його з іншими явленнями. Сутність є те, без чого предмет, явлення втрачають свою головну специфіку, стають в основному уже іншим предметом. Так, сутністю життя являється обмін речовин.

Приведені приклади показують, що всеобщее глибоко проникає в ряд важливих категорій, являясь елементом їх змісту. Всеобщее, далі, зв'язано з усіма без виключення категоріями, поскольку характеризує їх приложимость, застосування до всіх явлень дійсності.

В зміст деяких категорій (наприклад, категорій випадковості, явлення) всеобщее не входить, ибо випадковість і явлення є як раз не всеобщее, не те, що постійно і неперемінно, обов'язально міститься в будь-якій стороні, в будь-якій зв'язі дійсності. Но і випадковість і явлення всеобщі в тому сенсі, що вони мають всюди, в будь-якому процесі.

З категоріями випадковості і явлення тесно зв'язана категорія єдиного. Відомо, що необхідність виступає в формі випадковості, завжди поєднуючись з обставинами, які не являються необхідними, можуть бути іноді такими, іноді іншими. Це означає, що випадковість є єдине, нетипичне, немасове. Наприклад, для квітки яблони, розвиваючогося в нормальних умовах, необхідністю являється утворення плоду.

Но количество зёрнышек в плоду — 10 или 12, или характер поверхности плода — гладкая она или с бугринками или следами поедания плода червяком — это случайные обстоятельства, не повторяющиеся, единичные. Зёрнышки есть обязательно, поверхность у плода тоже, конечно, имеется обязательно, а вот количество зёрнышек и детали характера поверхности — это случайное, единичное, не повторяющееся точно таким образом во всех без исключения плодах.

Или другой пример. Для капиталиста необходимо является эксплуатация, это его всеобщая черта, без неё он не капиталист. Отрасль хозяйства, куда он вкладывает свой капитал, конкретные люди, из труда которых высасывает капиталист прибавочную стоимость, — это единичное, случайное по отношению к капиталу вообще. Эти конкретные люди, конкретные отрасли промышленности, где действует капитал, могут меняться, они случайны по отношению к постоянно действующей эксплуатации, производимой капиталистом.

Единичное тесно связано с явлением, с тем, как сущность обнаруживает себя. Так, сущность жизни проявляется очень многообразно: и в растении, и в животном, и в микробе, и в одноклеточной инфузории, и в сложном организме человека. Всё перечисленное есть явления жизни, и всё это — единичное по отношению к сущности, к общему — жизни.

Проблема категорий общего и отдельного тесно связана с основным вопросом философии об отношении мышления, т. е. наших понятий, суждений, законов науки, к бытию, к познаваемым предметам.

Реальным, объективным является и единичное, отдельный предмет, процесс, и общее — сходные черты, отношения, свойства, закономерности, имеющиеся в этих отдельных предметах. В мышлении, однако, единичное познаётся только в его общих чертах с другими единичными. «Всякое слово (речь) уже *обобщает*... Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее»¹, — писал В. И. Ленин. Если я говорю, что данный единичный предмет — стол, то я его характеризую чертами, сходными со многими другими предметами, имеющими те же черты (доска известной ширины, длины, известного каче-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 256.

ства, горизонтально укреплённая, помещённая на определённой высоте и т. д.). Я, следовательно, характеризую не весь предмет, а лишь некоторые черты в нём. Если, чтобы уточнить характеристику стола, я скажу: «этот стол», то и здесь характеристика дана через общее, ибо любой стол есть «этот стол». Попробуем описать свойства данного единичного стола: широкий, красивый, на дубовых ножках, массивный; мы видим, что характеризуем его опять-таки общими понятиями, указываем черты стола, сходные с чертами других столов и предметов.

Итак, единичное в мышлении может быть познано, характеризуется только как общее. Единичное нельзя в мышлении выразить без общего.

Общее в мышлении (понятия, законы) есть отвлечение от единичного, обобщение в одном образе, в одной формуле черт, свойств, процессов, реально наблюдаемых в массе единичных предметов, явлений. При этом мышление, отражая общее, существенное, указывая коренное, необходимое, как бы отсекает от предмета несущественное, случайное, второстепенное. Общее глубже отражает природу, даёт более глубокое знание о единичном, ибо указывает направляющее, главное в этом единичном. В этом огромная сила и преимущество познания мышлением перед чувственным познанием, преимущество абстракции перед живым созерцанием.

Понятно при этом, что понятия, законы науки, отражающие общее, являются вторичными, отвлечёнными от свойств реальных предметов, а сами эти свойства и предметы являются первичными. Понятие, закон при этом несколько оторваны от единичного, существенные признаки единичного в них мыслятся сами по себе, вне связи с другими признаками единичного — случайными, второстепенными. Но в реальности общие, коренные признаки никогда не существуют без случайных, второстепенных, общее в предметах не существует без различного. Нет такого предмета — стол вообще, предмета, имеющего только те черты, которые выражены в понятии «стол». И нет такого существа, в котором не было бы ничего личного, индивидуального, а имелись бы только черты, выраженные в понятии о нём. Получается, что в самом простом обобщении («стол», «человек») есть известный отход от действительности, известная односторонность, известный кусочек *фантазии*, говоря словами В. И. Ленина. Этот

кусочек фантазии создаёт *возможность* незаметного, незнаваемого человеком превращения абстрактного понятия в фантазию, в конечном счёте в бога. Возможность идеализма дана, таким образом, уже в самой элементарной абстракции. Раздувание этой абстракции, превращение общего в абсолютное, в первичное есть идеализм.

Идеалисты всех времён ненаучно толковали природу общих понятий и категорий, отрицали их объективную основу, отрицали первичность единичного, реального. Наиболее значительным идеалистическим учением в античном мире было учение древнегреческого идеалиста Платона. Платон считал, что «всеобщее» — это «идея», существующая вечно, до вещей, вещи же — несовершенные копии, тени идей. Платон стоял на нелепой точке зрения: общее понятие, идея есть отдельное существо. Выходит, что имеются такие «существа», как «стол вообще», «конь вообще» и т. д., реальные же столы, кони и другие вещи — лишь отблески этих «вечных существ».

Справедливо называя эти представления дикими и чудовищными, В. И. Ленин говорит, что в том же роде трактовали этот вопрос идеалисты Кант, Гегель.

У Гегеля, наиболее крупного идеалиста XIX века, всеобщие понятия, категории выступают как что-то предсуществующее, а диалектика реальной жизни — как простой отблеск этих идей. Истинной реальностью обладает якобы только общее, а не единичное. «Всеобщее есть основание и почва, корень и субстанция единичного»¹, — утверждал Гегель. Действительные отношения поставлены здесь на голову: первичное, вещи выдаются за вторичное; копии, идеи, отражения выдаются за первичное. Понятие, по Гегелю, есть не абстрактный снимок вещей, не отражение того, что объективно необходимо, существенно в вещах; понятие, пишет Гегель, есть то, что живёт в самих вещах, то, «благодаря чему они суть то, что они суть...»².

Гегель извращённо, мистически представляет отношение отдельного и общего. Общее, по Гегелю, как идея, определяет характер вещей. Между тем в жизни мы видим обратное: характером вещей определяется наше знание о них. Общая идея о вещах зависит от свойств, какие в этих вещах имеются.

¹ Гегель, Сочинения, т. 1, 1930, стр. 283.

² Там же, стр. 274.

Буржуазия эпохи империализма цепляется за все реакционные теории прошлого и настоящего, чтобы утвердить идеализм в сознании трудящихся и тем отвлечь их от активной борьбы за переустройство общественной жизни.

В странах Западной Европы, а также особенно в США, распространено философское течение «неотомизма», школа последователей средневекового схоласта Фомы Аквинского, жившего в XIII веке. Неотомисты утверждают вслед за своим средневековым учителем, что единое (т. е. общее) есть основа существования множества (т. е. единичных вещей). Единным они объявляют божественную сущность как прототип всех вещей. Учение неотомизма о едином божественном «общем», породившем всё реальное множество вещей, является одним из главных положений «философии» современной католической церкви, являющейся, как известно, врагом научного познания мира.

В более тонкой форме идеалистическую теорию отношения общего и отдельного пропагандируют ныне так называемые «персоналисты» — сторонники весьма распространённого в США философского течения объективного идеализма.

Всё единичное, конкретное персоналисты объявляют не материальным, а духовным, «духовной субстанцией»; всё есть «персона», личность, иными словами, всё одушевлено: и человек, и животное, и все предметы. «Персона» (личность) — это центральное понятие философии персоналистов. Наука доказала, что сознание, «духовность» есть свойство лишь высокоорганизованной материи, однако персонализм не считается с данными науки. Персоналисты стараются убедить людей, что общим для всего мира является его духовность, весь физический неодушевлённый мир является «инфрачеловеческим», т. е. подобным человеку, обладает сознанием.

Наука доказывает, что единство мира заключается в его материальности. Персонализм вопреки науке утверждает, что единство мира — в его духовности.

По мистической теории персонализма над «духовным» отдельным стоит «духовное» общее, высшая персона, мировой дух, который создаёт это отдельное и управляет им.

Итак, для объективного идеализма, представителями которого являются Платон, Гегель, современные неото-

мисты, персоналисты, характерно утверждение производности единичного и вечности всеобщего, которое якобы лишь идеально и предшествует вещам,

Субъективный идеализм извращает действительную картину мира в другом направлении: отрицая существование общего, он признаёт наличие лишь единичных, чувственных вещей, причём единичные вещи толкуются субъективными идеалистами как комплекс наших ощущений. На такой точке зрения стоял Беркли, утверждавший, что в сознании могут быть только единичные представления и что эти представления и есть вещи. На такой антинаучной точке зрения стояли враги марксистской, материалистической теории — махисты. С их точки зрения объект и ощущение, объект и мысль — одно и то же. Мысль — не копия предмета, не фиксация общего в предметах, мысль есть сами предметы.

Для современной реакционной буржуазной философии характерно в основном субъективно-идеалистическое направление. Наиболее распространённые школы современного субъективного идеализма — логический позитивизм, семантика — главные усилия направляют на борьбу против признания объективности общих понятий, общих законов и суждений. Один из видных деятелей логического позитивизма — Нейрат заявляет, что предложения можно сравнивать только с предложениями, а не с опытом. Семантик Карнап утверждал, что если мы говорим о чём-нибудь, то нельзя думать, что то, о чём мы говорим, существует. Есть, по Карнапу, только то, что мы говорим, т. е. мысль, речь, но нет реальности, к которой они относятся.

Семантики считают главной задачей философии исследование значения слов (отсюда они и заимствовали название своей философии: в языкознании семантика — это дисциплина, изучающая смысловую сторону слов и выражений). Почему эти философы уделяют такое внимание языку? Известно, что всякое слово обобщает, поскольку оно выражает понятие. Семантика призывает пересмотреть это принятое всеми здравыми людьми понятие о словах. Слово, по утверждениям семантиков, не выражение общего, а значок, имя для обозначения субъективного переживания, личного восприятия. Один из основателей семантики, Кожибский, утверждал, что ни одно понятие, ни одно слово, употребляемое нами в

суждениях, не имеет определённого значения, точного смысла.

Семантики утверждают, что общего в природе и обществе нет, что будто бы общие понятия только вводят людей в заблуждение, так как люди обычно полагают, что за общими понятиями стоят какие-то реальные предметы, события, явления, могущие повлиять на их жизнь. Отсюда предложение семантиков — изгнать из науки, из языка общие понятия, и в первую очередь изгнать те понятия, которые якобы вызывают раздор, волнения среди людей. «Бесконечные политические и экономические затруднения в Америке возникли и развивались из-за плохого языка»¹, — писал С. Чейз.

Пустыми абстракциями, «общим», не имеющим за собой отдельного, реального, семантики считают, например, понятия «капитал», «классовая борьба», «империализм», «прибавочная стоимость», «фашизм», «отечество», «нация», «прогресс». Семантики предлагают устранить из языка эти слова, уверяя, что вместе с их исчезновением из словаря могут исчезнуть и неприятные переживания, беды и лишения трудящихся, связанные с этими словами. Достаточно усовершенствовать язык, чтобы исчезли классовые противоречия, — таков рецепт семантиков человечеству.

«Замена одного лишь слова может изменить ход истории, — писал в духе семантизма американский журнал «Зис Уик Мэгезин», — требуется новое наименование для капитализма». И журнал предложил ряд «благозвучных» названий одряхлевшему и изжившему себя капитализму: «продуктивизм», «промышленная демократия», «новый капитализм» и т. д. Понятно, что новое наименование капитализма не пришло и не могло прийти: народы жаждут не нового наименования, а новой жизни.

Нереальность общего семантики пытаются доказывать весьма убогими рассуждениями. Так, семантик С. Чейз уверяет, что капитал — пустое слово, фикция. Попробуйте, говорит он, сфотографировать капитал в действии. Капитал, конечно, нельзя сфотографировать, ибо он не вещь, а общественное отношение между людьми на определённой ступени развития товарного производства. Но трудящиеся США и других стран, страдающие от эксплуа-

¹ St. Chase, The Tyranny of Words, New York 1938, p. 22.

тации, вполне реально испытывают гнёт капитала, и софизмы семантиков не убедят их, что капитал — это фикция.

Так антинаучно, в полном отрыве от практики, показывающей объективность наших общих понятий и суждений, решают семантики проблему общего.

Что касается отдельного, то оно, по учению семантиков, — не единичный предмет, а «логическая единица», «единичное представление», стало быть, нет объективного, материального отдельного. Отрицая реальность и общего и отдельного, семантики приходят фактически к солипсизму, сумасбродному учению о том, что существует лишь один мыслящий субъект.

Антинаучные идеалистические теории современной буржуазной философии отражают регресс буржуазной философской мысли. Идеалистические теории помогают капитализму духовно опутывать трудящихся, внушать им неверное представление о мире.

Материалистическая теория служит духовным оружием пролетариата в борьбе за своё освобождение. Правильное понимание отношения общего и отдельного является важным моментом правильного понимания мира.

Объективная диалектика единичного, особенного и всеобщего

Единичное, или отдельное, — это предмет, индивидуальное явление. Допустим, перед нами берёза. Она имеет свои особые, только ей присущие признаки: свой рост, объём, возраст, свои условия жизни, свои особенности развития. Мы в восприятии очень легко отделим это дерево от других берёз, от других предметов, находящихся рядом, — от травы, кустарников, от почвы, на которой она стоит. Листья этой берёзы и тонкий белый ствол принадлежат только ей; у любой другой берёзы ствол может быть и похож на ствол нашей берёзы, но это уже другой ствол. Единичную берёзу мы легко выделим из всего остального мира.

Но действительно ли эта берёза вполне единична, вполне отделена от мира? Нет ли в ней общего с другими предметами, с другими берёзами? Нет ли в ней общего с дубом, произрастающим недалеко, или другими расте-

ниями? Действительно ли так индивидуальна, неповторима берёза, которую мы рассматривали? Если мы рассмотрим отношения нашей берёзы с другими предметами, установим условия её произрастания, характер её развития, то увидим, что она тысячами нитей связана с другими предметами и явлениями, в ней нет ни одного такого признака, который в различной степени и форме не появлялся бы и в других предметах. Единичная берёза есть частичка всеобщего, её индивидуальное есть не что иное, как особенное сочетание черт, присущих в другом сочетании и в другой степени другим берёзам, дубам, кустарникам и т. д.

У нашей берёзы, заметили мы, *свой* рост, объём, возраст, ствол, *свои* листья; но рост, объём, возраст, ствол имеются и у других берёз, значит, в этих единичных признаках не всё единично, есть нечто и общее. Далее, кроме этих единичных признаков берёза обладает признаками, имеющимися у всякой берёзы: характерной для всякой берёзы особенностью ствола, серебристым оттенком коры, свойственной всем берёзам формой листьев, цветка, особенностью строения, семян, спецификой обмена веществ. Всё это признаки «особенного» — признаки всякой берёзы. Но в этой же берёзе мы встретим и признаки, общие ей не только с другими берёзами, но и с любым лиственным деревом, — пластинчатые листья с разветвлённым жилкованием, что характерно и для дуба, клёна, ясеня, осины и других лиственных деревьев.

Значит, единичная берёза носит в себе кроме признаков единичных также черты особенные и всеобщие.

Но её «всеобщее» — признаки лиственности — само выступает как единичное по отношению к «растениям», а растение есть лишь «особенный» вид живой природы.

Итак, отдельная, единичная берёза оказывается связанной со многим другим. Такие же бесчисленные и бесконечные связи со всеобщим, какие мы обнаружили у берёзы, можно обнаружить у всякого единичного. «...Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему»¹, — говорит по этому поводу В. И. Ленин.

Это можно увидеть в любом явлении неорганической природы. Например, атомы всех элементов различны, пред-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 329,

ставляют собой «отдельное», имеют свой атомный вес, свою валентность, заряд ядра, структуру электронной оболочки и т. д. Но все атомы имеют и общее: во всех атомах есть ядро, электронная оболочка, имеются элементарные частицы; ядра всех атомов могут распадаться. Именно благодаря наличию во всех атомах общих свойств наука получила возможность превращать атом одного элемента в атом другого элемента. Атом, как и любое другое явление объективного мира, выступает как единство различного и сходного, единичного и всеобщего.

Или возьмём, например, такое общее свойство материи, как движение. Марксизм учит, что движение в применении к материи — это изменение вообще. Движение так же всеобщее, как и сама материя. Нет материи без движения и нет движения без материи. Однако движение всегда существует в определённой, особенной форме: механического, молекулярного, электромагнитного движения, движения микрочастиц, химического движения, органической жизни, в форме развития общества, в форме деятельности органа мышления — мозга. Но это «особенное» само реализуется лишь в единичном, в отдельных явлениях движения.

Единство единичного, особенного и всеобщего находит своё выражение в закономерностях развития природы. Возьмём такой всеобщий закон природы, как закон мирового тяготения. Он относится ко всем материальным телам. Любые два тела притягиваются друг к другу с силой, пропорциональной произведению массы этих тел и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Этот всеобщий закон находит своё осуществление в ряде менее общих законов, т. е. в особенном (например, в законах Кеплера, относящихся к движению планет вокруг Солнца, в законе свободного падения тел). Эти «особенные» законы реализуются в движении отдельной, единичной планеты.

В общественных явлениях мы видим ту же реальную объективную взаимосвязь единичного, особенного и всеобщего.

Труд всегда выступает в единстве моментов всеобщего, особенного и единичного. Он имеет общую природу, сохраняющуюся в любой общественно-экономической форме его существования. «Процесс труда... есть целе-

сообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, — всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её общественным формам»¹.

Но кроме общей природы труд всегда имеет и свою особенность; всеобщее в труде как процессе созидания необходимых жизненных благ существует через особенное в определённой конкретно-исторической форме. Так, особенность наёмного труда заключается в том, что рабочий работает под контролем капиталиста, который является собственником средств производства и присваивает продукт труда рабочего. Наёмный труд, как и всякий труд, существует в форме выполнения отдельных процессов труда, в форме единичных работ.

Реальность единства отдельного и общего подтверждается многими другими фактами жизни общества. Так, всем явлениям общественной жизни, как и всем явлениям природы, свойственны внутренние противоречия. Это общее свойство выступает всегда как конкретное противоречие между определёнными классами, партиями, государствами, противоречия внутри классов, партий, государств.

В своей работе «Относительно противоречия» Мао Цзэ-дун пишет по этому поводу: «Отношение между всеобщностью и специфичностью противоречия — это отношение между общим и единичным... Это общее существует через единичное, и без единичного не может быть общего»².

Итак, и в живой и в неживой природе, и в общественных явлениях мы наблюдаем, что отдельное не существует вне связи с общим, а общее существует лишь через отдельное, в отдельном.

«Отдельное противоположно общему», — указывал Ленин, но эти противоположности не существуют друг без друга, они взаимно связаны, существуют в единстве. Любой единичный предмет имеет свойства и особенного и

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 191.

² Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 2, Издательство иностранной литературы, М. 1953, стр. 440.

всеобщего. Значит, всякое отдельное есть так или иначе общее.

Но всякое общее, по определению Ленина, есть частичка, сторона или сущность отдельного. Общее живёт в отдельном, отдельное входит в общее. Неразрывная связь этих противоположностей и есть главная черта их диалектики.

Другая черта диалектики этих категорий есть связь отдельного через тысячи переходов с отдельными другого рода, что выражает собой объективную связь природы, проявление необходимости.

Так, единичная берёза тесно связана с отдельным совершенно другого рода, например с данной почвой, из которой берёза берёт минеральные питательные вещества, данным солнечным лучом, с помощью которого в листе берёзы совершается фотосинтез и усваиваются питательные вещества из воздуха. Вне этой связи с другими отдельными не может развиваться и существовать ни одно отдельное.

Каждая из рассматриваемых категорий охватывает лишь одну сторону объективного мира. Указав общее, допустим: «это берёза», мы указали лишь существенно важное, но не ухватили многих других сторон предмета (местоположение, рост, возраст и т. д.). Понятно, что отдельное связано с общим — «берёза» — лишь частично, не полностью, много черт отдельного остаётся за рамками данного общего. «Всякое отдельное неполно входит в общее...»¹, — пишет Ленин. В этом — неполнота общего. Но и отдельное неполно, взятое само по себе, оно реально существует лишь в связи с общим. Значит, подлинная картина мира, как он существует в реальности, — это диалектическое единство двух противоположностей — общего и отдельного.

Проявление объективной диалектики общего и отдельного заключается ещё в том, что отдельное может превращаться в общее. Примеры подобного превращения мы встретим и в природе и в обществе. Допустим, растение известного вида, характеризующееся установившимся типом обмена веществ, попадает в необычные для себя условия, испытывает постепенное изменение температуры, влажности воздуха и почвы, состава почвы. Эти индиви-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 329.

дуальные изменения в условиях жизни приводят к появлению в растении необычных, нехарактерных для данного типа свойств и признаков организма. Эти случайные, единичные отклонения имеют, однако, основу в законе приспособления организмов к окружающей среде; они закрепляются в потомстве. Растения, не уклонившиеся от всеобщего, т. е. от сложившегося в старых условиях типа, вымирают; растения, уклонившиеся, ответившие на изменения в окружающей среде изменениями в характере своего развития, выживают. Единичные изменения становятся постепенно всеобщими; всеобщее становится постепенно единичным, а затем и вовсе исчезает. Положение о возможности превращения единичного и случайного во всеобщее и необходимое составляет одну из основ научной теории развития живой природы, так как отвергает понятие о видах, т. е. всеобщем, в живой природе, как раз навсегда данных и закоренелых.

Примером превращения единичного во всеобщее служит раскрытое К. Марксом в «Капитале» развитие форм стоимости. Известно, что обмен между людьми продуктами своего труда возник ещё в первобытном обществе, где он носил случайный характер. Этому случайному характеру обмена соответствовала простая, или случайная, форма стоимости. Возникновение первого крупного общественного разделения труда, т. е. выделение пастушеских племён, приводит к тому, что обмен становится более регулярным, более необходимым для нормального функционирования производства. Этой ступени в развитии обмена соответствует полная, или развёрнутая, форма стоимости. Более регулярный обмен, предусматривающий обмен многих разнообразных товаров на многие другие, не мог совершаться в условиях простой формы стоимости, когда стоимость товара получает своё выражение лишь в стоимости одного какого-либо другого товара. При развёрнутой форме стоимости товара стоимость получает своё выражение в потребительной стоимости многих товаров, играющих роль эквивалента. Стоимость здесь и в смысле частоты своего проявления в расширившемся обмене и в смысле характера выражения (стоимость одного выражается во многом) развилась от единичного и случайного к особенному.

Дальнейшее развитие общественного разделения труда и товарного производства привело к тому, что

обмен стал господствующей и необходимой формой реализации продуктов производства. Потребности расширившегося обмена сделали недостаточной форму непосредственного обмена одного товара на другой, что имело место в случайной, или развёрнутой, форме стоимости. Появляется всеобщая форма стоимости, в которой все товары обмениваются на один товар, играющий роль всеобщего эквивалента. Роль всеобщего эквивалента в различных странах первое время играли разные товары: скот, меха, соль и т. д. Потребности дальнейшего расширения товарного производства привели к дальнейшему обобщению всеобщего эквивалента, к образованию денежной формы стоимости, закреплению роли всеобщего эквивалента за одним товаром — деньгами.

Так единичная, случайная форма стоимости, появившись как выражение складывающейся на базе роста производительных сил, разделения труда, необходимости в обмене, развилась через особенное (развёрнутую форму стоимости) во всеобщую форму стоимости.

Единичное, растущее во всеобщее, есть выражение поступательного хода развития. За таким единичным — будущее, поскольку в ходе развития новое, прогрессивное, выражающее закономерность, неизбежно побеждает.

Возьмём, например, факт победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране и построения в ней социалистического общества. Буржуазные идеологи на все лады пытались утвердить за нашей революцией характер единичности, случайности, того, что не может повториться в других странах. Но ныне вслед за СССР уже многие страны Европы и Азии, включая такую великую державу, как Китай, стали на путь социалистического строительства. Социализм стал мировой системой.

Ход исторического развития ясно показывает, что идеи и практика социализма захватывают всё большее количество стран, что со временем все страны придут к социализму, который станет всеобщим на всём земном шаре передовым общественным строем.

Таковы основные черты диалектики категорий единичного, особенного и всеобщего в объективной действительности. Эта объективная диалектика находит своё отражение в диалектике человеческого познания.

Диалектика единичного, особенного и всеобщего в познании

«...Всему познанию человека вообще свойственна диалектика»¹, — указывает В. И. Ленин в своём знаменитом фрагменте «К вопросу о диалектике». Одним из наиболее ярких проявлений диалектики познания является противоречивое единство категорий единичного, особенного и всеобщего.

Основными формами человеческого мышления являются понятия, суждения и умозаключения. Понятие есть форма мышления, обобщающая наши познания. В нём отражаются общие и существенные черты известного, более или менее широкого круга предметов. Понятие есть результат отвлечения от единичного и особенного, установление общего в единичном и фиксация в нашем мышлении этого общего. Примерами понятий будут «стол», «человек», «машина», «революция», «растение».

Понятие, как знание об общем, неразрывно связано со знанием о единичном и особенном. Прежде всего вне связи с единичным и особенным мы не можем образовать понятие, которое есть результат исследования единичного, и далее — вне связи с единичным и особенным мы не можем мыслить содержание уже образованного понятия.

Мысль о содержании понятия или раскрытие содержания, понятия называется в логике определением. В. И. Ленин указывал, что определить понятие значит в первую очередь подвести его под более широкое понятие. С этого подведения начинается всякое определение, но оно им не исчерпывается. Далее должно следовать указание на особенность данного явления, на то, что выделяет его среди другого, более общего явления или процесса. Указанием одного лишь общего сущность данного круга явлений не раскрывается. Сказав о квадрате, что он прямоугольник, т. е. подведя его под более широкое понятие, мы сущности квадрата не выясним: для этого следует указать на «особенность» данного типа прямоугольника — наличие у него равных сторон. Значит, определяя понятие, раскрывая его содержание, мы указываем на единство в предмете или круге предметов некоего общего и некоего особенного. Это требование к раскрытию содержания

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 329.

понятий относится ко всем понятиям, за исключением самых общих категорий, которые определяются особым путём.

В. И. Ленин определил империализм как монополистическую стадию капитализма. Из этого определения следует, что империализм есть капитализм, это не новая формация, а та же капиталистическая формация с присущей ей концентрацией средств производства в руках хозяев, предпринимателей, с лишением средств производства массы эксплуатируемых, с присущей этой формации наёмным трудом. Но кроме этого общего с предыдущей стадией империализм имеет и особые, отличительные признаки: это монополистический этап капитализма. Эта особенность расшифровывается В. И. Лениным в пяти основных признаках империализма¹.

Мы видим, что понятие «империализм» определяется через указание общего («капитализм») и особенного («монополистический»). Оно раскрыто в своём содержании как единство общего и особенного. Понятие есть отражение в познании того общего и существенного, что добыто в результате абстрагирования, обобщения. Но познание не может остановиться на этом.

Постигнув общее, существенное, познание стремится затем установить специфические особенности, свойства отдельных групп явлений внутри этого общего, т. е. спуститься к особенному и отдельному. Подлинная полнота познания предметов заключается как в знании общих коренных черт предметов, так и в знании конкретных форм, в каких это общее выступает.

Так, Ф. Энгельс, гениально обобщая результаты исследования явлений жизни современным ему естествознанием, указал на самое общее, что есть в этих явлениях,— это процесс постоянного самообновления белковых тел. К познанию этого общего мысль пришла от исследования и сопоставления громадного числа отдельных фактов. Без понимания этого общего, т. е. без восхождения к общему, нет понимания жизни. Но явления жизни, невозможные без обмена веществ, не исчерпываются этим общим. Поэтому подлинное знание сути жизни требует ещё знания того отдельного, в чём реально живёт это общее, требует дифференцирования добытого понятия, шествия

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 253.

мысли в обратном направлении, к особенному и единичному. «Чтобы дать действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от самой низшей до наивысшей»¹, — указывает Энгельс. Современная биология изучает жизнь в её бесчисленных проявлениях, в животных, растениях, микроорганизмах. Понятие о жизни выступает в современной науке как знание общего, обогащённое знанием конкретного, как дифференцированное общее знание.

Примером движения познания от всеобщего к особенному, к отдельным формам его является исследование Марксом прибавочной стоимости. Специфика исследуемого явления требовала в данном случае на первом этапе анализа выяснения прежде всего общего, существенного в прибавочной стоимости. Буржуазные экономисты не могли выяснить сущности, загадки прибавочной стоимости, в частности, потому, что анализировали отдельные формы её — прибыль, процент, ренту, не выяснив главного и определяющего для всех этих форм, не умея рассмотреть явление в его всеобщности. Маркс с помощью абстракции установил общее, что имеется в любой форме прибавочной стоимости: это неоплаченный труд рабочего, это стоимость, которую создаёт своим трудом наёмный рабочий сверх стоимости его рабочей силы и которая безвозмездно присваивается капиталистами. Учение о прибавочной стоимости явилось краеугольным камнем экономической теории Маркса. Сила учения о прибавочной стоимости заключается в первую очередь в добытой Марксом абстракции всеобщего в этом явлении. Но учение о прибавочной стоимости в целом представляет собой единство знаний об общем и особенном. Маркс, установив в I томе «Капитала» сущность прибавочной стоимости, даёт в последующих томах анализ всех особенных форм её: прибыли, процента, ренты. Тайна капиталистической эксплуатации раскрыта Марксом в её всеобщих и особенных проявлениях, а это вооружило пролетариат пониманием сущности эксплуатации его любым видом капитала: промышленным, банковским, земледельческим. Понятие «прибавочная стоимость» выступает как расчленённое, дифференцированное знание о всеобщем и особенном.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 78.

Следует иметь в виду, что дифференцированное общее понятие отнюдь не включает в себя, в своё содержание признаки всего особенного.

Известно, что В. И. Ленин называл бессмысленной попытку внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений. Он говорил, что такая попытка свидетельствует об элементарном непонимании того, что есть наука. Действительно, включив в общее понятие все признаки особенного, мы лишили бы понятие его первой отличительной черты — всеобщности. Если, допустим, в понятие жизни или в понятие прибавочной стоимости включить признаки всех известных форм жизни или форм прибавочной стоимости, то это понятие нельзя будет приложить ни к одной из отдельных форм этих явлений. Нельзя будет считать, например, растения живыми организмами, так как они не имеют признаков такого особенного, как животные и микроорганизмы. Точно так же понятие «прибавочная стоимость», если включить в него все признаки отдельных её форм, не может быть приложено уже ни к одной форме, отдельно взятой.

Расчленённое понятие не есть простое соединение признаков общего и особенного, оно есть результат такого исследования явления, когда мысль от общего идёт к отдельному, познавая существенные и определяющие черты особенного. В абстрактном всеобщем понятии имеется знание только о всеобщем (правда, как мы видели, уже это знание не может мыслиться вне знания об особенном, из которого выделяется это всеобщее); в дифференцированном же понятии знание всеобщего выступает одновременно как воплощение добытого человеческим умом знания особенного, индивидуального, отдельного.

Знание отдельного, особенного обогащает наше понимание общего, превращает его из абстрактного общего, в общее, полное различий и движения. Рассматривая этот вопрос, В. И. Ленин выписывает следующее место из «Науки логики» Гегеля: «...одно и то же нравственное изречение в устах юноши, хотя бы он понимал его совершенно правильно, лишено того значения и объема, которое оно имеет в духе испытанного жизнью мужа, выражающего в нем всю силу присущего ему содержания». Это высказывание Гегеля В. И. Ленин сопровождает замечанием: «Хорошее сравнение (материалистическое)»¹.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 73.

Ясно, что одно и то же понятие имеет одно значение для человека, только начинающего изучение науки и только вступающего в жизнь, и другое значение и объём для человека, познавшего жизнь и науку в её многочисленных проявлениях, преодолевшего немалые трудности и познавшего практически, что стоит за общими формулами, выраженными в абстрактном общем понятии.

То же следует сказать о науке в целом. Одно и то же понятие имеет для науки разное значение на разных этапах её развития: одно, когда установлены лишь самые общие черты известного круга явлений, другое — когда это понятие воплощает знание об изученном особенном, об истории и движении этого особенного.

В. И. Ленин отмечал, что в «Капитале» мы встречаем как раз такое всеобщее, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального¹. Такими понятиями являются основные понятия «Капитала»: «стоимость», «прибавочная стоимость», «труд» и другие.

Диалектика единичного, особенного и всеобщего находит отражение также в *суждениях*. Суждение есть такая форма мышления, в которой мы утверждаем или отрицаем за предметом или явлением какое-то свойство, признак, указываем его принадлежность к определённой классу.

Сущность связи между субъектом и предикатом каждого суждения заключается в установлении связи отдельного и общего, причём эта связь позволяет вскрыть в суждении зачатки всех элементов диалектики, взаимосвязь в процессе познания случайности и необходимости, сущности и явления. На это указывает В. И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике».

Анализируя простые предложения «Листья дерева зелены», «Иван есть человек», «Жучка есть собака», В. И. Ленин показывает, что в каждом из этих предложений утверждается, что отдельное («листья дерева», «Иван», «Жучка») есть общее («зелены», «человек», «собака»). Стало быть, в каждом суждении есть противоречие, объединяется то, что различно и противоположно. Это противоречие в суждениях отражает реальное противоречие отдельного и общего. Без этого противоречия, без этой диалектики в суждениях не может быть истинного отражения противоречия жизни.

¹ См. В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 72.

В суждении «Иван есть человек» мы в предикате, т. е. в понятии «человек», отбрасываем признаки Ивана как единичного, как личности: его рост, возраст, род его занятий — все признаки, которые могут и не быть у данного человека, не характерны для него как для человека вообще. Мы указываем как на существенное, необходимое в Иване — что он человек, выделяем его этим указанием из круга всех живых существ, не являющихся людьми. Человек — это то, что необходимо в Иване, остальные же признаки случайны и могут изменяться: может измениться его рост, меняется непрерывно возраст, могут меняться занятия, взгляды, вкусы. В Иване, конкретной личности, всегда существуют черты необходимые, т. е. черты человека вообще, и черты случайного, изменяющегося. Суждение об Иване, как единстве отдельного и всеобщего, отражает, следовательно, имеющееся в Иване, как и в любом единичном предмете, единство явления и сущности, случайности и необходимости. Это типичная черта всех суждений вообще.

Другой чертой диалектики суждений является характерный для них ход развития от единичного через особенное ко всеобщему.

Яркий пример такого развития суждений даёт Ф. Энгельс в «Диалектике природы», где он излагает историю развития знаний людей о природе тепла и переходе одного вида энергии в другой¹.

Люди давно наблюдали, что с помощью трения можно вызвать появление теплоты. На основе этого наблюдения было сформулировано суждение: «Трение вызывает теплоту». Дальнейшее расширение знаний позволило сформулировать новое суждение, дающее более глубокое представление о теплоте: «Любое механическое движение вызывает теплоту». Первое суждение можно рассматривать как единичное, в нём мы высказываемся об одном виде механического движения — трении, второе будет суждением более общим, суждением особенности. Во втором суждении высказывается знание уже не об одном виде механического движения, а о всех его видах, о механическом движении вообще.

Дальнейшее развитие знаний на основе практики человечества привело к всеобщему суждению: «Любой вид

¹ См. Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 177—178.

движения способен при известных условиях превращаться в другой вид движения». В последнем суждении содержится уже знание о всеобщей превращаемости всех видов движения: теплового, например, в механическое, физического — в химическое, химического — в электрическое и т. д. Всеобщее суждение выросло из суждений единичности и особенности.

Развитие суждений от единичного через особенное ко всеобщему есть своеобразный закон мышления, постоянный и устойчивый факт мышления, который отражает закон природы, реальный факт нахождения в каждом единичном явлении черт всеобщности и особенности.

Это можно проследить и на приведённом примере. Ведь единичное физическое явление, единичный факт нагревания тел при трении, имеет черты превращения механического движения в теплоту и превращения движений из одной формы в другую вообще. Взаимосвязь единичного, особенного и всеобщего в природе отчётливо отражается во взаимосвязи суждений соответствующего типа.

Ф. Энгельс делает из анализа движения данных суждений следующий замечательный вывод: «...это показывает, что законы мышления и законы природы необходимо согласуются между собою, если только они правильно познаны»¹.

История науки даёт много примеров аналогичного движения суждений.

До начала XIX века существовало разделение газообразных тел на «пары» и «собственно газы», или «постоянные газы». Это было связано с тем, что «пары» (воды, эфира, спирта) могли обращаться в жидкость при увеличении давления уже при комнатных температурах, в то время как «постоянные газы» (углекислый газ, азот, водород, хлор, кислород, воздух, гелий, окись углерода, окись азота и др.) не удавалось обратить в жидкость при сколь угодно высоком давлении. М. Фарадей в начале XIX века впервые высказал мысль, что различие между парами и газами только кажущееся, и, применяя для сжижения газов повышение давления одновременно с охлаждением, получил жидкий хлор.

Таким образом, в результате эксперимента Фарадея можно было сформулировать суждение единичности:

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 178.

«постоянный газ», хлор, может быть обращён в жидкость.

После разработки физиками учения о критической температуре (впервые мысль о существовании такой температуры была высказана Д. И. Менделеевым) были обращены в жидкость путём одновременного применения давления и охлаждения ниже критической температуры многие из считавшихся ранее «постоянными» газов. Таким образом, развитие физического эксперимента и теории привело к развитию суждения единичности в суждение особенности: «Большая группа «постоянных» газов может быть обращена в жидкость при обязательном охлаждении ниже критической температуры и применении высокого давления». Однако некоторые газы: кислород, азот, гелий и др., долго не поддавались усилиям экспериментаторов.

В конце XIX и начале XX века были сконденсированы все до сих пор не сжижавшиеся газы, в 1908 г. удалось осуществить сжижение гелия, имеющего самую низкую критическую температуру ($-267,9^{\circ}$). Развитие науки привело к переходу от суждения особенности к суждению всеобщности: «Все без исключения газы могут быть обращены в жидкость, если газ охлаждён ниже критической температуры и одновременно подвергается высокому давлению».

Революция в физике, начавшаяся в конце XIX века и захватившая всю первую половину XX века, есть цепь замечательных открытий, знаменующих движение от единичного к особенному и всеобщему.

В 1895 г. физик Рентген открыл особые невидимые лучи, названные им вследствие их загадочной физической природы X-лучами. В 1896 г. физик Беккерель случайно убедился, что урановые соли также обладают излучением, причём это излучение отличается по своим свойствам от рентгеновского. Открытие Беккереля позволило сформулировать суждение единичности: «Есть вещество (уран), которое самопроизвольно испускает невидимые лучи». Супруги Кюри задались вопросом: нет ли ещё каких-нибудь веществ, которые испускают самопроизвольно невидимые лучи с теми же свойствами. Опыты обнаружили, что урановая смоляная руда и халколит (медная урановая руда) испускают лучи большей интенсивности, чем чистый уран. В результате длительных экспериментов

Склодовской-Кюри удалось выделить из состава этих сложных веществ два новых элемента — полоний и радий, носителей невидимого излучения, подобного излучению урана. Это открытие, произошедшее в 1898 г., позволило науке сформулировать суждение особенности: «Некоторые элементы обладают свойством самопроизвольного излучения». Способность этих элементов к самоизлучению была названа радиоактивностью. Впоследствии науке удалось значительно расширить круг элементов, которые могут быть радиоактивными. Увеличивается количество искусственных радиоактивных элементов, получаемых в атомных реакторах. Наука включает всё новые и новые элементы в число обладающих свойством радиоактивности, движется к суждению всеобщности.

Подобным же образом шло развитие суждения о существовании изотопов элементов. Наука и в данном случае движется по пути всё большего обобщения первоначальных открытий.

Обобщение предыдущих знаний, сформулированных в менее общих научных суждениях, является законом развития науки. Так, теория радиоактивного распада, созданная Резерфордом и Содди в 1903 г. и имевшая в своё время прогрессивное значение, была обобщением экспериментов конца XIX века. Так называемый закон сдвига в обобщённом виде установил связь между явлениями радиоактивного распада и расположением элементов в системе Менделеева.

Главное положение закона Д. И. Менделеева — о зависимости физико-химических свойств элемента от его атомного веса — обобщено наукой, которая устанавливает связь между атомным весом и зарядом ядра атома; физико-химические свойства элемента рассматриваются сейчас как функции заряда ядра его атома. Периодический закон Менделеева получил в обобщённом виде подтверждение в науке и практике нашего времени.

Все эти данные подтверждают, что суждения, образуемые на основе знаний о единичном, движутся в своём развитии через особенное к всеобщему, отражая всё более глубоко сущность и закономерность процессов объективной действительности.

Данные науки подтверждают известное высказывание Ф. Энгельса о том, что «всякое действительное, исчерпы-

вающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность...»¹.

Понятно, что понятия и суждения не сами движутся к всеобщности: они развиваются на основе практики, эксперимента, научных исследований, на основе сложного процесса мыслительной деятельности. Очень важным моментом этой мыслительной деятельности являются *умозаключения*, в которых так же, как и в других формах мышления, мы наблюдаем единство отдельного, особенного и всеобщего.

Умозаключение есть процесс выведения нового знания на основе знаний, уже имеющихся. Умозаключение есть процесс опосредствованного познания действительности, познания одного предмета посредством другого. Этим оно отличается от познания непосредственного, когда предмет познаётся сразу, без посредствующих рассуждений. Непосредственное познание — это познание с помощью органов чувств. Допустим, передо мной доска, я непосредственно узнаю её цвет, скажем чёрный, состояние поверхности и т. д. Ну, а как установить площадь, занимаемую доской? Достаточно ли здесь непосредственного познания? Очевидно, нет. Чтобы вычислить площадь доски, я должен, во-первых, измерить её длину, затем ширину и умножить длину на ширину и так узнать, сколько в доске квадратных метров или сантиметров. Для добывания последнего знания я руководствовался уже не просто органами чувств, а опирался на знания, добытые измерением, и из этих знаний вывел новое знание. Здесь имел место типичный процесс умозаключения.

Умозаключение позволяет, не прибегая каждый раз к нашим органам чувств, образовать новые знания, выводя их из старых, ранее известных знаний.

Умозаключение разделяется на два основных типа: дедуктивные выводы и выводы индуктивные. Дедукция и индукция характеризуют движение познания между двумя полюсами: единичным и всеобщим. При своей противоположности оба типа выводов тесно связаны. Заключение от общего к частному (дедукция) невозможно без предварительного образования общего. А всеобщее, указывал Энгельс, должно выводиться «из единичного, а не

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 185.

из себя или из воздуха»¹. Иными словами, заключение от общего к частному невозможно без заключения от частного к общему, дедукция невозможна без индукции.

Дедукция исходит из того, что каждое единичное понятие носит в себе черты своего особенного, а особенное имеет черты всеобщего, отсюда — всякое единичное, принадлежащее к данному определённого особенного, необходимо имеет черты всеобщего.

Элементарным примером дедукции может служить так называемый категорический силлогизм. В этом силлогизме имеется средний термин, понятие, встречающееся в каждом из двух суждений, участвующих в умозаключении. Это понятие выражает «особенное». Поскольку это особенное содержится в известном всеобщем, а в этом особенном содержится некое единичное, то законным является вывод, что данное единичное содержится в данном всеобщем, т. е. имеет черты этого всеобщего.

Простейшая форма дедукции отражает самые обычные отношения единичного, особенного и всеобщего. Мы знаем, что все металлы проводят электричество (общее положение), знаем, далее, что данный предмет — металлический; отсюда делаем несомненный вывод, что он будет проводить электричество. «Металл» здесь будет особенным, принадлежащим всеобщему — «проводники электричества». Данный предмет имеет черты особенного, он металлический, значит, он имеет и черты «всеобщего», т. е. проводит электричество.

Разумеется, дедукция применима не только в таких элементарных случаях, как приведённый выше.

Как момент в диалектическом анализе действительности, дедукция играет важную роль в самом сложном мышлении, она обеспечивает правильное приложение общих законов к частным явлениям и значительно расширяет наши знания о вещах. Примеров тому мы найдём немало и в естественных и в общественных науках.

Незыблемость некоторых общих положений и правильные выводы из них являются основой всякого научного исследования. Так, ни при каких условиях подлинный учёный не может отрицать приложение закона сохранения материи и энергии к какому-либо виду материи или

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, 1932, стр. 74

случаю преобразования энергии. Известно, что факт преобразования так называемой «пары» (электрона и позитрона) в излучение идеалисты толковали как исчезновение материи, нарушение закона сохранения материи. Твёрдое убеждение в незыблемости этого закона, убеждение, что материя не исчезла, а лишь превратилась в какую-то новую форму, было стимулом, толкавшим физиков на поиски этой новой формы материи: было обнаружено, что «пара» электрон-позитрон превращается в фотон, в материальное явление электромагнитного излучения.

В качестве важных моментов исследования дедуктивные выводы в большом числе встречаются в «Капитале» К. Маркса. С помощью дедукции Маркс показывает действие выведенного им закона стоимости в различных сферах капиталистического производства и обращения. В выведении из общего понятия прибавочной стоимости конкретных единичных форм её также сыграл свою роль дедуктивный способ умозаключения. Общее, само выведенное из единичного, ведёт к более глубокому познанию единичного.

Индуктивные выводы также связаны с проблемой единичного и общего в познании. Индукция рассматривает единичное в той связи, которая ведёт к общему. Только на признании единства отдельного и общего можно строить обобщение. Индукция играет важную роль в возведении единичного в общее.

Многие важнейшие законы природы были выведены сначала индуктивным путём, а затем проверены анализом и подтверждены практикой. К таким законам относятся, например, закон Архимеда, гласящий, что на тело, погружённое в жидкость, действует выталкивающая сила, равная весу жидкости в объёме этого тела, и законы Кеплера о движении всех планет по эллипсу. Позднее эти законы были доказаны и дедуктивным путём: закон Архимеда — путём анализа давления, испытываемого телом, погружённым в жидкость; законы Кеплера выведены из закона всемирного тяготения и законов движения И. Ньютона.

Даже в математике, науке, по преимуществу дедуктивной, некоторые важные положения доказывались сначала индуктивным путём, а потом были подтверждены дедуктивно. Так обстояло дело, например, с одной важной теоремой из теории чисел, так называемой малой теоре-

мой Ферма, французского математика. Он путём наблюдения установил, что выражение $\frac{a^p-1}{p}$ всегда имеет в остатке единицу, если p — любое простое число и a есть любое число, кроме чисел, кратных p . Эта теорема была позднее доказана дедуктивным путём.

Индукция может сыграть свою роль и в обобщениях, касающихся явлений социальных.

Вывод ряда важнейших положений Маркса в «Капитале» связан с индукцией. Так, рассуждая о стоимости, Маркс обобщает ряд единичных фактов обмена, указывая, что в каждом обмене товары приравниваются к чему-то третьему, общему. Приводя ряд примеров такого обмена, Маркс делает далее вывод, что этим общим является труд вообще¹.

На индуктивное доказательство Маркс опирается при анализе исторического процесса отделения средств производства от непосредственного производителя, приводя многочисленные факты хода этого процесса из истории Англии; исследуя методы производства относительной прибавочной стоимости, Маркс также использует многочисленные факты.

Восьмая глава I тома «Капитала» («Рабочий день») даёт замечательный пример двоякого — индуктивного и дедуктивного — анализа, на наличие которого указывал В. И. Ленин².

Подход Маркса к решению проблемы рабочего дня на первом этапе её исследования является дедуктивным. Маркс вскрывает за видимостью цельного, неразличимого в своих частях рабочего дня его сущность: рабочий день делится на необходимое и прибавочное рабочее время. Это положение вытекает из марксистской теории прибавочной стоимости. Необходимое рабочее время определяется стоимостью рабочей силы, а последняя — стоимостью средств существования. Анализ этой части рабочего дня остаётся в пределах дедукции, выведения логических следствий из уже установленных положений³. Иначе обстоит дело с определением прибавочного рабочего времени. Из законов капиталистического производства следует лишь, что рабочий день должен включать в

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 43—45.

² См. В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 216.

³ См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 238.

себя прибавочный труд, иначе рухнет вся капиталистическая система; далее дедукция может установить, что длительность рабочего дня не может подниматься до «естественного дня жизни», так как в этом случае рабочий не сможет восстановить затраченную им рабочую силу. Но величину прибавочного рабочего времени нельзя уже просто вывести из законов капиталистического производства.

Следуя природе данного явления, которое нельзя исследовать дедуктивно, Маркс исследование прибавочного времени ведёт индуктивным способом. Восьмая глава I тома «Капитала» отличается от других глав этого же тома особой насыщенностью историческим материалом, на страницах этой главы приводятся факты борьбы за рабочий день в различных производствах: гончарном, хлебопекарном, спичечном; приводятся высказывания рабочих, фабричных инспекторов, самих капиталистов, оживает пёстрая толпа рабочих всех профессий, возрастов и полов. Маркс рисует картину ужасающей эксплуатации, непосильного труда детей и подростков, приводит факты массовых заболеваний, истощения и смерти рабочих на почве непосильного труда.

Из фактов, взятых из различных отраслей английской промышленности, Маркс делает общие выводы для всей Англии; из обобщения английской действительности он делает вывод для всего капиталистического производства. Маркс исходит при этом из того, что страна, промышленно более развитая, показывает стране, менее развитой, лишь картину её собственного будущего.

«...Установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом»¹, — таков вывод Маркса.

Таким образом, все формы логического познания — и понятия, и суждения, и умозаключения — представляют единство единичного, особенного и всеобщего.

Взаимосвязь данных категорий характерна и для познания действительности в форме *художественных образов*.

Главная проблема художественности в литературе заключается в глубине типизации, в создании образов,

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 304.

типичных для данной эпохи, данного социального строя. Тип, по замечательно яркому выражению В. Г. Белинского, есть «торжество органического слияния двух крайностей — *общего* и *особного*»¹, т. е. особенного. Лицо, которое изображается в произведении, должно быть, по Белинскому, выражением целого особого мира лиц и вместе с тем лицом единичным, целым, индивидуальным².

Таким образом, общее в искусстве не есть типичное, это лишь элемент типичного. Общее, выраженное в отрыве от отдельного, может стать в произведении простым рупором духа времени, провозглашающим определённые идеи, но не типом, т. е. обладающим общими, повторяющимися, характерными для определённой социальной группы чертами, и вместе с тем чертами особыми, индивидуальными, неповторимыми. В то же время типичным не может быть признано лицо, обладающее индивидуальностью, неповторимостью, особенностью, но не обнаруживающее ясно черт общего, существенного для данной социальной группы. Тип всегда есть художественное обобщение. «...Если писатель сумеет отвлечь от каждого из двадцати — пятидесяти, из сотни лавочников, чиновников, рабочих наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т. д., — отвлечь и объединить их в одном лавочнике, чиновнике, рабочем, этим приёмом писатель создаст «тип», — это будет искусство»³.

Проблема типического, одна из центральных проблем эстетики, является в значительной мере проблемой органического единства общего и отдельного, повторяющегося и индивидуального в тех чувственно-конкретных образах, которые создаёт писатель, правдиво отражая действительность.

Односторонне и глубоко ошибочно представлять типичное как только общее, существенное или, наоборот, только как исключительное, индивидуальное, особенное. Между тем именно к этому сводились распространённые за последние годы среди работников литературы и искус-

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, изд. Академии наук СССР, М. 1954, стр. 318—319.

² См. В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. III, изд. Академии наук СССР, М. 1953, стр. 53.

³ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, ГИХЛ, М. 1953, стр. 468.

ства ошибочные взгляды на природу типичного в художественном творчестве, согласно которым типичное сводится к сущности данного социального явления.

Схоластическая формула о типическом как выражающем только социальную сущность явления выбрасывает из типического то, что составляет специфику художественного отражения действительности, т. е. необходимость воплощения общего в индивидуальном.

Без воспроизведения общего в индивидуальном, особенно не может быть художественного, конкретно-чувственного образа. В этом отличие художественного отражения действительности от логического познания, которое также ставит целью познать сущность явлений, но остаётся при этом в основном в сфере абстракции. Формулируя закон, наука никогда не даёт тут же рядом всё многообразие проявления этого закона, всё индивидуальное, в чём закон проявляется. Между тем художник может и должен изображать сущность, закон только слитно, вместе с индивидуальным, через индивидуальное. Социолог может, например, указать, что рабочий класс нашей страны повёл за собой крестьянство по пути социалистического строительства, что десятки тысяч рабочих-коммунистов пошли в деревню и стали там вожаками колхозного крестьянства; этим он, безусловно, отразит социально существенное, но это ни в коей степени не будет типическим в художественном отношении. М. А. Шолохов, не давая никаких обобщающих теоретических формулировок, создаёт образ Давыдова — и это глубоко художественный образ, органически соединяющий существенное с индивидуальным, черты рабочего-коммуниста вообще с чертами индивидуального человека, со своей особенной судьбой, своими сильными и слабыми сторонами. Существенное в образе коммуниста, колхозного руководителя глубоко входит в наше сознание, так как оно связано талантливым писателем в единое целое с живой неповторимой судьбой человека.

Примером глубоко типичного образа является образ Корчагина из романа Н. Островского «Как закалялась сталь». В нём выражены самые прекрасные черты молодёжи нашей эпохи: её мужество, дерзания, готовность на жертвы во имя Родины, стойкость в борьбе. Эти черты выражены в индивидуальном образе, в индивидуальных поступках героя. Слияние общего и особого в образе

Корчагина делает этот образ живым, правдивым, увлекающим.

Следовательно, познание отдельного и общего в их единстве является характерной чертой всех форм познания, в своеобразной форме это единство выступает в художественном познании.

Диалектика категорий единичного, особенного и всеобщего отражает в познании диалектику объективной действительности. В силу этого категории единичного, особенного и всеобщего приобретают большое практическое значение для общественной деятельности, для борьбы пролетариата за своё освобождение и революционное переустройство общества.

Значение категорий единичного, особенного и всеобщего для практической деятельности

Значение категорий единичного, особенного и всеобщего для практической деятельности определяется прежде всего тем, что учёт отдельного и общего в их различии и единстве есть выражение одного из основных требований диалектики о конкретно-историческом подходе к явлениям, о конкретности истины.

Собственно, ни одного явления нельзя правильно понять и оценить, если не учесть его сущности, того, что у него есть общего с другими явлениями, и не понять в то же время его специфики, отличия, особенности. Без верного общего взгляда мы будем блуждать по поверхности явлений. Но, как указывал Энгельс, верный общий взгляд всё же недостаточен для объяснения частных, из которых картина явлений складывается, а пока мы не знаем частных, нам не ясна и общая картина¹.

В. И. Ленин считал тщательный учёт общего и частного важнейшим методологическим принципом, от которого нельзя отступать при решении важных теоретических и практических вопросов. Можно проследить на ряде примеров, как настойчиво боролся В. И. Ленин за применение этого принципа на самых различных этапах развития нашей партии.

¹ См. *Ф. Энгельс, Анти-Дюринг*, стр. 20.

В 1902 г. В. И. Ленин критиковал проект программы партии, составленный Плехановым, за то, что в нём говорилось о капитализме вообще, но не давалось характеристики русского капитализма. А именно анализ русского капитализма со всеми особенностями его развития и необходимо было иметь в программе, определявшей цели и направление борьбы рабочего класса России.

В 1905 г., выступая против оппортунистических лозунгов новой «Искры», выдвигавшей тогда на первый план «революционное самоуправление» народа, В. И. Ленин подробно выясняет вопрос о соотношении целого и части, показывая, что процесс стихийного развития идёт запутанно, что в связи с этим надо уметь отличать часть от целого, отдельное от общего, факты, изменяющие ход процесса в целом, от фактов, не оказывающих решающего влияния на ход процесса.

«Диалектический процесс развития действительно высывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопаниям, которые нередко сбивают борцов с истинно-революционного пути»¹, — писал В. И. Ленин.

В период империалистической войны 1914—1918 гг. большое значение приобрёл национальный вопрос, в частности вопрос о возможности национальных войн. Ряд социал-демократов полагал, что национальные войны не могут больше иметь места, ибо типичным для современной империалистической эпохи являются войны империалистические, захватнические. Такой точки зрения придерживались Р. Люксембург, К. Радек и некоторые другие. Здесь явно нарушалась диалектика: отдельное противопоставлялось общему, нетипичное метафизически противопоставлялось типичному. В. И. Ленин в 1916 г. писал: «...это вздор. Это явная ошибка и историческая и политическая и *логическая* (ибо эпоха есть сумма разнообразных явлений, в коей кроме типичного есть *всегда* иное)». И далее: «...в империалистическую эпоху могут быть и «справедливые», «оборонительные», революционные

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 342.

войны [именно: 1) национальные; 2) гражданские; 3) социалистические и т. п.]»¹.

Исторические факты показали правоту Ленина. Первая мировая война завершилась войной социалистического Советского государства против напавших на него империалистов. Вторая мировая война ознаменовалась многими освободительными национальными войнами. Страны Центральной и Восточной Европы (Польша, Чехословакия, Югославия и другие) героически боролись за своё национальное освобождение, против гитлеровских захватчиков, их справедливая национально-освободительная борьба переросла в борьбу против социального угнетения и завершилась народно-демократическими революциями в этих странах. Героические национально-освободительные войны против империалистов вели народы Кореи и Индокитая.

Важная роль учёта особенностей развития различных стран в современную эпоху видна и на таком примере. Главной чертой нынешней эпохи является превращение социализма в мировую систему, охватывающую страны с населением около 1 миллиарда человек, дающую около 30% мировой промышленной продукции и занимающую одну четверть земной территории. Куда относится, однако, остальная часть человечества, т. е. две трети его, не входящая в социалистический лагерь? Относится ли она целиком к империалистическому лагерю?

Среди стран, не входящих в социалистический лагерь, имеются страны, которые проводят политику мира и национальной независимости. Народы этих стран стремятся к социальному прогрессу. Они выступают против военных блоков. Поэтому, несмотря на различие в социально-экономическом строе этих стран и стран социалистического лагеря, миролюбивая политика таких стран, как Индия, Бирма, Индонезия, Египет и некоторых других арабских стран укрепляет не империалистический лагерь, а лагерь мира и демократии.

Поэтому отнесение всего несоциалистического лагеря к лагерю империалистическому означало бы формально-статистический подход к вопросу, игнорирование того многообразия процессов, суммой которых является сейчас

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 180, 181.

социально-общественная жизнь многих стран несоциалистического лагеря.

Национальный вопрос всегда давал и даёт пример необходимости гибкого учёта общего и особенного, его решение требует умелого использования и применения этих категорий. Пролетарский интернационализм требует сочетания общих интересов рабочего движения с специфическими интересами рабочего класса каждой страны в отдельности.

В отчётном докладе ЦК КПСС XX съезду указывалось на ошибки отдельных товарищей, которые полагали, что любовь к своей родине якобы противоречит международной солидарности трудящихся, социалистическому интернационализму. На деле любовь к своей родине, т. е. к её трудящимся, составляющим огромное большинство населения каждой страны, не противоречит прекрасному и благородному чувству любви к трудящимся всего мира. Кто истинно любит, уважает свой народ, тот любит и уважает такое же чувство в гражданине любой другой национальности. Кто борется за счастье своего народа, тот не может не сочувствовать борьбе за счастье других народов.

Сочетание интернационализма и патриотизма — это в наше время не только лозунг, но и реальность. Всем известно, какую огромную помощь оказывают друг другу страны социалистического лагеря. Одним из важных фактов, выражающих эту взаимную помощь, является создание Объединённого института по исследованию ядерной энергии, в котором усилиями учёных всего социалистического лагеря будут вестись научные исследования. Советское правительство безвозмездно передало этому институту ценнейшее оборудование, в том числе самую крупную в мире установку по ускорению движения элементарных частиц (синхрофазотрон).

Органическое соединение социалистического патриотизма с интернационализмом является идейной основой укрепления братской взаимосвязи социалистических наций. Надо заметить, что социализм не уничтожает национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие экономики и культуры всех наций и народностей.

Учёт общего и отдельного играет большую, иногда прямо решающую, роль при определении путей социали-

стического преобразования каждой отдельной страны. Марксизм-ленинизм никогда не считал, что к этой общей цели все страны придут непременно одинаковым образом. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал, что единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения не устраняет видоизменения этого принципа в частностях, в зависимости от национальных и национально-государственных различий. Важнейшей задачей пролетарской партии Ленин считал необходимость изучить, отыскать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи¹.

Мировое коммунистическое движение выполняет этот великий завет В. И. Ленина. Коммунистические и рабочие партии различных стран, учитывая специфические особенности и конкретную обстановку своих стран, по-разному решали и решают вопросы социалистической революции. Период после второй мировой войны дал большое разнообразие государственных форм диктатуры пролетариата. В странах Центральной и Восточной Европы формой диктатуры пролетариата является народная демократия в отличие от нашей страны, где такой формой является власть Советов. Среди стран народной демократии также имеются особенности в устройстве государственных органов, отражающие исторически сложившееся своеобразие национально-государственного развития, и в формах строительства социализма.

Китайский народ строит социализм во многом своеобразно, в соответствии со своими особенностями и условиями. Вследствие унаследованной от прошлого экономической и технической отсталости в Китае более широко, чем в европейских странах народной демократии, используется в интересах строительства социализма государственный капитализм.

В январе 1956 г. в Китае началось массовое преобразование частных предприятий в государственно-частные, т. е. смешанные предприятия. Особенность этого преобразования заключается в том, что в смешанные предприятия переходят не отдельные частные фабрики, заводы, магазины, как в предыдущие годы, а целые отрасли промыш-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 72.

ленности и торговли. Государство обеспечивает занятость всех промышленников и торговцев, откликающихся на мероприятия государства, даёт им назначение на соответствующие их опыту посты на предприятиях и в торговле.

Национальная буржуазия Китая входит в национальный народно-демократический фронт. Между рабочим классом и национальной буржуазией имеет место не только борьба, но и отношения делового сотрудничества. Гибкий, диалектический подход к решению проблем социалистического строительства в Китае, основанный на учёте экономического и политического своеобразия страны, даёт самые плодотворные результаты.

По-особенному в Китае происходит и социалистическое преобразование сельского хозяйства, где долгое время после народной революции основной формой кооперирования были объединения полусоциалистического типа, сохраняющие частную собственность на землю и орудия труда, а сейчас наступил период массового перехода крестьян к объединениям социалистического типа.

При единстве в главном и основном в разных странах народной демократии применяются разные формы и методы решения конкретных проблем, устанавливаются различные темпы социалистического преобразования. Чуждые сектантства и догматизма, коммунистические и рабочие партии руководят строительством социализма в своих странах, учитывая особенное, специфическое в их развитии.

XX съезд КПСС, исходя из огромного роста сил социализма, из коренных изменений на мировой арене, установил, что в ряде капиталистических стран рабочий класс имеет сейчас реальную возможность объединить под своим руководством подавляющее большинство народа, завоевать прочное большинство в парламенте и обеспечить переход основных средств производства в руки народа.

Партия считает, что формы перехода к социализму будут становиться всё более разнообразными. Однако всё возможное разнообразие путей, форм, темпов социалистических преобразований неизбежно должно иметь и нечто общее, без чего данное развитие не является социалистическим. На это необходимое общее обстоятельство указывается в отчётном докладе ЦК КПСС XX съезду: «При

всех формах перехода к социализму непременным и решающим условием является политическое руководство рабочего класса во главе с его передовой частью. Без этого невозможен переход к социализму»¹.

Решение важнейшего вопроса современного революционного движения — вопроса о единстве рабочего класса — также связано с практическим использованием диалектики отдельного и общего. XX съезд партии отметил, что сейчас имеются благоприятные условия для объединения сил международного рабочего движения. Главным является здесь возможность и необходимость совместной борьбы коммунистических и социалистических партий, профсоюзных организаций всех направлений против угрозы новой мировой войны. «Интересы борьбы за мир требуют, — говорится в отчётном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, — отложив в сторону взаимные обвинения, найти точки соприкосновения и на этой базе разработать основы для сотрудничества»².

Вполне возможно сотрудничество, т. е. общее и успешное действие, коммунистов с теми партиями и деятелями социалистического движения, которые придерживаются других взглядов на формы перехода к социализму, чем коммунисты. Решению великих общих задач борьбы против новой войны, за осуществление экономических требований рабочего класса, против растущей эксплуатации и обнищания рабочего класса в капиталистических странах, не должны мешать разногласия по философским и теоретическим проблемам, разделяющие коммунистов и социалистов.

Вопросы нашего внутреннего, хозяйственного и партийного строительства также тесно связаны с практическим использованием категорий общего и отдельного. При сохранении единой хозяйственной политики нам необходимо, указывал В. И. Ленин, всестороннее, всемерное развитие инициативы, почина, самостоятельности мест, изучение практического опыта, возможно большее его разнообразие³.

¹ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 44.

² Там же, стр. 22.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 343.

В своей поддержке каждого новатора производства партия исходит из того, что данное прогрессивное единичное начинание может и должно стать всеобщим. В директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану указывается, что все партийные, хозяйственные организации должны обеспечить быстрее внедрение в производство опыта лучших предприятий и колхозов, передовых людей промышленности и сельского хозяйства.

Трудно найти такую сторону практической деятельности нашей партии, которая бы в той или иной степени не требовала учёта диалектики общего и отдельного.

Имевшие место ошибки в организации планирования сельского хозяйства, чрезмерная бюрократическая централизация планирования были связаны с недооценкой особенностей развития районов и колхозов — их возможностей, их сложившейся культуры земледелия. Новый порядок планирования, установленный ЦК партии и Советским правительством, правильно учитывает и общие задачи и особенные условия отдельных районов, что содействует развёртыванию инициативы мест.

Большое значение для развёртывания инициативы мест имеет рекомендация ЦК КПСС и Совета Министров СССР колхозам дополнять и изменять отдельные положения Устава сельхозартели с учётом местных, конкретных условий. Это должно устранить недостатки прошлого периода, когда колхозам иногда навязывались общие, не отвечающие конкретным условиям производства и уровню развития хозяйства организационные формы и хозяйственные нормативы.

При разработке проекта директив XX съезда партии по шестому пятилетнему плану ЦК КПСС учёл предложения коллективов многих тысяч предприятий и колхозов. Патриотическая инициатива и разносторонний производственный опыт широких масс рабочих, колхозников, специалистов промышленности и сельского хозяйства, учёных помогли Центральному Комитету партии полнее определить возможности и задачи развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Умелое сочетание централизации с развёртыванием местной инициативы составляет одну из важных задач многих участков социалистического строительства. Директивы XX съезда по шестому пятилетнему плану преду-

смастривают, например, известную перестройку системы снабжения с тем, чтобы в ней правильно сочетались принципы централизации с развитием местной инициативы по использованию имеющихся ресурсов для снабжения населения.

Вопрос об отношении личных и общественных интересов есть также вопрос о взаимоотношении отдельного и общего.

Нарушение, забвение принципа материальной заинтересованности наносят огромный ущерб общим государственным интересам. Известно ленинское указание о том, что социализм на одном энтузиазме не построишь, что нужно создать личную заинтересованность людей в результатах своего труда. Недооценка личных интересов колхозников, существовавшая практика завышенных налогов на приусадебные участки, низкие заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства — всё это привело к отрицательным результатам. Колхозники, слабо заинтересованные в результатах своего труда, во многих случаях равнодушно относились к колхозному хозяйству, сокращали посевы на своих приусадебных участках, уменьшалось количество скота, находящегося в собственности колхозников. Усиление принципа личной материальной заинтересованности существенно изменило за последнее время отношение колхозников к общественному хозяйству, в значительной мере определило начавшийся подъём социалистического сельского хозяйства и подтягивание запущенных его участков.

С другой стороны, выдвижение на первый план личных интересов в ущерб интересам общества, коллектива также приводит к вредным последствиям. Такое поведение характерно для людей с пережитками капитализма, для всякого рода рвачей, расхитителей социалистической собственности, карьеристов.

Благородным моральным и правовым принципом социализма является сочетание, единство общественных и личных интересов, такое сочетание, в котором общественные интересы занимают первое место. Это не значит, конечно, что личности в социалистическом обществе приходится постоянно приносить в жертву свои интересы. Наоборот, именно честно трудясь на общество, помня всегда об общественных интересах, каждый человек в социалистическом обществе обеспечивает условия для сво-

его собственного счастливого существования. С другой стороны, счастье каждой отдельной личности есть то, что обеспечивает счастье и свободу всех. На эту особенность нового общества указывали ещё свыше 100 лет назад основоположники марксизма. Маркс и Энгельс писали о коммунизме как об ассоциации, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹.

Никакая плодотворная трудовая деятельность невозможна без учёта общего и отдельного в окружающих нас предметах. Осознают люди, что они пользуются этими категориями, или не осознают — практически они учитывают эти две стороны действительности.

Возьмём пример из практики нашего сельского хозяйства. Учёный-новатор Т. С. Мальцев выдвинул и обосновал общее положение о том, что однолетние растения, так же как и многолетние, могут улучшать плодородие почвы. Он указал пути использования однолетних растений для этих целей: безотвальная глубокая вспашка один раз в 4—5 лет и ежегодная поверхностная неглубокая обработка почвы при тщательном очищении полей от сорняков. Метод Мальцева блестяще оправдал себя на опыте колхоза «Заветы Ленина», а также многих колхозов Зауралья, Казахстана, Ставрополя и других мест. Однако колхозы и совхозы нашей страны не просто копируют метод Мальцева, а применяют его в соответствии со своими климатическими условиями, они учитывают особенности своих почв, пользуются другими орудиями предпосевной обработки почвы, изменяют сроки и некоторые приёмы обработки. Т. С. Мальцев сам неустанно призывает работников сельского хозяйства не смотреть на его приёмы как на догму, а применять их в соответствии с почвенно-климатическими условиями своих мест, изучать и использовать возможности улучшения плодородия почвы. Так в конкретных условиях используется общая закономерность с учётом *особых* условий, в каких проявляется эта закономерность. Это общее и отдельное должно быть учтено каждым агрономом, каждым работником сельского хозяйства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2, Госполитиздат, 1955, стр. 447.

Другим примером необходимости учёта рассматриваемых категорий может быть труд учителя. Педагог в своей деятельности исходит из знания общих закономерностей развития детей школьного возраста, но вместе с тем он должен учитывать, как это *общее* преломляется в поведении того или иного учащегося, в его отношении к учёбе, к семье, к коллективу товарищей, учитывать возрастные *особенности* учащихся.

Во внутренней жизни партии сочетание общего и отдельного также играет немалую роль. Основной принцип построения нашей партии, демократический централизм, предусматривает одновременно строгую дисциплину, подчинение всех членов партии общим законам партийной жизни и право самостоятельности, развитие инициативы, свободное выражение мнения каждым членом партии.

Из природы партии, из её принципа демократического централизма вытекает коллективность руководства. За последние годы наша партия развернула борьбу с культом личности. Культ личности воспитывал пренебрежение к идущей снизу инициативе, он означал противопоставление деятельности отдельного лица общему, деятельности целой партии, народа.

В практике рассмотрения вопросов партийной работы очень важно уметь вскрыть характерное, специфическое. Часто, например, материалы результатов обследования парторганизаций различных предприятий похожи друг на друга, не вскрывают особенностей работы каждого из них. Партийный орган не может поэтому иногда дать квалифицированного совета низовой партийной организации. Нередко бывает и так, что в вынесенном решении всё верно, но в нём нет конкретных советов, которые помогли бы наладить работу именно на этом обследуемом предприятии. Неконкретность руководства — это и есть неумение видеть специфическое, особенное. О таких резолюциях говорят, что они «обо всём вообще и ни о чём в частности», они не мобилизуют на решение конкретных задач, мало содействуют улучшению работы. Разумеется, плохи и те указания, которые исходят из другой крайности: перечисляют конкретные практические задачи, забывая об общем направлении работы, об общих исходных принципах и задачах.

Итак, решение как теоретических задач, так и практических, направление усилий всей партии и деятельности любой низовой партийной организации, любого советского и хозяйственного органа — всё это требует правильного, диалектического подхода, в частности правильного учёта и применения категорий единичного, особенного и общего.

Переживаемый сейчас период подъёма творческой активности партийных масс и всего советского народа выдвигает задачу особенно решительной борьбы с догматизмом, закостенелостью, неумением видеть и учитывать специфику нового, особенного. Во всей деятельности партии, в успехах её внешней и внутренней политики мы ощущаем благодатные плоды гибкости и инициативности партийного и государственного руководства.

Отвергая идеалистические и метафизические толкования категорий единичного, особенного и всеобщего, партия творчески использует их для успешного решения практических задач коммунистического строительства.

Глава девятая

АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ

Важными категориями марксистской диалектики как теории познания и логики являются категории абстрактного и конкретного. Эти категории возникли из потребностей глубокого понимания процесса познания, они дают возможность понять диалектику отражения действительности в сознании человека. Дать анализ этих категорий — прямая задача диалектической логики. Понять эти категории можно только путём определения их места в процессе познания, глубоко и всесторонне отражающего диалектику объективного мира.

Категории абстрактного и конкретного тесно связаны с другими категориями диалектики, в особенности с такими, как явление и сущность, закон, анализ и синтез, логическое и историческое, чувственное и рациональное. Как и другие категории гносеологии, абстрактное и конкретное имеют объективное содержание, они отражают объективные закономерности явлений природы и общества.

Конкретное в познании есть отражение того объективного факта, что явления, предметы действительности существуют как единство, целостность различных сторон, свойств и отношений.

Так, какое-либо растение, например пшеница, имеет много различных сторон и свойств. Пшеница состоит из нескольких частей: корень, стебель, колос. Она имеет определённый цвет, форму, каждая из частей её обладает своей структурой и формой и т. д. Или, например, такое явление общественной жизни, как язык, представляет собой единство словарного состава и грамматического строя.

Конкретный познавательный образ представляет собой целостное отражение предмета, явления в единстве его различных сторон, в их взаимосвязи.

Абстрактное в познании возможно потому, что различные стороны, свойства и отношения в предметах, явлениях имеют относительную самостоятельность, отличны друг от друга, имеют различное отношение к сущности предмета, а потому в познании можно выделять одни стороны, свойства предмета, абстрагируясь от других сторон.

Так, например, человеческое общество — очень сложный социальный организм. В каждом обществе имеются определённые производительные силы, производственные отношения, различные формы надстройки: государство, религия, философия и т. д. Каждое общество имеет свою культуру, науку. Общество — единство этих различных сторон, каждая сторона имеет свои специфические особенности и закономерности развития. В процессе познания необходимо выделять и изучать эти отдельные стороны общества. Так и поступают различные науки. Одни науки изучают развитие техники, другие своим предметом имеют закономерности производственных отношений, третьи — историю культуры, науки и т. д. Абстрактное есть выделение отдельных сторон, свойств и отношений в предмете в целях постижения его сущности.

В истории философии давно был поставлен вопрос о соотношении абстрактного и конкретного в познании, но различные философские направления по-разному ставили и решали его.

Абстрактное и конкретное в формальной логике

Вопрос об абстрактном и конкретном непосредственно связан с пониманием процесса образования научных понятий.

Долгое время в философии господствовал формально-логический взгляд на процесс образования понятий. Сущность этого взгляда состоит в следующем. Имеются вещи, явления, которые даются нам в ощущениях и восприятиях. Анализируя восприятия вещей, выделяя в них отдельные элементарные части, признаки, исследователь сравнивает эти признаки, находит общие и сходные среди них. Выделенное сходное и общее составляет, согласно

формальной логике, понятие. Так, например, изображает процесс образования понятий Д. Локк. На вопрос, как образовалось понятие «животное», Локк отвечает: «Замечая, что разные вещи, отличные от их идеи «человек», и потому не могущие вписаться под этим именем, имеют всё-таки некоторые общие с человеком качества, они удерживают только эти качества, соединяют их в одну идею и получают опять другую и более общую идею; а дав ей имя, они получают термин с более широким объёмом. Эта новая идея образуется не от прибавления чего-нибудь нового, но, как и прежде, только вследствие устранения формы и некоторых других свойств, означаемых именем «человек», причём удерживаются только идеи тела, жизни, чувства и самопроизвольного движения, понимаемые под именем «животные»»¹.

Так представляли себе процесс образования понятий и многие другие философы. Выводом из такой теории абстракции явился формально-логический закон обратного отношения между объёмом и содержанием понятия. Согласно этому закону, чем понятие более общее, тем оно менее содержательно. Так, например, если сравнивать по объёму такие два понятия, как «липа» и «дерево», то объём понятия «дерево» больше объёма понятия «липа», ибо понятие «дерево» включает в свой объём не только липу, но и все другие породы деревьев. По содержанию же понятие «липа» богаче понятия «дерево», ибо в содержание понятия «липа» включаются все те признаки, которые присущи всем деревьям вообще, и, кроме того, признаки, специфичные только для липы и отличающие её от других деревьев. И действительно, если процесс абстрагирования свести к выделению признаков и нахождению только общего и сходного среди них, а под содержанием понятия разуместь только количество признаков, то к другому выводу прийти нельзя. Тогда на самом деле наиболее общие понятия, категории придётся считать самыми бессодержательными, пустыми. К такому выводу приходили некоторые философы, которые считали, например, понятие «мел» более конкретным и содержательным, чем понятие «материя» и «движение».

Конкретным знанием в формальной логике является живое, чувственное восприятие вещей, а абстрактным —

¹ Д. Локк, Опыт о человеческом разуме, М. 1898, стр. 406.

выделение любого общего, сходного в них. Движение познания идёт от чувственного познания к отдельным абстрактным определениям. Весь процесс абстрактного мышления сводится к вычленению отдельных признаков из предмета.

Формальная логика описывает структуру, строение исторически сложившихся форм мышления (понятий, суждений, умозаключений). Нельзя, конечно, отрицать важное значение формальной логики и её теории абстрагирования, но неверно сводить только к этим простым приёмам сложный процесс абстрагирования, абсолютизировать их.

Ввиду того, что логики и философы до возникновения марксизма были по преимуществу метафизиками, они абсолютизировали формальную логику и её теорию понятия, упрощённую схему образования понятия превратили в исчерпывающую теорию абстракции, что приводило к недооценке роли понятий в познании, в достижении конкретного и глубокого знания. Ограниченный сенсуалист боится, как бы абстракция не дала что-либо большее по сравнению с тем, что дано непосредственно в восприятии. Для эмпирика абстракция — своеобразная форма чувственного познания, то же восприятие или ощущение, но только с меньшим количеством признаков. Он не видит того, что абстракция — новая, качественно своеобразная по сравнению с чувственным знанием форма познания действительности. Всё то, что недоступно непосредственно чувствам, постигается на основе данных чувств мышлением. Так, например, человек не может представить ни размера, ни скорости движения элементарных частиц материи. Но современная наука с помощью абстрактно-теоретического мышления создала понятия об элементарных частицах и о скорости их движения.

К чему приводит узкоэмпирический взгляд на сущность понятия и абсолютизация формально-логической концепции образования его, можно видеть на примере современной позитивистской философии, которая пропагандирует эту теорию абстракции в опошленной форме. Один из современных позитивистов — семантик Хайякава рисует процесс абстрагирования следующим образом. Перед нами какой-либо единичный предмет (например, корова «Бесси»). Каждый предмет есть динамический процесс, поэтому он никогда не может быть познан во всей его

совокупности, наше знание о нём не может быть точным. Опыт не даёт нам образа объекта, как он существует сам по себе. Объект нашего опыта является не чем-то существующим вне и независимо от нас, а взаимодействием нашей нервной системы, по его мнению несовершенной, с чем-то вне её. Как видим, исходной философской посылкой при образовании понятия у Хайякава является агностицизм.

Вторым пороком концепции образования понятия у семантиков есть непонимание диалектики единичного и общего, тождественного и различного. Понятие может схватывать только общее, а потому оно в своём движении всё дальше и дальше отходит от сущности предмета. «Бесси,— пишет Хайякава,— единична — во всей вселенной нет больше ничего, похожего на неё во всех отношениях. Но наша нервная система, автоматически абстрагируясь или отбирая из процесса — Бесси те её черты, которые придают ей сходство с другими животными подобного размера, функции и привычки, классифицирует её как «корову»»¹.

Весь процесс абстрагирования, таким образом, сводится к вычитанию признаков из единичных вещей. Так, относя «Бесси» к классу коров, мы отмечаем сходство единичного экземпляра — «Бесси» — с другими подобными экземплярами, но мы теряем всякое различие между ними. Причём этот переход от «Бесси» к «корове» означает обеднение нашего знания, ибо вместо «динамического процесса», «вихря», полного «электро-химико-неврологических процессов», каким является «Бесси», мы получаем статическую идею — «корова». Итак, чем выше мы поднимаемся в абстракции, тем всё беднее становится наше знание. Хайякава строит следующую лестницу абстракций: 1) корова, как она существует сама по себе; 2) корова, как мы её воспринимаем. Уже в восприятии коровы опущены некоторые черты единичного предмета; 3) слово «Бесси» — это имя, которое дали восприятию коровы. Это слово не есть предмет; обозначая предмет, оно опускает многие характерные черты его; 4) слово «корова» включает характерные черты, присущие всем коровам; 5) в слове «домашнее животное» опущены все специфические особенности коров, а сохранены признаки, общие у коровы со

¹ Hayakawa, *Language in thought and action*, N. Y. 1949, p. 167.

свиньями, цыплятами, козами и т. д.; 6) слово «крестьянское имущество»; 7) слово «имущество»; 8) слово «богатство» находится на исключительно высоком уровне абстракции и опускает почти всякую ссылку на характерные черты Бесси.

Таким образом, по мнению Хайякава, поднятие на высокий уровень абстрагирования означает потерю почти всякой связи с предметом. В таком случае действительно абстрактные понятия становятся излишними, превращаются в слова, в звуки. Поэтому семантики и говорят о том, что наибольшее значение имеют понятия, находящиеся на низшей ступени абстрагирования, ближе стоящие к ощущению единичного предмета. Такое представление о процессе абстрагирования вполне гармонирует с взглядами ограниченного эмпирика на сущность понятия.

Процесс движения от чувственно-конкретного к абстрактному в действительности значительно сложнее и содержательнее по сравнению с тем, как он изображается в формальной логике и в неопозитивистской философии.

Решение вопроса об абстрактном и конкретном в диалектической логике

Теория познания диалектического материализма исходит из того, что процесс познания начинается с живого, чувственного созерцания. Все понятия, теории и идеи в конечном счёте эмпирического происхождения. Марксистский философский материализм в полном согласии с данными современного естествознания считает, что иначе, как через ощущения, мы не можем знать ни о каких свойствах вещей.

Ощущения и восприятия являются не символами, не иероглифами явлений действительности, а копиями, снимками, изображениями их. Мир чувственного знания — это объективный мир, отображённый в нашем сознании.

С помощью ощущений, восприятий и представлений, которые являются формами живого, чувственного созерцания, люди познают отдельные свойства вещей (цвет, звук, вкус), отдельные предметы, явления в целом в их чувственно-конкретной связи друг с другом. Так, когда мы воспринимаем автомобиль, едущий по улице, то отражаем его как нечто целое: и форму, и цвет, и звук мотора, и шум

колёс, различаем отдельные части его, видим тех людей, которые едут в нём. И все эти детали выступают перед нами в единстве, в живой связи. Результатом живого созерцания действительности является чувственно данная картина её.

Чувственное созерцание — только начальный пункт процесса познания. На нём не может завершиться процесс познания, ибо оно только диффузное (слитное целое, составленное из разнородных частей, элементов) конкретное, в нём нет знания сущности предмета, не вскрыты глубокие закономерности его движения. Чувственный образ отражает предмет непосредственно с его случайными и несущественными сторонами. Основное достоинство чувственно-конкретного — непосредственная достоверность.

В истолковании чувственного познания и его роли материалистическая диалектика выступает, с одной стороны, против недооценки данных чувств, принижения того знания, которое дают ощущения, восприятия и представления, с другой стороны, против чрезмерного преувеличения роли живого чувственного созерцания.

Существует неверное мнение, что чувственно-конкретное отражает только свойства, специфические для данного предмета, и совсем не отражает признаков, которые являются общими у данного предмета с другими предметами. Подобное мнение опровергается фактами.

В чувственном образе отражены свойства предмета, как общие у него с другими предметами этого рода, так и специфические только для него. Так, например, в нашем восприятии какого-либо конкретного дерева даны как свойства, которые присущи всем деревьям (корень, ствол, крона), так и индивидуальные особенности данного дерева (своеобразие в разветвлении корня, изогнутость ствола и т. д.). Если бы чувственное познание не давало бы нам ни в какой форме знания общего, то откуда его могло бы черпать мышление, источником которого является чувственный опыт?

Материалистическая диалектика признаёт необходимость движения нашего знания от чувственно-конкретного к абстрактному, рассматривая последнее как новую качественную ступень в развитии знания.

Материальной основой движения от чувственно-конкретного к абстрактному является общественно-историческая практика людей. Человек прежде всего фиксирует

внимание на тех предметах и сторонах, которые практически полезны и необходимы для его жизни. Практика указывает, какую сторону надо выделить в предмете как главную, существенную.

Такое важнейшее понятие биологической науки, как «вид», возникло на основе практических действий человека с растениями и животными, которые играют большую роль в жизни человека. Прежде всего человек объединял отдельные индивидуумы в однородные группы по их сходству, а в дальнейшем стал группировать растения и животных не только на основании их сходства, но и их родства; так возникает генетическое понятие о виде.

На основе практики происходит образование понятий о явлениях общественной жизни. В своей книге «Государство и революция» В. И. Ленин вскрыл процесс формирования одного из важнейших понятий марксизма — «диктатура пролетариата». Основоположники марксизма разработали учение о диктатуре пролетариата на основе обобщения революционной практики, особенно революций 1848 и 1871 гг. Так, обобщая опыт революции 1848 г., Маркс пришёл к выводу, что пролетарская революция должна сломать буржуазную государственную машину. «До какой степени,— пишет В. И. Ленин,— строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году»¹.

Опыт Парижской Коммуны 1871 г., обобщённый Марксом, подтвердил вывод, который Маркс сделал в 1852 г., и дал возможность более конкретно ответить на поставленный вопрос: чем заменить буржуазное государство, что будет представлять собой пролетарское государство.

Коммуна дала первый пример того, как надо ломать буржуазную государственную машину (ликвидировать постоянную буржуазную армию, уничтожить привилегии чиновничества и т. д.). Но одного опыта Парижской Коммуны было далеко не достаточно для образования конкретного понятия «диктатура пролетариата». В. И. Ленин,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 381,

обобщая опыт революционного движения в новую историческую эпоху, в особенности опыт русской революции 1905—1907 гг., выдвинул чрезвычайно важное положение о Советах как форме диктатуры пролетариата.

Понятия о явлениях общественной жизни возникают тогда, когда данное общественное явление достигает определённого уровня зрелости или когда одно и то же свойство неоднократно повторяется, становясь всеобщим. Научное понятие стоимости возникло в условиях капиталистического общества, где товарные отношения становятся господствующими и проявляются в миллионы раз повторяющемся явлении обмена.

Абстрагирование — целенаправленный процесс. Человек подходит к анализу предмета с определённой целью, выделяя одно в предмете и отвлекаясь от другого. В научном мышлении цели не произвольны и не чисто субъективны, а имеют объективное содержание. Своё объективное значение цель получает через практику. Сама цель есть выражение практических потребностей.

Какое бы понятие современной науки мы ни взяли — оно прошло сложную и длительную историю своего возникновения и развития. Нельзя сказать, что процесс формирования и развития какого-либо понятия современной науки уже сейчас завершился и наука не внесёт никаких изменений в его содержание. Такие исходные, фундаментальные научные понятия, как масса и энергия — в физике, вид — в биологии и т. д., имеющие сложную и длительную историю своего формирования, постоянно и непрерывно развиваются. Так, например, понятие «вид» в биологии возникло на основе обобщения восприятий и представлений людей о животном и растительном мире. До К. Линнея это понятие не имело строгих границ, видами называли вообще все сходные растения или животные. Потом под видом стали разумеать совокупность индивидуумов, происшедших один от другого, от общих родителей или от родителей, сходных с ними. Новым этапом в формировании понятия «вид» явилось учение Дарвина, который включил в понятие «вид» изменчивость его. Дальнейшее развитие понятия «вид» связано с мичуринским учением.

Понятия изменяются либо в связи с изменением самой действительности (это относится в особенности к понятиям об общественных явлениях), либо в связи с углубле-

нием наших знаний о явлениях внешнего мира. В отдельные эпохи в науке происходит крутая ломка старых понятий и возникновение новых, обнаруживается крупное несоответствие между фактами действительности и понятиями о ней, что влечёт изменение в содержании понятий.

В формировании понятия играют определённую роль все приёмы научного исследования: сравнение, эксперимент, теоретическое упрощение и др.

Существуют абстракции различных уровней. Для образования одних абстракций, первичных, достаточно простого сравнения и выделения общего, другие абстракции, более глубокие, образуются более сложным путём. Так, например, для образования понятия «стол» действительно достаточно простого сравнения наших восприятий и представлений стола, выделенных на основе сравнения их общих признаков, выражающих особенность этого класса предметов. Но если мы возьмём такие понятия, как «мнимое число» или «абсолютный нуль», или «дифференциал» и т. д. (любое сложное понятие науки), то они образовались не путём сравнения восприятий отдельных мнимых чисел, абсолютных нулей, дифференциалов и т. д. (которые вообще не воспринимаются), а другим, более сложным путём, включающим в себя не только сравнение, но и анализ и синтез, дедукцию и индукцию в их единстве. Если для таких понятий, как «стол», мы можем легко и просто найти предмет, который они отражают, то для мнимого числа, абсолютного нуля, дифференциала и т. д. физический прообраз найти значительно сложнее или вообще невозможно, их связь с объективным миром хотя и существует, но она не столь очевидна. На этом и спекулирует идеализм, изображая эти понятия как чистые творения человеческого духа.

Формальная логика указывала только на одну сторону сравнения — установление общих, сходных признаков. Но путём сравнения обнаруживаются также различие в предметах, особенности предмета, характер изменения его.

Так, для образования научного понятия «труд» недостаточно сравнить различные виды человеческого труда и установить то общее, что присуще всем формам и видам труда. В результате такого сравнения нельзя установить специфические особенности человеческого труда. Надо ещё сравнить труд человека с деятельностью животных,

найти коренное, качественное отличие труда человека от очень похожей на труд деятельности животного.

Задача абстрагирования состоит не только в том, чтобы выделить общий, сходный признак в предмете, но и в том, чтобы обнаружить такую сторону в предмете, которая представляла бы его сущность. Выделить не просто общее, а общее и существенное — вот задача абстракции. Посредством абстракции исследователь пытается выявить закономерность в чистом виде, не искажённом случайностями её проявления.

Например, образовать понятие «человек» — не значит вскрыть любое общее, присущее всем людям. Определение человека как двуногого животного, лишённого шерсти и перьев, неправильно именно потому, что оно, хотя и указывает общий признак всех людей, далеко стоит от вскрытия сущности человека. По этой же причине неудовлетворительным является определение человека как существа, владеющего речью, мыслящего существа и т. д.

Образовать научное понятие о человеке — это значит вскрыть то, что человека сделало человеком, что его выделило из окружающей природы. Марксизм показал, что производство орудий труда составляет сущность человека.

Та абстракция, которая выделяет несущественную, второстепенную сторону в предмете и, наоборот, отвлекается от существенных свойств и отношений, является пустой, неразумной. Она не помогает понять сущность предмета, а уводит исследователя от неё. Конкретно-исторический анализ явлений действительности основан не на пустых, а на разумных и содержательных абстракциях.

Маркс в «Капитале» рассматривает огромное количество абстракций, абстрактных определений: «товар», «стоимость», «труд», «деньги», «производство», «потребление», «кризис» и т. д. Но в этих абстракциях вскрываются существенные стороны, свойства предмета. С помощью их Маркс вскрывает экономические закономерности развития общества.

Движение нашего знания от ощущений, восприятий и представлений к отдельным абстракциям, в которых отражаются наиболее существенные стороны предмета, является общим ходом всего человеческого познания. Так идёт познание во всех отраслях научного знания: и в естественных и в общественных науках.

В результате этого движения мы отходим непосредственно от предмета со всеми его случайными и несущественными сторонами, но ближе подходим к познанию сущности предмета, к истине. В. И. Ленин писал:

«Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... — от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона природы, абстракция стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»¹.

Мышление благодаря абстракции отходит от предмета, но только для того, чтобы глубже постигнуть его. Абстракция является ступенью, путём к конкретному и всестороннему познанию.

В самом деле, современная физическая наука оперирует очень абстрактными определениями, понятиями, физическую модель которых трудно, а порою даже и невозможно представить. Но именно с помощью этих абстракций физика глубоко и всесторонне познала строение материи.

В математике можно выделить три ступени математических абстракций. Первая — зарождение понятия числа (отождествление предметов и отвлечение от бесконечного разнообразия их индивидуальных качеств) и создание символов для чисел, т. е. цифр. Вторая — переход от конкретных чисел к буквенным символам (от арифметики к алгебре). Конкретное число выступает как частное по отношению к буквенным символам. Третья — отвлечение не только от числового содержания символов, но и от конкретного количественного содержания математических операций, например, равенство $a + b = b + a$ выступает здесь как равенство не только величин, но и векторов, перестановок и т. д.

Подымаясь на более высокую ступень абстракции, математика не порвала с действительностью, а, наоборот, с помощью таких абстракций, как «множество», «группа», «абстрактное пространство», она овладела тончайшими процессами природы. «...Можно утверждать, — пишет известный советский математик академик Колмогоров, — что новейшее развитие математики делает её ближе к *действительности*, позволяет ей охватить большее разнообра-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 146.

ние реальных явлений и изучать их с меньшей степенью схематизации, чем это могла делать классическая математика»¹.

Абстракция выделяет какую-либо одну сторону предмета в «чистом виде», т. е. в таком, в каком она не существует в действительности. Так, «производство вообще», «материя вообще» и т. д. являются абстракциями, ибо в действительности нет ни производства вообще, ни материи вообще, существуют лишь конкретные формы производства и конкретные формы материи. Но эти, как и другие абстракции, отражают действительно существующие стороны в предметах, стороны, присущие всякому производству и всякой форме материи. Не познав эти стороны, эти свойства, нельзя глубоко и по-настоящему понять ни одну конкретную форму производства, ни одну конкретную форму материи.

Процесс образования понятий включает в себя упрощение, схематизацию, огрубление действительности. Каждая абстракция включает в себя момент фантазии. Идеализм спекулирует на этой особенности наших абстракций. В. И. Ленин писал:

«Раздвоение познания человека и *возможность идеализма (= религии) даны уже в первой, элементарной абстракции...* Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепок (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*»².

Тот факт, что в абстракциях действительность несколько упрощается, схематизируется, что абстракции содержат момент фантазии, отлёта от действительности, используется идеализмом для искажения отношения абстракций к объективному миру. Одни идеалисты утверждают, что понятия существуют сами по себе, независимо от реальных вещей, творцом которых они являются. Это

¹ «Сборник статей по философии математики», М. 1936, стр. 13.

² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 308.

характерно для объективного идеализма, отрывающего понятия от объективного мира, что в конечном счёте приводит к принижению роли понятий в познании действительности, поскольку они оторваны от неё. Другие считают абстракции лишними, ненужными, бесплодными, мешающими нам познать мир. Последний взгляд на сущность абстракции характерен для современной позитивистской философии.

Отличительными особенностями философии позитивизма являются: идеалистическое истолкование опыта, ощущения, отрыв ощущений от внешнего мира, приводящий к отрицанию существования природы независимо от человека; отказ от признания возможности познания сущности вещей и сведение научного познания к простому регистрированию и описанию фактов, отказ от познания внутренних закономерностей развития природы и общества и фактическое отрицание объективного существования этих закономерностей; пренебрежительное отношение к теоретическому, абстрактному мышлению. Под флагом борьбы с абстрактностью и спекуляциями позитивисты ведут борьбу с научными абстракциями. Для современного позитивизма характерно сведение всех философских проблем к проблемам логики, а последних — к проблемам языка и отсюда погружение всей философии в дебри абстрактных, схоластических языковых спекуляций.

Для семантической философии, как разновидности позитивизма, характерно сведение абстракций к словам. Всеобщие понятия — это только слова, при этом слова понимаются как знаки, символы, которые не имеют никакого отношения к явлениям природы и общества. Наука занимается только манипуляцией символами.

Семантик Карнап, например, пишет: «Эмпирики вообще довольно подозрительны в отношении любого рода абстрактных сущностей, таких, как свойства, классы, отношения, числа, предложения и т. д. Обычно они больше симпатизируют номиналистам, чем реалистам (в средневековом смысле слова). Настолько, насколько это возможно, они пытаются избежать любой ссылки на абстрактные сущности и ограничивают себя тем, что иногда называется номиналистическим языком, т. е. языком, который не содержит подобных ссылок»¹.

¹ «Semantics and the philosophy of language», 1952, p. 208.

Для семантиков особенно неприятны общие понятия, или, как они говорят, общие слова. Любой язык без ущерба для выразительности можно якобы преобразить так, что в нём не будет общих слов.

Доказательства бессмысленности общих понятий науки пытается найти и С. Чейз в книге «Тирания слов». На разборе его концепции видна беспомощность и бесплодность современного позитивизма в решении такого важнейшего вопроса, как теория абстракции. Всё то, что находится за пределами нашего «я», может быть, согласно Чейзу, разделено на три части, на три мира: 1) макроскопический, или нормальный, который мы видим своими глазами и осязаем своими руками; 2) микроскопический, в который проникают при помощи инструментов; 3) субмикроскопический, о котором судят, исходя из отношений, первоначально установленных математикой.

К первому миру относятся звёзды, солнце, луна, города, дома, животные и т. п., ко второму — хромосомы, клетки и бактерии, к третьему миру, как можно судить на основании определённых операций, относятся атомы, квантовая деятельность. Те научные понятия, которые регистрируют и описывают эти явления, имеют смысл, для них можно найти референт (соответствующий предмет). Абстрактные же понятия, утверждает Чейз, которые не просто регистрируют и описывают какой-то единичный факт, а пытаются вскрыть внутренние, глубинные процессы, происходящие в явлениях, бессмысленны, им не соответствует никакая реальная вещь. Абстрактные понятия — это якобы только слова, никакой самый могущественный микроскоп не обнаружит «справедливости», «свободы» и т. д. Часто употребляют слово «человечество», не задумываясь о его референте. «Сущности человечества, — заявляет Чейз, — не существует. Позовите как можно громче: «Эй, человечество, иди сюда!», и ни один Адам не отзовётся»¹.

Понятия для Чейза — ярлыки вещей. Одни ярлыки для конкретных предметов (собака, стул, карандаш), другие — для группы или коллекций вещей (человечество), третьи — для сущности и качеств (истина, свобода).

Для эмпирика, не желающего выйти за пределы регистрации и описания единичных фактов, невозможно прийти

¹ St. Chase, The Tyranny of Words, New York 1938, p. 102.

к иному выводу, кроме отрицания объективной значимости наиболее важных понятий науки.

Позитивисты потому беспомощны в истолковании сущности понятий науки, в «нахождении референта» для них, что они не знают или не желают видеть диалектики общего и единичного. Признать объективность общего — значит, по их мнению, предположить его существование вне и независимо от единичного.

В действительности же общее объективно существует; но только в единичном и через единичное. Наши понятия отражают это общее.

Отрицание объективной ценности общих понятий ведёт к отрицанию исторической науки, возможности открытия объективных законов развития общества и возможности переустройства его в интересах трудящихся. Ибо подлинную историческую науку образует не регистрация и описание отдельных фактов прошлого, а вскрытие закономерностей движения общества. Эти закономерности отражаются в общих понятиях, абстракциях; в форме ощущений, восприятий и представлений их выразить нельзя. Современные позитивисты, отрицая значение общих понятий, принижают науку об обществе до уровня простого описания событий истории, без глубокого теоретического анализа их. В самом деле, какая научная история возможна без понятий «общественно-экономическая формация», «производство», «экономический строй общества», «базис», «надстройка» и т. д.

Из своих гносеологических рассуждений о бессмысленности общих понятий семантики делают вывод, что понятия «прогресс», «цивилизация», «капитализм», «нация», «суверенитет» и т. д. не имеют никакого значения и представляют общие слова, лишённые своего референта.

Отрицая объективную значимость понятий науки, Чейз пытается опровергнуть марксистско-ленинскую теорию, политическую экономию марксизма. Так, он стремится опровергнуть одно из фундаментальных понятий политической экономии — «стоимость». В действительности же практика подтвердила правильность выводов марксистской экономической науки, объективную значимость понятия «стоимость».

Таким образом, в диалектической логике абстрактное есть отражение не просто сходного в явлениях, а сущности, закономерности, всеобщей природы их.

Общее, которое выделяется в абстракции, не тождественно общему, данному в чувственном познании. Мышление не просто берёт готовое общее, данное в восприятии, а теоретически перерабатывает его. В результате абстрагирования вскрываются новое общее, внутренние закономерности в развитии предмета.

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному

В истории философии Гегель впервые поставил вопрос о том, что абстрактное не является конечным пунктом процесса познания, что от абстрактного познание должно идти к конкретному, т. е. за аналитическим процессом должен последовать синтетический процесс. Это движение от абстрактного к конкретному носит название восхождения.

Гегель свою философскую систему начинает с самого абстрактного определения — с понятия «чистое бытие», всё содержание которого исчерпывается значением глагольной связки «есть». В дальнейшем ходе развития идеи оно обогащается определениями, конкретизируется, от бытия переходит к сущности, а от сущности к понятию. Это движение завершается понятием «абсолютная идея», которая, по Гегелю, конкретна, чрезвычайно богата определениями.

Правильно указав на необходимость дальнейшего движения познания от абстрактного к конкретному, идеалист Гегель мистифицировал процесс восхождения от абстрактного к конкретному, полагая, что в результате этого процесса рождается сам конкретный мир. К. Маркс взял мысль Гегеля о движении познания от абстрактного к конкретному, материалистически переработав её. Если для Гегеля восхождение от абстрактного к конкретному есть возникновение самого конкретного, то для Маркса оно «...лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное»¹.

В ходе движения от абстрактного к конкретному создаётся не сам конкретный предмет (он существует до и независимо от его познания), а конкретное понятие о нём.

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 214.

Восхождение для материалиста означает движение к все-стороннему познанию сущности предмета, в результате чего изменяется познавательный образ, а не сам предмет.

Таким образом, диалектическая логика считает, что конкретное является и исходным и конечным пунктом процесса познания. Чувственно-конкретное — исходное в познании, конкретное, как совокупность, сочетание многочисленных абстракций — цель познания, а отдельные абстракции — средство для достижений этой цели.

Формальная логика не знала конкретного как совокупности многочисленных абстрактных определений. Для неё конкретное — это только чувственно-конкретное.

Материалистическая диалектика рассматривает абстрактное и конкретное не как две различные, не связанные между собой категории (как это было в формальной логике), а как два момента в постижении сущности предмета. В. И. Ленин писал: «...оно (общее.— *Ред.*) мертво, оно не чисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте»¹.

Конкретное, как совокупность многочисленных сторон, познанных в их единстве путём абстракции, является самым глубоким и содержательным знанием о предметах внешнего мира. Оно превосходит чувственно-конкретное, ибо отражает не внешние определённости предмета в их непосредственной связи, доступной чувственному созерцанию, а существенные стороны в их столь же существенных связях. Оно превосходит и абстрактное потому, что отражает в предмете не какую-то одну существенную сторону, а различные существенные стороны в их связи, т. е. оно берёт предмет многосторонне.

К. Маркс писал: «Конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ве-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 261.

дут к воспроизведению конкретного путем мышления»¹. Таким образом, Маркс подчёркивает, что мышление в процессе познания вначале отходит от конкретного (полное представление вначале «испаряется» до абстрактного определения), но не для того, чтобы покинуть конкретное вообще, а с целью воспроизведения конкретного во всей его конкретности. Так, например, современная физика ушла от чувственно-конкретных представлений о телах, явлениях природы в область абстрактных определений. Если раньше понятиям физики соответствовали чувственно воспринимаемые модели физических тел и процессов, то современный физик и не пытается найти подобные модели для своих абстрактных понятий. Но с помощью сочетания абстракций (формул, уравнений) он конкретное (физические явления) постигает значительно глубже и полнее, о чём свидетельствуют успехи техники, построенной на современной физике (использование атомной энергии, электронные машины и т. д.).

Движение нашего познания от чувственно-конкретного через абстрактное к конкретному, воспроизведённому на основе знания сущности явлений, есть проявление диалектического закона отрицания отрицания в развитии человеческого познания.

Абстрактное — отрицание чувственно-конкретного, а конкретное, как совокупность многочисленных абстракций, является отрицанием абстрактного. Но это не простое возвращение к исходному конкретному, а к конкретному на более высокой ступени его развития, когда предмет постигается глубоко и всесторонне.

При восхождении от абстрактного к конкретному совершается не простой процесс суммирования, нанизывания абстракций друг на друга, а такой синтез, который означает углубление в сущность явления. Синтезируя абстракции, мы изменяем содержание их; даже отдельные абстракции, входящие в синтез, глубже постигают действительность, чем эти же абстракции до синтеза.

Процесс образования понятий нельзя представить так, что вначале возникают отдельные, независимые друг от друга абстракции, а потом происходит объединение их. Отдельные абстракции возникают в связи друг с другом,

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 213.

одна абстракция возникает как логическое продолжение другой.

Когда образованы первые абстракции, то развитие понятий происходит не только в направлении возникновения новых абстракций о предмете, но и по пути уточнения, углубления тех абстракций (определений), которые уже были ранее. Иными словами, процесс образования понятия имеет две стороны: с одной стороны, непрерывный процесс более глубокого постижения отдельных сторон предмета, с другой стороны, столь же непрерывный процесс постижения предмета в целом.

Классическим образцом такого единства аналитического и синтетического процесса в познании сущности явлений, в образовании научных понятий является «Капитал», в котором Маркс начинает изложение с абстрактного.

Политическая экономия до К. Маркса в анализе экономических процессов исходила из живого, целого, т. е. конкретного, полученного в результате непосредственного изучения предмета. Анализируя это конкретное, она выделяла отдельные абстракции, как то: труд, разделение труда, меновая стоимость и т. д. Выделение этих абстракций она считала конечным пунктом исследования. То, что предшествующие экономисты считали конечным результатом исследования, К. Маркс сделал исходным пунктом. Первый том «Капитала» посвящается в основном исследованию капиталистического процесса производства в чистом виде. Маркс начинает с исследования простейших экономических категорий: товара, денег, и далее переходит к выяснению сущности капитала. Второй том посвящён исследованию процесса обращения (более конкретного, чем товар, деньги), без которого не может быть никакого производства. И, наконец, в третьем томе Маркс исследует капиталистические производственные отношения в целом, как единство производства и обращения. Здесь капитализм выступает как конкретное целое со всеми противоречиями, ведущими его к гибели. Причём конкретное выступает не как результат только живого, чувственного созерцания капитализма, а как совокупность многочисленных абстрактных определений.

Противоречия, которые составляют содержание этого конкретного, заложены уже в клеточке буржуазного общества — в товаре.

«У Маркса в «Капитале», — пишет В. И. Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой „клеточке“ буржуазного общества) *все* противоречия (*respective* зародыш *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества...»¹

Логическое развитие от абстрактного к конкретному (от противоречий товара до противоречий капиталистических производственных отношений) отражает историческое развитие от простого товарного производства к капиталистическому производству, а это означает, что развитие понятий отражает развитие самого предмета.

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному совершается не только в политической экономии. Это всеобщий закон развития человеческого познания. Так, наши знания о происхождении Земли и других планет солнечной системы развиваются также от абстрактного к конкретному. Первые космогонические гипотезы, которые выдвигались наукой нового времени, носили крайне абстрактный характер, ибо находили и абсолютизировали какую-то одну сторону в этом сложном и многостороннем процессе. Например, гипотеза Канта о происхождении планет солнечной системы была абстрактной потому, что она пыталась объяснить процесс происхождения планет, исходя только из механических закономерностей, из взаимодействия двух сил: притяжения и отталкивания. Современные космогонические гипотезы, выдвигаемые в советской астрономической науке, дают более конкретное представление о процессе происхождения Земли. Основываясь на знании, которое даёт современная наука (астрономия, механика, физика, химия, геология и т. д.), они пытаются путём сочетания многочисленных глубоких абстракций всесторонне, в целом осветить сложный процесс происхождения планет, воспроизвести конкретное во всей полноте.

Современное знание об атоме, его строении также представляет собой сочетание многочисленных абстракций, математических формул и уравнений. Видя, что наше знание

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 328.

об атоме составляет каркас из абстрактных определений, формул и уравнений, некоторые зарубежные физики полагают, что и сам атом — это только абстракции, формулы и уравнения. На самом же деле посредством этих абстракций глубоко постигаются реальные свойства атома в их существенной взаимосвязи.

Наиболее совершенными в математике являются такие системы, которые также восходят от абстрактного к конкретному, от отдельных аксиом, фиксирующих наиболее общие свойства, закономерности, к воспроизведению конкретного во всей его конкретности. Примером может служить геометрия Лобачевского, в которой её создатель, исходя из небольшого количества аксиом и определений, пришёл к воспроизведению конкретных, действительных геометрических свойств, которые ранее не были изучены.

Аксиоматический метод в математике является чрезвычайно плодотворным. Необходимо только материалистически истолковать сущность аксиом, а процесс восхождения от них рассматривать не как создание мыслью новых свойств и отношений, а как процесс глубокого и всестороннего познания их.

Критерием истинности познавательного образа, который получается в результате восхождения от абстрактного к конкретному, является практика. Практика подтвердила истинность наших современных знаний об атоме, практика же установила, что геометрия Лобачевского, которую называли воображаемой, в действительности глубоко и точно отражает реальные отношения вещей материального мира.

Практика развития общества, победа социализма в СССР, практика строительства социализма в других странах подтвердили правильность сделанного Марксом анализа капиталистического общества, истинность выводов В. И. Ленина об империализме как загнивающем, умирающем капитализме.

Тот факт, что научное понятие является не отдельной тощей абстракцией, а совокупностью многочисленных абстрактных определений, говорит о том, что формально-логический закон об обратном отношении объёма и содержания понятия не вскрывает глубоких, действительных отношений между объёмом и содержанием понятия. Процесс обобщения, процесс образования понятия не обедняет наши знания о предмете, а углубляет их, здесь мы не отходим от истины, а подходим к ней.

Научное понятие, дающее конкретное знание о предмете, не включает в своё содержание все частные, случайные, индивидуальные признаки предмета. В. И. Ленин в своей работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» резко осудил Герца, предпринявшего бессмысленную попытку «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений...». Но это не означает, что понятие оторвано от богатства индивидуального и особенного. Понятие постигает единичное, частное путём всестороннего и глубокого отражения закономерностей развития его. Понятие гораздо более содержательно и более истинно, чем чувственно-конкретное, включающее в своё содержание все частные и единичные признаки предмета. Конкретное понятие постигает общий закон изменения предмета, а он более конкретен, чем каждый отдельный случай его проявления.

Так, В. И. Ленин, вскрывая сущность империализма, указывает на следующие существенные признаки его: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого финансового капитала, финансовой олигархии; 3) вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Придавая всему этому логическую форму определения, В. И. Ленин заключает: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»¹.

Многообразные признаки, которые входят в понятие «империализм», не просто сосуществуют, а взаимопредполагают друг друга, находятся в генетической связи друг с другом, развитие одного ведёт к развитию другого. Так, концентрация производства и капитала создала предпосылки для слияния банковского капитала с промышлен-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 253

ным, возможность для вывоза капитала и образования международных монополистических союзов капиталистов, и, наоборот, все остальные факторы, возникнув, способствовали концентрации производства и капитала. Таким образом, фокусом, в который стягиваются все признаки империализма, является концентрация производства, создание монополий; поэтому В. И. Ленин и говорит, что коротко империализм можно определить как монополистическую стадию капитализма.

Ленинское понятие империализма, будучи конкретным, всесторонним, отражает империализм глубже и полнее, чем простое описание какой-либо конкретной формы империализма. Это понятие империализма не включает в себя всех частных признаков империализма. Какая-либо конкретная форма империализма богаче признаками, чем это понятие. Но последнее вскрывает сущность этой стадии капитализма, а потому оно более конкретно, чем описание какой-либо конкретной формы империализма (например, американского империализма), где различные признаки указаны хаотично, без выяснения их отношений к сущности предмета.

Все частные признаки, стороны империализма, специфические особенности его проявления в отдельных странах в разное время могут быть поняты только тогда, когда будет вскрыта его природа, закон его становления и развития. Ленинский анализ империализма поэтому является методологической основой для анализа любой формы империализма.

Конкретное явление всегда богаче закона. Но только познание закона открывает возможность отражения явления во всей его конкретности и именно таким, каким оно является в действительности.

Таким образом, процесс познания совершается следующим образом: от ощущений и восприятий, дающих чувственно-конкретное знание о предмете, наука идёт к абстрактным определениям, в которых отражаются отдельные существенные стороны предмета. Основываясь на абстракциях, познание снова возвращается к конкретному, но уже как единству многочисленных определений, многообразия сторон предметов. Познание не останавливается на этом конкретном, а идёт дальше. Анализируя его вновь, мы можем получить абстракции ещё более высокого по-

рядка, сочетание которых даёт более глубокое и всестороннее (конкретное) знание о предмете и т. д. Отсюда видно, что процесс познания по существу бесконечен.

Диалектическая логика об определении понятий

Формальная логика, исходившая из того, что отдельная абстракция исчерпывает содержание понятия, в определении довольствовалась короткой дефиницией, указывавшей на род и видовое отличие.

Основоположники марксизма-ленинизма, признавая ценность отдельных коротких определений, дефиниций, которые даются в той или иной форме, в то же время настойчиво подчёркивали мысль об ограниченности всякой дефиниции. Нельзя все знания о предмете ограничить даже правильными и хорошими дефинициями. Наука состоит не из одних определений. Давая определение жизни как формы существования материи, Ф. Энгельс писал:

«Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие существа самого дела, а это уже не есть дефиниция. Для того, чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи. Но для *обыденного употребления* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить»¹.

Эту же мысль проводит В. И. Ленин, выясняя значение и ограниченность коротких определений: «Но слишком короткие определения,— пишет В. И. Ленин,— хотя и удобны, ибо подытоживают главное,— все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить»².

Определения имеют большое значение в науке, если только они берутся не отдельно от всего другого знания, а в связи с ним, если их рассматривать как краткий итог глубокого анализа существа развития явления. Если же их

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 322.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 253.

превращают в исходный пункт всякого исследования, подменяют глубокий анализ сущности явлений тощими дефинициями, то они перестают быть средством познания действительности. Для теоретического мышления софистов характерна подмена анализа сущности предмета жонглированием определениями. Никогда не следует забывать ограниченность всякого определения, которое связано с конкретной стороной действительности, с конкретными историческими условиями, являясь кратким выражением их.

Формальная логика выдвинула ряд правил, условий, которых придерживаются при любом определении. Сюда относится: соблюдение соразмерности в определении, т. е. объём определяемого понятия должен быть равен объёму определяющего; в определении не должно быть круга, т. е. тавтологии; определение не должно быть отрицательным; точность и ясность определения.

Конечно, все эти элементарные условия необходимо соблюдать в определении как простых, так и сложных понятий. Определения всех отраслей науки, в том числе и марксистско-ленинской теории, поскольку они правильны, соблюдают эти условия.

Но эти условия недостаточны, они касаются только требований к форме определения, но не содержания его. Они вообще не ставят вопроса о том, что наполняет форму определения, не ставят вопроса об истинности определения в целом, а лишь о формальной правильности его. Материалистическая диалектика выдвигает ряд требований, которые относятся к содержанию определения, она даёт метод определения, выдвигает такие условия, выполнение которых даёт возможность определению выполнить свою роль — вскрыть сущность предмета.

Первым таким требованием является всесторонний охват предмета в определении; необходимо по возможности вскрыть все существенные признаки, стороны, свойства предмета, составляющие содержание понятия. В. И. Ленин писал: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»»¹.

Мы не можем сразу охватить все стороны, но мы должны стремиться к этому; это требование предохраняет

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

наше знание от догматизма и омертвления. В одной короткой дефиниции невозможно всесторонне отразить предмет. Для выявления всего богатства предмета, всех его различных сторон необходимо дать несколько различных определений. Только совокупность этих определений может претендовать на конкретное отражение сущности предмета.

Второе требование к определению — раскрытие развития предмета, его самодвижения, т. е. исторический подход к анализу сущности предмета. Отдельная короткая дефиниция фиксирует только какое-то одно состояние предмета. Действительное же определение должно показать развитие предмета, закон движения его. Для метода Маркса характерно не просто отыскивание закона, управляющего явлениями, но главное — нахождение закона их изменяемости, их развития, т. е. закона перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому.

Так, определяя сущность капитализма, Маркс в «Капитале» стремится показать процесс развития и становления капитализма, что невозможно выразить в одной дефиниции. «В действительности,— пишет Маркс,— капиталистическое производство есть товарное производство, ставшее всеобщей формой производства; но оно является таковым и по мере своего развития становится всё более таковым лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, потому что рабочий продаёт труд, т. е. функцию своей рабочей силы, и притом, как мы принимаем, продаёт по её стоимости, определяемой издержками её воспроизводства. В той мере, в какой труд становится наёмным трудом, производитель становится промышленным капиталистом; поэтому капиталистическое производство (следовательно и товарное производство) проявляется во всём своём объёме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель является наёмным рабочим»¹.

Далее, показывая в определении развитие предмета, необходимо также вскрывать и противоречия его. Определение, в котором не вскрыты противоречия в развитии предмета, не есть действительное определение. Метафизик, заметив противоречия в определениях, стремится избавиться от них, как от аномалии. Экономисты-метафизики, обращаясь к высшим экономическим категориям, напри-

¹ К. Маркс, Капитал, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 113.

мер капиталу, изумляются, когда обнаруживают присущие ему противоречия. Они хотели бы, чтобы капитал был либо только вещью, либо только общественным отношением; они проявляют полную беспомощность, когда обнаруживают, как капитал выступает перед ними то в качестве общественного отношения, то вновь в качестве вещи.

И, наконец, в определение необходимо включить общественную практику как критерий истинности и практический определитель того в предмете, что нужно человеку на данном этапе развития общества. В основе всех научных определений лежит обобщение практики человека, которая определяет связь данного предмета, его различных сторон и свойств с тем, что нужно человеку: то или иное определение в зависимости от исторических условий, практических потребностей человека выступает на первый план, как наиболее существенное, важное.

Таким образом, абстрактное и конкретное неразрывно связаны между собой. Конкретное — исходный и конечный пункт познания. Абстрактное — момент, ступень в познании конкретного. Основой движения нашего познания от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному является практика. Знание диалектики взаимоотношения абстрактного и конкретного даёт возможность уяснить сущность научного, теоретического мышления, что необходимо для исследователей в любой отрасли науки.

Глава десятая

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ

Категории исторического и логического имеют большое значение для понимания сущности познания, процесса познания действительности, для правильного и глубокого понимания ряда логических проблем марксистского метода исследования. Эти категории вооружают нас и правильным подходом к решению практических задач, умением проявлять должную гибкость в исторически изменяющихся условиях борьбы за коммунизм.

Значение вопроса об историческом и логическом, о их взаимоотношении в том прежде всего и заключается, что это есть вопрос о неразрывной связи теории с практикой. Марксизм враждебен всякой умственной схоластике, всякому теоретизированию, оторванному от живой почвы исторического развития действительности, от прогрессирующей практики общественной жизни. Одной из решающих черт нового и единственно научного мировоззрения, созданного идеологами революционного пролетариата, было то, что в центре всех вопросов они поставили практику, революционное преобразование мира. Теорию, теоретическое познание они рассматривали не как самодовлеющую силу, а как великое орудие практической деятельности, преобразования природы и общества. Отсюда их решительное отрицание абстрактного логизирования, витающего над историческими эпохами и заменяющего изображение реального исторического движения общества движением собственной головы, как выразился Маркс по адресу одного из мелкобуржуазных социалистов — Прудона.

Для марксиста главным критерием истинности всякого рассуждения, любого теоретического положения является их согласие с исторически развивающейся практикой, степень и глубина отражения жизни. Точка зрения жизни, практики, указывал Ленин, должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. Правильное решение вопроса о соотношении логического и исторического необходимо поэтому для того, чтобы учитывать основное требование марксизма о связи теории с практикой, с жизнью.

Проблема исторического и логического имеет огромное значение для понимания творческого характера науки, для борьбы против догматизма и застоя в науке. Всякая наука способна развиваться лишь постольку, поскольку она учитывает новые данные жизни и практики и отражает их в своих понятиях, категориях, законах. Разрыв логического и исторического для всякой науки означает остановку в её движении, неспособность удовлетворять потребности и запросы развивающейся жизни.

Вопрос об историческом и логическом имеет актуальное значение и в свете современной борьбы противоположных лагерей в философии и необходимости критики новейших течений идеалистической философии и социологии. Абстрактное логизирование, в котором утрачивается всякая связь с реальной исторической действительностью, уживается в современной буржуазной философии с позитивистской ненавистью к обобщающим теориям, вскрывающим объективную закономерную логику развития действительности. Марксистское понимание логического и исторического служит делу разоблачения этой чуждой науке философии, делу борьбы за подлинно научный подход к действительности.

Единство логического и исторического

Правильное решение вопроса о единстве и взаимосвязи исторического и логического даёт возможность понять сложные диалектические взаимоотношения логического и исторического в процессе познания и избежать опасности как чистого *логизирования*, так и поверхностного эмпирического *описательства* действительности.

Под «историческим» необходимо понимать самую объективную, существующую независимо от сознания, от по-

знающего субъекта действительность, исторически развивающуюся, пребывающую в состоянии непрерывного изменения. Категория исторического отражает исторически изменчивый характер объективного мира.

«Логическое» есть форма познания, отражения действительности, мыслительная копия, снимок с неё, определённый порядок движения мысли к объекту.

Понятия логического и исторического обозначают также, как видно будет из дальнейшего, различные способы исследования действительности.

Логическое и историческое находятся в *единстве* и должны рассматриваться в тесной связи друг с другом. При том это такое единство, в котором историческое, т. е. развивающийся объективный мир, обуславливает логическое, а логическое есть отражение исторического, т. е. *вторичное* по отношению к нему.

Проблема логического и исторического есть одно из важнейших выражений основного гносеологического вопроса об отношении мышления к бытию. Поэтому она может быть правильно решена и решается марксизмом на основе единственно научного, *материалистического* подхода к вопросу о первичности материи и вторичности сознания.

Материалистический подход к вопросу о соотношении логических понятий и вещей есть решающая предпосылка и условие научного понимания проблемы логического и исторического. Философский идеализм с его полным разрывом логики познания от логики объективного мира является непреодолимым препятствием на пути решения этой проблемы.

Для идеалиста логическое есть чистая форма, независимая от содержания реального мира. Как известно, наиболее яркое выражение в новой истории философии это понимание логики как учения о чистых формах мышления, независимых от действительности, получило во взглядах Канта. Кант говорил о логике, что «она отвлекается от всякого содержания знания рассудка и от различий в его предметах, имея дело только с чистою формой мышления»¹. «Логика, — утверждал он, — есть наука о разуме не по материи, но только по форме, — наука *a priori* о необходимых законах мышления...»²

¹ И. Кант, Критика чистого разума, изд. 2, Пгр. 1915, стр. 63.

² И. Кант, Логика, Пгр. 1915, стр. 6.

Со времени Канта это противопоставление чистых логических форм объективной действительности получило широкое распространение в буржуазной философии. Критика логического формализма Канта была дана Гегелем. Гегель правильно утверждал, что логические формы должны быть содержательными. В его философии впервые была сделана попытка связать логику с историей развития самого мира и познания его. В этом была большая заслуга Гегеля. Однако, полагая, что развитие понятий есть сущность и основа объективного мира, Гегель извратил действительные отношения между логическим и историческим, подчинив второе первому. Историческое развитие действительности выступает у него как следствие логического развития понятий. Таким образом, в силу своего идеалистического характера гегелевская философия не могла нанести решающего поражения логическому априоризму. Только марксизм, использовав ценные стороны гегелевской логики, сумел нанести ему такое поражение и создать диалектическую логику, правильно и всесторонне отражающую диалектику объективного мира.

В современной идеалистической философии логический формализм, отрыв логических форм от объективного мира, достиг кульминационной точки. Нынешние идеалисты гордятся тем, что видят задачу философии не в объяснении и истолковании закономерностей природы, объективного мира, а в чистом логизировании, сознательно отвлекающемся от реальной жизни. В. И. Ленин в своё время указывал, что новейшая буржуазная философия специализируется на гносеологии с целью идеалистической обработки данных науки и защиты фидеизма. Это указание Ленина в полной мере применимо и к современной идеалистической философии, которая особенно специализируется на логике. Логика рассматривается как полный антипод реальному миру. Она строит свои законы и принципы, не опускаясь до «прозаической» действительности. Идеалистическая логика претендует на установление необходимости, которой должна подчиняться действительность, ибо существует якобы одна логическая необходимость.

Современные логисты заявляют, что если при решении логических проблем приходится обращаться к действительности, то это свидетельствует о слабости логики.

«Наш основной принцип, — пишет один из представителей современной идеалистической логики — Виттген-

штейн, — состоит в том, что каждый вопрос, который можно решить посредством логики, может быть решён тотчас. И если мы попадём в положение, в котором надо будет ответить на такую проблему путём созерцания мира, то это показывает, что мы находимся на совершенно неправильном пути»¹.

Логическое, таким образом, рассматривается не как отражение и выражение объективной действительности, объективной логики самой жизни, а как чистое, «незапятнанное» каким бы то ни было соприкосновением с действительностью мышление.

В противоположность идеализму марксистскому мировоззрению чужд какой бы то ни было разрыв между логическим, с одной стороны, и реальным отношением вещей — с другой. Ленин указывал, что даже самые обычные логические «фигуры», которыми занимается элементарная, формальная логика, суть отражения обычных отношений вещей. Без этого невозможны были бы и логические законы.

У создателя формальной логики — Аристотеля и у позднейших материалистов, развивавших учение о формальной логике, логические формы мышления рассматриваются как отражение объективного мира. Старые, домарксовские материалисты прекрасно понимали, что соотношение между логическими понятиями, связь логических понятий и суждений должны отражать отношения и связь самих вещей. Этот материалистический принцип хорошо выразил Спиноза в известном афоризме: «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей»².

Но старые материалисты не понимали исторически преходящего, изменчивого характера связей и отношений вещей. Поэтому их логика была метафизической и у них по существу даже не возникали вопросы о соотношении логического и исторического.

Проблема логического и исторического есть проблема *диалектической* логики. Она не возникала и не могла возникнуть в элементарной, формальной логике, ибо последняя не рассматривает явления и предметы в их развитии и изменении, с их исторически преходящей стороны. Формальная логика вследствие этого не исследует и формы логического мышления в их развитии, в их переходах.

¹ L. Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus, S. 144.

² Б. Спиноза, Этика, Соцэкгиз, М.—Л. 1932, стр. 41.

Для диалектической логики, сущностью которой является исследование предметов в их развитии, вопрос о соотношении логического и исторического, т. е. вопрос об отражении в логике понятий *исторического развития* предметов, естественно, выступает как первостепенный вопрос. Это вопрос о точном отражении действительности, о соответствии формы (логического) содержанию (живой, вечно изменяющейся, вечно развивающейся жизни, практике).

В. И. Ленин особенно подчёркивал единство в марксистской философии диалектики и логики: только отражение в мышлении объективных законов развития способно дать и даёт единственно научную логику. Ленин учил видеть не только диалектику вещей, но и диалектику понятий, диалектику познания.

Понятия не рождаются произвольно из человеческой головы. Как указывал Маркс, люди начинают не с того, что они стоят в теоретическом отношении к действительности. Напротив, практическое отношение к ней есть исходный пункт и основа их теоретической деятельности. Понятия рождаются из практики и резюмируют, обобщают то, что дано уже в реальной жизни, в практике. И так как практика исторически развивается, то и понятия возникают как «узлы», фиксирующие в человеческом сознании определённую историческую ступень, достигнутую общественной практикой.

Когда Ленин упрекал Плеханова за непонимание того, что диалектика и есть логика и теория познания марксизма, то Ленин имел в виду не только то обстоятельство, что в своих специальных философских работах Плеханов не уделял внимания разработке «большой логики», т. е. диалектической логики, что он не применял к теории познания диалектики. Ленин имел в виду и то, что непонимание единства диалектики, логики и теории познания нашло своё выражение и в политических, тактических позициях меньшевистского периода деятельности Плеханова, в его склонности чисто логически выводить те или иные истины, игнорируя исторически изменяющуюся общественную практику.

Из общего положения о буржуазном характере революции 1905 г. меньшевики во главе с Плехановым по аналогии с буржуазными революциями на Западе чисто логически делали вывод о том, что главной движущей силой

русской революции должна быть буржуазия. Весь их анализ роли классов в революции 1905 г., соотношения классовых сил базировался на разрыве логического и исторического, на неумении отразить в логике понятий исторически изменившиеся условия, в которых протекала первая русская революция в России.

Понимание марксистской диалектикой логического как концентрированного теоретического выражения исторического позволяет тщательно учитывать то новое, что возникает в жизни, и конкретизировать общие понятия, общие формулы в соответствии с новой исторической ситуацией. Именно на таком подходе основана та постановка принципиальных вопросов современного международного развития, которая дана в отчётном докладе ЦК КПСС на XX съезде партии.

Как показано в этом докладе, было бы ошибочно из общего положения о том, что империализм закономерно порождает войны, делать чисто умозрительным путём вывод, что в современную эпоху войны неотвратимы. Такое заключение ошибочно потому, что оно не учитывает новых исторических условий современного развития, когда наряду с мировой капиталистической системой существует и развивается мировая социалистическая система, когда выросли силы, борющиеся за мир и способные при известных условиях не допустить новой войны.

Точно так же обстоит дело и с вопросом о возможности перехода отдельных стран к социализму путём завоевания передовыми силами, возглавляемыми рабочим классом и его партией, большинства в парламенте и превращения последнего в орудие социалистических преобразований. Этот вывод также базируется на тщательном учёте изменившихся исторических условий современного международного развития.

Как вопрос о возможности предотвращения войн в современную эпоху, так и вопрос о многообразных формах перехода различных стран к социализму в полном соответствии с требованиями диалектики взяты в их историческом развитии. Это и есть единство логического и исторического.

Одним из выражений единства логического и исторического в познании является сложная диалектическая связь между общим и особенным, единичным. Общее есть то существенное, необходимое, что свойственно массе осо-

бенных и единичных явлений и процессов. Но было бы неправильно полагать, что на этом основании можно прямолинейно, чисто логическим способом выводить из общего особенное и единичное. В действительности общее всегда преломляется через особенное и единичное. Так, общность законов строительства социализма осуществляется в ряде стран в различных формах, каждая из которых детерминирована своеобразием внешних и внутренних условий данной страны. Нельзя, например, понять своеобразный опыт перехода от капитализма к социализму в Китае, путь постепенного превращения частнокапиталистической промышленности и торговли в социалистические, если оставаться в пределах одних общих формул и не конкретизировать их на основе изучения единичного и особенного, т. е. своеобразных внутренних и международных условий развития социалистической революции в Китайской Народной Республике.

Ленин характеризовал стремление искать ответы на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины как опoшление марксизма, насмешку над диалектическим материализмом. Ленин всегда требовал применять общее конкретно, с учётом своеобразия исторических условий, неизбежно видоизменяющих общее.

Единство логического и исторического, таким образом, вытекает из самого существа диалектико-материалистического мирозерцания. Логическое есть отображение, слепок с объективного мира; следовательно, оно не может противопоставляться реальным связям вещей, а должно браться в единстве с ними, быть их выражением. Но реальный мир не пребывает в состоянии покоя, его великим законом является изменение и развитие, переход от старого качественного состояния к новому в силу борьбы противоположных тенденций, заложенных в каждом предмете и явлении; следовательно, и логика, логическое развитие мысли должны отразить это в понятиях; категории науки и политической борьбы должны быть конкретно-историческими, конкретно-историческим выражением развивающейся практики человечества. Это и означает глубокое, неразрывное единство логического и исторического.

Диалектическое взаимоотношение логического и исторического в процессе познания

Из единства логического и исторического вытекает и взаимоотношение между ними в процессе познания реальной действительности. Если логическое находится в единстве с историческим, то логический ход познания должен быть отражением исторического хода развития исследуемого предмета. Но это лишь одна сторона вопроса. Было бы ошибкой представлять отражение исторического в логическом упрощённо, недиалектически, не замечать и момента различия, противоречия в рамках их единства. Обе эти стороны вопроса должны быть учтены и рассмотрены, чтобы правильно понять взаимоотношение между логическим и историческим в процессе познания.

Цель познания — постигнуть истину о том или ином предмете. Правильно познать предмет — значит подойти к нему диалектически, т. е. понять предмет в его возникновении, развитии, рассмотреть его с точки зрения тех процессов, которые породили его, придали ему такие-то черты и свойства — словом, взять его не как готовый продукт, а как *результат* определённого движения, развития. Это закон познания, который позволяет постигнуть сущность вещей, снять с них нередко обманчивые и вводящие в заблуждение покровы, скрывающие их действительную сущность. Этот закон познания не выдуман человеческим умом, он навязывается мышлению самой природой, самим объективным миром.

Явления природы и общества не возникают в готовом виде. Они возникают под влиянием известных условий, претерпевают сложный процесс эволюции, и их современное состояние есть продукт всего предшествующего развития. Понятно поэтому, что и познать эти явления возможно, прослеживая их возникновение, условия, их породившие, исследуя этапы, ступени их развития.

Этот закон познания замечательно глубоко и ярко раскрывает Ленин на примере вопроса о государстве. Вопрос о государстве — один из сложнейших вопросов науки об обществе. Если подойти к государству как готовому продукту, то очень трудно будет ответить на вопрос о том, в чём его сущность, вечное ли это явление или переходящее и т. п. Государство в таком случае может быть представлено как неотъемлемое свойство всякой общест-

венной организации, как результат соглашения, «договора» между людьми и т. п. Буржуазные идеологи сплошь и рядом сознательно запутывают этот вопрос, чтобы держать трудящихся в темноте насчёт истинной природы эксплуататорского государства. В. И. Ленин говорил, что «для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось»¹.

И Ленин далее формулирует этот принцип познания как общий, относящийся к любому вопросу. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

Применяя этот важный методологический принцип познания конкретно к государству, Ленин выясняет исторические условия его возникновения, показывает, что государство возникло на почве разделения общества на классы, что, следовательно, государство есть орган насилия одного класса над другим, что, только свергнув государство капиталистов и создав новое, социалистическое государство, пролетариат может построить коммунистическое общество.

Наука о природе, обществе, наука о самом мышлении вышла на широкие просторы лишь тогда, когда явления стали рассматриваться в их возникновении, развитии, как результат всего предшествующего развития. Например, знания о видах растений и животных, о закономерностях органического мира покоились на шаткой основе до тех пор, пока наука в лице дарвинизма не исследовала органические виды в их возникновении и развитии, в их переходах друг в друга. Марксизм превратил социализм из

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 435—436.

² Там же, стр. 436.

утопии в науку также благодаря тому, что он показал коммунизм как неизбежный и закономерный результат развития, происходящего в рамках и на основе капиталистического способа производства. «Маркс ставит вопрос о коммунизме,— указывал Ленин,— как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»¹.

Продукты самого познания, мыслительного процесса также превращаются в необъяснимый факт, если брать их в готовом виде, не рассматривать их в возникновении и развитии.

Понятие, например, взятое вне всего процесса развития познания, может казаться не итогом обобщения реальных явлений природы, не обобщением данных живого созерцания, каковым оно в действительности является, а некоей самостоятельной, независимой от объективного мира силой, какой его представляют идеалисты.

Таким образом, диалектика требует исследования предметов в их возникновении, развитии, изучения тех этапов и стадий, которые они прошли в своём развитии.

Отсюда следует важный вывод для решения вопроса о взаимоотношении логического и исторического в процессе познания конкретных вещей и явлений, а именно вывод о том, что логическое должно быть в общем и целом отражением исторического процесса развития этих явлений и предметов. Логический ход мыслей должен начаться с того же, с чего начинается действительное историческое развитие предмета, и весь дальнейший ход логического анализа явится воспроизведением основных исторических вех развития предмета. Следовательно, и научные категории, понятия, резюмирующие ход развития предмета, должны быть отражением исторической связи явлений и выводиться друг из друга соответственно действительной истории объекта исследования.

При этом, разумеется, совпадение логического хода познания с историческим развитием самой действительности нужно понимать не в гегелевском духе, не как тождество мышления и бытия, а как отражение исторического развития объективного мира в понятиях.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 430.

В том и состоит огромное методологическое значение диалектического принципа совпадения логического и исторического, что он даёт для каждой области научного познания критерий правильного построения структуры, системы понятий и категорий. Любая наука резюмирует итог исследования в виде определённых понятий и категорий, законов. Но для каждой науки важное значение имеет не только формулирование, образование понятий и категорий, отражающих существенные стороны действительности, но и разработка системы этих категорий и понятий. Здесь нет и не может быть произвола, здесь господствует строжайшая логика, независимая от воли и желания исследователя. Менделеев, например, строя свою периодическую систему элементов, переходя от простейших химических элементов ко всё более сложным, поступал так не произвольно, а руководствуясь определёнными научными принципами. Логика построения менделеевской системы элементов, переход от более простых элементов к сложным, отражает исторический процесс развития самой природы, процесс её усложнения. И хотя сам Менделеев ещё не знал об изменчивости и превращаемости химических элементов, в созданной им системе он уловил и воспроизвёл именно историческую изменчивость природы. Точно так же обстоит дело в любой науке: расположение и порядок понятий, законов, категорий имеет строго объективную основу. Эту основу даёт диалектический принцип совпадения логического с историческим, отражения в логическом развитии понятий исторического развития действительности.

Какое большое значение имеет принцип единства логического и исторического, можно видеть на примере решения такого сложного вопроса, как классификация наук, т. е. определение места каждой науки в общей системе наук. До марксизма науки классифицировались нередко по случайным, произвольным признакам. Диалектический материализм и его учение о единстве логического и исторического, о логическом как отражении исторического дали надёжную руководящую нить при решении этого вопроса.

Каждая наука или ряд наук изучают определённую форму материального движения. И так как формы движения материи исторически усложнялись, развивались от простых к сложным, от низших к высшим, то и научная

классификация наук, место каждой науки в системе всех наук, определяется исторической последовательностью развития форм материального движения. Переходы от одной науки к другой должны отражать реальные исторические переходы от одних форм движения к другим. «Подобно тому как одна форма движения развивается из другой,— писал Энгельс,— так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой»¹.

При таком единственно научном подходе к вопросу о классификации наук было бы неправильно в основании лестницы наук поместить такую, как, скажем, биология, а после физику и химию, так как исторически биологическая форма движения, жизнь, есть более высокая ступень развития и возникла на базе физико-химических процессов. В своё время Энгельс считал, что группировку, классификацию естественных наук следует начинать с механики, как науки, изучающей наиболее простую форму движения. Но теперь известна новая форма движения, исторически предшествовавшая механическому движению макротел,— движение микрочастиц: протонов, электронов и т. д. Ясно, что принцип совпадения, единства логического и исторического требует внести определённые изменения в классификацию наук и науку, изучающую элементарные частицы материи и их движение, поместить раньше наук, исследующих область макротел.

По вполне понятным причинам науки об обществе должны занимать верхние этажи научного здания, так как общество и специфическая форма движения общественной жизни возникли исторически позже других форм.

Следовательно, логика классификации наук всецело основывается на единстве логического и исторического, на отражении в логическом исторического хода развития природы и общества.

Великим примером научного исследования, основанного на единстве, на совпадении логического и исторического, является «Капитал» Маркса. Ленин настойчиво требовал использования этого гениального образца марковского метода для решения ряда теоретических проблем диалектической логики. В частности, Ленин указы-

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Госполитиздат, 1955, стр. 199.

вал, что «Капитал» даёт нам пример такого логического анализа, который основан на обобщении исторического развития капитализма.

В «Философских тетрадах» Ленин проводит следующую схему хода мыслей и движения экономических категорий в «Капитале»: товар — деньги — капитал — производство абсолютной прибавочной стоимости — производство относительной прибавочной стоимости.

Эту схему Ленин комментирует следующими словами: «История капитализма и анализ *п о н я т и й*, резюмирующих ее»¹.

Приведённая схема показывает, что Маркс начинает своё исследование с экономических категорий, выражающих простейшие отношения, и от них идёт к категориям, фиксирующим более развитые и сложные отношения товарного производства. Товар — более простое отношение, чем деньги, деньги, — чем капитал, и т. д.

Логика движения познания здесь такова, что сначала должно быть исследовано простейшее отношение, без чего невозможно понять сложное. Например, невозможно понять сущность денег как высшей формы стоимости, если не исследованы товар и его противоречия, развитие этих противоречий, развитие форм стоимости от единичной или случайной до всеобщей и денежной формы. Невозможно также понять капитал без движения мышления от простого к сложному, т. е. от денег к капиталу, ибо возникновение последнего предполагает наличие владельца денег, а также наличие особого товара — рабочей силы, рабочего, лишённого всяких средств производства и обладающего лишь одной «собственностью» — рабочей силой. Категория рабочей силы как товара выражает более сложные и развитые отношения, чем просто товар, с которого начинается свой анализ Маркс.

Таким образом, сама логика познания, логика мышления требует идти от простого к сложному. Но эта логика не случайна, она имеет основание не в самой себе, а в *развитии* реальной действительности, живой практики, которую она отражает и которая развивается от простого к сложному. Если логически деньги можно понять посредством исследования товара и его противоречий, то это объясняется тем, что деньги возникли и развились в *самой*

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 215.

реальной действительности из товара, из потребностей развития товарного обмена. Буржуазные экономисты не понимали действительной сущности денег и даже не пытались вывести категорию денег из *развития* товара, товарного обмена, простейших форм стоимости. Отсюда их фетишистское представление о деньгах, обладающих якобы магической силой производить дополнительные деньги. Маркс сорвал с денег их «загадочную» оболочку, показав, что они являются результатом развития товара и его противоречий, развития товарного производства и обмена.

Иначе говоря, в строго логическом движении категорий «Капитала» от товара к деньгам, от денег к капиталу и т. д. отражён *исторический* процесс развития товарного производства, процесс движения от простого товарного производства к капиталистическому товарному производству. Более того, именно последнее обусловило логическое движение указанных экономических понятий.

Сам Маркс о логическом переходе от денег к капиталу пишет: «Этот переход есть вместе с тем и исторический. Допотопная форма капитала есть торговый капитал, который всегда развивает деньги. В то же время возникновение действительного капитала из денег или из купеческого капитала, который овладевает производством»¹.

Маркс сначала исследует производство абсолютной прибавочной стоимости, а затем производство относительной прибавочной стоимости. И опять-таки эта логика движения мысли от простого к сложному соответствует действительному историческому движению. Такое же соответствие между логическим и историческим можно видеть на примере анализа Марксом развития форм стоимости, функций денег и т. д.

О том, почему теоретическое исследование стоимости нужно дать до исследования цен производства, Маркс замечает следующее: «...независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, является вполне правильным рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как *prius* [предшествующее] цен производства»². Хорошо известно, что исторически обмен товаров по стоимости предшествовал их обмену по ценам производства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 102.

² К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 184.

В свете всего этого становится понятным тот вывод, который делал Маркс в своём произведении «К критике политической экономии» о соотношении законов абстрактного мышления, требующих восхождения от простого к сложному, с реальным историческим процессом. Приведя примеры, свидетельствующие о том, что простые категории выражают простейшие отношения, существовавшие до более сложных отношений товарного производства, Маркс пишет: «Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу»¹.

Однако, как будет показано дальше, Маркс далёк от абсолютизации этого принципа движения мысли от простого к сложному, показывая полную правомерность и даже необходимость движения и от сложного к простому.

Продолжая марксов анализ капитализма на высшей его стадии — стадии империализма, Ленин строжайшим образом проводил в своём исследовании принцип совпадения логического анализа с ходом исторического развития. В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин, давая логический анализ империализма, не сходит с почвы исторического развития монополистического капитализма в монополистический. Понятие империализма наполнено у него глубоким историческим содержанием и сама логика исследования в общем и целом отражает историю возникновения и развития империализма. У Ленина, как и у Маркса, логика и история слиты воедино и *понятие* империалистического капитализма раскрыто посредством анализа истории перехода от старого к новому капитализму. В своём труде Ленин так выразил это соотношение между логикой экономических категорий и историей: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»².

Ленин боролся против тех, кто полагал, будто империализм возможно понять вне исторического его развития из предшествующих стадий капитализма. Ленин указы-

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 215.

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 214.

вал: «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще»¹. И если империализм характеризуется тем, что некоторые основные свойства капитализма превратились в свою противоположность (например, свободная конкуренция — в монополию), то это опять-таки можно понять лишь при условии исторического анализа внутренней диалектики развития домонополистического капитализма, подготовившей новую стадию капиталистического развития.

На VIII съезде Коммунистической партии Ленин со всей резкостью выступил против предложения Бухарина о том, чтобы в новую программу партии включить лишь одну характеристику финансового капитала, выбросив всё, что касается старого капитализма. Ленин доказывал, что это книжное представление о капитализме, вреднейшая логистика, изолирующаяся от исторического хода превращения старого капитализма в новый, от всей сложности и противоречивости реальной жизни. В логически «чистом» империализме нет места свободной конкуренции, существующей в реальном империализме наряду с монополиями и усиливающей противоречивость развития на новой стадии. «Нигде в мире,— говорил Ленин,— монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Написать такую систему это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную»².

Такое чисто логическое изображение империализма, оторванное от действительного исторического развития, доказывал Ленин, может нанести огромный вред и при практическом решении важнейших вопросов социалистического преобразования общества. Предложение Бухарина могло бы привести к непониманию и отрицанию роли среднего крестьянства в строительстве социализма. Ибо откуда может взяться средний крестьянин, если не показать, что империализм вырос из старого капитализма, из старых товарно-хозяйственных отношений, которые ещё сохраняются наряду с высшими формами капитализма.

«Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать, как пришли... И мы говорим: чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, как мы шли, что

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 252.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 147.

нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел империализм, нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах. Надо все это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству»¹.

Данный закон познания очень важно учитывать при анализе новых, социалистических отношений, созданных в СССР. Многие понятия и категории политической экономики капитализма не выражают и не могут выражать природы нашей социалистической экономики. Такие категории, как прибавочная стоимость, капиталистическое накопление, рабочая сила как товар и т. д., уже не соответствуют новой, социалистической действительности. Применять их к последней — значит разрывать логическое и историческое. Теоретическое обобщение советской экономики потребовало формулирования ряда новых экономических понятий и категорий, глубоко отражающих историческую специфику социалистического способа производства. Таковы понятия основного экономического закона социализма, планомерного развития народного хозяйства, социалистического накопления, коллективизации сельского хозяйства, распределения по труду и т. п. На этом примере обнаруживается историческая природа понятий и категорий как теоретического, логического выражения развивающейся, всегда исторически конкретной общественной практики.

Социализм рождается из капитализма, из тех объективных и субъективных предпосылок, которые создаются ходом развития буржуазного общества. Социализм не может сразу, одним ударом покончить с рядом явлений капиталистического общества. Социализм не есть нечто статическое, а исторический процесс, в котором остатки старого постепенно исчезают и заменяются новым, процесс, в котором некоторые старые, объективно ещё необходимые формы наполняются новым содержанием. Так, при социализме ещё существует товарное производство, но это уже иное товарное производство, служащее цели укрепления социализма и постепенного перехода к коммунизму. У нас ликвидирована противоположность между городом и деревней, между физическим и умственным тру-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 148.

дом, но есть ещё важное различие между ними, и т. д. При теоретическом исследовании этих и подобных им явлений и процессов социалистического общества чрезвычайно важно в понятиях и категориях воспроизводить сложную диалектику исторического развития, диалектику перехода от старого к новому, чтобы, с одной стороны, выразить специфику отношений при социализме и, с другой стороны, отразить тот факт, что социализм исторически возникает из капитализма, что, следовательно, он не может ещё быть полностью свободен от «родимых пятен» старого.

Иначе говоря, требуется максимальная гибкость понятий, гибкость, которая определяется не «саморазвитием» понятий, а всецело единством логического и исторического, отражением в логике исследования и изложения диалектических переходов, совершающихся в самой действительности. В этом состоит одна из важнейших особенностей диалектической логики, позволяющей оперировать подвижными, «текучими», гибкими понятиями, адекватно отражающими объективную диалектику действительности.

Однако, подчёркивая единство, связь логического и исторического, было бы ошибкой понимать их взаимоотношение как полное тождество того и другого, не учитывать, что, как и всякое тождество, это тождество есть единство различий.

Логическое неверно представлять как некое пассивное, фотографическое отражение исторического хода развития действительности. Мышление играет активную роль в процессе познания и не сводится к простому описанию фактов. Логическое есть не описание фактов, хотя бы и взятых в их историческом развитии, а сложный процесс мышления, которое стремится познать действительность в её закономерном развитии. Нередко за хаотическим и имеющим форму случайностей развитием явлений, событий мышление обнаруживает и исследует объективную необходимость и закономерность, которые только и позволяют понять реальный исторический процесс. Благодаря знанию объективных законов мы можем понять, почему историческое развитие происходит так, а не иначе, и осветить каждый отдельный исторический факт знанием общей тенденции, общей необходимости развития.

Энгельс называл логическое отражение исторического развития «исправленным», т. е. таким отражением, кото-

рое не пассивно следует за историческим ходом развития явлений, а объясняет необходимость этого развития, берёт наиболее важное, существенное в нём.

Действительному историческому развитию свойственны многие случайности, которые часто затемняют истинную сущность явлений. Логическое отражение в целях глубокого раскрытия этой сущности отвлекается от подобных случайностей и массы второстепенных обстоятельств и тем самым представляет явления как бы в обнажённой, предельно отчётливой форме, в которой они выступают с наиболее существенных своих сторон.

Общим законом исторического развития является поступательное движение от низшего к высшему, от старого, отжившего свой век к новому, более прогрессивному. Однако действительное историческое развитие, прокладывая себе дорогу вперёд, нередко делает зигзаги, движения вспять, что объясняется теми или иными временными обстоятельствами, когда старое оказывается сильнее нового и последнее терпит поражение. Логическое отражение исторического процесса, опять-таки в целях обнаружения главной нити развития, отвлекается от этих временных зигзагов и движений вспять, нарушающих общую тенденцию движения.

Говоря о том, что логическое есть исправленное историческое, Энгельс справедливо подчёркивает, что «исправление» это делается соответственно законам, которые даёт сам объективный исторический процесс.

Отвлечение от тех или иных случайностей и зигзагов при исследовании общей тенденции общественного развития вполне оправдано с точки зрения самих законов истории, ибо последняя прокладывает себе дорогу вперёд сквозь все случайности и зигзаги. Положение о прогрессивном развитии общества есть «исправленное» отражение истории, так как оно отвлекается от зигзагов, временного «движения вспять». Но оно в тысячу раз глубже отражает действительную историю, чем эмпирическое описание всех зигзагов и случайностей, которыми полна история, ибо отражает объективный закон истории и «исправляет» историческое соответственно его собственным законам. Это, разумеется, не означает, что можно игнорировать и не считаться со сложностью исторического процесса, не учитывать, что развитие общества не имеет и не может иметь прямолинейного характера.

«Капитал» Маркса, как уже было указано, представляет собой такой логический анализ капиталистического способа производства, в котором отражён действительный исторический процесс возникновения и развития капитализма. Но в «Капитале» не отражена конкретная история капитализма той или иной отдельной страны. Правда, Маркс указывает, что главной иллюстрацией для его теоретических выводов служила Англия — классическая страна капитализма в то время. Однако «Капитал» не есть история английского капитализма, как он не является историей капитализма какой-нибудь другой страны. В «Капитале» исследуются законы капиталистического способа производства, законы возникновения, развития и неизбежной гибели капитализма в абстрактно-теоретической форме, т. е. в форме научных понятий, категорий, законов, и постольку он в «исправленном» виде обобщает действительный исторический процесс в любой стране, где развивается капитализм.

Сам Маркс об этом очень хорошо сказал в предисловии к первому изданию «Капитала». Иронизируя по адресу иного немецкого читателя «Капитала», который вздумал бы себя успокаивать на том основании, что в силу неразвитости капиталистических отношений в Германии дело обстоит там не так плохо, как в Англии, Маркс пишет, обращаясь к этому читателю: «О тебе эта история рассказывается!». «Существенна здесь,— говорит он,— сама по себе, не более или менее высокая ступень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью»¹.

Вполне понятно, что логическое, будучи «исправленным» отражением исторического, может в целях наиболее глубокого воспроизведения в мышлении объективной логики действительности не всегда с абсолютной точностью следовать за ходом исторического развития и в тех или иных случаях отступить от исторической нити.

Опять-таки «Капитал» имеет в этом отношении большое поучительное значение. Маркс, например, тайну первоначального капиталистического накопления, т. е.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 4.

предисторию капитализма, исследует не в начале первого тома своего труда, а в конце его, уже после того, как он доказал исторически преходящий характер капитализма.

Маркс поступил так, разумеется, не случайно. Дело в том, что анализ основного закона капитализма — закона производства прибавочной стоимости — позволяет глубже и яснее понять саму предисторию капитализма, понять, что предпосылкой возникновения капитализма является экспроприация мелкого производителя, отделение его от собственности, превращение его в рабочего, лишённого средств производства. Именно поэтому Маркс только в конце первого тома рисует историю образования, с одной стороны, «свободного» рабочего, с другой стороны, владельца капитала — историю, которая вписана в летописи человечества «пламенеющим языком меча и огня».

В третьем томе своего труда Маркс приводит такой пример. В ходе логического анализа образования общей нормы прибыли исходным пунктом является конкуренция промышленных капиталов и лишь впоследствии вносится поправка, вызванная участием торгового капитала. «В ходе исторического развития, — замечает Маркс, — дело обстоит как раз наоборот»¹. Сфера, в которой первоначально образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения.

Опять-таки это, как и любое другое, «отступление» логического от исторического вызвано необходимостью более глубокого отображения сущности явлений. Логический анализ позволяет, как выразился Энгельс, каждое явление рассматривать в той точке его развития, «где процесс достигает полной зрелости и классической формы»². Не только предшествующее развитие даёт возможность лучше познать результат его, но и результат, высшая точка развития позволяет глубже обозреть и понять прошлое, увидеть в завершённой, зрелой форме то, что ранее выступало только ещё в зародыше, нередко в затемнённой и неясной форме, ибо «развитое тело легче изучать, чем клеточку тела»³. В этом великая сила логического способа исследования.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 298.

² Цит. по книге К. Маркса «К критике политической экономии», стр. 236.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 4.

Так, например, развитая, достигшая высшей формы классовая борьба в буржуазном обществе помогает лучше понять развитие в таких формациях, как, например, рабовладельческое общество, феодализм, где классовая борьба была затемнена рядом побочных обстоятельств. Не случайно марксизм сумел создать науку об обществе, о законах его развития на основе исследования прежде всего буржуазного общества, где общие законы исторического развития выступают в более обнажённом виде. Анатомия буржуазного общества стала ключом к анатомии развития общества в прошлом и законов общественного развития вообще.

Марксов анализ высшей и завершённой формы эксплуатации человека человеком — капиталистической формы — сделал ясным механизм эксплуатации в тех его формах, в каких он существовал раньше, раскрыл сущность всякой эксплуатации. Эта сущность, как известно, заключается в том, что эксплуататоры присваивают себе безвозмездно неоплаченный труд раба, крепостного, рабочего. Исследование сущности прибыли промышленного капитала, т. е. высшей и наиболее развитой формы капитала, обнажает и сущность его «допотопных» форм — ростовщического и торгового капиталов, окутанных ещё туманом средневековых отношений.

Этим в значительной степени объясняется то обстоятельство, что в «Капитале» некоторые экономические категории, отражающие более сложные и поздние отношения, Маркс рассматривает до категорий, выражающих отношения, исторически существовавшие ранее. (Необходимо учесть также, что в «Капитале» Маркс исследует торговый и денежный капитал преимущественно в их капиталистически модифицированной форме. Это значит, что данные формы капитала находятся в подчинённом отношении к главной форме — промышленному капиталу, в силу чего логично их выводить из более развитых отношений, а не наоборот.)

Если исследовать порядок и последовательность категорий политической экономии социализма (а эта задача стоит перед нашими экономистами), то, несомненно, и здесь движение категорий должно быть подчинено принципу единства логического и исторического, отражения в движении экономических категорий исторического

процесса становления и развития социалистического способа производства.

Переходный период от капитализма к социализму, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, утверждение социалистического способа производства, постепенный переход от социализма к коммунизму — такова самая общая схема, показывающая логический ход анализа, который совпадает с историческим развитием социалистического общества. Вместе с тем здесь, как и в «Капитале», логическое выступит не как простое, а как «исправленное» отражение исторического.

Например, такие экономические явления, как товарное производство, стоимость и деньги, как известно, не исчезают при социализме. Отсюда и наличие категорий товарного производства, денег и стоимости в политической экономии социализма — категорий, выражающих всю специфику и особенности этих явлений при социализме. Исторически товарное производство, стоимость и деньги существовали задолго до появления социалистического способа производства, предшествовали ему. Но было бы неправильно на этом основании анализ социалистической системы народного хозяйства начать с этих категорий. Дело в том, что товарное производство, действие закона стоимости и деньги при социализме приобретают такие новые черты и особенности, которые можно понять лишь при условии предварительного исследования того главного и основного, что характеризует социалистический способ производства. Нельзя понять особенности этих экономических явлений, а следовательно, и категорий, их отражающих, если до них не проанализировать социалистические производственные отношения, основной экономический закон социализма, закон планомерного развития народного хозяйства и т. д. Именно эти явления модифицируют и порождают новые черты в товарном производстве и в связанных с ним категориях при социализме. Только приняв во внимание, что социализм есть система общественной собственности на средства производства, где развитие хозяйства уже не знает анархии производства и происходит планомерно, можно понять, что, например, закон стоимости здесь более не является регулятором производства, что сфера действия его ограничена и т. д.

Или возьмём деньги. При капиталистической системе хозяйства деньги, выступая в таких своих функциях, как

средство обращения, средство платежа, способствуют возникновению экономического кризиса. При социализме, в силу того что уже ликвидировано противоречие между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства, деньги полностью утратили эту роль, свойственную им в капиталистическом обществе. Напротив, в руках социалистического государства они являются одним из орудий планомерного развития народного хозяйства. И это опять-таки можно понять в свете коренных особенностей социалистической системы хозяйства.

Поэтому единственно правильным в методологическом отношении будет такая последовательность в развитии экономических категорий социализма, когда категории товарного производства, стоимости и денег подвергнутся анализу после основного экономического закона социализма, закона планомерного развития народного хозяйства и т. д.

Здесь в полной мере применимо важнейшее методологическое указание, сделанное Марксом в «К критике политической экономии», о том, что каждая форма общества имеет определённое производство, которое определяет место и влияние всех остальных его сторон и проявлений. «Это, — писал Маркс, — общее освещение, в котором утопают все остальные краски и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося»¹.

Таким образом, взаимоотношения между логическим и историческим в процессе познания включают в себя как момент тождества, так и момент различия, причём различие не только не снимает их единства и взаимосвязи, но, напротив, ещё резче оттеняет и выявляет тот факт, что логическое есть отражение исторического. Само собой разумеется, что марксистское решение вопроса о соотношении исторического и логического даёт лишь общие методологические указания, которые должны быть творчески конкретизированы в применении к каждой области научного познания, с учётом специфики и задач каждой из них, в частности специфики естественных и общественных наук и т. д.

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 220.

В рецензии на произведение Маркса «К критике политической экономии» Энгельс указывал, что исследование, предпринятое Марксом, можно было согласно диалектическому методу проводить двояко: исторически или логически. Имея в виду цель марксова произведения — анализ капитала, Энгельс делает вывод, что «единственно уместным был логический способ рассмотрения». Под логическим способом марксизм понимает исследование явлений в их наиболее «чистом», обобщённом виде в отличие от исторического способа, который воспроизводит ход развития явлений и событий во всей их конкретности.

Было бы, однако, ошибкой из этих слов Энгельса сделать заключение, что логический способ является единственным правомерным способом всякого исследования. Не меньшей опрометчивостью было бы из слов Энгельса о том, что исторический способ заставляет следовать за всеми зигзагами и случайностями действительного развития, делать вывод, что исторический способ есть некое эмпирическое описание явлений и поэтому не может считаться научным способом исследования. На деле оба способа, каждый на своём месте, являются строго научными, *разными проявлениями марксистского диалектического метода*.

Нельзя стирать различие между ними, имеющее важное значение для определения того, какой способ исследования наиболее пригоден в тех или иных случаях.

С другой стороны, нельзя противопоставлять их как абсолютно противоположные способы, ибо, как указывал Энгельс, в сущности логический способ является «тем же историческим способом, только освобожденным от его исторической формы...»¹.

В чём же состоит различие между этими двумя способами исследования?

Вполне понятно, что хотя логический способ и является по существу историческим способом, но, будучи освобождён от исторической формы, он не может быть способом исследования конкретного развития конкретного исторического процесса. Единственно уместным способом

¹ Цит. по книге К. Маркса «К критике политической экономии», стр. 236.

В таких случаях является способ исторический. Только этот способ позволяет проследить нить исторического развития, не отвлекаясь от всякого рода зигзагов и исторических случайностей, которые важны для воспроизведения наиболее полной картины развития. Например, исследование истории политического развития той или иной страны не может обойтись без анализа деятельности конкретных личностей, которые, как известно, вносят элемент случайности в историю. Так, при анализе причин падения русского царизма в феврале 1917 г. наряду с коренными условиями, вызвавшими кризис царизма, обычно упоминаются и такие факты, как хозяйничанье при царском дворе Распутина, связи царицы с немцами, и т. п. Подобные «детали» и «случайности» важны не только потому, что они придают конкретную физиономию событиям, но и потому, что играют определённую — тормозящую или ускоряющую — роль в историческом процессе. Не принимать их во внимание — значит обеднить исследование, не отразить действительного исторического хода развития.

Логический способ, отвлекающийся от подобного рода исторических деталей, зигзагов, случайностей и т. п., дающий «исправленное» отражение исторического развития, не может быть способом исследования конкретного исторического процесса. Но в свою очередь исторический способ не пригоден тогда, когда задача исследования состоит в том, чтобы, как, например, в «Капитале», дать анализ законов движения в их «чистом», абстрактно теоретическом виде. В этом случае главное заключается не в том, чтобы дать конкретную картину конкретного исторического процесса, а, напротив, в том, чтобы достигнуть наибольшей степени обобщения исторического развития и представить последнее в абстрактной и теоретически последовательной форме.

При решении этой задачи исследование деятельности конкретных личностей почти не имеет места, логический способ отвлекается от индивидуальной «физиономии» развития, что недопустимо в историческом сочинении. В этом отношении интересно сопоставить два произведения Маркса: «Капитал», в основе которого лежит логический способ исследования, и «Классовая борьба во Франции», являющееся образцом исторического способа исследования. Последнее произведение пестрит именами кон-

кретных исторических деятелей французской революции 1848 г. Здесь имена Кавеньяка, Луи-Наполеона, Луи-Филиппа, Ледрю-Роллена, Луи Блана и многих других, здесь дан анализ роли каждого из этих деятелей и история и действие исторических законов представлены в виде цепи следующих друг за другом событий, в которых воплощена деятельность определённых классов, партий, лиц.

В «Капитале» в отличие от указанного произведения дано абстрактно-теоретическое выражение действительного процесса, а последний представлен не в виде конкретных событий и деятельности определённых личностей, а в форме движения, развития экономических законов и категорий, глубоко обобщающих реальные явления и факты. И в «Капитале», разумеется, действуют лица — капиталисты, земельные собственники, пролетарии, но это «абстрактные», обобщённые лица, и, как указал сам Маркс, «...здесь дело идёт о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определённых классовых отношений и интересов»¹.

Однако было бы ошибкой преувеличивать это важное различие двух способов. Если логический способ есть тот же исторический способ, но освобождённый от его исторической формы, то в свою очередь исторический способ должен также раскрыть закономерность, т. е. объективную логику исторического развития. Глубоко ошибочно представлять исторический способ как эмпирическое описание и регистрацию фактов.

В современной буржуазной исторической науке господствует именно такой позитивистский способ изображения истории. Издавна в буржуазной социологии проповедуется идея о том, что история человеческого общества основана не на действии объективных законов. Различие между природой и обществом усматривается в том, что явления природы подчиняются законам, а общественные явления им не подчиняются. Наука о природе есть поэтому наука о законах, а наука об обществе есть наука о единичных, «неповторимых» событиях. Из этого делается вывод, что исторические науки описывают события, а не объясняют их в свете объективных законов. В то же время в совре-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 8.

менной буржуазной социологии, политической экономии и других общественных науках нет недостатка и в спекулятивных теориях, придумывающих абстрактные законы, лишённые всякого реального исторического содержания. Если неопозитивистские концепции призваны скрыть за описываемыми явлениями их объективный закон, их сущность, то всякого рода спекулятивные теории добиваются той же цели, только иными средствами.

В действительности, конечно, история имеет свою объективную логику, выражающую действие существующих независимо от сознания людей законов развития. Поэтому сущность исторического способа исследования заключается не в том, чтобы просто описывать конкретные исторические события и факты, деятельность конкретных исторических личностей, а в том, чтобы обнаружить и объяснить закономерный характер этих событий и деятельности людей, понять необходимость, скрывающуюся за случайными событиями, показать и объяснить действия народных масс как главной, решающей силы истории.

Иначе говоря, исторический способ исследования раскрывает ту же логику, те же законы развития, что и логический способ, но если последний это делает в абстрактно-теоретической форме, то первый вскрывает эту логику в плоти и крови конкретных событий, деятельности народов, классов, партий, отдельных личностей. В таких единичных и конкретных деталях, как, скажем, хозяйничанье Распутина при царском дворе или связь царицы с немцами, исторический способ исследования находит одно из многих закономерных выражений гнилости и кризиса царизма, назревшую необходимость ликвидации царского строя.

В «Классовой борьбе во Франции» Маркс называет победу «посредственного и смешного персонажа» — Луи-Наполеона на выборах 10 декабря 1848 г. «озорной шуткой всемирной истории». Но Маркс объясняет, *почему* это произошло, показывает, что за этой смешной и нелепой случайностью скрывалась глубокая историческая необходимость. Опуская в избирательные урны бюллетени с именем Наполеона III, французские крестьяне, помнившие Наполеона I и его борьбу против феодалов, голосовали за свои классовые интересы, против республики богачей, обложившей их тяжёлыми податями. «Наполеон, — пишет Маркс, — был для крестьян не личностью, а програм-

мой»¹. Пролетариат, голосуя за Луи-Наполеона, наносил поражение ненавистному Кавеньяку. Для рабочих, пока-зывает Маркс, это была кассация июньской победы бур-жуазии. Большинство крупной буржуазии также было за-интересовано в победе Луи-Наполеона. Армия в лице по-следнего голосовала за войну, против мира. И Маркс делает вывод: «Таким образом... самый недалекий человек Франции получил самое многостороннее значение. Именно потому, что он был ничем, он мог означать все,— только не самого себя»².

Говоря о различии двух способов исследования, нужно также иметь в виду, что в чистом виде ни один из них не существует. Нет чисто логического способа, свободного от элементов исторического способа, как и нет чисто исто-рического способа, свободного от элементов логического способа.

«Капитал» Маркса, несомненно, является классическим образцом и примером исследования с помощью логиче-ского способа. Но вместе с тем в этом произведении при-водится колоссальный исторический материал, и Ленин с полным основанием указывал, что в «Капитале» дан теоретический и исторический анализ капитализма.

Ленинское произведение «Развитие капитализма в России» является классическим образцом марксист-ского историко-экономического исследования. В этом труде излагается история становления и развития рус-ского капитализма. Но это произведение вместе с тем имеет огромное теоретическое значение. В нём история теснейшим, органическим образом переплетается с тео-рией. История становления и развития русского капита-лизма показана Лениным, как *конкретное* выражение действия общих законов товарного производства, откры-тых и исследованных Марксом. В первой главе своего сочинения Ленин рассматривает основные теоретические положения, как он выражается, «абстрактной политиче-ской экономии» по вопросу о внутреннем рынке для капитализма, что должно послужить введением к «факти-ческой части сочинения».

Вместе с тем в своей книге Ленин так глубоко обоб-щает конкретное развитие русского капитализма, что его

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух то-мах, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 144.

² Там же.

исследование приобретает огромное теоретическое значение.

Теоретическое значение ленинского труда состоит и в том, что, исследуя конкретную историю развития капитализма в России, он чрезвычайно обогащает саму теорию «абстрактной политической экономии» по целому ряду вопросов (например, об образовании внутреннего рынка для капитализма, о процессе разложения крестьянства в ходе становления капитализма, о проникновении капитализма в сельское хозяйство и т. д.).

Сказанное означает, что при всём различии между логическим и историческим способами исследования грани, существующие между ними, условны и они друг друга взаимопроникают. Отсюда следует, что работы советских историков, экономистов, философов должны быть свободны как от эмпиризма, сводящегося к регистрации и описанию фактов, без вскрытия их сущности, закономерности, так и от абстрактной логизации, игнорирующей необходимость делать теоретические выводы и обобщения конкретных фактов. Марксизм гармонически сочетает в себе самый последовательный и трезвый анализ реальных фактов — с помощью и при посредстве законов науки — со смелыми теоретическими обобщениями, опирающимися на гранитный фундамент фактов.

Соотношение логики и истории мышления

Категории исторического и логического раскрывают соотношение не только между логикой познания и историческим ходом развития объективной действительности. Они имеют большое значение и для понимания соотношения между логическим процессом познания, как он совершается в голове отдельного человека, и историческим развитием самого мышления, логикой исторического хода познания. Это большой вопрос, который требует самостоятельного рассмотрения. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

В. И. Ленин придавал огромное значение этому вопросу. Он считал, что дальнейшая научная разработка диалектической логики должна основываться на обобщении истории познания — истории философии, истории естествознания, политической экономии и других наук,

истории языка, умственного развития ребёнка и т. д. Ленин указывал, что продолжение дела Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники.

Смысл этого ленинского указания чрезвычайно глубок. Подчёркивая большое значение диалектического обобщения истории мышления для разработки логики и теории познания, Ленин имеет в виду, что история мышления есть *практика* мыслительной деятельности человека. В этой практике формировались и складывались закономерности познания, закономерности его движения к объективной истине. История познания от первых своих истоков до тех вершин, которых оно достигло в современную эпоху, в *главных*, существенных чертах не могла быть иной: все её основные этапы, характерные особенности каждой из основных ступеней исторического развития мышления, переход от одних ступеней к другим — всё это имело не случайный характер, а было обусловлено внутренней природой, законами познания.

Если, например, в течение целой исторической эпохи после средневековья вплоть до конца XVIII века господствовал способ познания, заключающийся в том, что явления природы рассматривались как готовые и раз навсегда данные, существующие независимо друг от друга, то это объяснялось не слабостью познавательных способностей людей того времени, а историческими условиями развития науки, объективными закономерностями развития человеческого познания. Как указывал Энгельс, прежде чем познать явления в их развитии, нужно их познать как относительно постоянные, устойчивые. Это правильно как для исторического развития мышления, так и для отдельного процесса познания. Этим объясняется, что в указанный период времени усилия человеческого мышления, науки были направлены преимущественно на анализ, расчленение целого, т. е. природы, и познание каждой части в отдельности, вне связи с целым. Такой способ познания, хоть и имел свои отрицательные стороны, подготовил предпосылки для гигантского скачка в последующую историческую эпоху, которая начиная примерно с конца XVIII века ознаменовалась великими открытиями науки.

Конечно, было бы ошибкой рассматривать закономерности исторического развития познания как закономерно-

сти, не выходящие за пределы «чистой» мысли. Человеческое познание есть *общественное* явление, и вне учёта всей совокупности социальных условий, в которых протекает исторический процесс познания, невозможно понять и его законы.

Так, например, общая закономерность развития познания такова, что на каждой новой исторической ступени человеческая мысль глубже познаёт природу. Иначе говоря, познание развивается по восходящей линии, имеет характер поступательного развития. Такой характер развития познания обусловлен, конечно, не одной внутренней логикой движения мысли, а всеми условиями развития общества. Каждая новая историческая ступень общественного процесса предоставляет в распоряжение познавательной деятельности людей новые, небывалые ранее возможности проникновения в тайны природы. Эти новые возможности выступают в виде более высокой производственной практики человечества, новой техники, совершенных научных инструментов, приборов, позволяющих глубже познать сущность вещей. Эти новые возможности появляются также благодаря новым классам и общественным силам, выступающим на исторической арене и борющимся за дальнейшее поступательное развитие общества, а следовательно, и за прогресс познания, науки.

Таким образом, история мышления — это сложный процесс, сложное сочетание различных факторов и условий. Из действия этих совокупных факторов и условий и складывается вполне объективный исторический ход познания.

Важная роль обобщения исторического хода познания заключается в том, что оно помогает понять, как совершается познание в голове отдельного человека, ибо логическое и историческое в общем и целом совпадают и здесь. Логика отдельного акта познания является как бы сжатым, сокращённым воспроизведением логической последовательности исторического развития человеческого познания — воспроизведением, разумеется, в самых общих чертах, а не во всех его деталях, неизбежных для истории познания зигзагах, поворотах вспять и т. д.

В этом совпадении логического с историческим в развитии познания нет ничего удивительного, ибо, как было уже указано, история мышления есть та *практика познания*, в процессе которой сложились и выработались общие

закономерности его развития, его движения. Вполне естественно, что логика отдельного процесса познания есть отражение исторической практики познания.

Вот почему Ленин так настойчиво требовал изучения и диалектического обобщения историй познания. В этом он видел необходимое и верное условие построения правильной, научной теории познания и логики. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях), — писал Ленин, — открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономики* [и истории]... Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*»¹.

Ленин подчёркивает, что исторический ход познания вообще, каждой отдельной науки в частности начинается с познания внешних явлений, а не внутренних, существенных сторон предметов. За внешней стороной вещей познание находит их внутреннюю сущность, закон. Такой ход исторического познания естественен, так как сущность вещей скрыта от непосредственного взора и требуются большие усилия, чтобы обнаружить эту сущность. Первые учёные, пытавшиеся дать ответ на вопрос, в чём состоит сущность, основа природы, полагали, что эта основа состоит в огне, воздухе, воде и т. п. Они брали непосредственно видимые, осязаемые явления и выдавали их за сущность. Прошло много времени, прежде чем наука познала действительную материальную сущность природы. Историческое развитие науки о природе шло от внешних явлений к их сущности. Современная атомная и ядерная физика объяснила многие и многие явления, которые и раньше были известны, но причины которых ещё не были установлены. Так, только открытие структуры атома позволило объяснить закономерности химических процессов, соединения и разъединения атомов и др.

Как видим, историческое развитие познания имеет определённую логику: оно углубляется от явления, от внешних, бросающихся в глаза сторон к сущности, к внутренним связям и отношениям вещей.

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 214.

Но такова и логика отдельного процесса познания. Познавая какое-нибудь неизвестное нам явление, мы также начинаем с того, что схватываем его с внешней стороны, углубляясь затем в его сущность, закон. Этот путь, выработанный исторической практикой познания, повторяется и в отдельном акте познания современного человека. Следовательно, знание истории познания помогает нам понять, как мы сейчас познаём предметы.

Исследование истории мысли даёт ответ и на другой важный вопрос научной теории познания — на вопрос о том, каковы основные ступени познания объективной истины. Историческая практика развития познания неопровержимо свидетельствует, что на ранних ступенях человеческого мышления преобладали формы конкретно-чувственного мышления. Способность к отвлечённому, абстрактному мышлению была слабо развита, она вырабатывалась постепенно, благодаря прежде всего труду человека, росту его технической вооружённости в борьбе с природой, по мере овладения им силами природы. Об окружающих его явлениях человек судил сначала преимущественно на основании данных, доставляемых ему его органами чувств, — ощущений, восприятий, представлений и только на следующих, более высоких ступенях всё больше развивалась абстрагирующая и обобщающая деятельность мышления.

Эта закономерность подтверждается и ходом умственного развития ребёнка, которое Ленин требовал изучать в целях научного обоснования закономерностей познания. История умственного развития ребёнка представляет собой как бы сокращённое повторение истории умственного развития человечества: мышление ребёнка на первых порах также имеет исключительно конкретно-чувственный характер, и лишь постепенно в нём развиваются способности к обобщению, к отвлечённому мышлению.

Уже на основании данных истории развития человеческого мышления можно предполагать, что и тот путь познания истины, который проделывает современный человек, должен в общем и целом воспроизводить исторический путь развития познания: от чувственных восприятий и представлений к абстракции, являющейся орудием познания сущности вещей. Всякое познание начинается с того, что предмет воздействует на наши органы чувств.

Без этого воздействия мы ничего не можем знать о предмете. Поэтому и в отдельном акте познания первой ступенью познания неизбежно выступает ступень чувственного созерцания, наблюдения вещей. И только потом мы поднимаемся на более высокую ступень — ступень обобщения, абстрактного мышления, с помощью которого познаются законы явлений. Хорошо известно, что Ленин в своей замечательной формуле диалектического процесса познания именно так и характеризует движение мысли к познанию объективной истины: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»¹.

И это ленинское положение основано на совпадении логического и исторического, на обобщении истории познания.

Диалектико-материалистическая теория познания и логика как обобщённая история познания находят себе глубокое подтверждение в современной физиологии, конкретно — в учении И. П. Павлова о двух сигнальных системах. Следует напомнить, что, перечисляя те области познания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика», Ленин упоминает историю умственного развития животных. Согласно же физиологии высшей нервной деятельности животных последним свойственна лишь первая сигнальная система отражения действительности, т. е. непосредственное отражение, являющееся результатом воздействия среды на органы чувств животных. Первая сигнальная система общая у животных и у людей. Но у человека над первой сигнальной системой надстраивается новая, специфически человеческая — вторая сигнальная система: речь и связанная с ней способность к отвлечению, к абстрактному мышлению, созданию понятий и т. д. Это значит, что история животных и человека также свидетельствует о закономерном развитии познания от непосредственного к опосредованному отражению действительности, т. е. о закономерности, действующей и в индивидуальном процессе познания. Онтогенез познания совпадает с его филогенезом.

Вот почему Ленин со всей категоричностью формулирует положение, которое с полным правом можно счи-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 146—147.

тать основополагающим для понимания и дальнейшей разработки диалектической логики и теории познания марксизма. «В логике,— говорит В. И. Ленин,— история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления»¹.

Руководствуясь положением о совпадении законов мышления с историей мысли, философы-марксисты должны разрабатывать научную систему диалектической логики, систему категорий. Такая работа имеет огромное значение для понимания сущности процесса познания, логики движения мысли по пути всё более и более глубокого охвата объективной действительности.

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 214.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. О КАТЕГОРИЯХ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ	5
Категории — опорные пункты познания и практики (5).— Историческое развитие взглядов на понятия и категории и борьба вокруг вопроса об их природе (14).— Категории материалистической диалектики как категории развития и изменения (37).— Конкретное применение категорий — условие научного познания и связи теории с практикой (51).—	
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЯВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ	62
Единство сущности и явления (64).— Противоречивый характер единства сущности и явления (71).— Познание как процесс раскрытия сущности в явлениях (79).—	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ	93
Категории причины и следствия — отражение одной из форм взаимной обусловленности явлений в природе и обществе (93).— Объективность причинно-следственной связи (99).— Многообразие и взаимодействие причинно-следственных связей (115).—	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НЕОБХОДИМОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ	137
Определение необходимости и случайности, их объективный характер (137).— Диалектика необходимости и случайности (144).— Отношение науки к необходимости и случайности (152).— Общественная необходимость и случайность в условиях социализма (161).—	
ГЛАВА ПЯТАЯ. ЗАКОН	171
Что такое закон? (171).— Борьба материализма и идеализма по вопросу о законе. Объективный характер законов (176).— Различия между законами природы и законами общества (183).— Общие и специфические законы (186).— Познание	

объективных законов и их использование в практической деятельности (199).— Своеобразие объективных законов социализма и их использование Коммунистической партией (203).—

ГЛАВА ШЕСТАЯ. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА 212

Определение категорий содержания и формы (212).— Ведущая роль содержания в отношении формы (218).— Отставание формы от содержания (223).— Соотношение содержания со старыми и новыми формами (226).— Противоречивость взаимоотношений между содержанием и формой (233).— Форма — активная движущая сила развития содержания (242).— Борьба КПСС против антимарксистских извращений в понимании соотношения содержания и формы (245).—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ 251

Определение возможности и действительности (251).— Условия реализации возможности (264).— Борьба за осуществление одной из противоположных возможностей в процессе развития (268).— Выявление возможностей и превращение их в действительность в развитии советского социалистического общества (273).—

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЕДИНИЧНОЕ, ОСОБЕННОЕ И ВСЕОБЩЕЕ 280

Что означают категории единичного, особенного и всеобщего? (280).— Объективная диалектика единичного, особенного и всеобщего (289).— Диалектика единичного, особенного и всеобщего в познании (296).— Значение категорий единичного, особенного и всеобщего для практической деятельности (312).—

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ . . . 324

Абстрактное и конкретное в формальной логике (325).— Решение вопроса об абстрактном и конкретном в диалектической логике (329).— Процесс восхождения от абстрактного к конкретному (340).— Диалектическая логика об определении понятий (348).—

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ . . 352

Единство логического и исторического (353).— Диалектическое взаимоотношение логического и исторического в процессе познания (360).— Логический и исторический способы исследования (377).— Соотношение логики и истории мышления (382).—

**Отзывы и пожелания читателей
просим направлять по адресу:
Москва, В-71, Б. Калужская, 15,
Госполитиздат,
редакция философской литературы.**

КАТЕГОРИИ
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Редактор *И. Щербина*

Переплёт художника *И. Авринского*

Художественный редактор *С. Сергеев*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Ответственные корректоры *В. Кочетова* и *А. Левина*

Подписано в печать с матриц с некоторыми исправлениями 27 февраля 1957 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Физ. печ. л. $12^{1/4}$. Услови. печ. л. 20,09. Учётно-изд. л. 20,46. Тираж 60 тыс. экз. А-01248. Заказ № 206. Цена 6 р. 25 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление
полиграфической промышленности.
2-я типография „Печатный Двор“ имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.